

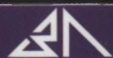

**ЕВГЕНИЙ
ЯКУБОВИЧ**

**САНИТАРНЫЙ
ИНСПЕКТОР**

**САНИТАРНЫЙ
ИНСПЕКТОР**

**ЕВГЕНИЙ
ЯКУБОВИЧ**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Ы Й

**ЕВГЕНИЙ
ЯКУБОВИЧ**

**САНИТАРНЫЙ
ИНСПЕКТОР**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **аст** МОСКВА

СТАЛКЕР

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Я49

Иллюстрации Игоря Селютина

Якубович, Е.
Я49 Санитарный инспектор / Евгений Якубович. — М.: АСТ;
Донецк: Сталкер, 2008. — 348, [4] с. — (Звездный лабиринт)

ISBN 978-5-17-044778-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-966-09-0226-8 (Издательство «Сталкер»)

Для того чтобы спасти своего агента от неминуемого служебного расследования, начальник секретной службы отправляет его на отдаленную планету, где недавно произошло убийство двух детишек-инопланетян. Начальник считает командировку Эндри Каратаева отдыхом, но сотрудники Организации Объединенных Планет не дремлют...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Е. Якубович, 2007
© ИКФ «ТББ», 2007
© Серийное оформление
«Издательство Сталкер», 2007

ГЛАВА 1

Свет в комнате потускнел, и зажегся большой экран у стены.

В трехмерном изображении видна одинокая гора, возвышающаяся посреди океана. Пейзаж не радует глаз: серое небо вверху и свинцовые волны внизу. На склонах растут такие же сине-свинцовые ели. На вершине виднеется циклопическое сооружение. Камера наезжает. Съемка сделана с воздуха — летательный аппарат с оператором приблизились, чтобы разглядеть пейзаж. Становится видно, что гора испещрена туннелями и гигантскими карьерами. Вверх и вниз снуют автоматические грузовики, гигантские роботы-экскаваторы вгрызаются в горную породу. Титаническая постройка на вершине напоминает гигантского спрута. Он оседлал гору и протянул свои щупальца к самой воде.

Куполообразное здание на вершине увенчано антеннами энергоприемников, периодически между ними проскальзывают молнии разрядов. Во все стороны от сооружения вниз к морю спускаются гигантские трубы. Над морем они обрываются. Камера приближается еще, и становится видно, как из них неистово хлещут потоки воды. Каждую минуту, каждую секунду из труб в океан выливаются мегалитры воды. Кажется, океан не в состоянии принять такое количество и вспенивается, пухнет на глазах. И действительно, вершины деревьев, торчащие прямо из воды возле берега, ясно говорят о том, что еще недавно уровень воды в океане, окружающем остров, был значительно ниже.

Внезапно изображение пропадает. На экране яркая вспышка, сквозь которую ничего не видно. Поток воздуха кидает

летательный аппарат с оператором в сторону, закручивает его так, что некоторое время на экране ничего нельзя разобрать. Наконец все успокаивается, и камера снова возвращается к горе. Горы, как таковой, уже не существует. От нее остался жалкий обрубок. Все сооружения, включая трубы, из которых хлестала вода, исчезли практически без следа, если не считать небольшой груды обуглившихся развалин недалеко от берега. Над островом поднимается и расширяется характерное облако в виде гигантского гриба.

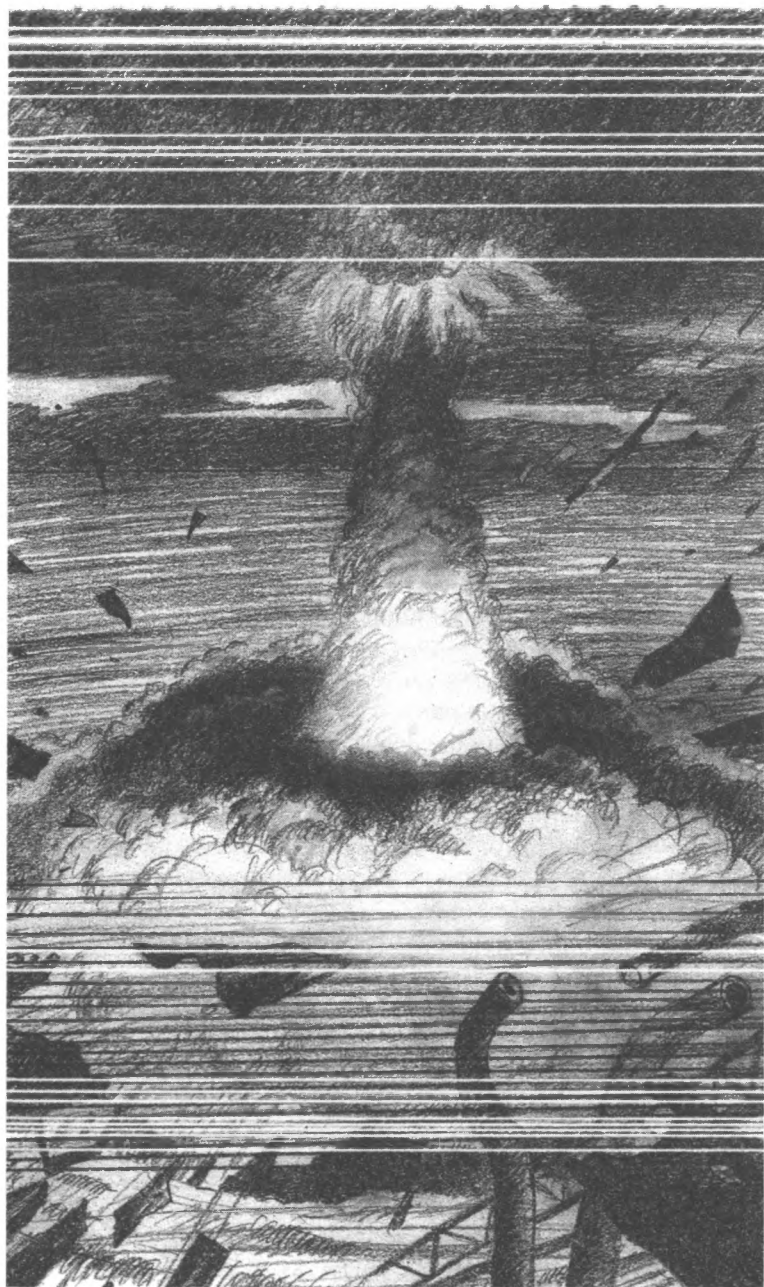
Изображение опять сменяется.

Теперь на экране видно горное ущелье. Плотины, перекрывающая нижний выход из ущелья, превратила его в глубокое водохранилище, наполненное густо-синей, отражающей горное небо водой. На высоте сотни метров над водой через ущелье перекинут ажурный мост. С берега на мост въезжает грузовой поезд. Открытые вагоны заполнены трубами, диаметром едва не превышающим ширину самих вагонов. Поезд въезжает на середину моста и в это время по мосту пробегают серия вспышек. Структура моста разрушается и исчезает на глазах. Поезд вместе с остатками железнодорожных путей, лишившись опоры, рушится вниз. Мгновение — и он пропадает под водой. Огромная волна бьет в вертикальный берег ущелья, отразившись, уходит к другому берегу, снова возвращается и, наконец, успокаивается.

Зажегся свет. В зале послышалось скрипение кресел, шорохи, тихие голоса. За длинным столом в зале сидели несколько пожилых солидных мужчин. Все смотрели на человека во главе стола. Он кивком поблагодарил техника, организовавшего просмотр, и обратился к присутствующим:

— Мы продолжаем служебное расследование деятельности нашего агента на планете Терция. То, что вы видели на экране, — это только часть диверсионных актов, устроенных агентом во время его командировки на планету Терция. Копии отчета агента находятся в ваших компьютерах. При желании вы можете посмотреть этот боевик целиком.

Между присутствующими пробежал легкий смешок, они заметно оживились. А все не так страшно, успел подумать я.

Если шеф сумеет провести в таком ключе все заседание, то я, пожалуй, и выкручусь. Вот за это мы его и любим. Как бы он ни кричал на сотрудников, как бы ни размазывал по стенке и ни мешал с грязью в разговорах наедине, на общих собраниях он всегда вежлив и корректен. Когда у нас бывают редкие гости, он ведет себя с нами как любящий отец большого семейства: обязательно похвалит каждого за какую-нибудь ерунду, чуть ли не по головке погладит. Проверяющим сверху он представляет каждого сотрудника как исключительно важного и способного человека. А уж в его докладах начальству мы выглядим просто ангелами... Ну, насколько мы можем ими выглядеть при специфике нашей деятельности, конечно.

От размышлений меня оторвал все тот же голос.

— Иди сюда, супермен, покажись нашим гостям.

Я поднялся со своего места и подошел к экрану в конце комнаты. Перед экраном стояла импровизированная трибуна, почему-то очень напомнившая мне плаху, на которой рубили голову в средние века, только чуть повыше. Стиснув зубы, под оценивающими взглядами со всех сторон я подошел и встал спиной к экрану. Стоять и потеть, как не выучивший урок школьник перед доской, мне совсем не нравилось. Но делать нечего. Буду держаться. В конце концов, задание я выполнил. Другой вопрос, какие средства я для этого применил. А именно об этом и шла сегодня речь.

Наконец шепот за столом умолк. Шеф продолжил вести собрание.

— Господа члены дисциплинарной комиссии, перед вами агент российского отделения Организации Андрей Карачаев. Или, как его знают многие, сэр Эндри. Перед тем как агент Карачаев станет отвечать на ваши вопросы, давайте еще раз прослушаем краткую информацию о ситуации, предшествующей командировке агента.

Со своего места поднялся секретарь и бесцветным голосом начал зачитывать официальную справку:

— Планета Тертция относится к кислородным планетам земного типа. Собственного разумного населения не имеет. Колонизация началась полвека назад. Климат на планете

засушливый, воды крайне мало, сельское хозяйство невозможно. Увидев, что своими силами они не справятся с тяжелым климатом, поселенцы обратились за помощью в Организацию Объединенных Планет. Экологический отдел ООП приступил к разработке и выполнению плана обводнения планеты. На полюсах Терции были выстроены климатические установки для производства воды из горных пород. Для финансирования работ по строительству ирригационных сооружений был учрежден специальный фонд. На Терцию переправили строительную технику. На самой планете в срочном порядке были обучены рабочие из числа местных колонистов. Были созданы строительные тресты и проектные институты. За десять лет Терция превратилась в изобилующую водой планету с благодатным и прохладным климатом. На данный момент проект обводнения планеты Терция полностью завершен.

Секретарь захлопнул папку и сел. Последовала пауза. Присутствующие переглядывались, затем кто-то спросил:

— Макар Иванович, а в чем, собственно, заключалась необходимость нашего вмешательства?

Шеф откашлялся:

— Прежде всего, я должен объяснить, что данная справка была выдана экологическим отделом Организации Объединенных Планет по нашему запросу вчера утром. Кроме нее, у меня есть и другая, выданная тем же отделом месяц тому назад, то есть до того, как агент Карачаев отбыл с заданием на Терцию. Эта справка отличается от новой лишь последней фразой. Если вы помните, в справке, полученной вчера, указывается, что к настоящему времени проект обводнения Терции полностью завершен. В справке же месячной давности говорится следующее: «Работы по обводнению Терции проводятся в строгом соответствии с разработанными планами. Постоянное увеличение объемов работ и, следовательно, выделяемых денежных средств объясняется сложными местными условиями».

— Обычное хищение? — скривившись, спросил лысый господин с пышными черными усами, сидевший рядом с председателем.

— Я еще не закончил,— достаточно резко оборвал его председательствующий.— Позвольте сначала изложить обстоятельства дела. Как вам известно, мои агенты не занимаются простыми хищениями. С вашего позволения.

Он помолчал. Лысый не произнес больше ни слова, только его лысина едва заметно порозовела.

— Началось все с того, что я получил очередной отчет аналитического отдела,— продолжил председатель.— Они рекомендовали обратить внимание на проект «Терция». Наши эксперты проанализировали деятельность фонда за десять лет его существования. Их насторожил факт, что расходы фонда ежегодно росли. Компьютерное моделирование показало, что к настоящему времени обводнение Терции уже должно было успешно завершиться. Тем не менее, в отчетах фонда говорилось о необходимости продолжать и расширять ирригационные работы. Для выяснения обстоятельств на месте я отправил на Терцию своего агента.

Все снова посмотрели на меня. Лысый по-прежнему молчал. Тогда инициативу взял на себя другой — высокий худой мужчина с роскошной седой шевелюрой. Он обратился ко мне:

— Агент, вы подтверждаете, что целью командировки было выяснение ситуации на месте?

— Да, задание было сформулировано именно так.

— А вместо этого вы устроили на Терции целое побоище. Как прикажете вас понимать?

Я замялся. Шеф молчал. Значит, отдуваться придется мне. Кто бы сомневался.

— Я был послан на планету Терция с целью расследовать состояние проекта по ирригации планеты. Оказавшись на планете, я обнаружил следующее. Результаты обводнения были налицо. Климатические установки наполнили водой впадины древних высохших морей. Гигантские плотины удерживали ее в заранее рассчитанных акваториях. Сложная система каналов и водохранилищ снабжала этой водой прежде засушливые участки планеты. Климат изменился. Прекратились песчаные бури, погода стала прохладной и

мягкой. В сухих засоленных степях появилась трава. Через несколько лет поля дали первый урожай пшеницы.

Но терциане на этом не остановились. Переделка планеты набирала ход. Первым тревожным звонком должно было стать продолжающееся резкое изменение климата. Прежде солнечная, погода стала исключительно дождливой. Затем из-за повышенной влажности погиб весь урожай пшеницы. Просто сгнил на корню. Но это никого не остановило. Вместо пшеницы посеяли влаголюбивый рис. Средства массовой информации взахлеб рассказывали об успехах проекта; показывали, как мощные экскаваторы роют каналы, а строители возводят плотины. Климатические установки на полях вырабатывали все новые и новые мегалитры воды. Она поступала в океаны, постепенно повышая их уровень. Береговая линия отступала каждый год; стремительно подступающий океан грозил в конечном счете захватить все планету.

Седой мужчина со строгим властным лицом снова обратился ко мне. Ему, видимо, была отведена роль обвинителя.

— Вы хотите сказать, никто не видел, что планете грозит катастрофа? — На его лице появилась ехидная усмешка. — А вот вы прилетели и сразу все поняли.

— Я был на Деметре под видом независимого журналиста. Это давало мне возможность встречаться с разными людьми в различных слоях общества. Под видом интервью я провел социологический опрос населения Терции. Выяснилось, что подавляющее большинство ее жителей не придают особого значения ни изменению климата, ни постоянному повышению уровня океана. Кроме специалистов, в ситуации никто не разбирается и, главное, не хочет ничего выяснять. Зато все в один голос рассказывали мне о колоссальном скачке благосостояния, который произошел со времени открытия проекта. Большинство населения Терции по работе так или иначе связано с проектом. Зарплата, которую они там получали, привлекательна даже для жителей более развитых планет, чем для недавно колонизованной Терции. Все буквально молились на этот проект.

— И все же вы утверждаете, что планете грозила катастрофа?

— Да, и у меня собраны все данные, подтверждающие мой вывод.

Все посмотрели в сторону председателя. Макар Иванович кивнул.

— Данные переведены в ваши персональные компьютеры вместе с анализом специалистов-экологов Организации. Выводы агента подтверждаются: Терция действительно стояла на грани всепланетной экологической катастрофы.

Обвинитель не сдавался:

— Если это так, то следует предположить, что у правительства Терции тоже имелись такие данные. И их эксперты должны были предупредить правительство о надвигающемся кошмаре. Почему же никто не предпринимал мер?

— На мой взгляд, есть две причины подобного невмешательства со стороны правительства. Прежде всего, экономика Терции практически целиком завязана на проекте обводнения. Закрывать проект значило оставить без работы более половины населения. С другой стороны, сельское хозяйство тоже находится не в лучшем положении, и Терция зависит от поставок продовольствия с других планет. А основным источником пополнения государственного бюджета является все тот же проект обводнения.

Я почувствовал, что присутствующие согласны со мной. Кажется, выпутываюсь, подумал я. Увидев в глазах присутствующих понимание и даже некоторое сочувствие к тому сложному положению, в котором я очутился, я решил изложить свою версию до конца.

— Но основная причина на самом деле находится не на Терции, а на самой Земле. Дело в том, что руководство фонда, учрежденного Организацией Объединенных Планет...

— Остановитесь, агент Карачаев! — прервал меня мой оппонент. — Комиссию не интересуют вашу досужие измышления по поводу деятельности ООП. Видимо, у вас слишком много свободного времени. — Он посмотрел на моего шефа. Тот всем видом показал, что согласен и теперь постарается,

чтобы у его агентов оставалось как можно меньше времени и возможности для подобных размышлений.

— Я еще раз обращаю внимание, что наша комиссия собралась с целью обсудить реальные действия агента Карачева на Терции, а не его фантастические версии, — продолжил тем временем общественный прокурор. — Основной вопрос пока остается открытым: насколько действия агента можно считать адекватными реальной обстановке?

— А вот пусть он сам и расскажет, что там натворил, — предложил председатель, он же мой непосредственный начальник, Макар Иванович.

— Проанализировав обстановку, я понял, что прежде всего необходимо любыми средствами немедленно остановить ирригационные работы, — осторожно начал я. — Настроение населения я уже выяснил, поэтому обычные пропагандистские меры воздействия я отложил сразу, как бесполезные. А время поджимало. С одной стороны, ситуация была близка к критической, с другой стороны, подходил к концу срок моей командировки.

Тут я замялся. Я вспомнил о разговоре с шефом, который у меня состоялся тогда. Я связался с ним, доложил всю обстановку и спросил, как быть, подчеркнув, что, по моим сведениям, ждать больше нельзя. Шеф, как всегда лаконично, приказал действовать по обстоятельствам. И я стал действовать. Вот об этих действиях я и рассказал комиссии, умолчав, естественно, о самом разговоре.

— Первым делом я взялся за транспорт. Серия проведенных мною диверсий почти полностью разрушила транспортную систему Терции. Снабжение строек прервалось, их стало лихорадить. На действующих объектах я устроил ряд саботажей. В результате этой деятельности ирригационные работы по всей планете практически остановились. Затем последовали два небольших, но очень эффектных атомных взрыва на полюсах планеты. По одному на каждую из установленных там климатических установок. Одну я только повредил, зато другую удалось вывести из строя полностью, без какой-либо перспективы на восстановление в будущем. Пос-

ле этого я вернулся в столицу, где подкупленный мною профсоюз организовал забастовки служащих, которые окончательно парализовали строительную деятельность. В этой ситуации правительству оставалось только ввести чрезвычайное положение и обратиться за помощью в ООП.

— Действия правительства Терции нас не интересуют, — вновь остановил меня седой. — Мы расследуем лишь вашу деятельность, агент Карачаев. Вы можете что-либо добавить о ваших собственных действиях?

Я пожал плечами:

— В общем-то это все. Детали каждой конкретной операции я описал в отчете.

Воцарилась тишина. Члены комиссии — все бывшие агенты и имели в прошлом солидный стаж полевой работы — с интересом начали листать лежавшие перед ними копии моего отчета. Глаза у них загорелись. Многие, похоже, не столько смотрели записи о моих операциях, сколько вспоминали собственные проделки в молодости. Послышались вздохи — старички размякли. Через некоторое время кто-то вслух заметил:

— Надо же было умудриться превратить проект по озеленению в такой экстремальный бизнес!

Все улыбнулись. Обстановка в комнате потеплела. Внезапно представитель латиноамериканского филиала, полный краснолицый старикашка, поднял руку:

— Сэр, э... Эндри! Вы достаточно убедительно описали обстановку на Терции. Возможно, я даже соглашусь с вами о целесообразности применения методов комплексного саботажа. Но какого черта вам понадобилось уничтожать установки по производству воды при помощи ядерных взрывов?

Я замялся. Вроде уже все рассказал и объяснил — и на тебе, опять по новой. Выручил шеф. Он повернулся к говорившему и степенно произнес:

— Вы правы, уважаемый дон Хуалес. Это явный перебор. По поводу применения ядерного оружия агент уже получил возыскание. Стоимость атомных мин будет вычтена у него из жалования.

Это было для меня полной неожиданностью. Атомные мины не тротилловые шашки, месячным окладом тут не отделаешься. Неожиданно для себя я громко икнул. Это окончательно разрядило накалившуюся было обстановку. Все посмотрели на меня, потом перевели взгляд на шефа. Тот молча развел руками, как бы говоря: «Что поделаешь, приходится работать с теми людьми, что есть».

Все снова посмотрели на меня. Я постепенно начал закипать. Ну почему они не понимают? Что мне еще оставалось делать там, на Терции? Другого способа остановить эти чертовы водопроизводящие установки я не видел. Их можно было только физически уничтожить. А уж после, остановив потоки воды, захлестывающие планету, можно что-то предпринимать обычными средствами. Я совершенно уверен, что если бы не взорвал климатические установки, терциане залили бы себя с головой и начали отращивать жабры.

Пока я собирался с мыслями и пытался сформулировать вежливый ответ, я увидел глаза шефа. Его взгляд был совершенно однозначным: «Молчать, поручик!» — «Молчать? Они же меня съедят!» — так же, без слов переспросил я его. «Молчи, я все беру на себя», — подтвердил взгляд Макара Ивановича.

Я заткнул свой чуть было не открывшийся рот и послушно доиграл роль двоечника у доски: опустил голову и стал внимательно разглядывать пятнышко на блестящем паркете пола. Даже ножкой так немного поводил, от смущения. Больше меня никто не ругал. Меня просто выставили за дверь. Ну, настоящая машина времени — точно такую же процедуру я прошел в пятом классе, когда меня впервые вызвали к директору — кажется, за разбитое стекло в окне учительской.

Выйдя из кабинета, я оказался в просторной, пустой приемной. Секретарша смотрела на меня с нескрываемым ужасом. В ее взгляде проскальзывало и сочувствие, но какое-то отстраненное.

— Все, завтра на рассвете приведут в исполнение, — пояснил я ситуацию. Затем взял с ее стола стакан и приставил

краем к двери; сам же прижался ухом к его донышку. С той стороны до меня стали долетать обрывки переговоров.

— Не стоило так паренька мучить. Молодой, горячий, ну, взорвал чего-то, так ведь от чистого сердца.

— Ему ж едва тридцать, совсем мальчишка!

— А что я представителям прессы скажу?

— А для чего у вас пресс-секретарь, батенька? — Это, кажется, Макар Иванович не дает меня в обиду.

— Нельзя такое без наказания оставлять. Молодые должны понимать дисциплину.

— Накажем, непременно накажем. Зря я, что ли, с Луны добирался, обед пропустил?

— Ну, это дело поправимое. Сейчас быстренько закончим и пообедаем. Да и пропустим кстати, раз уж собрались вместе.

— Считаю достаточным просто попугать. Вон, какого страху паренек натерпелся сегодня, перед нами стоячи. — Ишь ты, психолог чертов, насквозь меня видишь. Все равно, спасибо тебе на добром слове.

Внезапно дверь завибрировала. Я едва успел оторвать ухо от стакана, как он буквально взорвался у меня в руках. Сработало защитное устройство против прослушивания. Я укоризненно посмотрел на секретаршу. Она сделала невинное лицо и ответила:

— А я думала, вы знаете.

Затем взяла аптечку и стала приводить в порядок мою исцарапанную осколками физиономию. Через десять минут меня позвали назад и опять поставили на лобное место возле кафедры-плахи. Они настолько достали меня, что я не удивился бы, появившись сейчас из-за экрана здоровяк в маске и тяжелым мясницким топором в руках.

Наконец мне объявили приговор. Решение дисциплинарной комиссии было окончательным и обжалованию не подлежало. Мне вкатили «устный выговор со строгим предупреждением», после чего члены комиссии поднялись с мест и с чувством выполненного долга направились к двери. Стараюсь остаться незаметным, я попытался слиться вместе с тол-

пой. В последний миг, уже в дверях, меня остановил строгий голос Макара Ивановича:

— А вас, Карачаев, я попрошу остаться!

ГЛАВА 2

Руукс забежал домой. Он никогда не ходил, только бегал. И совершенно не понимал взрослых, которые передвигались медленно, степенно, опираясь на хвост. Свой хвост Руукс использовал для более серьезных и необходимых целей. Сейчас, например, он нес на нем школьную сумку. Правда, перед тем как зайти домой, он перевесил ее на руку — мать очень сердилась, когда видела, что он пользуется хвостом не для хождения.

Он зашел в дом и снял надоевшие за день туфли на толстой подошве. Их всегда приходилось надевать, когда он ходил в воскресную школу, без них он бы быстро натер чувствительные подошвы лап на сухом твердом полу человеческого здания. Мальчик спустился с порога в гостиную и с наслаждением прислушался, как журчит напольная вода, омывая разгоряченные на улице ступни. Он направился на кухню, стараясь идти так, чтобы щиколотки оставались в воде. Для этого приходилось волочить ноги по полу. Такой способ передвижения оказался слишком медленным и, чтобы удержать равновесие, пришлось опереться на хвост. Кончик хвоста тут же намок, охладился, и волна облегчения прокатилась вверх вдоль всего тела мальчика. Как хорошо дома, подумал он.

— Мама, я есть хочу!

— Иди и вымой руки сначала,— ответила, не оборачиваясь, мать, стоявшая у плиты на кухне.

— Ну, мам, я чистый,— начал канючить Руукс.

— Пока не умоешься, есть не дам.— Мать всегда умела поставить точку в дискуссии.

Тяжело вздохнув, Руукс поплелся в ванную. Передние лапки у него действительно были чистые, по крайней мере пока он не остановился перед домом, чтобы выкопать из

глины кем-то оброненный стеклянный шарик. Закрыв за собой дверь ванной комнаты, мальчик пустил из крана сильную струю воды, чтобы было слышно снаружи. Затем он сунул лапки под воду, подержал секунду и быстро вынул их обратно. Закончив таким образом процесс умывания, он тщательно вытерся полотенцем. На чистой материи остались темные пятна.

Вернувшись, он сказал:

— Я ведь был у землян, мама. Там нас обрабатывают на целую неделю вперед.

— Вот именно потому, что ты был у своих проклятых землян, ты и должен умываться еще тщательней. Неизвестно еще, что они там с вами делают. Вот вчера на проповеди жрец сказал, что мы не должны больше пускать наших детей в воскресную школу. Он сказал, что там земляне забирают у вас души.

— Мама, это неправда, земляне хорошие. Нас укладывают в такие кровати и показывают интересные сны.

— И что же они вам показывают, небось, гадости какие-нибудь?

— Да нет, мама, я не могу рассказать, я не помню, что в этих снах. Просто мне кажется, что после них я становлюсь немного умнее, что ли.

— Вот я и говорю, задурят они вам голову. Совсем перестали слушать взрослых, чуть что — сразу: «А вот земляне говорят...» Нет, надо мне послушаться нашего жреца и не пускать больше тебя к землянам.

— Мам, но ведь там и взаправду очень интересно! Мадам Татьяна такая добрая и рассказывает нам разные истории про Землю и про другие планеты. А мистер Питт учит нас играть в бейсбол. Это так классно. Правда, у нас пока плохо получается. Но ты ведь разрешишь мне ходить к ним еще, правда? Мистер Питт говорит, что если мы будем много тренироваться, то...

— Замолчи! — прикрикнула на него мать. — Я знать не желаю, что вам говорит этот разбойник. И чтоб не смел при мне даже произносить эти дикие имена! Будь моя воля, ты бы и близко не подошел к этой проклятой школе.

Руукс на всякий случай втянул поглубже гребешок на макушке. Рассердившись, мать могла больно оттрепать сына за чувствительный кожистый хохолок на голове. Правда, такое случается очень редко, в семействе Руугисов все хорошо воспитаны и умеют держать себя в руках. Но все же лучше не рисковать.

А взволнованная госпожа Руугис тем временем продолжала:

— Видела я твоих землян в Старом Городе. Опустившиеся подонки и бездельники. Палец о палец не ударят, живут на всем готовом. Скоро и говорить разучатся. Всё пыжаты: наши предки вас из грязи вытащили, цивилизацию вам подарили, теперь вы на нас работайте. Как будто одно поколение может отдыхать за другое.

Руукс, для которого самым высоким возрастным пределом было окончание школы, а все взрослые выглядели глубокими стариками, слабо разбирался в вопросах преемственности поколений. Он хотел возразить, что учителя в воскресной школе на самом деле очень умные и добрые. Но тут он вспомнил страшные истории, которые мальчишки во дворе рассказывали про людей из Старого Города.

— Мама, а почему люди в фактории и в Старом Городе такие разные? — спросил мальчик, уплетая коричневую, восхитительно пахнущую кашу.

— Ничем они не разные. Просто эти твои учителя в фактории — вруны, как и все земляне. Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты больше не ходил к ним! — окончательно разошлась мать. — Да что это такое, в конце концов, они же должны понимать, что у ребенка один-единственный выходной день. Ему надо отдохнуть, полазить по лужам с друзьями, уроки приготовить. Да лучше бы матери помог по дому, чем слушать рассказы о каких-то планетах и играть в дурацкие земные игры. Нет, правду говорит наш жрец, пора с этим кончать.

Руукс молча продолжал есть. Он уже был не рад, что заговорил на эту тему. В последнее время вопрос о людях из Старого Города занимал его все сильнее и сильнее. Противо-

речие между тем, что он видел в воскресной школе, и тем, что рассказывали о Старом Городе, не давало ему покоя. Однако он понял, что время для вопроса выбрал неудачное. Ладно, подумал он, наверное, мама чем-то расстроена сегодня. Спрошу у нее вечером, когда она придет попрощаться со мной перед сном. Или лучше завтра.

Он быстро и без слов доел кашу, запил все молоком и уже не обуваясь отправился во двор. Несколько домов стояли рядом, образуя нечто вроде прямоугольника, состоящего только из трех сторон. Четвертая отсутствовала — с этой стороны двор выходил прямо на улицу, отделенный от нее только невысокой изгородью. Почти все свободное пространство внутри огороженного стенами и изгородью пространства занимала неглубокая детская лужа.

Сегодня там было шумно. Собрались все-все: Биик с Ваном, чьи дома выходили в тот же двор, и ребята из соседних домов. Они были чем-то увлечены. Мальчишки сгрудились в одном месте в углу двора. Задние пытались пробиться поближе к середине и заглянуть внутрь. Передние, как водится, их не пускали.

Когда Руукс подобрался поближе, то понял причину оживления. Биик где-то нашел червяка заживаку, и теперь все толпились вокруг, отталкивая друг друга, чтобы лучше рассмотреть диковинку. Это было большое событие. Такие червяки водились на болотах и очень редко заползали в Город. Видимо, знали, что с ними делают дети, вот и остерегались. Руукс всего один раз в жизни видел заживаку, да и то, он был тогда слишком маленький, чтобы как следует запомнить такое событие. Руукс на всякий случай крикнул: «Чур, я тоже!» — и протиснулся к Биику.

Наконец, дети немного расступились, так что всем стало хорошо видно. Как следует разглядев и потрогав несчастного червяка, приступили к экспериментам. Червяк заживака был знаменит своей способностью к невероятно быстрому восстановлению: легкие раны на нем заживали буквально на глазах, за что дети его так и прозвали. Действовал Биик, на правах нашедшего. Он сорвал с кустов

веточку и заострил ее передними зубами. Полученным инструментом он уколол червяка. На месте укола сразу выступила крошечная капелька, которая на глазах превратилась в бугорок и застыла.

— Смотри, смотри, — кричал кто-то. — У него вторая голова выросла!

Все оживились.

— А давай еще! Сделаем из него семиглавого брундора!

Биик нажал в другом месте, посильнее. На месте укола тут же вырос еще один бугорок. Вырастив таким образом еще несколько «голов», дети стали терять к червяку интерес. В это время Ваан сказал:

— А я слышал, что если разрезать заживаку пополам, а потом половинки соединить, то он срастется и ему ничего не будет.

Все оживились, кто-то побежал домой за ножом. Стали спорить, правда ли разрезанный пополам заживака сможет срастись, и если да, то как быстро. Биик, как хирург перед ответственной операцией, вертел в руках червяка, выбирая место для разреза. К нему тянулось десять лапок, одновременно тыкая в совершенно разные места. Каждый кричал, что резать надо именно там, куда он показывает.

Руукс вдруг пожалел червяка. Он представил себе, как того разрежут пополам и его половинки будут ползать и искать друг друга. А вдруг не найдут? Или не срастутся обратно? Так и останутся у них во дворе жить две половинки червяка. Мысль об этом показалась мальчику крайне неприятной. Он закричал:

— Не надо его резать, ему же больно!

— А Руукс у нас девчонка, Руукс девчонка! — тут же закричал в ответ Ваан. Он не мог упустить такой случай — при всех унижить Руукса.

Руукс бросился с кулаками на Ваана. Вопрос половой принадлежности стоял на самом деле не так уж остро, но свой социальный статус Руукс должен был восстановить немедленно. Он бросился на обидчика, пытаясь ухватить того за самое чувствительное место — гребешок на макушке. Мальчики сцепились в один пыхтящий и царапающийся ком и

повалились в грязь. Там они принялись старательно мутузить друг друга, разбрызгивая комья глины и расплескивая воду по всему двору. Минуты через две драчуны успокоились и поднялись на задние лапы. Честь была спасена, можно и дальше играть вместе.

Пока Руукс с Вааном барахтались в грязи, кто-то уже успел принести нож. Разгорелся спор, кто будет резать. Право Биика оспаривал тот, кто принес ножик. В конце концов договорились, что Биик будет держать червяка, а резать должен владелец ножа. Обиженный Биик сказал: «Ну и пусть, держать — это самое интересное». Он положил червя на сухую землю и вытянул во всю длину. Владелец ножа примерился и шарахнул червяка точно посередине. Вместо одного червяка получилось два маленьких. У половинок был четко виден влажный торец.

Мальчишки радостно завопили и кинулись разглядывать. Затем приступили к следующей части эксперимента. Биик приставил обе половинки и оставил их лежать вместе, чтобы они срослись. Все с оживлением наблюдали, как червяк будет восстанавливать себя из двух половинок и заживлять разрез. Стали ждать, когда они срастутся. Но поскольку ждать они, как и все дети, не умели, то каждые несколько секунд кто-нибудь поднимал обе половинки, разглядывал разрезы и огорченно говорил: «Нет, не срастаются».

Скоро про червяка забыли. Разговор зашел о том, что Биик сегодня вместо воскресной школы был в Старом Городе. Его отец держал там лавку и сегодня брал его с собой, помочь. Оттуда Биик и принес свой трофей. В Старом Городе, рассказал он, есть много брошенных домов, там он его и нашел.

— Я убежал от отца и целый час лазил один по пустому дому землян. Там я видел кучу классных вещей, но вам я ничего не расскажу, потому что вы все бояки и никогда туда сами не пойдете!

— А вот возьму и пойду, прямо сейчас! — закричал Ваан, который отчаянно завидовал Биикю. — Вот прямо сейчас один и пойду! И не как Биик — с папочкой да с охраной, —

так всякий пойдет, тоже мне герой. А я вот возьму и пойду сам, один, и никого я не побоюсь! Ну что, кто идет со мной?

Расшумевшиеся дети испуганно замолчали. Им строго-настрого было запрещено приближаться к шоссе, которое делило Город на две части. Даже взрослые опасались заходить в Старый Город, населенный потомками землян, которые чуть менее столетия назад основали Город и построили Рудник. В Старый Город регулярно ходили только торговцы, чьи лавки охраняла земная полиция. Но даже они никогда не ходили туда поодиночке и всегда спешили вернуться задолго до наступления темноты.

Веселье стихло, всем стало не по себе. Под разными предложениями дети стали потихоньку расходиться. Руукс тоже повернулся, чтобы идти домой, но его остановил издевательский голос Ваана:

— Глядите, Руукс побежал домой. Он, наверное, хочет спрятаться у мамы под кроватью!

Ко всем тут же вернулась былая уверенность в себе. Жертва была определена, и теперь можно было не бояться, что трусом назовут тебя, надо только поддерживать травлю кого-то одного.

— Руукс девчонка, Руукс боится идти в Старый Город! — закричали все вместе. После такого Рууксу уже было ничего не страшно. То есть, конечно, страшно идти в Старый Город, там ведь действительно очень опасно, даже до детей доходили слухи. Но этот крик надо было прекратить немедленно, он не мог его больше слышать. И тогда Руукс повернулся и сказал:

— А я, между прочим, никуда не прячусь.

Он повернулся и посмотрел на Ваана. Только теперь тот понял, что натворил. Первый запал прошел, и Ваан ощутил страх от мысли, что ему и в самом деле придется идти. Его единственной надеждой было то, что никто не согласится, и тогда можно гордо сказать, что он с трусами не водится, и уйти домой. А завтра, конечно, все уже забудут. Но теперь он сам так всех завел, что Руукс, чтобы не потерять навсегда честь, должен идти. А идти он должен вместе с Вааном. Маль-

чки обменялись ненавидящими взглядами и сразу все поняли. Медленно, стараясь не поворачиваться лицом друг к другу, они вылезли из лужи и вышли на улицу.

— Стойте, мы пошутили! — закричали им вслед опомнившиеся дети.

Но, похоже, именно этого и не хватало двум мальчикам. Они вечно ссорились, выясняя свои права на лидерство в компании. Зато теперь предстоящего подвига им хватит на двоих. Вернувшись из Старого Города, они приобретут такой авторитет среди местной пацанвы, что его уже можно будет не делить.

— Все равно они никуда не пойдут, — сказал Биик, когда Ваан с Рууксом скрылись за поворотом. — Дойдут до шоссе и вернутся.

Дети продолжили играть в обычные игры и скоро забыли об отважных путешественниках. Брошенный в стороне червяк, помучившись, наконец «состыковал» обе свои половинки, благополучно зарастил разрез и уполз в кусты, благодаря за спасение какого-то своего, неизвестного нам бога.

К шоссе мальчики вышли, когда уже смеркалось. Они чуть было не заблудились на окраинных тропинках Нового Города. Им строго-настрого было запрещено ходить в этот район, который подступал вплотную к Старому Городу. Теперь они стояли и растерянно оглядывались. Так близко к Старому Городу они еще никогда не подходили. Мальчики, как замороженные, смотрели на городские башни. Освещенные заходящим солнцем, они были окрашены в разные цвета: розовый, голубой, салатный. Отсюда Город виделся во всем своем былом величии. Многоэтажные жилые здания, окруженные парками со старыми деревьями, узкие высотные здания офисов и приземистые пакгаузы еще несли в себе воспоминания о тех днях, когда в них кипела жизнь. Когда-то в этих офисах заключались миллионные сделки, тысячи служащих по утрам торопились занять свои рабочие места, а вечером возвращались в ухоженные квартиры. Рестораны были полны посетителей, витрины магазинов радовали прохожих все новыми и новыми товарами. Город был труже-

ником, он умел и любил работать; работа была целью его создания и всем смыслом существования. Все это было в прошлом.

О великоленном прошлом Старого Города мальчикам рассказывали взрослые. Но больше было разговоров о его настоящем. Нынешний Город был другим — мрачным, непонятным. Он таил в себе опасность. Мало кто из ящеров теперь осмеливался бывать в нем. Но слухи о происходящем там постоянно циркулировали среди ящеров Нового Города. Разделенные лишь полосой шоссе, через которое были переброшены немногочисленные мосты-переходы, Старый и Новый Город практически не соприкасались. Старый Город был населен людьми, потомками землян-колонистов, высадившихся на Деметре более ста лет тому назад. Новый Город вырос рядом с поселением землян, несколько позже. Его населяли ящеры.

Две части Города были не похожи друг на друга как своим населением, так и архитектурой. По земным меркам, Новый Город больше походил на небольшую грязную окраину. Однако с точки зрения ящеров — это очень комфортабельное поселение. Невысокие одноэтажные дома по местному обычаю стояли группами по три-четыре вместе. Постройки образовывали либо замкнутый со всех сторон периметр, либо оставляли одну сторону открытой. В образовавшемся таким образом внутреннем дворе рыли неглубокую лужу, в которой с удовольствием возились дети.

Дороги Нового Города представляли собой плотно утопанные тропинки, несколько углубленные в землю. Древние земные дороги традиционно окапывали канавами по бокам для стока воды. Тропинки ящеров, наоборот, сами представляли собой некое подобие неглубоких канав. Они заполнены слоем воды для удобства передвижения ящеров. Ноги у них оканчиваются нежной подошвой с чувствительной кожей, которой постоянно требуется влага. Оптимальным состоянием для ходьбы у ящера является положение, при котором нога по щиколотку погружена в воду. Чувствительная подошва помогала избегать ловушки особо топких мест и

давала возможность быстро передвигаться и свободно ориентироваться в болотах, основном месте обитания ящеров. Эта эволюционная уловка жителей болот сохранилась у ящеров и тогда, когда они стали разумным, доминирующим на планете видом. Поэтому ящеры предпочитали жить во влажных низинах. Даже в их домах система водоснабжения проведена таким образом, чтобы на полу всегда был тонкий слой прохладной проточной воды.

Такая физиологическая особенность создавала для ящеров определенные трудности при встречах с землянами. Для того чтобы свободно передвигаться по сухому пространству земного Города, ящеры надевали специальные ботинки на толстой подошве. Изнутри эти ботинки были наполнены водой и сильно мешали при ходьбе. Однако они давали возможность свободно передвигаться по улицам и в помещениях Старого Города и фактории ООП.

Мальчики никогда раньше не видели Старый Город — родители не разрешали даже подходить к шоссе. Однако людей они видели регулярно. Раз в неделю на сухой окраине Нового Города приземлялся флаер из фактории Организации Объединенных Планет. Дети надевали свои ботинки и, хлюпая ногами, забирались в него. Флаер отвозил их в воскресную школу. Там с ними занимались добровольцы из земной Армии Просвещения. Кроме воскресной школы, в фактории дети видели большую гостиницу, где жили земляне, какие-то склады и гаражи. Все люди, с которыми дети общались в фактории, относились к ним дружелюбно, шутили и улыбались им, давали сласти и игрушки.

Это резко контрастировало с тем, что рассказывали о людях взрослые. Не верить этим рассказам причин не было, и дети делали вывод, что люди в Старом Городе чем-то отличаются от землян из фактории. Они принимали это как должное и особенно не задумывались.

Мальчики обалдело глазели по сторонам. По шоссе периодически проносились гигантские карьерные грузовики, поток рассекаемого ими воздуха едва не сбивал с ног. Вот проехали несколько автобусов. Над головами ребятишек в том

же направлении — на факторию — пролетело звено полицейских вертолетов. Служащие миссии Организации Объединенных Планет, или, как ее коротко называли, миссии ООП, по утрам прилетали на работу с фактории, которая находилась недалеко от Города, а вечером возвращались обратно. Полиция прекращала работу после того, как последний служащий покидал пределы Города. Обитатели Города и днем не особенно чувствовали на себе заботу городских властей. Вечером же в Городе исчезала даже видимость закона и порядка.

Ничего такого мальчики не знали. Их не интересовало, кого и куда везет весь этот поток транспорта. Они только восторженно переглядывались и обменивались мнениями «ух ты!», «вот это класс!», «смотри, а тот еще больше!». Похоже, впечатлений набралось достаточно и можно возвращаться домой победителями. Действительно, рассказов о шоссе и о виде Города должно хватить для того, чтобы вернуться в ореоле славы и находиться в центре внимания всей школьной пацанвы еще много дней. Не сговариваясь, мальчики повернулись и направились обратно.

Прямо перед ними возник вооруженный ящер в форме добровольной милиции Нового Города. За ним следом шел напарник, в такой же форме и с бластером в кобуре. Оружие было стандартное, земное, слишком громоздкое для небольших ящеров. Поэтому они носили его не на поясе, как люди, а перекидывали ремень с кобурой через плечо, на манер винтовочного. Уже несколько лет такие патрули вечерами дежурили в местах переходов через шоссе. После ряда стычек между ящерами и земным населением и полного бездействия человеческой полиции ящеры решили взять охрану порядка в свои руки. С наступлением сумерек места переходов патрулировали отряды гражданской милиции, набранной из ящеров. Земляне об этом знали и больше не появлялись в Новом Городе в темное время суток. Таким образом, с наступлением темноты шоссе практически превращалось в закрытую охраняемую границу.

Встреча оказалась неожиданной для всех. Впереди идущий ящер потянулся за бластером, но, разглядев, что перед

ним всего лишь дети, не стал открывать кобуру. Вместо этого он громко закричал:

— Эй, негодники, а ну стойте! Вот я вам сейчас гребешки надергаю! Вы же знаете, что детям здесь находиться нельзя. Что скажут ваши родители, когда узнают, где я вас нашел?

Кто-нибудь, лучше знакомый с детской психологией, повел бы себя в этой ситуации иначе. Он ни в коем случае не стал бы угрожать, а мягко бы позвал ребятишек и спокойно расспросил, как они здесь оказались и что делают. А потом отвел их домой. Или даже просто отпустил, посмотрев на их заплаканные раскисшие мордочки, и только незаметно проследил бы, что они действительно убралась из опасного района.

Однако не стоит винить этих простых парней, которые после рабочего дня взяли оружие и вышли охранять свои дома. Два маленьких мальчика, конечно, не представляли собой угрозы, но ведь патрульные тоже не были профессиональными полицейскими. Они и сами чувствовали себя неуверенно. Патрульные нервничали, и им казалось, что единственный способ общения с миром, когда у тебя в руках оружие, — это крик и угрозы.

Мальчики замерли в ужасе. Они представили, как их приводят домой чужие вооруженные дяди, передают с рук на руки родителям и рассказывают, где их подобрали. Дальше воображение отказывало. Какими глазами они посмотрят на родителей? Ведь они давали самую страшную клятву, что никогда и близко не подойдут к шоссе. О клятве в пылу спора все забыли, а теперь она вспомнилась во всем своем грозном ужасе. «Пусть у меня никогда не будет друзей, пусть мои родители забудут мое имя, пусть отсохнет мой гребешок» и прочие страхи. Нет, это совершенно невозможно. Любым способом надо удрать от этих нехороших дядек, которые хотят отвести их домой. Надо где-нибудь спрятаться, переждать, а потом потихоньку бежать домой одним. Все, что угодно, только не быть пойманными, только не предстать перед родителями в сопровождении патруля, который непременно сообщит, где именно их нашли.

Мальчики оглянулись. Возле пешеходного мостика, перекинутого через трассу, никого не было. Всего две минуты назад они со страхом смотрели на этот мост, ожидая, что оттуда появится какое-то неведомое чудовище. Теперь же он стал для них единственным путем к спасению. Завопив от испуга, они бросились на мост, не задерживаясь, перебрались по нему на другую сторону в Старый Город и побежали по улице. Патрульные бросились за детьми, окликая их и прося остановиться. Они хорошо понимали, что детей надо вернуть. Но мальчишки, очутившиеся в новой непривычной обстановке и перепуганные донельзя, уже не разбирали, куда и зачем бегут. Они понеслись по пустынной улице, затем свернули в какой-то поворот, потом еще и еще. У них была только одна цель — убежать и спрятаться от патруля. Постепенно голоса преследователей становились все глуше и наконец вовсе стихли.

Мальчики остановились на тротуаре посреди прямой длинной улицы. Оглядевшись, они наконец сообразили, что место, куда они попали, совсем не подходит для прогулок маленьких ящеров. В это время года сумерки на Деметре короткие. На безлюдных улицах было уже темно: горел едва ли один фонарь из пяти. В отдельных окнах, преимущественно на верхних этажах, сквозь плотно задернутые шторы пробивался свет. Периодически над разбитым покрытием дороги пролетал автомобиль, из его раскрытых окон доносилась громкая музыка. Пассажиры в автомобилях перекрикивались высокими голосами. На тротуарах почти никого не было. Редкие одинокие прохожие шли быстро, втянув голову в плечи и оглядываясь по сторонам. На противоположной стороне улицы расположилась небольшая компания молодых парней и девушек. Там играла музыка, поднимался дым от сигарет. Молодые люди все время кричали что-то друг другу и непрерывно смеялись.

На мальчиков никто не обращал внимания, и они были только рады этому. Они понимали, что окончательно заблудились, но не решались подойти к кому-нибудь и попросить о помощи. Рууксу было совсем плохо. В отличие от Ваана,

он вышел из дома босиком. Пока они шли по мягким влажным тропинкам Нового Города, все было в порядке. Но, попав на жесткий горячий асфальт, Руукс сразу обжег чувствительные ступни. Ваан взял его под руку, и так, обнявшись, они брели вдвоем по темным незнакомым переулкам, пока не уперлись в тупик, заставленный мусорными баками.

Позади раздался высокий человеческий голос:

— Пацаны, я их нашел!

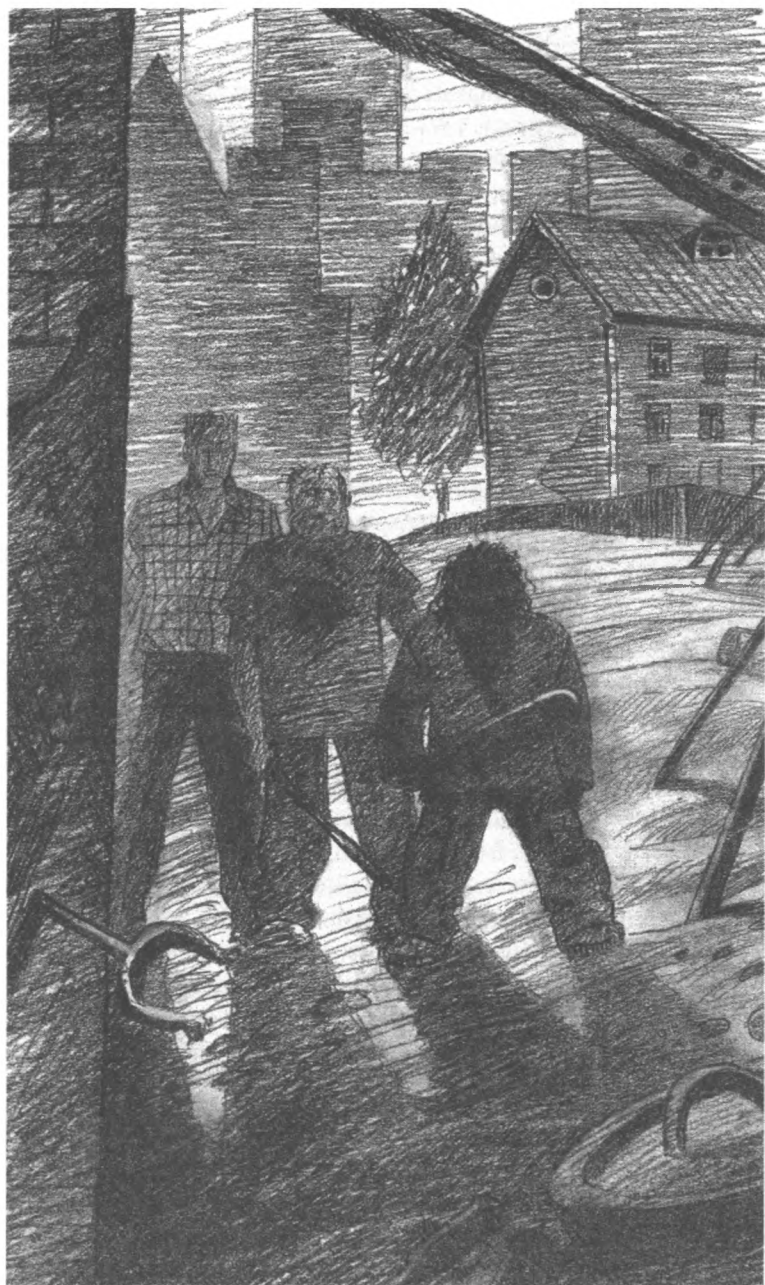
Мальчики обернулись и увидели, что на входе в тупик стоит парень, вероятно, из той самой компании, что они видели на улице. Тот в возбуждении размахивал руками и громко звал остальных. Вскоре к нему присоединилась вся компания. Они удивленно разглядывали маленьких ящеров. Смех быстро утих и сменился громкой руганью. Кто-то закричал:

— Смерть гребешкам!

Откуда-то в руках у парней появились бейсбольные биты и куски железной арматуры. Маленькие ящеры отступили и прижались к стене. Руукс крепко стиснул лапку Ваана. Какая-то девица отчаянно завизжала. На верхнем этаже дома распахнулось окно. Из него выглянула чья-то голова, поглядела вниз и тут же снова исчезла. Окно захлопнулось, свет в окне погас.

По другую сторону шоссе, у входа на мост со стороны Нового Города, собрался небольшой отряд вооруженных бластерами ящеров. С точки зрения землян, ящеры выглядели как карикатура на человека. Невысокие, не выше одного метра, ящеры передвигались вертикально, часто опираясь на хвост. Небольшие передние лапы с тремя пальцами были прекрасно приспособлены для тонкой работы. По всей спине вдоль позвоночника у ящеров имелся костяной нарост — гребень. Он и дал повод тому, что земляне прозвали ящеров гребешками. Одежда ящеров только усиливала их пародийное сходство с человеком. Они одевались большей частью в накидки с капюшонами. Учитывая их манеру ходить покачиваясь, накидки делали ящеров похожими на пьяных монахов.

Однако эта группа смешной не выглядела. Тревога, охватившая их, накалила воздух вокруг так, что, казалось, он вот-

вот начнет потрескивать от напряжения. Старший патруля вопросительно смотрел на двух ящеров, которые вернулись из Города без мальчишек.

— Ума не приложу, куда они могли подеваться. Там сейчас такая темень, и еще мы все ноги об асфальт сбили,— сказал первый.

— Кстати, я запомнил, что один из мальчиков тоже был босиком,— добавил второй.

— Тогда дело совсем дрянь. Значит, они уже не могут никуда уйти и, скорее всего, забрались в какую-нибудь норку. Только бы им хватило ума не высовываться до утра.

— До утра ждать нельзя,— подытожил старший патруля.— Пока вас не было, я пытался связаться с полицией Старого Города. Там никто не отвечает, только автоответчик бубнит.

— Я знаю, в чем дело,— вмешался один из ящеров.— В Городе уже все закрыто, надо звонить в факторию.

— Хорошо, я свяжусь с факторией и постараюсь уговорить их выслать поисковую команду. А вы пока позовите соседний патруль, сходите за сапогами и фонарями. Нам придется пойти и прочесать весь район. И давайте быстрее, ребята, как бы с мальчишками чего не случилось.

Хмурые патрульные разошлись. Через четверть часа спасательная команда была готова. Ящеры тихо подходили к месту сбора. Никто не разговаривал, видно было, что все напряжены до предела. Передние лапы у ящеров были короткие со слабо развитыми кистями, которыми сейчас они до боли сжимали бластеры и фонарики. Наконец тронулись. Проходя по мосту над опустевшим шоссе, они испытывали странное, незнакомое чувство. Там было беспокойство за пропавших детей, неуверенность, просто страх и что-то еще, не имевшее названия на их языке. Если бы ящеры знали, что такое война, то поняли бы, что подобное чувство испытывают солдаты, тайно переходящие линию фронта, направляясь в тыл врага. Но ящеры, которые до прилета землян использовали свое примитивное оружие только для охоты или отстрела хищников, этого не знали. Не знали они и еще одно-

го — придется ли им, впервые в жизни, воспользоваться земным оружием. Против землян.

Они вошли в Старый Город. Не разделяясь, чтобы не заблудиться самим, они принялись внимательно осматривать все вокруг. Патрульные, в отличие от мальчиков, обращались с вопросами ко всем подряд. Прохожие в большинстве не обращали на них внимания, некоторые громко ругались в ответ. Наконец выяснили, что кто-то видел потерявшихся мальчиков неподалеку. Патрульные отправились в указанном направлении. Двигались медленно, настороженно: почти все патрульные были в Городе впервые и чувствовали себя неуверенно.

Сверху послышался гул и вспыхнул свет. Несколько полицейских вертолетов зависли над Городом и исполосовали темноту лучами своих прожекторов. Два вертолета снизились. Один из них сел рядом с патрульными, второй приземлился метрах в двухстах дальше. Из первого вышел человек в форме офицера полиции.

— Нам сообщили о происшествии из Города, — обратился он к командиру патрульных. — Вы можете больше не беспокоиться. Полиция контролирует ситуацию. Теперь все будет в порядке. Пожалуйста, соберите своих подчиненных, садитесь в вертолет и мы отвезем вас домой.

— А где мальчики, — спросил старший, — вы их нашли?

— Да, их нашли, обо всем позаботится команда того вертолета. А мы заберем вас. Вам не надо здесь находиться.

Патрульные, сбросив с себя груз ответственности, перешучиваясь и подначивая друг друга, полезли в вертолет. Со стороны могло показаться, что это не вооруженный патруль, а просто бригада шахтеров возвращается домой со смены. В сущности, так оно и было: патруль состоял в основном из шахтеров, к тому же работавших в одной бригаде. Молодые ящеры успокоились, наступила естественная разрядка. Они уселись на откидных сиденьях, предназначенных для людей, как в больших просторных креслах, и принялись без умолку болтать о чем-то своем.

Когда вертолет поднялся в воздух, старший патруля спохватился и стал расспрашивать офицера-землянина:

— А как там мальчики, с ними все в порядке? Один из них был босиком, ему обязательно нужно охладить ноги и надеть обувь.

Офицер посмотрел на старшего ничего не выражающим взглядом и медленно произнес:

— Их уже нашли. Полиция сама сделает все, что нужно.

Вертолет медленно полетел по направлению к Новому Городу.

ГЛАВА 3

Я вздрогнул. Право слово, средневековая инквизиция, да и только. После только что закончившегося совещания, на котором мне вклеили выговор, я собирался пойти в ближайший бар и как следует надраться. Это было единственное доступное мне средство примириться с этой, по моему мнению, чудовищной несправедливостью. Наказывать человека, который только что спас от затопления целую планету!

Так нет, им этого мало. Теперь шеф оставил меня в своем кабинете и наверняка устроит дополнительную выволочку. Это при посторонних наш шеф — слуга царю, отец солдатам. Наедине, без посторонних, он в выражениях не стесняется. После разборок с шефом один на один агентам впору подавать заявление об уходе. Или стреляться прямо в его кабинете. Впрочем, разница не так уж велика. Секретные агенты, подающие в отставку по собственному желанию, живут катастрофически недолго. В буквальном смысле — до первой автомобильной или авиакатастрофы.

Несмотря на мрачные ожидания, беседа с шефом началась относительно спокойно. Подведя итоги совещания, он спросил меня:

— А в самом деле, какого черта ты устроил там такую заваруху?

— Вы хотите сказать, что мне не надо было там ничего трогать? Просто вернуться на Землю и доложить: «Так мол и так, терциане на деньги ООП с большим энтузиазмом гро-

бят свою планету и будут продолжать, пока не захлебнутся». Так? Для чего я битый час потел перед комиссией и объяснял все, что там происходит?!

— С формальной точки зрения — именно так. Будь ты обычным инспектором ООП, ты бы так и поступил.

— Простите, Макар Иванович, можно я сам расскажу, как это происходит в ООП? Представим, что я обычный инспектор по проверке работы фондов. Я отправляюсь на Терцию и, вернувшись, составляю отчет, в котором отмечаю, что работы ведутся по плану, а деньги расходуются строго по назначению. Это ведь самое главное с точки зрения проверяющего, я прав или нет?

Шеф молчал и лишь качал головой в такт моим словам.

— В самом конце отчета я, конечно, напишу о надвигающейся экологической катастрофе. На этом моя роль будет исчерпана. Я доложил в вышестоящие инстанции, и от меня больше ничего не зависит. С чувством выполненного долга я выброшу напроць из головы все мысли о тонущей Терции и возьму положенный отпуск для восстановления сил, потраченных во время изнурительной инспекторской работы. Плюс больничный и путевку в санаторий для нормализации работы желудка и кишечника, перегруженных во время официальных и дружеских приемов у первых лиц планеты... А Терция тем временем будет продолжать обводнение. Через пару лет океан затопит прибрежные города, потом вода станет захлестывать самый центр материка. Вот тогда, когда катастрофа станет совершенно очевидной, правительство Терции обратится за помощью. ООП отправит команду спасателей с оборудованием. Терциане, закатав рукава, начнут осушать планету. Не успеет ООП оглянуться, как Терция вернется в исходное состояние и увязнет еще глубже. Когда там не останется ни капли воды, ее снова придется обводнять... Здесь главное, чтобы все были при деле, ни в коем случае нельзя останавливаться. Фонд должен постоянно функционировать, должен тратить выделяемые деньги, желательно каждый год все больше и больше. Тогда эти деньги ему будут выделять, а его работа будет считаться образцовой.

Шеф смотрел на меня с умильной улыбкой. Так смотрит отец семейства, когда его маленький сынишка прибегает к нему и, захлебываясь от восторга, начинает рассказывать о каком-нибудь своем открытии. Ну, например, что молоко получают из коровы, а не делают на заводе, как показывали по телевизору.

— Какой ты, оказывается, умный, Андрюшенька,— сладко начал шеф. Ну, разве что по голове не погладил.— А я думал, ты у нас дурак.

Я решил оставить это заявление без комментариев.

— Как ты думаешь, почему я выгораживал тебя перед комиссией? И почему эти строгие господа согласились лишь на устное служебное взыскание в качестве твоего наказания?

— Ну, я думаю...

Шеф прервал меня.

— Не отвечай! Это были риторические вопросы! Я тебя уже наслушался сегодня на год вперед. Ты, конечно, верно сформулировал главный принцип. Основным показателем работы фондов является то, как они тратят деньги. Крупный проект, требующий серьезного финансирования, очень трудно открыть. Он никому не нужен, никто и слышать о нем не хочет. Такие проекты пробивают годами через бесчисленное множество совещаний и комиссий; используют для этого все степени воздействия: от официального лоббирования до традиционного подкупа и даже шантажа... Зато потом, когда проект принят и создан отдельный фонд для его финансирования, ситуация меняется коренным образом. Тогда в существующем проекте заинтересованы многие. Вместо непосредственных инициаторов проекта, теперь главную роль в нем играют руководители новообразованного фонда. Эти люди получили прекрасные высокооплачиваемые должности. Их забота состоит в том, чтобы проект успешно продолжался. Обрати внимание на мою формулировку. Именно продолжался, и как можно дольше. Окончание проекта означает закрытие фонда и, как следствие, потерю престижного места работы. Вот за это место руководители фонда и сра-

жаются. Они готовы залить водой всю планету, потом высушить ее и снова утопить. Лишь бы остаться в своем кресле.

Я откашлялся и попытался вставить, что, мол, я и пытался сказать это комиссии. Однако под строгим взглядом шефа осекся.

— Ну да, именно это ты и собирался сообщить комиссии. Открыть глаза нам, ничего не понимающим старикам. Объяснить, что ООП попусту транжирит деньги налогоплательщиков, а ее чиновники заняты лишь собственной карьерой. Ты это хотел сказать?

Я понуро кивнул. Шеф усмехнулся:

— Поэтому тебе и велели заткнуться. Не надо рассказывать пожилым людям элементарные истины. Они знают лучше. Поэтому и сидят за столами, а ты подставляешь свою задницу под бандитские пули.

Шеф взглянул на меня, ожидая моей реакции, не дождался и продолжил:

— Так вот, вернемся к твоей миссии на Терции. Она, конечно же, была необходима. Без твоего вмешательства мы здесь, на Земле, ничего не могли сделать. Только поставив руководство фонда перед фактом, что проект уже не действует, мы смогли добиться объективного рассмотрения ситуации и окончательно закрыть проект обводнения Терции. Ты свое задание выполнил, и, мое мнение, никаких претензий к тебе быть не должно. Человеческих жертв не было, а экономический ущерб в конечном итоге только помог предотвратить еще большие бессмысленные траты. Я уже не говорю об экологической катастрофе.

Я воспользовался тем, что шеф ненадолго замолчал, и решил воспользоваться случаем, чтобы разрешить мучивший меня вопрос.

— Кстати, о материальном ущербе. Вы ведь не всерьез сказали, что вычтете стоимость атомных мин из моего жалования?

Этого шеф не выдержал. Он поднялся из кресла и, нависая надо мной, зарычал:

— И вот тут мы подошли к самому интересному моменту нашего разговора. О том, КАК ты выполнил свое задание. Я

тебя посылал блокбастер снимать? Ты решил получить Оскара за кадры с видами климатической установки, погибающей в атомном взрыве? А ты подумал, какой резонанс будут иметь твои взрывы? Страшно даже подумать, чем все это могло кончиться!.. Тебе как сотруднику Организации представлена практически неограниченная свобода действий. Однако это не значит, что нашим агентам позволено взрывать к чертовой матери не понравившиеся им города и веси. И, кстати, это также не означает твоей полной безнаказанности. Позволь тебе напомнить, что Организация была создана с целью негласного контроля над ООП. Повторяю: негласного. Наша цель корректировать ее действия и исправлять ошибки. Причем заметь самое главное — мы делаем это так, чтобы никто, понимаешь, никто об этом не узнал. Таким образом, мы, с одной стороны, помогаем сохранить ООП ее лицо, а с другой, компенсируем негативные последствия ее деятельности.

Я кивнул.

— Организация — это один из самых законспирированных институтов Земли, но в конечном счете мы не всесильны. У нас тоже есть начальство. Нас тоже тщательно проверяют и контролируют. Мы регулярно отчитываемся за свою деятельность. Впрочем, все это ты знаешь или догадываешься. А вот чего тебе знать было не положено, так это то, что в последнее время находится все больше и больше желающих приструнить или вовсе закрыть нас. Они ищут любой повод, чтобы лишить нас части или даже всех наших полномочий и привилегий. Мы торчим у них как кость в горле. Они уцепятся за любой повод, чтобы всем вместе навалиться на нас и уничтожить. Поэтому именно сейчас мы должны работать вдвойне осторожно.

Я снова кивнул.

— И в такой ситуации ты устраиваешь погром на Терции! Ты хоть можешь представить себе, каких усилий мне стоило отмазать тебя и всю Организацию после твоего несанкционированного атомного взрыва?

— Двух,— быстро поправил я.

— Что? — переспросил шеф.

Это моя маленькая хитрость. Шефа надо отвлечь, и все будет в порядке. Он не может долго орать на одну и ту же тему.

— Я говорю: взрывов было два.

— Все равно! Я повторяю: несанкционированного атомного взрыва! — продолжал бушевать шеф, но это был уже не тайфун, а так, небольшой шторм. Макар Иванович уселся в кресло и сообщил мне: — Так вот, с этого момента и до моего особого распоряжения я ввожу персонально для тебя мораторий на применение ядерного оружия. Вообще, больше никаких мер массового воздействия крепче мордобоя.

— Но, Макар Иванович, а как же я без...

— Я сказал!! — хлопнул ладонью по столу шеф. Так Каменный Утес объявлял, что в связи с продовольственным кризисом в пещере на обед племя будет есть его любимую тещу. Так, наверное, говорил великий вождь Ин-Чу-Чун, объявляя, что завтра его трусливый племянник пойдет в одиночку ловить дикого буйвола и вернется со шкурой или погибнет настоящим мужчиной. Так министр финансов объявляет, что государственный золотой запас разворован и с завтрашнего дня держава переходит на валюту соседней страны. Много можно привести примеров, заканчивающихся грозным «Я сказал!». Общее у них в том, что такие приказы принимают подчиненными беспрекословно и единогласно. Мне оставалось только пожать плечами.

— Как прикажите. Разрешите идти?

— Нет, сиди здесь!

Раскрасневшийся Макар Иванович отрицательно покачал головой. Он поднялся со своего места, не торопясь прошел к шкафу, открыл его и достал большую красивую бутылку водки. Все так же не торопясь он налил себе в пузатую хрустальную рюмку и с чувством выпил. Откуда-то из того же шкафа он достал соленый огурец и, аппетитно хрумкая, пошел обратно. Я почувствовал, как мой рот наполнился слюной.

— Тебе не дам, ты на работе, — прочитав мои мысли, сообщил шеф.

Я деликатно промолчал.

— Так вот, дружок, если ты думаешь, что эта комиссия по твою голову была последней, то ты жестоко ошибаешься. Сегодня была внутренняя дисциплинарная комиссия, практически все мои старые приятели. Но не пройдет и пары дней, как придется повторять все сначала, только другим составом. Ты уже понял, что доброжелателей у нас море, а тут такая возможность сожрать нас с потрохами. Сделают из тебя козла отпущения, а под этим соусом достанется и всей Организации. Так что тебе надо срочно исчезнуть из поля зрения.

— А у меня как раз отпуск неиспользованный за три года,— намекнул я.

— Отпуск не годится,— отмахнулся шеф.— Отзовут.

— А я спрячусь куда-нибудь подальше... — Я все еще на что-то надеялся, как будто забыл, что, отправляясь в отпуск, агент обязан предоставить контактные адреса.

— Лучше я сам тебя запихну подальше,— решил шеф.— Дай мне подумать.

Он думал, а я сидел и исподволь разглядывал его. Макар Иванович Ленский, мой непосредственный начальник, царь и бог, глава российского отдела Организации, сидел за своим необъятным столом, откинувшись в кресле и неподвижно уставившись в потолок. Я знаю его уже десять лет. С тех пор как шеф оставил оперативную работу, он слегка обрюзг и отпустил животик. Пожалуй, это его единственная особая примета, если в наш век излишнего веса легкую полноту можно считать отличием. А так, внешность у Макара Ивановича абсолютно не запоминающаяся. Среднего роста, глаза карие, волосы темные, но не слишком, лицо правильное, фигура стандартная, слегка сутулится при ходьбе. Обычный обыватель, каких миллионы. Почтенный отец семейства, наемный служащий некрупной фирмы. Мечта всей жизни — накопить пенсию и уйти в отставку. Человек с такой внешностью мгновенно растворяется в толпе. Вы можете разговаривать с ним более часа, и потом вам не удастся описать его. Даже профессионал с трудом может составить его фото-

робот. Мы специально проверяли, и у всех получались разные люди.

Но внешняя мягкость и слабость обманчивы. Внутри этого человека находится стальной стержень. Скорее, даже не стержень, а пружина, упругая, туго стянутая. Распрямляясь, она заставляет вращаться вокруг него всю нашу команду. Он отдает себя работе без остатка и требует того же от других. Он тиран и деспот. Он пьет из нас соки и закусывает нашими телами. Он заставляет нас делать невозможное, а потом морщится и заявляет, что мы последние лентяи и бездари. Мы его ненавидим и обожаем одновременно.

Шеф критически осмотрел меня, как бы проверяя — достоин ли я того дерьма, в которое он собирается меня окунуть. Он всегда преподносит новое задание так, будто это исключительно ценный подарок от него лично.

— Ты не смотрел вчера вечерние новости,— не то спросил, не то объявил он.

— Как раз вчера у меня была уважительная причина.

— Знаю я твои уважительные причины: кувыркался в постели с очередной любительницей экстремального секса. Или надирался в баре. А скорее всего, совместил оба занятия.

— Шеф, половую жизнь агентам пока не запрещали. А выпил я вчера от огорчения, после разноса, который вы же и учинили мне.

— И правильно сделал,— буркнул себе под нос Макар Иванович.

Я не стал уточнять, кто именно правильно сделал — он, устроив мне разнос, или я, напившись. Буду понимать как выгоднее. А шеф в это время кивал головой, с удовольствием вспоминая вчерашнюю головомойку. Затем он прервал воспоминания:

— Давай-ка прямо сейчас, вместе и посмотрим вчерашний вечерний выпуск «Межпланетных Новостей». Есть там кое-что интересное.

Он отдал тихую команду, и на экране пошла запись. Хотя нас интересовал один-единственный материал, мы стали

смотреть весь выпуск целиком. Так положено. Кроме самой новости, важно видеть, как и в каком соседстве телевизионщики подают материал в эфир. Это может много сказать понимающему человеку.

Новости были обычные: там по-прежнему воюют, тут по-прежнему мирятся; здесь что-то открыли, там что-то закрыли; построили-разрушили; погибли-родились; украли-произвели; убили... Природа всегда находит способ восстановить равновесие, вот только с убийствами почему-то фокус не проходит. Но человечество оптимистично смотрит в будущее, глядишь, что-нибудь и получится, главное не оставлять усилий и убивать, убивать. То-то журналистам раздолье.

Ну да, вот мы и дождались своего сюжета — свеженькое безобразное убийство. Двое малышей-инопланетян, по нашим меркам — десятилетние пацаны. И что же с ними сделали? Бог ты мой, никогда я не привыкну к таким кадрам. А этот тип с микрофоном извиняется, что они не смогли организовать качественную трехмерную передачу, поскольку это не репортаж журналиста, а кадры из полицейского расследования. Поэтому у нас на экранах «картинка смазана». Как бы я тебе самому сейчас смазал!

Дальше шел прогноз погоды, и на этом новости закончились. Я посмотрел на шефа. Тот молча ждал моей реакции. Шеф никогда не упустит возможности лишний раз проверить агента. Вот и сейчас он хотел, чтобы я сам назвал интересующий его материал.

— Убийство детей-инопланетян, — уверенно сказал я.

Макар Иванович согласился:

— Да, конечно, не конкурс же бальных танцев.

— Лучше бы конкурс. Вы знаете, никак не могу привыкнуть, когда убивают детей.

— Вот и не привыкай, — грустно улыбнулся шеф. Затем посерьезнел. — Твои выводы?

— Причина убийства — скорее всего пьяная выходка молодняка. Или наркотиков набрались. Виновных вероятнее всего не найдут и не будут искать.

— Это очевидно. Дальше.

— Какой резонанс это будет иметь на планете, сказать трудно, зависит от общей обстановки. А об этом судить из сообщения невозможно. Все описано очень скользко, невнятно.

— Хорошо. Что еще?

— А еще вот что. Я же говорю, материал какой-то скомканный. Как будто диктор не хотел всего говорить. Это довольно странно. Обычно они наоборот, треплются на пустом месте. А этот даже названия планеты не сказал, упомянул только созвездие Лебеда.

Шеф встрепнулся:

— Ты точно запомнил? Впрочем, прости: конечно, помнишь. — Он задумчиво полистал свои записи. — Ну да, я тоже обратил на это внимание.

Еще бы! Завтра он скажет, что именно он сказал мне об этом. Ладно, простим старику.

— Но ты не отвлекайся, продолжай! — подбодрил меня шеф.

— Ну, в общем-то в этом и заключается самое интересное. Кто-то, очевидно, хочет спустить убийство на тормозах, не привлекая к нему внимания. Материал пустили в новостях в самом конце. Перед сообщением об интересующем нас убийстве был показан длинный репортаж о скандальном разводе двух кинозвезд. А сразу после нашего материала пошел прогноз погоды. Таким образом, начало репортажа большинство зрителей не увидит, потому, что начнет активно обсуждать подробности жизни любимых актеров. А позже переспрашивать, что там случилось и кого убили, зрителью опять же будет некогда, потому что начался прогноз погоды. Факт общеизвестный. У всех дома компьютеры с самой свежей информацией, никто не выходит из дома, прежде чем не уточнит десять раз, какая там погода сейчас и какая будет вечером, но при этом все обязательно слушают прогноз в новостях по гиперу. Бросают все дела и слушают затаив дыхание; будто это сводка сообщений с фронта.

— В общем,— закончил я,— место для репортажа самое невыгодное. То есть репортаж как бы и показан в новостях, но фактически его никто не видел.

— Ну что ж,— подытожил Макар Иванович,— ты прав. Я тоже обратил на это внимание. Вот и слетай туда, разберись.

— А куда лететь-то?

— Ну да, ты еще не в курсе. Я запросил в Интерполе подробные данные по этому убийству. Планета называется Деметра, относится к земному типу. Коренное разумное население — это те самые ящеры. Колонизирована Деметра менее ста лет назад. Там было открыто месторождение какого-то ценного химического сырья. ООП выделила средства и на паях с колонистами построила рудник. Город, где произошло убийство, единственный на планете. Часть его населяют колонисты, в другой живут ящеры. За все время колонизации подобных инцидентов не отмечалось. Хотя полицейская статистика показывает определенное нарастание напряженности между людьми и ящерами в последние годы. Так что убийство, возможно, и не такое случайное, как кажется на первый взгляд.

— И что мне прикажете там делать? Прицепить себе хвост и выяснять у местных, кто уколошил этих мальчишек? А полиция на что?

— Вот смотрю я на тебя, Андрей, и удивляюсь,— скорбно заявил шеф.— Вроде уже сам все сформулировал и опять за свое... — Он повысил голос.— Да, если понадобится, прилепишь себе хвост и отрастишь гребешок на голове.

Я вытянулся по стойке «смирно» и рывкнул:

— Так точно! Задание понял! Разрешите идти?

Шеф даже не улыбнулся. Я продолжал стоять и есть начальство глазами. Начальство смягчилось.

— Ты вот что. Кончай бузить. Не забудь, что тебе надо спрятаться от комиссий. Это и будет твое основное задание. Кстати, и отпуск отгуляешь. Отправляю тебя первым классом. Лететь придется почти неделю, успеешь отдохнуть по полной программе.

Я сменил стойку на «вольно».

— Ну вот, уже лучше,— похвалил меня шеф.— А теперь иди и постарайся подумать на досуге, отчего на мирной процветающей планете вдруг происходят подобные казусы. И

еще: кто-то очень боится, что убийство получит широкую огласку.

Наконец шеф отпустил меня, и я вышел из кабинета. Секретарша уже ушла домой, она была обычной конторской служащей, которой разрешается уходить с работы вовремя. Я прошел по пустому коридору и вышел во двор. Наше здание располагалось в лесу в пригородах Калуги. Внешне ничем не примечательное сооружение, окруженное высоким забором с сигнализацией. На въезде табличка «Научно-исследовательский институт флуктуально-гармонических энтицидов». Каждый раз, проезжая мимо нее, я напоминаю себе спросить у кого-нибудь, что это означает. И каждый раз забываю.

Погода была чудесная: оказывается, уже наступила весна. Низкое вечернее солнце било в глаза. Я вздохнул полной грудью свежий лесной воздух. Сразу же захотелось курить. Я вспомнил, что не курил почти весь день, и достал сигареты. Необходимо срочно восстановить привычный уровень никотина в крови. Закурив, я осмотрелся вокруг. И от такой красоты мне опять надо улетать, подумал я. Вот так всегда — не успеешь перевести дух после предыдущего задания, как тут же наваливается следующее. Что поделаешь, такая работа. Тут мне недавно приснился покой, но это был только сон.

ГЛАВА 4

Анри Лувьер включил камеру. Ему было не по себе после перелета в тесной неудобной каюте «Кондора». Анри провел сутки в условиях, подходящих разве что нищим беженцам с перенаселенной голодающей планеты. А после приземления у него даже не было времени принять душ и переодеться. В той же одежде, усталый и потный, он должен сейчас снимать репортаж, за которым они летели в такой спешке. А ведь он один из лучших операторов крупнейшей компании новостей. Впрочем, легкой работы у журналистов не бывает, это Анри понял давно. И заодно усвоил, что не следует задавать

лишних вопросов. Иначе он бы не работал вместе со знаменитым на всю Галактику телеведущим Гарри Найтом.

Ровно сутки назад его съемочную бригаду внезапно сорвали с плановой работы и велели срочно готовиться к полету на Деметру. Они сели в свой микроавтобус и отправились в космопорт. Скоростной корабль «Кондор» компании «Межпланетные Новости» в спешке готовился к отправлению. Журналисты по-военному четко и быстро погрузились в корабль, и «Кондор» устремился вверх. Едва выйдя из атмосферы Земли, «Кондор» стал разгоняться в форсированном режиме. Через пару часов капитан включил гипердрайв и нырнул в подпространство, серьезно нарушив таким образом навигационные правила, запрещавшие делать это внутри Солнечной системы.

Супер-экспресс класса «Кондор» — одно из самых быстрых средств передвижения по Галактике. У военных, конечно, есть кое-что покруче, но из всего арсенала средств, доступных гражданским лицам, «Кондор» самый быстрый. Заодно и самый неудобный. «Кондор» состоит в основном из чудовищной мощности двигателя, который вместе со вспомогательным оборудованием занимает практически весь объем корабля. В «Кондоре», принадлежавшем компании «Межпланетные Новости», к тому же смонтирована небольшая аппаратная гидерсвязи. Через нее передвижная съемочная группа могла напрямую выходить в эфир.

Понятно, что свободного пространства внутри такого корабля оставалось всего ничего. Пассажиры во время полета ютились в крошечных каютах с откидными двухъярусными нарами. Питались вместе с командой на небольшой кухне. Там же при необходимости проводили общие собрания. Ну, а кубрик команды по тесноте и перенаселенности походил скорее на тюремную камеру.

Все это, однако, компенсировалось скоростью полета. Все ведущие компании теленовостей имели свой «Кондор». Высокое начальство никогда не пользовалось этим средством передвижения. На нем летали журналисты, спешившие сделать репортаж по горячим следам. «Кондор» стоил очень до-

рого и выпускался исключительно по персональным заказам. Но ни цена, ни высокая стоимость эксплуатации, ни бешеные командировочные, которые приходилось выплачивать журналистам в качестве компенсаций за неудобства, не останавливали телевизионщиков. Это окупалось. Вовремя снятый и показанный репортаж покрывал все расходы.

Анри вздохнул и подрегулировал качество изображения на контрольном мониторе. Затем показал рукой, что готов, и нажал на кнопку. На камере загорелась красная лампочка, пошла запись. Стоящий перед камерой журналист поднял микрофон и улыбнулся. Началась обычная работа.

— Здравствуйте, мои дорогие! Вы смотрите программу «Прямой Микрофон» и, как всегда, с вами я, ее ведущий Гарри Найт. Сегодня мы приготовили для вас очередной сюрприз. Мы с вами находимся на планете Деметра. Вы наверняка уже догадались, о чем сегодня пойдет речь. Ну, а для тех, кто почему-то не смотрел наш канал вчера, а также для всех остальных наших зрителей мы повторим эти волнующие кадры.

Изображение обаятельного щеголеватого ведущего сменилось записью сообщения об убийстве ящеров-подростков. Затем ведущий появился снова.

— Побеседовать с нами об этом происшествии согласились представители администрации Деметры. Давайте познакомимся, рядом со мной председатель общественного Комитета Города, господин Ясутаке.

Камера отъехала и показала импровизированную студию, устроенную в холле гостиницы фактории ООП на Деметре. На диване сидели два мужчины. Ведущий сел рядом с одним из них.

— Итак, господин Ясутаке, что вы можете сказать об этом ужасном происшествии?

Господин Ясутаке, представительный мужчина средних лет с азиатскими чертами лица, заговорил приятным проникновенным голосом профессионального политика:

— Прежде всего, я хочу принести мои искренние соболезнования семьям погибших. Мы выделили крупную денеж-

ную сумму в качестве компенсации. После окончания траура мы вручим ее родителям погибших мальчиков.

— От имени наших телезрителей я благодарю вас, господин председатель, за этот благородный поступок. Однако что же послужило причиной столь ужасного происшествия? Как складываются отношения между коренным населением планеты и жителями Города?

— Отношения с местным населением у горожан очень теплые, добрососедские. Начало им было положено с первых дней высадки на Деметре, и так будет продолжаться и впредь. То, что произошло недавно, ни в коем случае нельзя считать закономерным. Это трагическая случайность, нелепое происшествие. Должен заметить, что это единственный случай подобного рода за всю историю Деметры.

— Вы знаете, что комиссия по расовым конфликтам готовится принять решение, осуждающее происшедшее?

— Я не хочу оспаривать решения такого уважаемого Комитета, но на Деметре нет расового конфликта. Я могу заявить об этом со всей ответственностью. Мы всемерно укрепляем и расширяем наши дружеские отношения с коренным населением планеты.

— Скажите, у вас есть своя версия происшедшего?

— Расследование преступлений и составление версий — это функция полиции. Я, со своей стороны, убежден, что убийство произошло не на почве расовых предрассудков. Это была нелепая и трагическая случайность. В целом, в Городе царит прекрасная дружеская атмосфера. Не стоит делать поспешных выводов из одного единственного происшествия. Этот инцидент не сможет омрачить старую дружбу людей и ящеров.

Камера снова наехала на ведущего. Гарри одарил зрителей безукоризненной улыбкой популярного тележурналиста:

— А теперь я представляю вам сотрудника по внешним связям миссии Организации Объединенных Планет на Деметре, господина Ривкина. Здравствуйте, господин Ривкин. Скажите, пожалуйста, каковы основные функции миссии ООП?

Камера повернулась, и в кадре стал виден господин Ривкин, невысокий седеющий мужчина с невыразительным лицом, маленькими бегающими глазками и значком миссии ООП на лацкане пиджака. Несмотря на прохладу в студии, он сильно потел и, пока разговаривал с ведущим, все время нервным жестом вытирал пот со лба. По его манере разговаривать было видно, что он, как и Ясутаке, не впервые выступает перед большой аудиторией. Но, в отличие от Ясутаке, Ривкин заметно нервничал:

— Миссия ООП прибыла на Деметру по решению комиссии по оказанию помощи развивающимся планетам. Мы организовали здесь факторию и обеспечиваем ее работу. Деятельность фактории охватывает как поселенцев, так и местных жителей.

— Если можно, расскажите подробнее о вашей деятельности.

— Наша функция по отношению к местным жителям в основном носит просветительный характер. У нас открыта библиотека, для которой на язык ящеров переведены лучшие образцы мировой литературы. Мы организовали воскресную школу для их детей. Кстати, один из погибших мальчиков регулярно посещал ее.

— Да,— покивал головой ведущий,— все это очень печально. А что вы делаете для поселенцев?

— На Деметре действует единая для всех планет содружества программа социальной защиты колонистов. Эта программа включает обеспечение прожиточного минимума населения, всевозможные оздоровительные мероприятия, программы обучения и переквалификации и многое, многое другое.

— Я благодарю вас, господин Ривкин, сотрудник миссии ООП на Деметре. А теперь наш последний, самый неожиданный гость, старейшина местной общины ящеров, господин Туулькс.

Ведущий поднялся с дивана и отошел в сторону. Камера едва успела за ним и, сделав полный разворот, показала ящера, стоявшего рядом. Он был одет в принятую у ящеров для официальных случаев серую одежду. Эта одежда изготавли-

валась из материи, которая по своему цвету и самой фактуре очень похожа на их кожу. Обычно ящеры одеваются ярко, даже пестро. Видимо, для того, чтобы скрасить окружающий их унылый серый пейзаж. Однако, по каким-то непонятным людям правилам этикета, на официальные мероприятия ящеры одеваются так, что непосвященному взгляду в общем-то не понятно, где кончается одежда и начинается непосредственно сам ящер.

Рядом с высоким, подтянутым и каким-то очень ярким Найтом маленький ящер в своем сером одеянии выглядел как домашний зверек или даже болотная кочка.

— Здравствуй, господин Туулькс. Прежде всего, позвольте выразить вам от имени наших телезрителей соболезнования с тяжелой утратой, которая постигла вашу общину.

Ящер молча кивнул. Давно известно, что жесты языка перенимаются так же, как сам язык, но этот чисто земной кивок производил странное впечатление.

— Скажите, каковы на ваш взгляд взаимоотношения между поселенцами и ящерами? — продолжал тем временем ведущий.

— На руднике мы работаем все вместе, — ответил ящер на вполне понятном английском. — Бригады ящеров бок о бок трудятся с бригадами колонистов-землян.

— Скажите, а вам не сложно работать вместе с людьми? — Репортер добродушно улыбнулся. — Они ведь должны казаться вам такими громоздкими и неповоротливыми?

— Мы распределяем работу так, чтобы как можно лучше использовать природные возможности каждого члена нашей команды.

Репортер расцвел от удовольствия:

— А в свободное от работы время вы, наверное, тоже встречаетесь? У вас ведь наверняка найдется, о чем поговорить с вашими соседями?

— Да о чем с ними можно разговаривать? Они же ничего не соображают, весь день шатаются без дела по Городу, только ткана их и интересуется. Водители грузовиков — те, конечно, нормальные. Но ведь они наемные, с других планет. А

местные — нет, местные совсем опустились. Совсем ни на что уже не годятся, просто лентяи и бездельники. Такие вот подонки и убили наших мальчиков.

— Стоп, стоп!!! — закричал ведущий. Своими рассуждениями ящер явно выбился из сценария. — Господин Туулькс, мы же с вами договаривались. Ткана здесь ни при чем. Вам надо просто подтвердить, что в Городе установлены нормальные дружеские отношения между ящерами и людьми.

Господин Туулькс молчал, и только его хвост едва заметно подрагивал. Лица ящеров лишены мимических мышц, и эмоции они выражают движениями хвоста. Человек, хорошо знакомый с их культурой, сразу смог бы понять, что ящер взволнован и возмущен до предела.

Найт не был специалистом по эмоциям ящеров, зато он был прекрасным психологом и понял ящера без дополнительных объяснений. Он отвернулся от камеры и закричал:

— Ривкин, черт вас возьми, что это такое! Вы обещали, что никаких проколов не будет. Разбирайтесь сами со своим подопечным.

Побагровевший от гнева Найт повернулся на каблуках своих дорогих элегантных туфель и пошел к двери, доставая на ходу пачку сигарет из кармана. В коридоре он прислонился к стене и задумчиво закурил. Через две минуты дверь снова открылась, и мимо Найта в ботинках на толстой подошве неуклюже прошагал господин Туулькс. Он на секунду остановился, и его хвост проделал ряд замысловатых движений в сторону журналиста. Найт уловил общий смысл жеста и решил с ящером не заговаривать. Он только проводил взглядом несостоявшуюся звезду своего репортажа и вернулся в студию. Там он первым делом вопросительно посмотрел на Ривкина. Тот отрицательно покачал головой.

— Черт с ним. У нас и так достаточно материала, — подвел черту Найт. Затем он обратился к техникам. — Вырежьте его последнюю фразу, и продолжаем.

Журналист взял микрофон и сделал знак начинать. Снова включили камеру, и Найт привычно превратился в ведущего.

— Вы смотрели эксклюзивный репортаж с планеты Деметра. Оставайтесь с нами. Только на канале «Межпланетные Новости» вы узнаете о самых свежих убийствах и катастрофах. Напоминаю: спонсор нашей передачи — напиток «Шпрейтс». Напиток «Шпрейтс» подарит свежее дыхание и навсегда избавит от пота и перхоти. А теперь реклама.

Запись была окончена. Найт скомандовал:

— Все за работу. Быстро монтировать и в эфир.

Сбросив с лица выражение внимательного собеседника и блистательного телеведущего, Гарри обнял Ривкина за плечи и отвел в угол студии:

— Главное мы все-таки успели записать. Важно, что он рассказал, как на руднике поселенцы работают вместе с ящерами.

— Господин Найт, — спросил Ривкин, — а как нам быть с корреспондентами других компаний? Мне сообщили, что к нам собираются представители «Независимого Телевидения», «Народного Вещания» и несколько других, помельче.

— Не переживайте, Ривкин. Я уже объяснил там, — он показал куда-то вверх, — и теперь повторяю еще раз. Наша компания «Межпланетные Новости» просто так «Кондор» не гоняет. Я не говорю о том, сколько это стоит. Вы хоть представляете себе, что такое перелет на «Кондоре»? Я, знаете ли, не привык летать в таких условиях. Зато я опередил всех почти на неделю. Другие компании и так рискуют, посылая сюда корреспондентов: ваш материал годится только в горячие новости, потом интерес к такого рода информации пропадает. Сейчас по каналу «Межпланетные Новости» пойдет наше интервью. И все, тема будет закрыта насовсем. Больше репортажей здесь делать нечего.

Он наконец снял руку с плеча Ривкина и посмотрел тому в глаза:

— Вы что, думаете, интервью с Деметры можно передавать круглые сутки? То, что мы сегодня сняли, был ваш исторический шанс показаться на телевидении. Больше такой возможности в ближайшее столетие у вас не будет. Ваша

квота на интерес галактического зрителя выбрана полностью. Живите спокойно, Ривкин!

Ривкин кивнул.

— Да, я согласен с вами. Но мне неясно другое. Я ведь предупредил вас по телефону об этом убийстве. Почему же компания тем не менее сообщила о нем в новостях?

— Это высшая политика,— неторопливо стал объяснять Найт.— Подобный материал скрыть невозможно. Информацию об убийстве передала местная полиция. Они обязательно сообщают о всех подобных происшествиях в центральное управление на Земле. Таков порядок. В пресс-центре управления полиции постоянно дежурят корреспонденты новостных компаний. Если бы мы первыми не перехватили это сообщение, материал об убийстве показал бы кто-то другой. И непонятно: под каким соусом... Поэтому наш корреспондент в пресс-центре полиции выкупил право на эксклюзивный репортаж. Это обычное дело, все компании практикуют подобные сделки, даже заключено джентльменское соглашение. Поскольку нет смысла повторять такие новости по всем каналам, то обычно те, кто первыми узнают что-то, и выпускают новости в эфир. Когда материал стал исключительно нашим, мы постарались причесать его. Диктор даже умудрился не произнести названия планеты. Пустили новость в самом конце выпуска, чтобы не привлекать к ней внимания.

— Да, новость прошла почти незаметно,— подтвердил Ривкин.— Но тем не менее вы сегодня прилетели.

— Я услышал, что «Независимое Телевидение» и «Народное Вещание» собираются снять собственные репортажи непосредственно на месте происшествия. Договором это не запрещается. Такой репортаж уже не горячая новость, а аналитический обзор по следам события. Договоренность на такие материалы не распространяется, компании вправе посылать корреспондентов по собственному усмотрению. Но поскольку я всех опередил, то другим журналистам здесь делать уже нечего. Чтобы компании интергалактических новостей вновь заинтересовались Деметрой, здесь должен, как

минимум, произойти крупный природный катаклизм или же начаться гражданская война.

— Не надо,— поспешно произнес Ривкин.

— Сам не хочу.

Найт повернулся к техникам и закричал:

— Ну что, я сегодня дождусь готовый ролик?

Техники — профессионалы, работавшие с Найтом не первый год — привычно промолчали в ответ на крики и продолжали работать. Через десять минут Ривкин уже смотрел смонтированную программу, а еще через десять минут во всей Галактике по телевизорам, настроенным на волну канала «Межпланетные Новости», диктор объявил, что они прерывают запланированные передачи, для того чтобы показать экстренный выпуск программы «Прямой Микрофон» с Гарри Найтом, снятый на Деметре.

Среди миллионов людей, которые увидели репортаж с Деметры, были два человека, которые могли бы заинтересовать читателя. Первым из них был главный редактор компании «Независимое Телевидение». В его кабинете стояли три телевизора. Все три работали одновременно и показывали разные программы. Первый, естественно, транслировал собственный канал компании. Два других были настроены на каналы компаний конкурентов — «Межпланетные Новости» и «Народное Вещание». Поэтому репортаж Найта редактор увидел сразу и внимательно просмотрел. Затем он вызвал заведующего северным сектором и в мягкой форме сделал ему выговор за нерасторопность. Заведующий молча выслушал выговор и, не пытаясь оправдаться, вышел из кабинета. Он пожал плечами и пробормотал что-то насчет бешеных денег, которых стоит поездка в такую глушь, как Деметра, и что его должны, наоборот, благодарить, так как корреспондент еще не успел улететь. Затем вернулся в свой кабинет и распорядился отменить запланированную ранее поездку журналиста на Деметру.

Вторым человеком, интересующим нас, был корреспондент «Народного Вещания». Он в это время находился в противоположной точке Земли, в зале ожидания космопор-

та Аделаиды. Корреспондент как раз ожидал начала регистрации пассажиров на лайнер, отправляющийся в созвездие Лебедя. Журналист имел задание от редакции полететь на Деметру и взять интервью у мэра, начальника полиции или кого угодно, лишь бы тот занимал хоть какой-нибудь официальный пост. Передачу Гарри Найта журналист увидел по огромному телевизору, установленному в центре зала. Он сразу понял, что его поездка теперь не имеет смысла. Возвращать огромные командировочные не хотелось. Будь что будет, решил корреспондент, потом разберемся. Он сделал копию со своего билета и аккуратно подшил ее в папку для бухгалтерского отчета. Потом он зашел в кассу, вернул билет на Деметру и на эти деньги купил двухнедельный тур на курорт Эльдорадо.

ГЛАВА 5

Когда я пришел утром на работу, меня уже ждал билет на лайнер, отправляющийся через час из Шеффилда. Однако улететь утром, конечно же, не получилось. Сначала выяснилось, что старт лайнера из Шеффилда отложен на несколько часов из-за неполадок с двигателем. Я же, со своей стороны, должен был еще сделать кучу дел. В бухгалтерии я сдал отчет о предыдущем задании и оформил бумаги для нового. В плановом отделе мне пришлось составить общий план выполнения задания на Деметре, указать временные сроки и планируемые действия. В отделе координации я заполнил бланки взаимодействия с другими подразделениями. Стандартные процедуры, через которые обязательно проходят все агенты. Все это откровенная чушь, но приходится ею заниматься. Многолетние навыки позволяют мне отделываться ничем не значащими, стандартными формулировками. Но и это занимает кучу времени.

Вот и сегодня я провозился так долго, что даже фора во времени из-за поломки звездолета мне не помогла. Когда я, наконец, оказался в шатле, который должен был доставить

меня в Шеффилд, выяснилось, что лайнер уже улетел. Надо было его догонять. Пришлось уговаривать капитана подобрать меня на Марс, где все рейсовые лайнеры также делают остановку. Капитан брызгал слюной и кричал, что он не извозчик, что и так прождал меня целый день. Он спрашивал, кто оплатит ему простой, и обещал немедленно уволиться к чертовой матери. Я не обращал внимания. Это непереносимый ритуал. Каждый рейс наш капитан оформляет как личный подарок пассажирам.

Закончив орать, он деловито уточнил наш маршрут, и мы стартовали. Лайнер я успешно догнал и зашел на борт ровно за минуту до того, как подняли трап. Радушный стюард встретил меня как внезапно объявившегося, давно потерянного любимого дедушку. Невзирая на мои протесты, он подхватил мой немудреный багаж и проводил меня до дверей каюты. Я сунул в протянутую руку мелкую купюру и закрыл за собой дверь. Наконец я был на борту и один.

Я с удовольствием осмотрел каюту-люкс. Она больше походила на номер в дорогом отеле. Так называемая каюта состояла из нескольких комнат и включала в себя большую и малую гостиные, кабинет, курительную и спальню. Ванная комната по размерам не уступала гостиной и имела специальную нишу для тайского массажа.

Полеты первым классом — одна из немногочисленных привилегий, которой могут пользоваться полевые агенты Организации. Шеф отправляет своих сотрудников путешествовать в подобной роскоши отнюдь не из человеколюбия, которое, на мой взгляд, у него полностью отсутствует. Часто агенты Организации летят на задания под видом богатых бизнесменов или крупных чиновников, и здесь необходимо досконально следовать легенде. Бухгалтерия из всех сил пытается запретить такое растраниживание бюджета, но шеф неумолим. Мы продолжаем летать по Галактике первым классом и делаем при этом вид, что идем на такую жертву исключительно в служебных целях.

Сегодня я летел под легендой сотрудника Организации Объединенных Планет. В кармане моего пиджака лежали до-

кументы, подтверждающие, что я, сэр Эндри Карачаев, являюсь инспектором санитарно-экологической комиссии Организации Объединенных Планет. Другая, не менее грозная бумага сообщала, что я направлен комиссией для инспектирования санитарно-экологической обстановки на планете Деметра. Мой багаж, кроме необходимого рабочего оборудования, содержал несколько очень дорогих костюмов, выданных мне на время командировки, чтобы я мог соответствовать высокому званию санитарного инспектора. Ну и, конечно, билет первого класса, купленный исключительно в целях конспирации.

Не успел я обойти весь номер, как загудел интерком. На экране показалось сладкое лицо в форме компании «Интерселлар», обслуживавшей рейс.

— Добрый вечер, господин Карачаев! — голос у мужчины тоже был прямо-таки медовый. — Я главный стюард корабля. Простите, что беспокою вас.

— В чем дело? — ответил я несколько раздраженным голосом.

— Компания «Интерселлар» приветствует вас на борту лайнера «Северная Звезда».

— Привет, привет, — бросил я ему, отворачиваясь от экрана. — Надеюсь, это все?

— Простите еще раз. Я обязан проинформировать, что питание для вас будет сервировано в Синем зале ресторана первого класса. Номер вашего столика третий, место номер два. Карточка с этой информацией лежит на столе у вас в кабинете.

— Э-э, благодарю.

— Днем график питания свободный. Общий обед сервируют в семь вечера. К сожалению, сегодня вы опоздали. Но, конечно, вы можете подняться в ресторан, когда вам будет угодно, и поужинать в одиночестве. Мы будем рады обслужить вас в любое время.

— Тогда лучше просто пришлите ужин сюда.

— Я немедленно распоряжусь.

— Это все?

— Еще меня просили передать, что ваша соседка по столу очень огорчена вашим отсутствием за обедом. Она просила справиться о вашем здоровье.

— Соседка по столику справляется о моем здоровье? — Я повернулся к экрану. — Кто она?

— Баронесса дин Гольд, с Антареса.

Что за черт, никогда не слышал о такой. С чего это она проявляет такую трогательную заботу обо мне? Очень не люблю, когда мною интересуются незнакомые баронессы. В любом случае, завтра я увижу эту любознательную аристократку за обедом в ресторане. Там, на месте, и разберемся.

— Передайте баронессе, что я весьма признателен и непременно увижусь с ней завтра вечером.

Приняв душ и наскоро поужинав, я отправился погулять по кораблю. Первым делом, попадая в новое место, я тщательно осматриваюсь. Эта привычка выработалась у меня за годы оперативной работы и не раз выручала меня. «Северная Звезда» была действительно великолепна. Поднявшись на этаж, предназначенный для отдыха пассажиров первого класса, я попал в обстановку почти непереносимой роскоши. Я прошел мимо концертного зала, откуда доносилась музыка струнного камерного оркестра. Прогулялся по смотровой палубе, которая кольцом охватывала весь этаж, заглянул в картинную галерею, миновал зимний сад, спортивный зал и бассейн. Запомнив, где расположены бар и Синий зал ресторана, в котором мне предстояло столоваться, я на лифте опустился ниже.

На этаже, отведенном пассажирам второго класса, я не задержался. Там не было ничего интересного, расположение помещений стандартное.

В третьем классе было, как обычно, шумно и тесно. Основное население здесь — эмигранты. И почему-то у всех огромные семьи. У обычных людей не бывает такого количества детей и пожилых родственников. Только у переселенцев. Откуда они берутся и куда деваются после переселения, для меня загадка. Все они страшно суетятся и галдят. В общем, это не самое подходящее место для любителей спокойных прогулок.

Именно так, этим ужасным третьим классом, в переполненном общем кубрике я недавно летел с Терции на Землю. Мне надо было удрать до того, как миротворцы ООП, отрабатывая свои огромные зарплаты, перекроют все выходы с планеты. Место на корабле удалось достать с большим трудом и с большой переплатой. За билет мне позже пришлось вынести серьезную войну в нашей бухгалтерии. Главный бухгалтер никак не верил, что я столько заплатил за простой билет третьего класса до Земли. Ему, видите ли, нужно вести отчетность. А мне надо было уносить ноги.

Быстро осмотрев переполненный отсек, я отправился дальше. Между пассажирской зоной и машинным отделением была расположена шлюпочная палуба. Ей я уделил больше внимания. Увиденным остался доволен. Двери шлюзов открывались одним поворотом рукояти, как и положено по правилам безопасности. На рукоятях висели пломбы, а на самих дверях была нанесена дата последней проверки спасательных корабликов. Подходы к шлюпкам были широкие и размечены светящейся в темноте краской. На безопасности пассажиров компания «Интерселлар» не экономила. Это внушало некоторую уверенность в завтрашнем дне.

Последним пунктом прогулки было машинное отделение. Туда я спустился на служебном лифте, кодовый замок которого вскрыл бы и ребенок. Проходя по коридору, я обратил внимание, что часть декоративной обшивки в стене отсутствует. В проеме виднелась невысокая железная дверь. Это был вход в систему ремонтных лазов двигателя. По этим узким извилистым коридорам, как червяки внутри яблока, передвигаются техники, обслуживающие и ремонтирующие гигантский комплекс гиперпространственного двигателя. Во время полета лазы не используются, а входы в них заперты и тоже опечатаны.

Я вспомнил, что старт лайнера из Шеффилда задержали на несколько часов как раз в связи с неисправностью двигателя. Видимо, ремонтники спешили и не стали ставить на место пластиковую панель, которая в обычное время прячет вход в ремонтные коридоры от посторонних глаз. Дверь, ко-

нечно, заперта на замок, но чисто символически. При желании я открою ее за полминуты.

Больше на корабле осматривать было нечего. Тем же служебным лифтом, без пересадок я поднялся на свой этаж и прошел в каюту. Там я сделал себе коктейль и уселся в мягкое кресло напротив экрана гипервизора. Лениво переключал каналы, нигде особо не задерживаясь.

Когда я уже собрался ложиться спать, то вспомнил, что в каютах такого ранга должен быть установлен компьютер-дворецкий. Так и оказалось. Программу можно было вызвать на экран того же гипервизора. Я сообщил дворецкому о своих вкусах и привычках и задал ему инструкции на случай непредвиденных обстоятельств. После этого разделся и лег. Меня ждала неделя путешествия в условиях, максимально приближенных к райским. Можно расслабиться и отдохнуть. Да здравствует отпуск, и спасибо шефу.

Проснулся я рано, от звонка будильника. Вежливый, но настойчивый голос произнес:

— Сэр Эндри, вы просили разбудить вас.

Я бросил подушку в направлении говорившего. Попасть, конечно, не попал, зато потянул себе руку.

— Заткнись, паршивец, я ничего не просил, дай мне поспать.

Звонок зазвонил громче.

— Простите, сэр Эндри, но вы сами запрограммировали меня разбудить вас.

Я проснулся настолько, чтобы понять, что это говорит всего лишь мой автоматический дворецкий, а значит, морду бить некому.

— Команда отменяется,— проворчал я, тщетно пытаюсь спрятать голову под отсутствующую подушку.

— Прошу прощения, но вы предупредили меня заранее, чтобы я вас не слушал и ни в коем случае не останавливался, пока вы не встанете,— невозмутимо продолжал компьютер.

Будильник зазвенел еще громче, в его звуке стала проследиваться тема пожарной сирены. Я понял, что проиграл.

— Ну все, все, видишь, я уже встаю,— сдался я.

Мне действительно пришлось встать с кровати и выпрямиться во весь рост. Только после этого сирена умолкла. Я потряс головой, приходя в себя.

— Так, а теперь поговорим как культурные люди. Немедленно докладывай, что случилось. И имей в виду, если причина того не стоит, я собственноручно раскручу тебя на запчасти.

Кибернетический дворецкий на миг растерялся. Затем оценил ситуацию и начал оправдываться:

— Уважаемый сэр! Вчера вечером вы лично запрограммировали меня обязательно разбудить вас, если произойдет одно из перечисленных вами событий. Возможно, вы не помните, но вы отдельно проинструктировали меня, что не захотите просыпаться, но я тем не менее должен обязательно вас разбудить. Поскольку произошло событие из указанных в вашем списке, я счел своей обязанностью разбудить вас, применив средства, имеющиеся в моем распоряжении. Прошу простить, если побеспокоил.

Последняя фраза насчет беспокойства оказалась решающей. Я внезапно успокоился и рассмеялся.

— Да уж, побеспокоил так побеспокоил! Ну и формулировочки у тебя. Так что случилось? Нас захватили пираты? Мог бы и подождать, мне по фигу, под каким флагом летать.

— Сэр Эндрю,— укоризненно ответил дворецкий.— Нападение пиратов не входит в список событий, перечисленных вами вчера вечером. Я разбудил вас, потому что в новостях показали репортаж с Деметры, а это отвечает вашему указанию.

Сон сняло как рукой.

— Так какого черта ты не сказал об этом сразу? Ты хоть догадался сделать запись?

— Конечно, сэр. Я выполняю свои обязанности, сэр. К вашим услугам, сэр,— печально проговорил дворецкий. Он включил гипервизор, а сам с громким демонстративным щелчком отключился. Компьютер явно обиделся на меня. Ничего, переживет. Мне уже не до него. Послышались зна-

комые позывные передачи «Прямой Микрофон», и на экране появился обаятельный Гарри Найт в компании уже известных читателю господина Ривкина и ящера Туулькса.

Я посмотрел запись два раза подряд. Достал сигареты и закурил, откинувшись на спинку кровати. Что-то в репортаже насторожило меня. Что именно? Ну да, конечно, навязчивое повторение темы дружбы народов, то есть людей и ящеров. Когда действительно дружат и сотрудничают, об этом с трибуны не заявляют, считают это само собой разумеющимся. А вот когда возникают проблемы, тогда и кричат, как все хорошо. Ладно, обязательно выясню, как они там дружат.

Что еще? Что-то было в речи ящера, но его быстро прервали. Он все время подчеркивал, что на руднике вместе с ящерами работают люди-шахтеры. Опять та же схема, специально расписывают то, чего нет. Значит, существует конфликт. И еще что-то, связанное с рудником. Я представил себе обстановку на Деметре. Места там много, люди и ящеры друг другу не мешают, делить им нечего. Рудник развивается, людей не хватает и на работу нанимают местных аборигенов. Обычная ситуация. Ящеров, скорее всего, держат на подсобных работах. Возможно, даже создали целые бригады из местных.

В любом случае это не повод для конфликтов. Работа в шахте тяжелая, там не до расовых разборок. На это нет ни времени, ни места. Максимально возможная межнациональная потасовка может произойти у них в баре, после работы. Ну так для чего ж еще люди ходят в бар? После хорошей выпивки с удовольствием бьют морды и чужим, и своим. Тут и скрывать нечего, это никого не заинтересует. Надо обратить внимание, кто и как работает на шахте. Именно на руднике я в первую очередь и начну копать. Я усмехнулся невольному каламбуру.

Итак, продолжал размышлять я, репортаж явно заказной. Кто-то торопится закрыть тему в газетах и на гипервидении. В самом деле, после такого репортажа другим журналистам на Деметре делать нечего. Хорошо бы выловить самого Най-

та и поговорить с ним лицом к лицу. Уж больно он старался показать, как там все хорошо. Кого он прикрывает и с какой целью? Только где теперь этого мерзавца искать, он меня на Деметре ждать не станет.

Я потянулся и встал. Я опять не выспался, состояние было паршивое. На этот случай есть у меня два проверенных средства. Во-первых, можно пойти в спортзал и погонять себя как следует. Но очень не хотелось напрягаться, к тому же изысканная роскошь, окружавшая меня на корабле, располагала скорее к безделью, чем к трудовым подвигам. Я выбрал второй вариант — выпить чего-нибудь покрепче. Я наскоро принял душ и поднялся в бар. Там не было ни души, но бармен уже стоял на посту, поджидая таких вот ранних пташек. Он вопросительно взглянул на меня.

— Виски,— коротко проинформировал я бармена о своих намерениях.

Бармен невозмутимо поставил на стойку невысокий широкий стакан.

— На сколько пальцев налить?

Как истинно русского человека, меня удивляет и раздражает традиция разводить виски в барах. Бармен кладет на стойку рядом со стаканом один или два пальца и до этого уровня наливает виски. Остальное доликает водой. У меня есть действенное средство против этого.

— Два пальца,— сказал я, а сам тем временем соорудил левой рукой козу, оттопырив мизинец и указательный палец. Эту фигуру я вертикально положил на стойку таким образом, что мизинец оказался возле донышка стакана, а указательный палец пришелся вровень с его верхней кромкой. Бармен понимающе хмыкнул и налил мне полный стакан чистого виски. Я сделал основательный глоток и живительная влага обожгла желудок. Жизнь налаживалась.

— Пива не хотите? — спросил бармен.

Ага, виски без пива — деньги на ветер. Нет уж, спасибо: стаканчик виски для прочищения мозгов еще куда ни шло, но надираться с утра в мои планы не входило. Я отрицательно покачал головой.

— А зря, пиво у нас отменное, нигде больше такого не найдете.

Я внимательно посмотрел на бармена. Сценарий ближайших двадцати минут просматривался достаточно ясно. Бар был пуст, бармен, очевидно, рад почесать язык, и мои свежие уши для него — подарок судьбы, а бар — это самое подходящее место на свете, чтобы травить байки. Я поощрительно кивнул:

— Валяйте, что у вас с этим пивом?

Бармен оценивающе осмотрел меня, как бы определяя, какую порцию небылиц я готов проглотить. Затем он рассказал байку, в которой фигурировали разведчики дальнего космоса, оживший компьютер и, конечно же, пиво. Байка и вправду оказалась чрезвычайно забавной, и я от души веселился, слушая балагура-бармена. Отсмеявшись, я положил на стойку честно заработанную им купюру, взял свой стакан и направился к столику у окна.

Не успел я сделать и одного шага, как кто-то с налету обнял меня, да так, что я видел только его макушку где-то на уровне своей груди. При моих физических данных большинство людей мне кажутся невысокими. Остальные — просто маленькими. Обнявший меня явно принадлежал ко второму типу, причем к его наименее низкорослой части, но по цепкости объятий превосходил все известные мне категории. Наконец я сумел отлучить неизвестного от своей груди. Передо мной стоял маленький кругленький человечек с гривой черных кудрявых волос, казалось, сделанных из тонкой проволоки. Человечек был одет в кричаще дорогой костюм, в его модном галстук торчала булава с каким-то огромным и явно драгоценным кристаллом. На воротничке белой сорочки была вышита крохотная эмблема одного из самых престижных портных земного сектора Галактики. Чуть ниже эмблемы красовалось свежее масляное пятно; еще одно, такое же, украшало лацкан пиджака. От толстяка вкусно пахло дорогими духами, крепкой сигарой и свежавыпитой водкой. Он улыбался мне во весь рот.

— Я так и знал, что это ты, — закричал он. — Я сижу в холле, завтракаю и вдруг слышу этот рев, который ты по

ошибке называешь смехом. Я второй день ищу тебя по всему лайнеру, а ты, оказывается, в одиночку находишься в пустом баре. Нехорошо это, Эндри, не по-товарищески!

— Джейсон, ты здесь откуда? — обрадовался я. Джейсон был моим старым школьным товарищем. После школы мы не виделись, хотя и обменивались поздравительными открытками по праздникам. — Откуда ты узнал, что я лечу этим рейсом?

— А я, между прочим, входя в лайнер, читаю список пассажиров. Не так много людей могут позволить себе путешествовать первым классом, а я летаю часто и многих знаю. Поэтому я первым делом ищу знакомых. И вдруг наткнулся на твое имя. Правда, там была приставка «сэр», и я подумал, что это твой однофамилец. Но, услышав смех в баре, я понял, что это ты и есть, и тут же побежал сюда.

Мне стало стыдно. Я так торопился забраться по трапу в корабль, что даже не взглянул на список пассажиров, который традиционно вывешивают у входа. Я настолько привык путешествовать в одиночку, что не только не ищу знакомых, но и стараюсь с ними не встречаться. И вот — такой прокол! Однако теперь делать нечего.

— Джейсон, старина, как я рад тебя видеть!

Мы сели за ближайший столик и вывалили друг на друга всю ту чушь, которую принято высказывать при встрече старых друзей, которые не виделись черт знает сколько времени. Поуспокоившись, Джейсон критически осмотрел стол, за которым мы расположились. За исключением моего, наполовину опорожненного стакана, поверхность была девственно пустой. Джейсон неодобрительно скривился и спросил меня, успел ли я позавтракать. Я ответил, что нет. Тогда он предложил немедленно исправить это недоразумение и позавтракать вместе прямо здесь, в баре. Он-де уже сидел здесь вчера, и ему очень понравилось.

— Заодно и отпразднуем встречу. Согласен?

Стиснув зубы, я кивнул головой, всем видом показывая, что буду безумно счастлив с утра надраться с человеком, которого не видел более десяти лет. Обрадованный Джейсон

поднял руку и призывно помахал ею над головой. Перед нами возник уже знакомый мне бармен.

— Принесите нам водку. Ту, которая мне понравилась вчера, ну, вы помните,— скомандовал мой друг.

Вытянувшийся в струнку бармен глядел на Джейсона чуть ли не с обожанием. Видимо, тот действительно здорово посидел здесь вчера.

— Позвольте уточнить, какую именно. Ту, которая вам понравилась вчера утром или ту, которая вам понравилась вчера вечером?

Джейсон растерянно посмотрел на меня. Я взял инициативу в свои руки. Мне уже было все равно.

— Тащи обе! — решил я.

Бармен одобрительно кивнул головой и снова перевел взгляд на Джейсона. Было видно, что главным в нашей компании он считает все-таки его.

— Что-нибудь еще?

— Вы... э... дайте нам вообще закусочку... э... — благожелательно промышал Джейсон, раскидываясь на стуле.

— Понимаю,— закрывая глаза, многозначительно ответил бармен и тут же исчез.

Через некоторое время он появился вновь, толкая перед собой сервировочный столик, на котором красовались две здоровенные бутылки водки и неисчислимое количество закусок. Джейсон, не мешкая, приступил к делу. Он разлил водку, и мы выпили за встречу. Потом оба навалились на закуски.

Прожевав первую порцию, я высказался в том смысле, что Джейсон отлично выглядит и, судя по всему, здорово преуспел в жизни. Джейсон расцвел, немного пококетничал и после третьей рюмки рассказал мне свою историю.

— Если ты помнишь, я еще в школе увлекался электроникой.

— Ну да, как же! Одна твоя система электронных шпаргалок чего стоила! Ты же просто спас меня на экзамене по истории.

— Сейчас не об этом,— мотнул головой Джейсон.— В общем, я избобрел видеоманитофон.

— Не понял,— перебил его я.— По-моему, его изобрели чуть раньше.

— Да нет, я изобрел совершенно особенный видеомангитфон. Вернее, приставку к нему. Это устройство анализирует содержание фильма и отключает запись во время рекламных вставок. А когда продолжают показ фильма, магнитофон включается снова. Ты только вообрази, как это удобно. Вместо того чтобы сидеть и смотреть бесконечные рекламные ролики посреди фильма, ты просто ставишь магнитофон на запись, а потом спокойно смотришь кино безо всякой рекламы.

Я понимающе кивнул, с тоской прикинув, сколько часов жизни потерял, переживая рекламные паузы в любимых передачах и фильмах по гиперу. А Джейсон тем временем рассказывал свою историю дальше. Запатентовав изобретение, он не стал организовывать производство. Вместо этого он начал широко рекламировать свое изделие. Через некоторое время, когда уже поднялся ажиотаж среди желающих приобрести вожаденное техническое чудо, к нему обратился представитель рекламного картеля. После длительных переговоров рекламщики за совершенно бешеные деньги выкупили у него патент и взяли расписку, что он никогда больше не будет заниматься подобными изобретениями. Джейсон так и не произвел и не продал ни одного магнитофона. Он получил деньги, свернул рекламную кампанию и торжественно уничтожил единственный работающий экземпляр приставки.

На следующий день он в сильном подпитии пришел на работу в компанию, где работал инженером. Первым делом он отлучал на компьютере заявление об увольнении. В графе «Причина увольнения» новоявленный миллионер написал коротко и ясно: «По причине дальнейшей ненадобности оклада денежного содержания». С распечатанным листком заявления Джейсон вломился в кабинет директора компании, где происходило совещание руководящего состава. Сопровождаемый недоуменными взглядами, Джейсон обошел всех присутствующих и тепло, за руку поздоровался с каждым. Самому директору, который сидел на председа-

тельском месте за отдельным столом, он просто кивнул, как старому знакомому. Дойдя до кресла, где сидел его непосредственный начальник, Джейсон смачно плюнул тому на лысину и приклеил сверху свое заявление об увольнении. «Ты не поверишь, — сказал он мне. — Я мечтал об этом пять лет!» Получив деньги, Джейсон отправился погулять по Галактике. Рекламщиков он раскрутил по полной программе.

Я быстро проанализировал ситуацию и спросил:

— А почему они тебя просто не убили?

Джейсон побледнел. Похоже, такой вариант развития событий ему не приходил в голову.

— А ты думаешь. — могли?

— Разумеется. Небольшой несчастный случай, и автор погибает вместе с описанием своего изобретения. Просто и безопасно. Я бы, например, именно так и поступил.

Джейсон икнул и едва не подавился куском лосося. Я перегнулся через стол и постучал его кулаком по спине.

— Ну, успокойся, успокойся, я пошутил.

Я налил ему водки. Джейсон выпил, но продолжал подозрительно коситься на меня. Моя последняя фраза явно насторожила его. Мне это не понравилось, и я перевел разговор на другую тему:

— Ты лучше расскажи, куда сейчас направляешься.

— А, — махнул рукой Джейсон. — Ничего интересного. Очередная курортная планета: старые больные миллионеры, молодые здоровые проститутки и вышколенная прислуга. В общем, сливки человечества. Противно.

— А по-моему, то, что надо... — Я мечтательно потянулся. — Эх, не понимают люди своего счастья.

— Поверь мне, Эндри, это быстро надоедает. И вообще, у меня депрессия.

— У тебя, при таких деньгах? Не верю.

— Эндрю, послушай. Вот уже год, как мои дела движутся автоматически, без моего участия. Я безумно, неприлично богат и весь этот год только и делаю, что наслаждаюсь этим. Это очень приятное занятие, я не буду кокетничать, заявляя,

что раньше мне жилось интереснее и беззаботнее. Как раз именно сейчас, когда я могу ничего не делать, я живу наиболее безмятежно. Но буквально вчера вечером, когда я куковал здесь в одиночестве, я вдруг обнаружил, что за весь год я не держал в руке ничего более тяжелого, чем рюмка с водкой, и ничего более опасного, чем нож для стейков. Эндри, мне стало скучно. Я хочу приключения, но не такого, когда все заранее оплачено и брошенный в меня томагавк останавливается в миллиметре от моей головы. Мне нужно что-то настоящее. Ты меня понимаешь?

Я кивнул. Мне начинал нравиться этот парень. И не только под действием выпитой водки. Я вспомнил, что всегда питал симпатию к этому добродушному и общительному толстяку. Еще в школе он отличался неуемной энергией. Я не очень-то верил в его рассказ о видеомэгнитофоне, вырезающем рекламные ролики, но в любом случае Джейсон был явно при деньгах. Я припомнил все, что о нем знал. Его родители принадлежали к тому, что я называю нижним слоем среднего класса. Они с трудом собрали деньги, чтобы оплатить Джейсону обучение в нашей школе. Закончив школу, он занялся бизнесом. Он в самом деле что-то изобрел и удачно продал. С этого и начался его финансовый взлет. В общем, передо мной был типичный *self-made man*, тип людей, которых я всегда уважал. Добавить к этому его тягу к приключениям, ярко выраженную авантюрную жилку и открытую любовь ко мне, и получится напарник, о котором можно только мечтать.

К сожалению, напарник, да еще в виде Джейсона, мне не положен. Я по специальности волк-одиночка. Лично меня приключения давно уже не привлекают и не отталкивают: они просто стали неотъемлемой частью моей жизни. Но Джейсона я понимал очень хорошо.

Вслух же сказал совершенно другое:

— Увы, старина, у меня та же история. Скромный государственный служащий, вокруг меня сплошная однообразная рутинa.

— А чем ты занимаешься?

— Да так, работаю санитарным инспектором в отделе экологии ООП.

— Ну, хоть зарабатываешь прилично? Все-таки первым классом летишь.

— Ерунда. Полет оплачивают из командировочных. А так — скука смертная. И никакие приключения мне тоже не светят.

— Говоришь — не светят? — Джейсон ехидно улыбнулся, глядя мимо меня в окно, выходящее на прогулочную палубу. — Судя по плотоядным взглядам, которые бросает на тебя некая особа аристократических кровей, тебя ждет одно очень увлекательное приключение. И не далее как сегодня вечером.

Я незаметно посмотрел туда, куда смотрел Джейсон. По палубе прогуливались несколько человек, но даму, о которой говорил Джейсон, я вычислил сразу. Это была высокая женщина не первой молодости, с прекрасно сохранившейся фигурой и безупречной осанкой. Она была одета в обтягивающий комбинезон, который при ее худощавой комплекции не очень ей шел. Тем не менее, она носила его с непередаваемым изяществом и откровенным презрением к мнению окружающих. Было видно, что эта женщина привыкла поступать только так, как считает нужным. Ее сопровождал лакей-инопланетянин. Лакей был похож на невысокую волосатую обезьяну и очень выгодно оттенял благородную хозяйку. Судя по всему, это и было его основной обязанностью, так как дама, похоже, вообще не замечала его присутствия.

Аристократка с какой-нибудь дальней феодальной планеты, определил я. Вслух же спросил:

— Кто это?

— У тебя будет возможность с ней познакомиться. Это наша соседка по столу в ресторане. Она, кстати, вчера уже интересовалась, почему ты игнорируешь наше общество.

— Ага, в таком случае я ее знаю. Баронесса дин Гольд, не так ли?

Джейсон подозрительно посмотрел на меня:

— Эндри, ты страшный человек!

— А то! — усмехнулся я и то ли в шутку, то ли всерьез добавил: — Ты и не подозреваешь, насколько ты прав.

Мы выпили еще под какое-то горячее рыбное блюдо, только что принесенное барменом.

— А скажи мне, Эндри, — внезапно спросил Джейсон. — Когда ты успел стать сэром? Это ведь не наследственный титул, я твою русскую родословную помню.

— Да так, оказал небольшую услугу члену королевской семьи.

— Ага, перевел старушку королеву через дорогу. Расскажи это какому-нибудь американцу, они верят в такие истории. Звание сэра за такое не дают, иначе за нашими королевскими особами бегали бы толпы шизиков в надежде вытащить важную персону из-под колес неожиданно появившегося автобуса. Давай, колись.

— Ну, я практически спас ему жизнь.

— Ой, Эндри, не темни. Члены королевской семьи не попадают в ситуации, когда им необходимо спасти жизнь. А если и приходится это делать, то этим занимаются профессионалы, которым за это платят деньгами, а не титулами.

— Ладно, сейчас расскажу подробно. Это страшная история, настоящий триллер. Один близкий родственник нашей королевы отправился исследовать новые миры. Он приземлился на небольшой, недавно открытой планете, пошел смотреть окрестности и делать снимки. Туземцы там самые миролюбивые, никто за него не боялся. А он взял и пропал. Искали его целую неделю и никак не могли найти.

Я оказался на той планете по чистой случайности. Меня попросили подключиться к поискам, и именно мне повезло. Нашел я принца в туземной хижине связанным по рукам и ногам, но сидящим на самом настоящем деревянном троне. Вокруг него склонились в поклоне туземцы, а их главный уже подносил ему миску, полную зеленых шевелящихся червей. Бедняга орал и отказывался, но дикарь явно намеревался накормить его этой дрянью. Ну, я достал бластер, туземцев уложил на месте, а незадачливого туриста освободил и отвел на корабль. Тот только глазами хлопал. Оказывает-

ся, когда туземцы узнали, что в нем течет королевская кровь, то решили накормить его каким-то ритуальным королевским блюдом. Они, мол, страшно польщены его визитом, но их радость будет неполной, если он не откушает с ними. Принц, не догадываясь, чем именно его хотят накормить, согласился и зашел в хижину. Сначала, как положено, устроили танцы, а потом принесли главное блюдо. Увидев так называемую еду, принц пришел в ужас и категорически отказался. Тогда завопили уже туземцы. Они и слышать не хотели о том, что королевский гость уйдет голодным. Они, мол, не могут допустить такого позора, их за это покарают боги... Как назло, все снаряжение принца осталось снаружи, а туземцы, чуя подвох, не выпускали его из хижины. Тогда он придумал, что сейчас у него обет воздержания и в течение недели он не имеет права прикасаться к еде. Туземцы уважительно отнеслись к чужой религии и заявили, что согласны подождать неделю. Их высокорожденный гость проживет это время тут, в хижине, а потом они его накормят и с почестями отправят обратно... Я подросел вовремя, потому что неделя как раз закончилась, — завершил я импровизированный рассказ.

Джейсон внимательно посмотрел на меня.

— А скажи мне, Эндри, эти туземцы были похожи на людей?

— Э-э... — Я на мгновение задумался, потом быстро продолжил: — Да, такие невысокие, темнокожие, с кудрявыми волосами. Очень похожи на наших папуасов.

— Ну, тогда, дружище, считай, что ты получил свой титул на халяву.

— Это еще почему? — Я сделал вид, что обиделся.

— Всем известно, что у гуманоидов во всей Галактике метаболизм одинаковый. Так что если твои папуасы едят этих червяков, то и человек ими не отравится. Выходит, что ты, конечно, спас королевскую особу, но только от сильного расстройства желудка, не более того.

Джейсон улыбнулся и посмотрел мне в глаза. Этой улыбкой он сказал следующее: «Ладно, дружок, не будем вешать

друг другу лапшу на уши. Я начал первый, зато ты меня перещеголял. Оставим свои секреты при себе и посидим, как подобает старым друзьям. Я рад тебя видеть живым и здоровым. И это главное, остальное пустяки».

Я широко улыбнулся в ответ. Мне определенно нравился этот парень.

Мы посидели еще немного, затем, аккуратно поддерживая друг друга, вышли из бара и расстались. Я провел часть дня в спортивном зале, выгоняя из организма не вовремя набранные калории и градусы, потом плескался в бассейне и даже вздремнул с книжкой у себя в каюте. К вечеру я был как огурчик. Я тщательно побрился и вообще привел себя в порядок. Выбрал лучший костюм из набора, выданного мне отделом амуниции. Густо, по последней моде, напوماдил волосы и поднялся в ресторан. Когда я входил в Синий зал, огромные напольные часы с маятником начали бить семь часов. В таком музыкальном сопровождении я прошел к своему столу.

Все гости уже сидели на местах. Я кивнул Джейсону, чье кресло оказалось напротив, и уселся на единственно свободный стул, справедливо полагая, что он оставлен для меня. Моей соседкой, как и ожидалось, была баронесса дин Гольд. На этот раз она была одета в вечернее платье с глубоким вырезом. Основным украшением этого декольте было изысканное бриллиантовое кольцо. По традиции, никто из присутствующих не обратил на меня внимания, пока к столу не подошел главный стюард. С пониманием важности момента и сохраняя максимальную чопорность, он представил меня пассажирам, сидевшим за столом. Затем так же церемонно и неторопливо назвал для меня имена и титулы всех присутствующих. После этого мы обменялись приветствиями и нам стали подавать.

За едой все вели неторопливую светскую беседу. Моя соседка болтала, возможно, больше остальных. Она регулярно обращалась ко мне и расспрашивала то о моей работе, то о цели путешествия.

— Вы занимаетесь экологией? Я просто без ума от экологии!

— Нет мадам, я не занимаюсь экологией. Я простой санитарный инспектор.

— О! Я уверена, что это безумно интересно.

— Увы, мадам, моя работа — однообразная рутина. Я перелетаю с планеты на планету и всюду вижу одно и то же.

В конце обеда баронесса кокетливо посмотрела на меня и заявила:

— Шутник, вы просто меня обманываете. Ваша профессия, эти ваши перелеты, экспедиции, — все это должно быть очень романтично. Новые планеты, новые люди. — Баронесса призывно посмотрела на меня. — Вы не находите, что наша встреча здесь тоже чрезвычайно романтична?

Я неловко отшутился, но баронесса оказалась настойчивой. Когда мы встали из-за стола, она бесцеремонно взяла меня под руку и предложила погулять по смотровой палубе. Я беспомощно посмотрел на Джейсона, с которым мы условились провести вечер в баре за школьными воспоминаниями. Тот понимающе кивнул головой, мол, действуй, дружище, не каждый день на нас баронессы вешаются, и слинял. Мне оставалось лишь подчиниться энергичной аристократке.

На лифте мы спустились на смотровую палубу, которая кольцом охватывала уровень пассажирских кают первого класса. Корабль находился в состоянии скачка через гиперпространство. В больших, изящно декорированных иллюминаторах тускло светилась серая мгла. По ней волнами переливались то более светлые, то более темные полосы все того же непонятного серого свечения. Смотреть особенно было не на что. Неудивительно, что во время скачка пассажиров на смотровой палубе почти не бывает. Мы медленно прогуливались по пустому коридору. Баронесса продолжала висеть на моей руке и не переставая болтала:

— Это такая удача, что я повстречала вас здесь. Я должна вам признаться, что страшно боюсь летать. Эта серая мгла за иллюминаторами меня пугает и завораживает одновременно. Я часами могу смотреть на нее. Там есть что-то таинственное. Посмотрите, какая она притягательно-опасная.

С этими словами баронесса развернула меня лицом к иллюминаторам. При этом она как бы случайно прижалась грудью к моему боку. Острый сосок баронессы впился мне в грудь между пятым и шестым ребром как дуло мелкокалиберной винтовки. Мне показалось, что теперь меня ведут под прицелом. А баронесса тем временем продолжала свой увлекательный монолог. Я отвечал редко и невпопад. Впрочем, мое участие в разговоре баронессе не требовалось. Она говорила сама:

— Я здесь совершенно одна. Вы не можете понять, как это ужасно. Я так устала от одиночества. Мой лакей, это бесчувственное животное, он годится лишь для самых простых услуг. А мне хочется поговорить о чем-то возвышенном. Пообщаться с женщиной. С настоящей женщиной, который поймет и оценит меня.

Потом баронесса заговорила о родственных душах, о внезапно возникающем понимании. Во время своего монолога она ненавязчиво, но в то же время настойчиво вела меня по коридору по направлению к жилым каютам. По мере приближения к моему номеру, графиня все меньше говорила о близости духовной и больше напирала на близость телесную.

Несмотря на феодально-аристократическое происхождение, баронесса получила неплохое образование. В сочетании с природной остротой ума, неумеренной сексуальностью и привычкой немедленно удовлетворять любые желания, это создало необъяснимую гремучую смесь. Баронесса развивала передо мной собственную теорию поведения пассажиров межзвездных лайнеров. Все сводилось к тому, что они должны как можно больше времени проводить вместе, преимущественно занимаясь сексом. По мнению баронессы, это было совершенно естественно.

— Поймите же, — объясняла она. — Это основной закон природы. Мы должны оставить после себя потомство. Это главное наше предназначение. Представьте себе, что живой организм попадает в экстремальную ситуацию, грозящую ему гибелью. Причем ситуация такова, что непосредственно от него самого ничего не зависит. Ему остается лишь пассивно сидеть и ждать развязки.

— Но, баронесса, уверяю вас, нам ничего не грозит. Полеты на гиперпространственных лайнерах абсолютно безопасны.

— Ах, это всего лишь рассуждения цивилизованного мужчины. Вам внушили еще в детстве, что полеты безопасны, вот вы и повторяете это. Но под налетом внешней цивилизованности в нас скрываются глубины подсознания. Дикая бездна хищного зверя. Этот зверь не верит никому. Он ощущает опасность и хочет избежать ее. А если смерть неизбежна, то он стремится хотя бы выполнить главную заповедь, данную ему природой,— оставить после себя продолжение жизни.

Мы приближались к моей каюте. Баронесса как бы случайно остановилась точно возле двери и повернулась ко мне всем телом. Она смотрела широко распахнутыми черными глазами, грудь ее часто и высоко вздымалась. Она схватила мою ладонь и прижала к своей груди:

— Разве вы не чувствуете, как отсюда, из глубины появляются древние, могучие инстинкты? Они обволакивают нас, затуманивают сознание. Звериная сущность берет верх, вырывается наружу.

Я почувствовал, что кровь во мне побежала быстрее. Моя ладонь уже начинала рефлекторно ласкать грудь баронессы, вторая рука поднялась к ее спине... Я оборвал это движение, вырвал ладонь, чуть отодвинулся и по возможности нейтральным тоном произнес:

— Баронесса, все же мне кажется, что ситуация не настолько ужасающая. Может быть, мы зайдем ко мне, вы присядете и отдохнете. Я приготовлю кофе, и мы спокойно все обсудим.

— Да,— хрипло произнесла запыхавшаяся баронесса.— Именно кофе. Останемся цивилизованными людьми. Мы должны держать себя в руках.

Я достал ключ и открыл дверь. Пропустил вперед баронессу и зашел сам. Свет включить я не успел. Дверь за спиной захлопнулась. Баронесса прижалась ко мне и впиалась своими губами в мои. В этой женщине было что-то магически привлекательное. Во мне действительно просыпались древние инстинкты. Я начал терять контроль над собой. Для

меня уже неважно было, кто эта женщина, с какой целью она увлекает меня. Ее тело было рядом, оно притягивало и обволакивало меня, сливалось с моим, кроме него вокруг уже ничего не существовало.

Внезапно баронесса резко прервала поцелуй и нетерпеливо забормотала:

— Нет, я не могу больше сопротивляться этому. Это сильнее меня. Ты видишь, у меня отнимаются руки и ноги. Я ничего не могу с этим поделать. Мы должны сделать это. Возьми же меня, мой властелин. Будь зверем, самцом. О, как долго я ждала тебя! Делай со мной, что хочешь. Я вся в твоей власти.

Вопреки своим словам, баронесса и сама действовала чрезвычайно энергично. Не успел я произнести и слово, как меня быстро и умело раздели, отвели в спальню и бросили на кровать. Через мгновение сверху на меня обрушилось разгоряченное, гибкое тело баронессы.

На следующее утро я проснулся поздно. Вставать не хотелось, было даже лень открыть глаза. Некоторое время я просто лежал, прислушиваясь к своему организму. Ощущения были не ах. Скажем прямо — паршивые были ощущения. Казалось, вчера ночью меня полностью опустошили. Меня выжали, выкрутили, а потом для верности еще сунули в сушильную центрифугу. Баронесса попалась очень энергичная и чересчур сексуальная. Я чувствовал себя маркитанткой, которую, по причине выдачи жалования, за одну ночь посетил весь батальон.

Как-то на одном приеме я услышал, как подвыпившее начальство обсуждало проблему сексуального совращения агентов. Мол, заглядываются наши агенты на баб, тратят время, деньги и здоровье, выбалтывают в постели служебные секреты и прочая подобная чушь. Один из особо энергичных дошел до того, что предложил временно кастрировать агентов на период выполнения заданий. Мол, не будут отвлекаться на шпионок с крепким телом. Охохонюшки. А может, и вправду не стоило мне так увлекаться?

В дверь моей каюты громко постучали. Я мгновенно открыл глаза и проверил, на месте ли бластер, который на всякий случай у меня всегда лежит под подушкой. Он был на месте. Я скомандовал дворецкому отпереть дверь. Со своей кровати я услышал, как она тут же распахнулась, и в гостиной раздались громкие многочисленные шаги. Эге, подумал я, да тут ко мне целая делегация.

— Подождите минуту, я сейчас выйду! — крикнул я неизвестным гостям, садясь в постели. Встать я не успел. Дверь в спальню распахнулась, и в комнате появились совершенно неожиданные посетители. Впереди шел помощник капитана во всем великолепии своей интерселловской офицерской формы. Не обращая внимания на мой удивленный взгляд, он прошел в спальню и остановился напротив меня. Рядом с ним выросли два вооруженных охранника с бластерами в руках. На меня оружие они не навели, стволы смотрели в пол, но вид громил недвусмысленно показывал, что в случае чего они не постесняются применить его.

На этом утренние сюрпризы не закончились. За спинами мужчин виднелась баронесса дин Гольд в сопровождении неизменного лакея. Одета она была, вопреки своему обыкновению, необыкновенно строго: в темное закрытое платье, полностью скрывавшее фигуру. Бледное лицо баронессы было еще бледнее обычного, глаза заплаканные. В руках она сжимала носовой платок с вензелем. На меня баронесса даже не взглянула. Она была чем-то взволнована и расстроена, но при этом сохраняла чопорный вид неприступной аристократки. Глядя на нее, я подумал: а не приснилось ли мне вчерашнее сексуальное буйство этой женщины? Сегодняшняя баронесса вполне могла дать пощечину только за одно предположение о том, что она может опуститься до грубых плотских утех с мужчинами.

Я сидел в пижаме на краю кровати, оглядывая пришедших словно король на утренней церемонии одевания. Однако пришедшие быстро изменили акценты и расставили все по своим местам.

— Вы признаете, что вы Эндри Карачаев? — надменным голосом спросил первый офицер «Северной Звезды».

— Сэр Эндри Карачаев,— с ударением на первом слове поправил я его с такой же ледяной интонацией. Я поднялся с кровати, выпрямился во весь рост и встал напротив помощника капитана. В пижаме я выглядел не так внушительно, как офицер в форме, но зато мог смотреть на него сверху вниз, а не наоборот, как пришлось бы делать, останься я сидеть.— По какому праву вы врываетесь в мою каюту?

— А это мы сейчас и выясним, Эндри Карачаев,— офицер и на этот раз демонстративно пропустил титул. Он протянул мне бумагу.— Вот подписанный капитаном ордер на проведение обыска в вашей каюте.

Первый офицер сделал знак рукой, и из-за его спины вынырнул невысокий мужчина с крысиной физиономией. Он походил по комнате, открывая и закрывая ящички тумбочек и шкафов. Затем он подошел к туалетному столику, открыл нижний ящик и с победным видом достал оттуда бриллиантовое кольцо. Оно мне было чем-то знакомо. Ну конечно, это кольцо было вчера вечером на баронессе.

Помощник капитана взял кольцо и поднял его так, чтобы видели все присутствующие.

— Баронесса дин Гольд, вы узнаете свое кольцо?

— Да, это оно,— сдавленным голосом прошептала баронесса.

В ту же секунду охранники шагнули вперед и приставили бластеры к моему лбу. В руках у помощника капитана появились наручники.

— Властью, данной мне руководством компании «Интерселлар», и в соответствии с международным космическим правом я объявляю вас арестованным по подозрению в краже драгоценностей, принадлежащих пассажирке межзвездного лайнера «Северная Звезда» баронессе дин Гольд.

— Эй, не так быстро. Почему вы утверждаете, что кольцо было именно украдено?

— Как иначе объяснить то, что оно было спрятано в этой каюте?

— Допустим, баронесса сама его здесь оставила. В таком случае мы имеем дело не с кражей, а с простой забывчивостью со стороны графини. Предположим, чисто гипотетичес-

ки, что вчера вечером госпожа дин Гольд зашла ко мне в гости на чашку чая. Затем она собственноручно сняла кольцо, а уходя, забыла забрать его, вот и все. Госпожа баронесса, вы ведь не станете отрицать, что заходили ко мне вчера?

Баронесса продолжала не замечать меня. Она судорожно всхлипнула:

— Господин офицер! Я путешествую одна в сопровождении лишь слуги. Со мной рядом нет благородного мужчины, который по законам моей планеты мог бы вызвать этого нахала на дуэль. Я прошу вас как представителя закона защитить порядочную женщину от наглых инсинуаций! Сначала этот негодяй крадет мою фамильную драгоценность, а затем недвусмысленно намекает, что я могла зайти в каюту совершенно незнакомого мне человека. Он смеет утверждать, что я в присутствии постороннего мужчины могла снять с шеи украшение. Вы должны понимать, я не уличная шлюха, чтобы раздеваться перед незнакомыми мужчинами.

Баронесса еще раз всхлипнула, показывая, что сейчас начнется истерика. Она протянула руки вверх и срывающимся голосом театрально воскликнула:

— Могла ли я предположить, что на борту лайнера компании «Интерселлар» подвергнусь подобным оскорблениям? О небо, ты видишь, что здесь делают с одинокой беззащитной женщиной!

— Ну, хватит устраивать здесь цирк, — громко возмутился я, видя, что никто не собирается останавливать баронессу. Полностью игнорируя готовящуюся забиться в истерике аристократку, я повернулся к помощнику капитана:

— А теперь без эмоций, офицер. Вы не можете арестовать меня. Я официально заявляю, что баронесса действительно вчера заходила в мою каюту, провела некоторое время наедине со мной и вполне могла оставить здесь свое кольцо. Все, что она говорит против меня, всего лишь слова. У вас есть мое заявление против ее. Других доказательств у вас нет.

Офицер плотоядно ухмыльнулся:

— Не выпендривайся, сэр. Я таких, как ты, пачками вылавливал. Прикидываются аристократами, покупают билет

в первый класс и шуруют по карманам у беспечных богатых пассажиров.

Я шагнул вперед:

— Выбирай выражения, подонок!

Стволы двух бластеров ощутимо надавили мне на лоб. Недвусмысленно щелкнули предохранители. Я остановился, сжимая кулаки.

— Я сказал: не выпендриваться! — продолжал тем временем помощник капитана. — У нас есть свидетельские показания слуги баронессы. Вот, что он рассказал. После ужина в ресторане у баронессы разболелась голова. Она отправилась в свою каюту и больше оттуда не выходила. Баронесса приняла таблетку обезболивающего и уснула. Утром, когда она стала одеваться, то обнаружила пропажу кольца. Сначала она решила, что драгоценность просто затерялась в одном из ящичков шкафа. Однако, обыскав шкаф, а затем и всю каюту, госпожа дин Гольд убедилась, что кольцо действительно пропало. Тогда баронесса обратилась ко мне. У меня, как я уже сказал, есть опыт раскрытия подобных пропаж. Я подробно расспросил баронессу о том, как прошел вечер, и быстро выяснил, что вы крутились вокруг нее весь вечер. Вы сидели рядом за ужином и проявляли к ней повышенное внимание. Эта наивная женщина не могла мне поверить и утверждала, что вы просто вели себя как положено благородному аристократу. Ну, я-то знаю таких «благородных». И, как видишь, я не ошибся... Имей в виду, что с этого момента все сказанное тобой будет использовано против тебя же в суде, — продолжил он, застегивая на моих руках наручники. — Адвоката тебе предоставят на Селесте.

Я увидел, что сопротивление бесполезно. Однако название планеты меня еще больше насторожило.

— Эй, при чем тут Селеста? Я лечу на Деметру.

— По правилам компании, арестованных нарушителей закона высаживают с корабля на ближайшей населенной планете и передают для дальнейшего расследования местной полиции. До Деметры лететь еще пять дней, и компания не намерена возить на своем борту преступников. Завтра утром у нас остановка на Селесте, там твое дело будет раз-

бирать суд. Уведите его, — закончил он, обращаясь к охранникам.

Меня, как был, в пижаме и тапочках, подхватили под руки и повели под конвоем по коридору в направлении служебного лифта. За моей спиной в голос рыдала потерявшая веру в людей баронесса.

На служебном лифте мы спустились до шлюпочной палубы. Выйдя из лифта, мы прошли по широкому пустому проходу и подошли к небольшой неприметной двери. Первый офицер отомкнул ее своим персональным универсальным ключом. Он повернулся ко мне и снял с меня наручники.

— Остаток пути проведешь здесь, под замком. Еду будут приносить из ресторана первого класса. Я бы держал таких, как ты, на хлебе и воде, но правила компании требуют обращаться с преступниками согласно стоимости приобретенных ими билетов, — проинформировал он меня. — Так что прошу ваше аристократическое высочество занять положенное вам место в камере-люкс.

Меня втокнули в каюту, и дверь за мной с грохотом захлопнулась. Я огляделся вокруг и, несмотря на всю серьезность ситуации, не удержался от смеха. Компания «Интерселлар» постаралась вовсю. В такой комфортабельной тюрьме мне еще не приходилось сидеть. Карцеры для нарушителей порядка предусмотрены на всех пассажирских кораблях, это я знал. Но то, что тюремные камеры делятся на категории в зависимости от класса, которым летит преступник, оказалось для меня приятным сюрпризом. Вспомнив напутственные слова помощника капитана, я понял, что компания предпочитает не рисковать. Адвокаты высокопоставленного арестанта всегда готовы вкатать иск за содержание их избалованного подзащитного в неподходящих условиях.

Каютa, в которой я оказался, была несомненно тюремной камерой. В ней не было ни окон, ни экрана коммуникатора. Дверь закрывалась и открывалась только снаружи: изнутри она была обшита сплошным куском листовой стали. Отколов кусок пластиковой обшивки, я обнаружил, что стены в карцере также стальные.

В остальном же каюта была обставлена вполне комфортабельно. На полу во всю ширину каюты раскинулся толстый мягкий ковер. В углу стояли две безупречно застеленные широкие кровати, совсем не похожие на арестантские. Я сразу обратил внимание на их количество. Вряд ли мне разрешат вызвать на ночь какую-нибудь девицу. А после печального опыта секса с баронессой, я, пожалуй, и сам воздержусь от случайных связей до конца полета. К тому же, кровати стояли у противоположных стен. Значит, либо поставили про запас, либо мне следует ждать в гости попутчика до Селесты.

Кроме кроватей, в камере был небольшой стол с двумя креслами возле него. В углу стояла приставка для видеоигр. Был даже небольшой холодильник с баночным пивом, крабовыми палочками и сырными крекерами. Я вынул банку пива, вскрыл крекеры и устроился в кресле, положив ноги на стол. Сигареты нашлись тут же, на столе. Марка была для меня слишком слабая, но в положении арестанта выбирать не приходилось. Я отхлебнул пива и закурил, пуская кольца дыма и лениво провожая их глазами. В каюте наверняка есть скрытая камера наблюдения: пусть видят скучающего аристократа. А я пока подумую.

Чего добивается баронесса, устроив этот спектакль? Выжить меня с корабля? Возможно, возможно... Есть такая категория истеричных, сексуально озабоченных особ. Сначала они прикладывают все усилия, чтобы затащить мужика в койку, а наутро они и видеть его не могут. То ли их терзает совесть, и поэтому они стараются избавиться от живого свидетеля их грехопадения. То ли у них появляется к нему чисто физическое отвращение, такое иногда случается. В результате, истерички с той же энергией, с какой накануне пытались обратить на себя внимание, наутро пытаются сделать все, чтобы оказаться подальше от своего сексуального партнера и не видеть его больше никогда в жизни.

Припомнив баронессу, я пришел к выводу, что эта версия отпадает. Более хладнокровной стервы я еще не встречал. А вот актриса из нее никудышная. Ее истерика в моей каюте

была откровенно дилетантской. И рассчитана была не на меня, а на помощника капитана. При его отношении к корабельным ворах более благодарную аудиторию она не могла и найти. Да, для простой истерички все слишком хорошо продумано...

Итак, ищем другую версию. Колье баронесса мне подбросила. Причем не случайно именно мне. Я вспомнил, что говорил главный стюард, когда я только взошел на корабль. Первый обед полета в синем зале ресторана происходил без меня, я в это время лихорадочно заканчивал подготовку к заданию и догонял лайнер на шатле Организации. Тем не менее, уже в тот вечер баронесса искала меня и даже справлялась у главного стюарда. О случайно вспыхнувшей сексуальной страсти и речи быть не может. Она целенаправленно искала меня с момента, когда взошла на корабль.

Хорошо... То, что я сижу здесь взаперти,— это ее инициатива. Чего она или тот, кто ее уполномочил это сделать, добились моим арестом? Если они собираются покопаться в моих вещах, то это им не удастся. Обыск в моей каюте провели официальные представители компании с единственной целью: найти украденные драгоценности,— и их нашли. Теперь, по правилам, каюта будет опечатана, и мои вещи будут охранять даже тщательнее меня самого. Здесь работает тот же принцип страхования: несмотря на мое антиобщественное поведение, мои вещи в каюте остаются моей собственностью, и компания несет за них ответственность. Так что пошарить в моей каюте, пока я сижу в карцере, никому не удастся. По этому поводу можно быть спокойным.

Но чего-то ведь они добивались, посадив меня сюда? Что изменилось, кроме того, что я буду сидеть взаперти до самой Деметры?

Подожди, какая Деметра, оборвал я свои размышления. Завтра утром меня высадят на Селесте. Причем снова надедут наручники и отправят в местную тюрьму. Там со мной будет разбираться местный суд и...

И вот тут я все понял. Баронесса сделала так, чтобы я не смог добраться до Деметры. Причем это будет не просто опоздание на несколько дней. Если мне не повезет в суде на

Селесте, то я могу застрять в тамошней тюрьме на несколько лет. Но даже в случае оправдательного приговора мое пребывание на Селесте может затянуться на несколько месяцев. А уж какой вой поднимут журналисты вокруг этой истории! Как же, инспектор ООП, можно сказать, доверенное лицо всего межзвездного содружества, нахально тырит драгоценности у одиноких провинциальных барышень. Даже если меня оправдают, то, как говорится в старом анекдоте, осадок останется. Да такой, что хоть ложкой ешь.

Что же все это означает? А прежде всего, это означает то, что на Деметру мне уже не попасть ни при каких условиях. Других причин для ареста, кроме как не допустить моего появления там, я не видел. Конечную цель моего путешествия баронесса, видимо, знала заранее; но, в принципе, любой летящий на корабле может узнать это из висящего возле входа списка пассажиров. Значит, меня не пускают именно на Деметру. Баронесса или, скорее, ее наниматель очень не хотят, чтобы я долетел туда.

Неужели все это делается ради того, чтобы скрыть убийц двух детишек-ящеров? Не верю. К тому же, о моем задании знают только внутри Организации. Есть, конечно, шанс, что и оттуда протекает информация. Однако проще предположить, что следят за всеми, кто направляется на Деметру. Приезд инспектора ООП на Деметру в такое время никому не нужен. Вот и была дана команда нейтрализовать противного работника ООП, невовремя решившего провести инспекцию на свободной Деметре.

Простите, ребята, но придется нарушить ваши планы. Как я это сделаю, я еще не знал, но впереди был целый день, а это не так мало. Выкручусь.

Дверь каюты распахнулась. В камеру втолкнули истошно вопившего и сопротивляющегося толстяка. Дверь захлопнулась, и вновь прибывший с криком кинулся на нее. Он молотил по гулкому металлу минут пять, отбил себе кулаки и успокоился. Он обернулся и только тут заметил, что он в камере не один.

— Господи, Эндри! Да что же это такое? — закричал он и внезапно умолк. Толстяк как будто потерял дар речи, и толь-

ко его рот то открывался, то закрывался, как будто он хотел что-то сказать, но никак не мог выбрать, что именно. Можно было предположить, что он сейчас бросится мне на грудь и зарыдает.

Я уже давно узнал во взлохмаченном небритом человеке своего приятеля Джейсона и теперь с интересом за ним наблюдал. Судя по внешнему виду, его тоже подняли прямо с кровати. На нем была ярко-красная шелковая пижама и шлепанцы. Лицо после вчерашнего было отеченное. Да и весь он выглядел основательно помятым, видимо, охранники успели втихую дать ему пару зуботычин и пинков.

— Ну-ну, успокойся. Криками здесь ничего не добьешься. — Я поднялся с кресла, приобнял Джейсона и усадил на свободное место. Сам уселся рядом и протянул ему сигарету. — На, закуривай. Если хочешь, можешь хлебнуть пивка. Пользуйся, пока есть возможность, не во всякой тюрьме ты найдешь такие условия. Поверь знающему человеку.

Джейсон машинально взял в одну руку сигарету, в другую — банку с пивом. У него был вид человека, который с трудом понимает, где находится и что с ним случилось.

— Эндри, хоть ты скажи мне, что происходит. Она же сама пришла ко мне. Я что, похож на вора? Я пытался все объяснить, а они на меня набросились и отвели сюда.

У меня перехватило дыхание от приступа хохота. Я сразу все понял. Баронесса обратила внимание, что мы с Джейсоном близкие друзья. Эта дрянь, выполнив свое задание в отношении меня, решила не рисковать и на всякий случай повторила тот же трюк с Джейсоном.

— Джейсон, и ты... с баронессой... той же ночью... Вот это женщина! — еле мог выговорить я, задыхаясь от хохота.

Джейсон смотрел на меня, ничего не понимая. Наконец я взял себя в руки и велел ему рассказать по порядку, что случилось.

— Баронесса заявила ко мне в номер поздно вечером. Я уже лежал и собирался заснуть. Она встала в дверях в обалденном полупрозрачном платье и стала рассказывать, как ей одиноко. Мол, это путешествие так ее пугает, она бедная

одинокая женщина, ну и так далее. Я спросил про тебя, и тут она всхлипнула и сказала, что ты вовсе не джентльмен, что ты стал грубо домогаться ее, а она не из таких, она привыкла к деликатному обращению. Тут она окончательно разрыдалась. Я подошел ее успокоить, а она вцепилась в меня, как кошка во время случки. Я оглянуться не успел, как она повалила меня на кровать и стащила с меня штаны.

— В общем, тебя изнасиловали, — со смехом закончил я за него рассказ.

— Чего ты смеешься, — возмутился Джейсон. — Ты же не знаешь, что произошло утром!

— Не только знаю, но могу даже рассказать во всех подробностях, — перебил я его. — Ответь мне для начала: когда она появилась в твоей комнате, на ней была какая-нибудь драгоценность?

— Не какая-нибудь, а изумительная бриллиантовая диадема. В центре у нее удивительной красоты темно-синий, почти черный сапфир. Я успел обратить на него внимание, прежде чем... — Он замялся.

— Прежде чем тебя стали насиловать, — закончил я.

Джейсон смущенно поддакнул.

— А когда она уходила, ты не обратил внимания: диадема была по-прежнему на ней?

— Когда она уходила, я спал, — угрюмо объяснил Джейсон.

— Ну да, знакомая картина. Теперь поехали дальше. Утром ты не успел проснуться, как в твой номер ворвался помощник капитана с охранниками, обыскал номер и нашел эту диадему. Затем тебя вытащили из постели, надели наручники и отвели сюда.

Джейсон вскочил с кресла и опять заметался по камере:

— Черт, где здесь гиперфон? Я должен связаться со своим адвокатом. Я им всем покажу!

— Успокойся, это все-таки тюрьма, а не номер в Хилтоне. Адвокату ты сможешь позвонить не раньше, чем отсидишь недельку на Селесте. Причем учти: там ты будешь сидеть в обычной тюрьме, а не в таком люксе. Поэтому расслабься и выслушай меня.

Джейсон меня не слушал. Он продолжал возбужденно бегать по камере и порывался снова колотить в дверь.

— Они не имеют права держать меня здесь. Это же явное недоразумение. Почему эта сучка не захотела признаться, что просто забыла диадему у меня в номере? Я должен немедленно ее увидеть и все выяснить.

Я с трудом поймал беснующегося толстяка и силком усадил обратно в кресло.

— Сядь и помолчи хотя бы минуту. — Я вскрыл банку пива и поднес к его рту. — Вот, выпей и послушай меня.

Джейсон машинально взял пиво и выпил всю банку, не ощущая вкуса, как лекарство. Он постепенно успокаивался. К нему вернулась способность соображать. Он наконец обратил внимание, что я тоже заперт в тюремной камере.

— Эндри, боже мой! А ты как здесь оказался? Так ты тоже арестован?

— Вовремя же ты заметил это, братец. На вот, лучше возьми еще сигарету.

Пока Джейсон приходил в себя и пил пиво, я острым обломком спички нацарапал на мягкой упаковке сигарет «ЗА НАМИ СЛЕДЯТ НЕ УДИВЛЯЙСЯ МОЛЧИ». Я протянул пачку Джейсону так, чтобы он увидел надпись.

— Отстань от меня со своими сигаретами. Не буду я курить такое дерьмо.

— Да ты что, это классный табак, — медленно и многозначительно сказал я, пытаюсь привлечь его внимание.

Джейсон уловил в моем голосе что-то странное и поднял на меня удивленный взгляд. Я снова протянул пачку Джейсону.

— Вот, посмотри, какой замечательный состав у этих сигарет, — сказал я, тыча пальцем в сделанную мной надпись.

Моего старого друга Джейсона никак нельзя назвать непроеходимым тупицей. Я это хорошо помнил еще со школы. Да и миллионные состояния дураки не наживают. Джейсон увидел надпись и тут же умолк. Он посмотрел на меня и глазами показал, что он со мной. Я успокоился: Джейсон не подведет. В моем положении даже хорошо, что появился

союзник. Правда, союзника из Джейсона еще предстоит сделать. Пока нужно заставить его по крайней мере не мешать мне.

— Вот так, братан, закрыли нас. Вмазались мы с тобой самым бездарным образом, даже хабар заныкать не успели, — начал я самым безразличным голосом. — Давай перетрем базар. Значит, уходим в отрицаловку, как нормальные пацаны. Рыжуху мы не брали, терпила сама ее забыла после ночного свидания. Или нет, лучше так. Старая курва оставила нам брюлики как плату за услуги. А утром ее задавила жаба, и она решила свою цепуру вернуть назад. Короче, доктор нас отмажет. А пока перезимуем до Селесты. Хавчик здесь высший сорт, хата клевая...

Джейсон хотел было мне подыграть, но, помня мою надпись на сигаретной пачке, лишь покивал головой и издал невразумительное мычание. Я тоже глазами показал ему: мол, хорошо, молодец, теперь молчи. К этому времени у меня уже начал вырисовываться план спасения. Судя по времени, нам скоро должны принести еду. Надо поторапливаться. Я встал и лениво прошелся по камере. Перед приставкой для видеоигр я остановился и лениво сказал вслух:

— Ишь ты, даже шарманку сюда притаранили. Поиграть, что ли? Гляну, что тут у них есть.

Мой небольшой монолог предназначался исключительно для старшего помощника, который несомненно наблюдал за нами. Убедившись, что мы действительно простые воры, он наверняка успокоится и оставит меня в покое.

Следующие пятнадцать минут я был очень занят, программируя приставку и одновременно просчитывая свои дальнейшие ходы. Все должно получиться. Я мельком взглянул на Джейсона. Молодец, сразу все понял. Спокойно сидит и делает вид, что всецело поглощен своим пивом. Натуральный вор-карманник на отдыхе. Очень хорошо. Для него в моем плане тоже нашлось задание. Думаю, он не подведет. Я наконец закончил колдовать над компьютером, управляющим игровым комплексом, и встал возле него лицом к двери.

Ждать пришлось недолго. Зазвучал сервопривод замка, дверь открылась, и в дверном проеме показался охранник. Парень в форме держал наготове бластер. Он быстро, но профессионально осмотрел карцер и удовлетворенно кивнул, не увидев ничего подозрительного. После этого он слегка отодвинулся. Из-за его спины появился стюард. В руках у него был поднос с завтраком. Стюард вошел в комнату. Вернее, попытался войти, но успел сделать всего один шаг. Я нажал кнопку, и небольшая комната буквально взорвалась от громкой музыки. Удивленный стюард замер на пороге. Музыку сменил звериный рев и пулеметная очередь. Из глубины комнаты на стюарда бросился леопард, верхом на котором сидел устрашающего вида инопланетянин. У наездника было четыре мускулистых руки, и в каждой он сжимал по здоровенной пушке. Инопланетянин издал боевой клич и выпалил из всего имеющегося оружия прямо в грудь стюарду.

Мы с детства привыкли к визуальным играм и не находим в синтезированных объемных изображениях ничего удивительного, а тем более страшного. Но когда на ничего не подозревающего человека внезапно бросается хищный зверь с вооруженным инопланетянином, пусть это даже лишь голографическое изображение, то в первый момент человек все-таки растеряется или даже испугается, если у него слабые нервы. Стюард относился к людям со слабой нервной системой, поэтому с ним приключилось именно второе — он испугался. Стюард выронил поднос и отшатнулся назад, прямо в объятия стоявшего за его спиной охранника. Тот обладал более уравновешенным организмом, но стюард сильно ударил его спиной и помешал вовремя воспользоваться оружием.

Я не стал терять времени и прыгнул вперед из-за спины игрушечного чудовища. Охранник, как я и рассчитывал, не успел оказать сопротивления. Правую руку с бластером ему нейтрализовал повисший на нем стюард, левую я еще в воздухе блокировал сам. Кулак своей правой руки я направил в челюсть охранника. Удар получился знатный. Весь момент инерции, приобретенный моим телом во время прыжка, через выброшенный вперед сжатый кулак перешел на охран-

ника. Тот с невнятным хрюканьем отлетел к противоположной стене коридора, ударился о нее всей спиной, обмяк и сполз на пол. Нокаут. Я мягко приземлился рядом. Охранник сидел на полу, прислонившись спиной к стене и вытянув ноги. Он смотрел на меня мутными глазами. Я вынул из мягкой руки бластер, взял его за дуло и на всякий случай неслижно приложил рукояткой охранника еще раз. Тот обмяк окончательно, глаза закрылись, голова свесилась набок. В таком виде некоторое время он не будет представлять опасности. Затем я вспомнил про стюарда. Не разгибаясь, я принял нижнюю боевую стойку и резко развернулся в его сторону. Выяснилось, что силовое вмешательство уже не требуется. Изнеженный лакей не был приспособлен к таким стрессам: он лежал навзничь, закатив глаза. Я нагнулся и осмотрел его. Парень был бледен как мел, на лбу виднелись капельки пота. Я протянул руку и пощупал на шее пульс. Сердце билось еле-еле: парень был в глубоком обмороке. Ничего, от страха не умирают.

Все это время Джейсон, как зачарованный, неподвижно сидел в кресле.

— Выключи эту чертову музыку и помоги мне! — прокричал я.

Джейсон наконец сообразил, что происходит. Он потряс головой, приходя в себя, медленно поднялся и выключил игровую приставку. Рев и пальба умолкли.

— Будем надеяться, что мы не переполошили весь корабль, — пробормотал я. Затем добавил, обращаясь к Джейсону: — Не стой как истукан, помоги затащить их в комнату.

Вдвоем с Джейсоном мы быстро перетаскивали два бесчувственных тела в карцер. Я прикрыл за собой дверь. Из простыней, заботливо постеленных на кровати, вышел прекрасный перевязочный материал, которым я крепко связал вместе руки и ноги своим пленникам. Поза получилась не слишком удобная, зато исключающая любые возможности к сопротивлению. Крахмальные салфетки со стола идеально сгодились в качестве кляпов. Упаковав таким образом посетителей, я принялся приводить их в чувство.

Охраннику было достаточно двух легких пощечин. Видимо, он терпеть не мог, когда его бьют, пусть даже в бессознательном состоянии, и жутко обиделся на меня. Он попытался вскочить на ноги, а когда это не удалось, замычал что-то угрожающее и попробовал одновременно боднуть меня головой и пнуть связанными ногами. Я молча навел на него бластер, и парень нехотя успокоился.

Со стюардом мы провозились дольше. Он никак не хотел приходить в себя. Пришлось открыть и вылить на него целую банку холодного пива из холодильника. Тогда он очнулся — то ли от холодной жидкости, то ли от любимого запаха. Я кратко проинструктировал ребятишек, чтобы вели себя хорошо, не шумели и ничего руками не трогали, — тогда за ними скоро придут. После этого я подмигнул Джейсону, мы выскочили из камеры и захлопнули за собой дверь.

— Что теперь? — спросил Джейсон. Он без лишних вопросов принял мое руководство операцией. Я сделал ему знак следовать за мной. Мы вышли из узкого прохода, в котором находились карцеры, и оказались на просторной шлюпочной палубе. Как и во время моего вчерашнего обхода, здесь было пусто. Я посчитал это хорошим знаком — план должен сработать.

Мы остановились возле ближайшего люка. Я сорвал печать и рванул рычаг. Створки дверей медленно, как бы нехотя, открылись. Стал виден входной люк шлюпки. Корабельный сервопривод умолк, и теперь включился шлюпочный. Створки люка раздвинулись и стали видны внутренности маленького спасательного кораблика.

— Залезай, — сказал я ему.

— А ты? — тут же спросил Джейсон.

— У меня еще куча дел.

— Давай, просвети меня. Сейчас самое время, — сказал Джейсон. Он остался неподвижно стоять возле входа. — Ты предлагаешь мне бежать как обычному уголовнику? Капитан сообщит Интерполу, меня тут же выловят и посадят снова. А после побега мне уже никогда не отмыться.

Я перебил приятеля.

— Считай, что обвинение с тебя снято. При любом раскладе тебя я отмажу.

— Спасибо. А как же ты? Я так не согласен. Вместе вляпались, вместе и будем спасаться.

Именно этих слов я и ждал. Джейсон был мне нужен, ему отводилась определенная роль в моем плане.

— Слушай,— начал я.— Ты вчера жаловался на скучную жизнь. Скажи, ты все еще хочешь приключений?

Джейсон промолчал и только сглотнул. Потом кивнул.

— Так вот, у тебя есть шанс ввязаться в самое настоящее приключение. Не стану обещать, что оно будет веселым и познавательным, но настоящую опасность я тебе гарантирую. Ну так как, согласен?

— Подожди, Эндри, не так быстро. У меня есть выбор?

— Выбор есть всегда. Сейчас ты залезешь в шлюпку и заdraишь за собой люк. Если хочешь, можешь в ту же секунду нажать кнопку эвакуации и улететь с корабля. Обвинения тебе никто не предъявит, я уже сказал об этом.

— А второй вариант?

— Ты делаешь то же самое, то есть залезаешь в шлюпку и закрываешь люк. Но в этом случае ты не покидаешь корабль, а ждешь меня. Более того, ты блокируешь управление шлюпкой, чтобы ее не могли отстрелить с капитанского мостика.

— Уже интереснее. У тебя есть какой-то план?

— Разумеется. Только нет времени рассказывать. Запрись в шлюпке изнутри и никому не отвечай. Пусть считают, что она неисправна. Включи коммуникатор на прием и скоро все узнаешь. Только не верь ни единому слову из того, что я буду нести. И ничего не бойся.

— И не проси,— добавил Джейсон.

— Не понял... — Я вопросительно взглянул на Джейсона.

— Ты забыл третий глагол. «Не верь, не бойся, не проси». Это же мой девиз,— усмехнувшись, пояснил он.

Я посмотрел Джейсону в глаза. Кажется, я не ошибся в старом знакомом. Из парня выйдет отличный напарник. Вслух я, разумеется, этого не сказал, а лишь заметил:

— Где-то я слышал нечто похожее.

Джейсон усмехнулся:

— Я и не говорю, что сам придумал. Я просто им пользуюсь. .

С этими словами Джейсон полез в шлюпку. Я подождал: хотел убедиться, что все нормально. Изнутри донесся голос Джейсона:

— Все в порядке, шлюпка в рабочем состоянии. Можем лететь.

— А вот этого как раз не надо,— крикнул я в проем люка.— Если все пойдет, как я задумал, то улетят все остальные, а мы останемся. Как тебе такой вариант?

Джейсон выглянул из люка и посмотрел на меня:

— Эндри, ответь мне на один-единственный вопрос. Кто ты на самом деле?

Я посмотрел ему в глаза и ответил:

— В сегодняшней встрече я выступаю на стороне хороших парней. Это все, что могу тебя сейчас сказать.— Потом добавил: — Ты все еще уверен, что хочешь поиграть в приключение?

Джейсон укоризненно посмотрел на меня и вздохнул. Затем махнул мне рукой — иди, мол, отсюда, видеть тебя не могу — и скрылся в люке. Через секунду раздался визг моторов. Вход в шлюпку закрылся.

Я вернул в исходное положение рычаг открытия шлюпочного люка. Сорванную пломбу восстанавливать не стал — через десять минут здесь начнется такая суматоха, что никто не станет интересоваться отсутствующей пломбой. Подождав немного, я взялся за ручку рычага и резко рванул вниз. Ничего не вышло, рычаг не поддавался. Джейсон уже заблокировал шлюпку изнутри. Молодец. Больше мне здесь делать нечего.

ГЛАВА 6

На служебном лифте я спустился в машинное отделение; оглядевшись, убедился, что вокруг никого нет; быстро про-

шел по коридору и свернул в боковой проход, в котором вчера заметил вход в ремонтные лазы. Стены коридора были выложены одинаковыми пластиковыми плитами. Декоративную панель, прикрывающую вход в ремонтные коридоры, уже поставили на место. Это меня не смутило. Двигаясь по проходу, я отсчитал по правой стороне одиннадцать панелей — ровно столько их было вчера до места, где находится люк. Перед двенадцатой я остановился. Я приподнял панель, поддев ее снизу рукояткой бластера, и она выскользнула из своего гнезда. Я отодвинул кусок плоского пластика в сторону и прислонил к стене. В образовавшемся проеме стала видна дверь.

Я с любовью посмотрел на бластер, отобранный у охранника. Удобная штука. На самом деле это не только оружие. Я открыл рукоятку и достал оттуда запасную обойму. Любой вор-домушник или секретный агент знает, как из запасной обоймы бластера и пустой банки из-под пива соорудить прекрасную отмычку. Банку я предусмотрительно захватил в нашей камере-люксе, оставалось только вынуть ее из кармана. Через пару минут импровизированная отмычка была готова. С ее помощью я за двадцать пять секунд вскрыл дверной замок и, согнувшись в три погибели, протиснулся в лаз.

Я захлопнул за собой дверь. Стоять приходилось пригнувшись. Я находился в невысоком проходе. Стены были покрыты люминесцирующей краской и давали тусклое освещение, вполне достаточное для того, чтобы ориентироваться. Я снова достал бластер, перевел регулятор на рукоятке в режим непрерывного излучения и развернулся лицом к двери. Быстрым движением приставил ствол к замку и нажал на спуск. Через секунду бластер почти разрядился, зато замок сплавился в единое целое со стеной. Теперь открыть дверь будет не так просто. Чтобы пробраться в лаз, придется вырезать в двери люк. На это потребуется время, а его у моих преследователей не будет.

Я спрятал бластер в карман, развернулся и быстро пошел вперед по тоннелю. Через несколько шагов лаз поворачивал, видимо, огибая какое-то громоздкое устройство внутри ма-

шинного отделения. Пригнувшись, я быстро шел, следуя изгибам коридора. Трижды я встречал боковые ответвления, но они были еще более узкими, и я продолжал двигаться по основному лазу. В одном месте с потолка капала вода, в другом — дорогу мне пересек небольшой ручей из машинного масла. Вокруг не было ни души. Несмотря на близость машинного отделения, было тихо, и только мои шаги гулко разносились в полумраке. В какой-то момент я забыл о том, что нахожусь в космическом корабле. Мне чудилось, что я бреду внутри сказочной горы по заколдованному лабиринту, а за поворотом меня ждет дракон и груды сокровищ.

Лаз резко свернул направо. За поворотом проход расширился. Левая стена исчезла. Теперь это был не коридор, а галерея, проложенная вдоль корпуса корабля. По правую руку от меня уходила вверх гладкая металлическая стена. Слева проход был огорожен невысоким сетчатым барьером. Отсюда открывался вид на переплетение огромных трубопроводов. Где-то внизу надрывно гудели сложные механизмы. Я быстро продолжал идти вперед. В сплошной стене справа через каждые двадцать метров попадались ниши с контрольным оборудованием. Я бегло осматривал их и бежал дальше. Наконец я нашел то, что искал.

В этом месте делали ремонт. Рабочие оставили после себя обрезки труб, куски изоляции и кучу всякого мусора. Кроме этого, я нашел неизбежно забытый в предстартовой суматохе чемоданчик одного из ремонтников. Теперь можно было приступать к следующей части моего плана.

С помощью подручных средств я быстро изготовил муляж бомбы. При близком рассмотрении он, конечно, никого обмануть не сможет, но близко его никто и не будет рассматривать. Я прикрепил муляж к редуктору трубопровода, на котором было выведено ярко-красной краской «Осторожно, жидкий кислород. Взрывоопасно!». Моя бомба с торчащими проводками запала смотрелась здесь исключительно эффектно. Декорации к моему спектаклю были готовы. От бомбы тянулся электрический шнур. Его второй конец был соединен с небольшой коробочкой, которую я держал в руке.

Я подошел к ближайшей контрольной панели и открыл ее. Как и положено, она была снабжена устройством внутри-корабельной связи. Я включил камеру в тестовом режиме и поводил ею из стороны в сторону, проверяя, как выглядят мои приготовления со стороны. Бомба и угрожающая надпись были хорошо видны. Я тоже выглядел неплохо — я всегда фотогеничен.

Идиот! Я поспешно выключил камеру, как будто она уже работала в режиме трансляции. Я совсем забыл про свой вид. Я ведь по-прежнему был в пижаме и тапочках. Нет, выступать неглиже перед камерой я не стеснялся, но это не даст необходимого психологического эффекта. Трудно принимать всерьез угрозы от человека в пижамке из веселенького ситчика. Кроме того, мне придется спрятать лицо. Сэра Эндри Карачаева и господина Джейсона Мелвина мы будем отмазывать от подозрений в совершении уголовного преступления, выразившегося в хищении драгоценностей у одинокой баронессы, — это необходимая часть плана спасения. И уж тем более нельзя светиться перед камерой сейчас, когда предстоит такое представление.

Из кусков черного изоляционного материала я попытался соорудить себе плащ с капюшоном и потерпел фиаско. Если муляж бомбы после многочисленных тренировок я могу соорудить практически из ничего всего за десять минут, то моделирование верхней одежды для меня — нераскрытая тайна. Промучившись какое-то время, я с сожалением отбросил эту затею. Пришлось просто обмотать голову тряпкой так, что остались видны лишь глаза. Чтобы пижама не бросалась в глаза и не сбивала трагический настрой предстоящего спектакля, я решил стоять ближе к камере, чтобы на экране было видно только мое лицо. Еще раз все продумав, я нажал кнопку экстренной связи.

Экран засветился, и на нем показалось лицо офицера связи. Близились смена вахт, его дежурство заканчивалось, и парень явно скучал. В момент, когда его застал вызов, он зевал с риском вывернуть челюсть. Увидев меня в темном платке, обмотанном вокруг головы, он уставился в экран удивленными глазами и ничего не понял.

— Внимание, это террористический акт! Я захватил корабль! Соедините меня с капитаном! — театрально-трагическим голосом, как и положено в таких случаях, начал я.

— Кто это?

— Конь в пальто! — рывкнул я. — Террорист я, совсем ослеп, что ли?!

Неожиданно офицер рассмеялся:

— Классно выглядишь. И в самом деле натуральный бандит. Только бомбы вокруг пояса не хватает! Ну, кончай шутить, ты перепутал даты: карнавал будет только завтра.

Смех — страшное оружие. Если он немедленно не почувствует серьезность момента, то я уже никого не сумею убедить в том, что я «злой и страшный серый волк». Я вспомнил, что на завтра и в самом деле планировался костюмированный бал для пассажиров первого класса. Черт, как некстати. Офицер связи принимает меня за своего приятеля, примеряющего карнавальный костюм. Большого оскорбления я не получал за всю карьеру секретного агента.

— Идиот! Это не шутка, а захват корабля. Немедленно дай мне капитана!

— Ага, сейчас, уже бегу. — Офицер просто давился от хохота. — Это ты, Престон? Ой, не могу, ты завтра точно первый приз получишь!

Я на секунду задумался. Надо было срочно что-то предпринять. Я лихорадочно осматривал контрольный пульт. Есть, вот оно.

— Даю тебя десять секунд, чтобы связать меня с капитаном. Еще раз говорю тебе, дубина, это не шутка и не учение. У меня здесь бомба, и я захватил корабль.

Офицер растерялся. Шутка явно затягивалась, а всерьез принимать извещение о захвате корабля да еще в конце вахты как-то не хотелось. Я продолжил давить:

— Я нахожусь в ремонтной контрольной рубке. У меня полный контроль над всем кораблем. Чтобы ты убедился в серьезности моих намерений, я сейчас выключу освещение в первом грузовом отсеке.

Я сверился с таблицей, прикрепленной на стене рядом с устройством связи, и набрал код на контрольной панели. В ту же секунду на той стороне экрана, в капитанской рубке, начался сумасшедший дом. Взревела сирена, слышались крики. Сквозь суматоху до меня донесся испуганный голос офицера связи:

— Пожалуйста, перестаньте. Я свяжу вас с капитаном.

Капитан появился на экране ровно через две минуты. Я это помню, потому что после вызова рубки я тщательно хронометрировал время. Я досконально знал антитеррористическую процедуру, предписанную компаниям межзвездных пассажирских перевозок. Первым делом, получив сигнал о захвате корабля, капитан должен включить запись всех переговоров внутри корабля. После этого он вызывает по специальному каналу отдел борьбы с терроризмом Интерпола на Земле. Установив связь, капитан должен действовать по обстановке.

Я посмотрел на часы. Сейчас капитан делает сканирование всех ремонтных пультов и убеждается, что один из них задействован. Когда он обнаружит работающий пульт, то первым делом заблокирует его. Не теряя времени, я ввел еще несколько команд. Судя по суматохе в командной рубке, команды прошли и все служебные помещения корабля погрузились во тьму. Доступа к капитанской рубке у меня, к сожалению, не было, а отключать свет в пассажирских отсеках я не стал во избежание паники. Пассажирам и так предстоит нелегкая процедура эвакуации.

В том, что мой план сработает и корабль покинут, я не сомневался. Капитан будет до последнего сопротивляться и делать вид, что предпринял все возможное для предотвращения теракта. На самом деле возможностей у него не так много, и мы оба об этом знаем.

Если я проявлю слабинку и капитану удастся потянуть время, то с Земли подключат к переговорам профессионального психолога, специалиста по переговорам с террористами. Иногда это помогает, но, конечно, не в моем случае. А капитан со своей стороны попытается физически

устранить меня. Я ведь теперь вне закона, меня можно убить на месте.

Огоньки на моем пульте разом погасли. Меня вычислили и отключили. Теперь все надежда на мою так называемую бомбу. Экран коммуникатора не погас — это тоже предписано процедурой действий при захвате корабля. Теперь со мной начнут беседовать, выяснять мои планы, торговаться. В это же время корабельная служба безопасности под руководством уже знакомого мне первого офицера будет искать возможность обезвредить меня. Ну что ж, офицер, вперед. Скорó ты узнаешь, как арестовывать секретных агентов Организации.

Наконец на экране появился капитан «Северной Звезды». Я уже видел его в ресторане вчера вечером. Высокий холеный мужчина, перешедший за грань среднего возраста. Небольшая седая борода, пронзительно синие глаза, высокий лоб, плотно сжатые тонкие губы. Вся фигура излучала благородство и респектабельность. Ходячая гарантия безопасности и надежности компании «Интерселлар». Простите, капитан, сегодня в вашем послужном списке появится неприятная запись. Впрочем, думаю, мы с вами договоримся.

Капитан смотрел на меня с экрана и молчал. Он ждал, чтобы я сделал первый ход. Я не заставил себя упрашивать.

— Капитан,— спокойно сказал я.— Постарайтесь обойтись без необдуманных поступков. Мой сообщник сейчас находится в реакторном отсеке и переводит реактор в режим неконтролируемого разогрева. У вас осталось ровно пятнадцать минут, чтобы эвакуировать пассажиров и команду. И не вздумайте мешать нам, корабль заминирован.

Я отодвинулся от экрана так, чтобы капитан увидел муляж бомбы, прикрепленной к трубопроводу.

— Я не колеблясь взорву эту штуку, и на корабле начнется пожар. Мне терять нечего, а вот у вас будут проблемы.

Капитан остался невозмутим:

— Прежде всего, не будем торопиться. Я капитан корабля Джеймс Стюард. Теперь представьтесь вы.

— Мое имя ничего вам не скажет. Один человек вообще ничего не значит, если у него есть цель.

— У вас есть цель, которая может оправдать убийство сотен ни в чем не повинных людей?

— Цель оправдывает средства, не так ли?

— Нет и не может быть цели, оправдывающей убийство.

— Капитан, не надо патетики. У вас есть шанс спасти пассажиров. Но корабль погибнет в любом случае.

— Вы погибнете вместе с кораблем. Неужели вы этого не понимаете?

— Я сознательно иду на это.

— Но ради чего? По крайней мере, изложите свои требования. У меня есть возможность связаться с Землей. Я не последний человек в компании и пользуюсь определенным влиянием в деловых кругах. Скажите, чего вы добиваетесь, и вполне возможно, что мы сможем удовлетворить ваши требования.

— Уверен, что не сможете.

— Все же скажите. Компания достаточно богата...

Я громко рассмеялся:

— Бросьте, капитан. Разве я похож на человека, готового рискнуть жизнью ради каких-то паршивых денег?

— Я не знаю, на кого вы похожи. Я даже не вижу вашего лица. Давайте откровенно. Вы объявляете, что захватили корабль и через четверть часа уничтожите его. Согласитесь, я имею право знать, ради чего вы это делаете. На сумасшедшего вы не похожи.

— Спасибо за комплимент. Что есть нормальность, а что сумасшествие?

— Но я не могу просто так отдать корабль в распоряжение маньяка.

— А вам будет легче, если в последнюю минуту жизни ваши пассажиры узнают, что погибли во имя чьей-то высокой идеи?

— Я еще раз вам повторяю. Учтите, наш разговор транслируется на Землю. Нас слушают компетентные люди. Если вам недостаточно моего слова, то к переговорам подключат-

са люди, которых вы назовете. Я еще раз предлагаю вам изложить свои требования. Мы можем обсудить их и, вполне возможно, найдем взаимоприемлемое решение.

Я посмотрел на часы. По моим расчетам, они уже должны показаться. Я рывкнул:

— Заткнитесь, пожалуйста, капитан!

Я прислушался. Со стороны, противоположной той, откуда я пришел, послышался слабый шорох. Все правильно: капитан пытается меня уболтать, а в это время ко мне уже подбираются ликвидаторы. Я достал бластер и выпалил в сторону, откуда донесся шум. Вспышка распорола полумрак. В глубине галереи кто-то ругнулся вполголоса. Потом все стихло.

Я громко крикнул, чтобы меня услышали все: и капитан, и атакующие:

— Капитан, немедленно остановите своих людей. Выключатель бомбы зажат в моем кулаке. Кстати, там очень сильная пружина. Как только я разожму кулак, взорвется трубопровод с жидким кислородом. Через вентиляционную шахту надо мной огонь немедленно распространится по всему кораблю. Возможно, вы сумеете его остановить и спасете корабль, но сколько пассажиров погибнет в пожаре? Остановите своих людей. Я считаю до трех. Раз...

Капитан отреагировал сразу:

— Первый офицер, остановитесь и уходите из машинного отделения. Это приказ!

Вся попытка атаки была чистой воды блефом. Капитан выполняет установленную процедуру, он обязан попытаться отвлечь и уничтожить меня. Я тоже играю свою роль: делаю вид, что ничего такого не подозреваю.

— Все, капитан. Ваше время на раздумье кончилось. Вы можете подтвердить, что меня слышат на Земле?

— Я уже сказал: наш разговор транслируется на Землю и записывается. Можете говорить.

— Отлично. Вот мое официальное предсмертное заявление. Я представляю Фронт Избавления планеты Тринития. Тридцать лет мы страдаем от незаконных поселений на нашем спутнике, которые построили оккупанты с соседней пла-

неты Чер-Су. Дипломатические переговоры с захватчиками не имели результата. От имени планеты Тринития Фронт Избавления требует от мирового сообщества немедленно принять меры по прекращению незаконной оккупации. С этой целью мы проводим предупредительный теракт. Я дам вам возможность эвакуировать корабль в обмен на обещание не предпринимать никаких попыток помешать мне. Если я замечу любое подозрительное движение, я тут же взорву трубопровод.

— Вы слишком торопитесь применить крайние меры. Если я пообещаю устроить ваше выступление на ближайшей сессии Межзвездного Совета Безопасности? Вы сможете там спокойно изложить позицию вашего Фронта...

Только этого мне не хватало. Я резко оборвал его:

— Капитан, время разговоров прошло. У меня всего два выхода. Первый — это взорвать пустой корабль. Второй — взорвать корабль с пассажирами и экипажем. Какое вариант действий я выберу, зависит теперь от вас.

— Подождите.

Экран на некоторое время потускнел. Я знал, в чем дело: капитан советовался с Землей. Он сдавался. В такой ситуации право окончательного решения принадлежит только ему самому, однако не мешает получить добро от Интерпола. На самом деле никто не хочет рисковать. В случае захвата и уничтожения корабля все потери компании возместит страховая премия.

Зато если капитан попытается ликвидировать террориста, то есть меня в данном случае, и, не дай бог, что-то случится, то вся вина падет исключительно на него. Такие ситуации в страховом полисе не учитываются, и компаний придется самой расхлебывать последствия. Оказав сопротивление, капитан в лучшем случае рискует своей карьерой, в худшем же он ставит под угрозу жизни пассажиров. Оптимальный выход в такой ситуации: выполнить или создать видимость выполнения действий по обезвреживанию террориста, провести с ним переговоры, а затем подчиниться его требованиям. Что капитан и сделал.

На корабле завывла сирена общей тревоги. Я знал, что сейчас на пассажирских палубах началось светопреставление. Как во время облавы в захваченном городе, члены экипажа хватают подряд всех пассажиров на палубах, врываются в каюты, выволакивают спящих из постелей и силой запикивают их в спасательные шлюпки. На сборы нет времени, а для багажа нет места. Когда стоит вопрос о жизни без личного имущества или смерти в окружении собственного барахла, выбирают первое. Просто сразу, без объяснений и подготовки, пассажиры не могут оценить заботу экипажа, поэтому с ними не церемонятся. Хочется надеяться, что команда хорошо обучена на этот случай. Если не произойдет ничего непредвиденного, они должны уложиться в отведенные им пятнадцать минут. Я не придумывал эту цифру, это существующий норматив для экстренной эвакуации лайнера класса «Северная Звезда».

На экране снова возник капитан:

— Я принимаю ваши требования. Эвакуация уже началась. Я могу быть уверен, что вы не взорвете корабль, пока все пассажиры не покинут его?

— Да, я гарантирую. Мы не хотим ненужных жертв. Мне осталось жить всего несколько минут, и я хочу предстать перед высшим судом без невинной крови на своих руках.

Капитан подозрительно посмотрел на меня:

— А можно попроще? К чему такая патетика? Сами говорите, что вам осталось жить несколько минут. Не очень-то вы похожи на человека, собирающегося расстаться с жизнью.

А ведь он хороший психолог. Не хватало еще, чтобы капитан передумал. Я поднял вверх кулак с имитацией выключателя бомбы. Добавив в голос строго отмеренную долю истеричности, я крикнул:

— Не оскорбляйте человека, решившего умереть во имя своей родины! Еще одно ваше оскорбление, и я взорву трубопровод!

— Хорошо, простите меня. Это действительно не те слова, которые хочется услышать перед смертью. И все же, почему вы пошли на это?

— Вам этого не понять.— Я усмехнулся про себя. Это была моя единственная правдивая фраза за весь разговор с капитаном.— Кстати, капитан, о невинных жертвах. Мне надо кое-что сообщить вам.

Капитан мгновенно напрягся:

— Слушаю.

— Не пытайтесь догадаться или вычислить, кто мы. Я и мой напарник проникли на корабль тайком. Нам помогли наши сообщники. На корабле мы находились под именами Эндри Карачаева и Мелвина Джейсона.

— Так вы Эндри Карачаев? Сэр Эндри?

— Нет. Настоящих Карачаева и Джейсона мы сразу после старта заперли в одной из шлюпок. Устройство связи в ней выведено из строя, замок испорчен. В момент эвакуации корабля их шлюпка будет отстрелена от корпуса вместе с остальными, а дальше уже ваша задача позаботиться о том, чтобы найти их.

Капитан кивнул и что-то отметил у себя в записной книжке.

— Да, вот еще,— продолжил я.— В карцере лежат связанные стюард и охранник. Если ваш первый офицер еще не заметил пропажу своих подчиненных, то расскажите ему, где он может их найти.

Капитан сверкнул глазами.

— Я вас понял,— медленно выговорил он.

В его голосе слились ярость и облегчение. Кажется, я знаю, кто в официальном отчете будет признан виновным в захвате корабля террористами. А не надо хамить пассажирам.

— Я так и не знаю, как вас зовут,— печально сказал капитан.— Мне жаль вас, хотя, возможно, я должен вам завидовать.

— Бросьте, капитан. Вам надо заняться эвакуацией. Когда все будет готово, свяжитесь со мной из своего бота.

Капитан отвернулся от меня и громко скомандовал: «Покинуть корабль!» Экран погас.

Я прислонился к стене, с трудом переводя дыхание. Оказалось, что эта игра стоила мне слишком больших усилий. Я

напряженно оглядывался по сторонам, все еще опасаясь неожиданного нападения. Медленно тикали часы. Я посмотрел на циферблат. Пятнадцать минут, указанные мной в сроке ультиматума, истекали. Внезапно сирена, доносившаяся даже сюда, стихла. Тут же снова ожил экран коммуникатора. Капитан говорил со мной из своего бота:

— Все пассажиры и члены экипажа размещены в спасательных шлюпках. Осталось дать только команду на эвакуацию. — Он немного помедлил. — Я не должен этого говорить, но я благодарю вас за то, что вы дали возможность спасти пассажиров и команду. Если есть что-то, что я смогу для вас сделать после... после взрыва, скажите мне. Я обещаю выполнить вашу просьбу.

Черт, старый космический волк оказался не в меру сентиментальным. О чем бы его попросить? Ага, ну, конечно, совсем из головы вылетело.

— Капитан, я уже говорил, что у нас есть люди, которые нам помогали. Я прошу вас, передайте пассажирке вашего лайнера баронессе дин Гольд благодарность от имени Фронта Избавления и от меня лично. Она прекрасно сыграла свою роль. Обещанные деньги уже переведены на ее банковский счет. Мы умеем благодарить своих друзей.

Я сделал небольшую паузу, чтобы подчеркнуть важность момента, и сказал:

— А теперь прощайте, капитан.

Я поднял руку и отдал честь. Помедлив, капитан резким движением отсалютовал мне в ответ. Не оборачиваясь он громко скомандовал:

— Отстрелить спасательные шлюпки!

Корабль едва заметно вздрогнул. Маленькие кораблики веером рассыпались вокруг него и, теряя скорость, одна за другой стали пропадать из виду, переходя в обычное пространство. Перед тем как связь с капитанским ботом окончательно прервалась, я услышал, как капитан, повернувшись к кому-то, прорычал:

— Когда все кончится, разыщите эту сучку дин Гольд и доставьте ко мне.

Я удовлетворенно вздохнул. Будет, чем порадовать партнера. Кстати, о Джейсоне. Я выключил ставший ненужным теперь коммуникатор и сорвал с головы изрядно надоевшую мне черную тряпку. После этого я выбрался из узкого ремонтного лаза и снова поднялся на шлюпочную палубу. Осмотрелся. Палуба хранила следы срочной эвакуации: валялись какие-то тряпки, остатки упаковки, забытые или впопыхах брошенные пассажирами вещи, куча другого хлама. Я пошел осматривать шлюзы. Нога тут же обо что-то зацепилась. Я нагнулся и поднял предмет. Женская туфелька небольшого размера. Изящная и явно очень дорогая. В одной из шлюпок сейчас наверняка рыдает какая-то пассажирка первого класса. Ее не беспокоит утрата всего остального багажа, но то, что она потеряла туфельку и осталась, как цапля, на одном каблуке, наверняка бесит ее неимоверно. Я бросил туфельку и пошел дальше. Искать Золушку я не собирался, есть дела поважнее.

Я быстро пробежал вдоль шлюзов, проверяя, на месте ли шлюпки. Сделав полный круг, я убедился, что все шлюпки отстрелены. Осталась одна, в которой прятался Джейсон. Он мне поверил и остался. Спасибо, парень. Уж не знаю, что ты выиграешь от этого мероприятия. Я, конечно, справлюсь и в одиночку, однако при таком прессинге со стороны противника партнер не помешает.

Я достал бластер (говорю вам, совершенно незаменимая вещь!) и рукояткой постучал по двери шлюза. Заработали моторы, дверь открылась, и оттуда выглянуло ошарашенное лицо Джейсона.

— Ты это, типа чего? — задал он глубокомысленный вопрос.

— Потерпи еще немного, ладно? — попросил я его. — Сейчас закончим все дела, и у нас будет куча времени, чтобы спокойно поболтать.

Обещание поболтать несколько успокоило Джейсона. Он вылез из шлюпки и стал недоуменно осматриваться по сторонам. Бардак в отсеке был для него полной неожиданностью.

— Не обращай внимания, уборщиков вызовем позже. А сейчас поднимись наверх, найди капитанскую рубку и жди меня там. Я буду минут через пятнадцать-двадцать.

Проводив Джейсона до служебного уровня, я направился в свою каюту. Первым делом я сорвал с себя осточертевшую пижаму и нормально оделся. Ненавижу расхлябанность в одежде. Затянув пояс на брюках, я почувствовал себя более уверенно. Теперь можно приступать к завершающему этапу моего плана. А заключался он в следующем.

Сейчас в точке пространства, примерно соответствующей проекции лайнера из гипера, болтается стайка маленьких спасательных корабликов, набитых под завязку пассажирами и членами экипажа «Северной Звезды». Шлюпки предназначены для передвижения только в обычном пространстве. На них имеется значительный запас воды и продовольствия и автономная система жизнеобеспечения. Автоматический радиобуй уже включился и на аварийной частоте отчаянно передает сигналы SOS.

Среди них выделяется капитанский бот. Это более крупный и хорошо оборудованный корабль. Капитан в данный момент очень занят. Он ищет и определяет местоположение шлюпок, связывается с каждой и выслушивает отчет. Одновременно с этим он внимательно следит за той областью пространства, в которой могут оказаться останки взорванного лайнера. При взрыве лайнера гиперпространственный двигатель неминуемо выйдет из строя. Разрушенный корабль, лишенный защиты поля, создаваемого этим двигателем, немедленно вывалится в обычное пространство, как это случилось с отстреленными шлюпками.

Вот эти останки корабля я и должен предоставить капитану. Взрывать корабль я, естественно, не собирался, но имитировать взрыв я сумею. Так капитан атакованной подводной лодки приказывал выбросить за борт несколько тонн нефти и всякого барахла, чтобы убедить противника, что торпеда попала в цель. Для этого у меня были все возможности.

Я вытащил из шкафа свои чемоданы. Внешне это обычные дорогие чемоданы, обшитые натуральной кожей, выпол-

не подходящие для их респектабельного владельца. На самом деле это небольшие сейфы, вскрыть которые в мое отсутствие теоретически невозможно. В этих чемоданах я вожу весь свой арсенал и прочее оборудование. В частности, там лежала атомная мина, подобная тем, которые я взорвал на Терции.

Мой план был чрезвычайно прост. Сейчас я достану мину, включу таймер на полминуты и выброшу ее за борт. Отлетев от корабля, она выйдет за пределы гиперполя и окажется в обычном пространстве. В этот момент сработает взрыватель. Атомный взрыв в том месте, где предположительно находится лайнер, должен полностью убедить капитана в том, что я привел угрозу в исполнение. «Северная Звезда» будет официально признана уничтоженной. Капитан займется организацией спасения, всем будет не до проверок. А в это время я улечу так далеко, что даже при желании меня уже нельзя будет засечь.

Я открыл чемодан с амуницией и замер с открытым ртом. Чемодан, в который я перед отлётом упаковал две компактные атомные мины новейшего образца, был пуст. Я не поверил своим глазам. Я даже сунул туда руку и стал шарить по пустому чемодану. Кое-что я действительно нашел. Это была голографическая фотография шефа. Когда я взял ее в руки, она ожила. Макар Иванович погрозил мне пальцем, хитро прищурился и сообщил:

— Эндри, Эндри! Я же тебя предупреждал: никакого оружия массового поражения. Только аналитическое мышление или мордобой.

Изображение остановилось, хитрая улыбка застыла на лице голографии.

Это был еще тот сюрприз. Оказывается, шеф не шутил, объявляя мой персональный мораторий на применение взрывчатки. Ну, удружил, и главное — как вовремя. Я лихо радочно начал распаковывать остальной багаж. Средства связи, устройства защиты от прослушивания и прочее оборудование были на месте. Но чемоданы с арсеналом были совершенно пусты. Не то что атомных, не было даже обыч-

ных бомб; из чемоданов были изъяты даже все виды стрелкового оружия. У меня остался только стандартный бластер, который я мог официально иметь при себе как работник ООП, находящийся в командировке.

Я захлопнул крышку пустого чемодана и в сердцах пнул его ногой. Ногу я отшиб чувствительно, и это меня немного отрезвило. Прихрамывая я вышел из каюты и отправился на мостик. Надо было что-то предпринимать.

В рубке лайнера меня ждал еще один сюрприз. Там, полуразвалившись в капитанском кресле, дымил сигарой Джейсон. Он так и не удосужился переодеться и был все в той же своей красной пижаме. Зато он успел по дороге заглянуть на кухню и в бар. Возле капитанского кресла, дико контрастируя с остальной обстановкой, стоял ресторанный столик на колесиках, заставленный бутылками и какой-то едой. Джейсон приветствовал меня, подняв руку, в которой держал за горлышко бутылку виски.

— Присоединяйся, Эндри! Выпьем за успешное окончание операции «Северная Звезда»!

— Тебе что, больше нечем заняться? — удивленно спросил я его. — Что ты сразу за бутылку схватился?

— Ну, во-первых, мне действительно больше делать нечего, — резонно возразил мне Джейсон. — Во-вторых, я сегодня еще не завтракал. И, в конце концов, должен же я возместить потерю жидкости! Я нервничал, потел.

Джейсон поднял ко рту бутылку и стал энергично вводить в организм драгоценную влагу.

— Подожди, не так быстро. Еще ничего не кончилось.

Я начал беспокоиться. Капитан из своего бота уже наверняка установил связь с Землей. Спасатели занимаются своим делом, а спецслужбы интересуют другое. По их требованию капитан тщательно сканирует пространство вокруг предполагаемого места нахождения «Северной Звезды». Если в ближайшее время я не устрою взрыв, то все сорвется. Полиция смекнет, что мое представление только блеф и я не террорист, а просто угонщик. Они тут же примут меры, чтобы разыскать нас. Конечно, засечет лайнер, летящий в гипер-

пространстве, непросто. Но главное заключается даже не в том, что, вместо официальной гибели, «Северная Звезда» будет числиться в угоне. Самое неприятное то, что когда нас с Джейсоном не найдут, то, сделав простые выводы, все свалят на нас. Версию террористов-смертников отметут за ненужностью, а нас объявят в розыск как опасных преступников. Угнать лайнер — это вам не пару драгоценностей стырить, здесь в дело подключится Интерпол. Наши фотографии украсят альбомы разыскиваемых преступников во всех отделениях полиции Галактики. Вот в такую передрагую втравил меня перестраховщик-шеф.

Я поймал себя на том, что так и стою столбом посреди рубки. Джейсон с любопытством наблюдал за мной и продолжал невозмутимо отхлебывать из бутылки. Это разъярило меня окончательно. Я выхватил бутылку из рук Джейсона и швырнул ее в угол комнаты. Недолетев до стены, бутылка ударилась о ножку стула. Горлышко отлетело в сторону и врезалось в стену. Раздался хлопок, стекло взорвалось тысячами мелких осколков. Они взметнулись во все стороны, как маленькие искры огня, отражая направленный свет потолочной лампы. Я как замороженный смотрел на это зрелище. Сама же бутылка просто откатилась в угол комнаты и там застыла, совершенно целая, если не считать отбитого горлышка. В моей голове что-то щелкнуло. Я нашел выход. В разговоре с капитаном я говорил, что собираюсь взорвать атомный реактор корабля. Вот это я и сделаю.

Гиперпространственный космический корабль имеет на борту два совершенно разных двигателя. Для передвижения в гиперпространстве используется огромное сложное устройство со своим независимым источником энергии. А для передвижения в обычном пространстве корабли по-прежнему используют старый добрый атомный двигатель. Это отдельная силовая установка, которая имеет собственный ядерный реактор. Если постараться, то его можно быстро превратить в атомную бомбу.

Я сел в кресло первого шилота. Операция, которую я собрался произвести с реактором, относится к числу запрещен-

ных. Чтобы произвести ее, нужно иметь допуск. Коды доступа стандартны по всему флоту и регулярно обновляются именно на тот случай, если попадут в руки террористов. Но я-то не террорист. Обновленные коды регулярно поступают в Организацию, и убедить корабельный компьютер, что меня надо слушаться, мне не составило труда. Войдя в программу управления реактором, я дал команду вынуть все замедляющие стержни из рабочего пространства реактора. Потребовав несколько раз подтверждение моих полномочий, компьютер нехотя ее принял.

Теперь оставалось ждать. До начала цепной реакции должно пройти около пятнадцати минут, я неспроста назначил такой срок капитану «Северной Звезды» для эвакуации. Каждые две минуты в рубке начинала реветь сирена. И как она еще не охрипла — столько раз за сегодня включалась. Я вводил подтверждение операции, и сирена затыкалась. Наконец зазвучал сигнал общей тревоги:

— Внимание! В реакторе пространственного двигателя началась неуправляемая ядерная реакция. Всем членам команды немедленно покинуть помещения машинного отделения, начиная с А-2 и до А-8 включительно.

Джейсон с ужасом смотрел на меня. Говорить из-за звона было невозможно. Я сделал ему знак, мол, все под контролем. Сигнал тревоги звенел ровно пять минут, и мы чуть не оглохли. Затем он резко умолк. Корабль содрогнулся, свет в отсеке замигал, но восстановился. Компьютер ровным голосом объявил:

— В соответствии с аварийной программой атомный реактор пространственного двигателя отстрелен от корабля. Питание всех систем корабля переключено на энергетическую установку гипердрайва. В связи с этим субпространственная скорость лайнера уменьшена на двадцать процентов. Радиационная обстановка на корабле в норме.

Ну, вот и все, сказал я себе. Через несколько секунд реактор вывалится в обычное пространство недалеко от шлюпок. Еще через несколько секунд последует атомный взрыв, который засекут сканеры капитанского бота. Более убедитель-

тельных доказательств взрыва «Северной Звезды» и быть не может.

От размышлений меня оторвал голос Джейсона:

— Эндри, ты чего творишь, мать твою?

Я обернулся. Мой партнер по-прежнему сидел в капитанском кресле с лицом, белым как мел. Выпитый только что виски выступил у него на лбу каплями мелкого холодного пота.

— Ты у нас, типа, крутой террорист, да? А как мы теперь отсюда выберемся? Или ты собрался провести остаток жизни в гиперпространстве? Заняться без помех медитацией? Учти, мы так не договаривались. Я хочу жить в обычном мире. Не напрягай меня, пожалуйста.

Я усмехнулся и похлопал его по плечу:

— Вот теперь как раз можешь расслабиться и возместить потерю жидкости. Да и мне, честно говоря, не повредит.

С этими словами я взял у него из рук бутылку и основательно приложился к ней. Горячая успокаивающая волна прокатилась по пищеводу и упала на дно желудка. Нервное возбуждение начало постепенно стихать. Джейсон непонимающими глазами следил за мной.

— Все в порядке. Официально «Северная Звезда» больше не существует.

— Да мне по фигу, что там существует, а что нет. Как ты собираешься лететь дальше? Как только мы выйдем из подпространства, мы зависнем в пустоте без двигателей. Нас даже спасатели искать не будут, сам говоришь, что официально мы мертвы!

Я сделал еще один глоток и потянулся за чипсами. Набрал полный рот, я прошамкал:

— Во-первых, я не собираюсь выходить из гиперпространства, пока мы не достигнем окрестностей Деметры. Надеюсь, ты не забыл, куда мы летим.

Джейсон подозрительно посмотрел на меня, но ничего не ответил.

— Ну вот. — Я наконец прожевал сухие соленые пластинки и мог говорить по-человечески. — А во-вторых, план действий таков. Мы полетим на гипер, пока не остановимся в

двух дней обычного полета от Деметры. Там мы перейдем в спасательную шлюпку и проделаем на ней оставшуюся часть пути. На Деметре к этому времени уже будут знать о катастрофе на «Северной Звезде». Нашему появлению в шлюпке никто не удивится. Вот и все.

— Нет, не все,— тут же возразил Джейсон.— А что будет с «Северной Звездой»?

Я пожал плечами:

— Когда долетим до места, корабль я уничтожу. Он больше нам будет не нужен. Более того, это серьезная улика против нас.

Джейсон пристально взглянул на меня:

— И тебе не жалко терять такой корабль?

— А что прикажешь с ним делать? Корабля больше не существует. Его взорвали террористы.

— Ну, это официально, как ты выражаешься,— задумчиво сказал Джейсон.— А фактически у нас в распоряжении межзвездный лайнер высшего класса. И что-то мне очень не хочется вот так просто расстаться с ним.

— Джейсон,— строго сказал я ему.— Не вздумай украсть его. Это будет элементарное уголовное преступление. Мы должны избавиться от «Северной Звезды» так, чтобы никто никогда ее больше не увидел. Перед тем как сесть в шлюпку, я запрограммирую корабль на самоуничтожение.

— Подожди,— воскликнул Джейсон.— Давай просто предложим «Северной Звезде» лететь дальше в гиперпространстве. Ведь никто не станет ее искать специально. А какие шансы, что ее случайно обнаружат? Насколько я знаю гипернавигацию, абсолютно никаких. Пусть себе просто летит, и все.

— А почему ты не хочешь, чтобы я ее взорвал? Это надежнее. Пока корабль цел, мне будет беспокойно. Всегда есть шанс, что ее могут найти.

— Вот и я о том же.

— Тогда я ее взорву.

— Да нет же, Эндри! — умоляюще закричал Джейсон.— Ну разве можно бросаться такими сокровищами! Ну, пожалуйста, пусть себе останется в гипере.

Я подумал и согласился. Действительно, шансы случайно наткнуться в гиперпространстве на корабль, летящий неведомо куда, равны нулю и даже еще меньше. А взрыв может привлечь внимание. Пожалуй, Джейсон прав. Пусть себе корабль летит куда глаза глядят, пока не кончится гиперпространство.

— Ладно, партнер, уговорил,— вслух заявил я.— Давай проложим курс, а потом как следует возместим потерю жидкости этими благородными напитками.

Мы вместе склонились над штурманским пультом. Два любителя — это все равно меньше, чем один профессионал. Да и огромный лайнер не прогулочная яхта. Тем не менее, через полчаса мы удовлетворенно откинулись на спинки кресел. «Северная Звезда» была направлена точно на Деметру. Оставалось пожелать друг другу приятного полета.

Джейсон с довольным видом потер руки и повернулся ко мне:

— Господин капитан, лайнер лег на курс согласно вашему приказанию. Какие будут дальнейшие распоряжения?

Дальнейшие распоряжения были просты и приятны. Для начала команде было приказано плотно позавтракать. Затем мы уютно расположились в креслах командира и первого пилота напротив главного пульта корабля и потягивали из стаканов специальный коктейль, который соорудил Джейсон. По его уверениям, это была совершенно необходимая штука после еды, поскольку стимулировала пищеварение.

— Эндри, тебе не кажется, что пришло время поговорить? — серьезным голосом предложил Джейсон.

Я согласно кивнул:

— Ты прав. Давай-ка я тебя введу в курс дела.

ГЛАВА 7

Посадка на Деметру прошла благополучно. После того как диспетчер космопорта услышал наши позывные, дело пошло быстро. Он уже слышал о захвате и взрыве «Север-

ной Звезды», и поэтому мне не пришлось долго рассказывать свою историю. Он только удивился нашему появлению в спасательной шлюпке возле Деметры. По его сведениям, большинство шлюпок оказались совсем в другом месте. Я рассказал заготовленную версию, что нас выбросило очень далеко от всех остальных.

— Да,— подтвердил диспетчер,— гипер иногда устраивает такие штуки.

— Когда мы сориентировались, то обнаружили, что можем самостоятельно добраться до Деметры,— закончил я свой рассказ.— У нас ушло на это два дня, но зато мы на месте.

Диспетчер безоговорочно принял мой рассказ. И, видимо, подробно доложил о нас всем заинтересованным лицам. Никто из встречающих нас позже на Деметре не расспрашивал меня о подробностях нашего путешествия.

Перед самой посадкой компьютер космопорта взял управление шлюпкой на себя. Через полчаса изматывающих душу маневров мы наконец приземлились. К нам, завывая сиреной, мчалась непременная тройца — пожарные, скорая и полиция. Ну, конечно, мы же потерпели бедствие! Мы вышли из шлюпки, и к нам подскочил врач с эмблемой миссии Организации Объединенных Планет на рукаве светлого бежевого медицинского комбинезона. Такие же эмблемы «Миссия ООП на Деметре», только большего размера, украшали борта всех трех автомобилей. Врач предложил нам пройти в «скорую» и лечь, пока он будет проводить первичное обследование.

Мы поблагодарили своих спасателей и объявили, что у нас все в полном порядке и в их услугах не нуждаемся.

— Считайте нас, пожалуйста, обычными пассажирами,— сказал я.— Не надо создавать шумиху вокруг нашего прибытия.

Встречавший нас полицейский в ответ пожал плечами, сел обратно в машину и уехал. Пожарные просто не вылезли из своей машины, быстро развернулись и тоже исчезли. Оставшийся в одиночестве врач предложил подвести нас к зданию пассажирского терминала. Мы залезли к нему в «скорую», я сел рядом с водителем, и мы поехали.

Космопорт был небольшим и почти пустой. В зоне пассажирских кораблей стояло несколько шатлов и большой корабль с эмблемой ООП на борту. У грузового терминала что-то перекачивали по трубам в старенький танкер. Еще один грузовой корабль ожидал своей очереди рядом. Я обратил внимание на стоящий поодаль суперэкспресс «Кондор». Корабль был одет в ремонтные леса, машинный отсек раскрыт и вывернут наизнанку. Десяток рабочих деловитоковырялись в его внутренностях.

— Кому это так не повезло? — спросил я нашего водителя.

— Вы имеете в виду «Кондор»?

— Ну да. Они что, тоже потерпели аварию?

— Да нет, все проще. Это корабль «Межпланетных Новостей».

— А, так на нем к вам прилетел Гарри Найт?

— Собственной персоной. Мерзкий тип. Засел в гостинице и пьянствует уже несколько дней подряд. Орет на всех. А виноват во всем он сам. Ему приспичило снять у нас репортаж, причем как можно быстрее. Он весь полет дергал команду, требовал форсировать двигатели. А это ведь «Кондор», у них нормальный режим, по сути, сплошной форсаж. В общем, сюда они долетели, а вот после посадки выяснилось, что двигателю хана. Теперь ждут, пока их починят.

Я кивнул головой. Это хорошо: значит, свидание с господином Гарри Найтом у меня все же состоится. Вслух же я продолжил неторопливый треп с водителем:

— Значит, он здесь уже несколько дней.

— Ждем не дождемся, когда они свалят. Каждое утро Найт приезжает сюда, выходит прямо на поле, пытается командовать, всем мешает и материт ремонтников. Потом усает и возвращается в гостиницу бухать.

— Ну что ж, по крайней мере человек соблюдает режим.

— В смысле, регулярно надирается до скотского состояния? Спасибо, нам таких в Городе хватает. А теперь еще и в гостинице покоя нет.

Я насторожился:

— А что такое у вас в Городе? Месячник распития спиртных напитков?

— Если бы.

Водитель помрачнел и внезапно замолчал.

— А что же? — попробовал я еще раз.

— Я ничего не знаю. Моя работа отвезти вас до терминала — вот, пожалуйста.

Больше водитель не произнес ни слова. Мы молча объехали «Кондор» и приближались к зданию космовокзала. Пока мы ехали, я успел подумать: а случайность ли то, что корабль концерна мировых новостей носит название самого крупного и самого быстрого стервятника Земли?

Таможню мы прошли быстро, помогло мое удостоверение сотрудника ООП. Пограничник тоже долго не возился, только кивнул головой и поставил штамп в паспорте. Больше никаких формальностей не было. Взяв в руки чемоданы, мы вышли в пустой зал ожидания. На выходе нас ожидал невысокий, неприметного вида мужчина.

— Рад приветствовать на Деметре! Господин Карачаев... — Он безошибочно обратился ко мне, показав, что мое лицо ему уже знакомо. — И господин Джейсон.

— Здравствуйте, господин Ривкин. — Я в свою очередь продемонстрировал встречающему, что и его лицо мне знакомо.

— Мы встречались? — удивленно спросил тот.

— Я видел вас в репортаже по гипервидению. Вы хорошо смотрелись на экране.

Ривкин на долю секунды замер, потом его улыбка стала еще шире.

— Приятно, что нашей планете уделяют столько внимания. К сожалению, причина...

— Да-да, я знаю об этом инциденте, — остановил я его.

— Простите, цель вашего приезда каким-то образом связана с ним? — настороженно спросил Ривкин.

— Ни в коем случае. Просто регулярная инспекция состояния окружающей среды. Мы внесли Деметру в план мероприятий еще в прошлом году, но вот только теперь дошли

руки. Загрузка дикая, знаете ли. Столько работы, а людей не хватает. Не вылезаем из командировок. Собачья должность.

— Я вас понимаю,— сочувственно закивал головой Ривкин.— Я постараюсь устроить вас так, чтобы вы не чувствовали никаких неудобств.

— Надеюсь-надеюсь,— барственно произнес я.

Мы устроились на мягких сиденьях большого лимузина с неперменной эмблемой миссии Организации Объединенных Планет. Я уже начал привыкать, что все вокруг помечено этой эмблемой. До фактории ООП, как предупредил Ривкин, нам предстояло добираться по шоссе минут сорок. Он устроился на боковом сиденье, всем своим видом показывая, что готов исполнить любые наши пожелания.

Чтобы скрасить нам длительное путешествие, бар лимузина загрузили изысканными напитками и дорогими сигарами. Не заставляя себя упрашивать, я тут же открыл его и достал огромную, неприлично дорогую сигару. Пыхнув пару раз ароматным дымом, я посмотрел на Джейсона и с видом знатока сообщил:

— Совсем неплохо. Мне нравится. Но, ты знаешь, та гавана, которой ты меня угостил на корабле, была лучше.

Грубая откровенная лесть, но, как всегда, действует безотказно. Джейсон аж засветился от гордости и удовольствия. Вот ведь оно как бывает: можно постоянно курить самые лучшие сигары в мире, но одного этого недостаточно. Нужно еще, чтобы кто-то со стороны увидел и оценил. Джейсон последовал моему примеру и тоже взял сигару. Раскурив ее, он ответил:

— Ну, брось, вполне прилично, вполне. Думаю, мы сможем обойтись без моих припасов.

Я кивнул и вопросительно посмотрел на Ривкина, который внимательно наблюдал за нашими действиями.

— Присоединяйтесь.

— Спасибо, не курю,— ответил тот.

Я пожал плечами и отвернулся к окну.

Лимузин уже вырулил со стоянки порта, поднялся в воздух над шоссе и помчался в сторону фактории. По обе сторо-

ны от дороги лежала унылая серая местность, состоявшая, казалось, из одного бесконечного болота. Приглядевшись, я увидел, что местами из болота торчат островки более сухой земли, на которых рос невысокий кустарник. По мере удаления от космопорта местность поднималась и становилась суше. Стали попадаться возделанные поля и рощи каких-то деревьев. Затем на горизонте появился Город, и скоро мы уже могли рассмотреть отдельные дома.

— Скажите... — Я повернулся к Ривкину. — А почему космопорт расположен так далеко от Города?

— Все дело в местном климате. Деметра ровная, как бильярдный стол, и мокрая, словно губка в ванне. Гор здесь нет. Болота, которые вы видите, занимают пятьдесят процентов территории планеты. В основном это непролазная топь, но есть места посуше. В таких местах и живет местное население. Они строят небольшие поселки, возделывают поля и даже выращивают деревья. Еще сорок пять процентов поверхности приходится на долю морей, которые соединены с болотами в единую систему. В общем-то, местные моря — это те же болота, но почище и поглубже. Оставшиеся пять процентов приходятся на небольшие сухие островки, стоящие на гранитном фундаменте. Они совсем невысокие, обычно вровень с окружающим их болотом. На таком острове и расположен Город. Кроме сухой твердой почвы, на которой можно строиться, у островов есть еще одно замечательное свойство. Их каменное основание прогревается за день и высушивает воздух над ним. По отношению к болоту, температура камня достаточно высока и создает над островком купол из теплого сухого воздуха. Благодаря этому в Городе почти всегда тепло и сухо, несмотря на общий сырой дождливый климат Деметры... Площадь у островов небольшая, поэтому космопорт и фабрику пришлось строить на отдельных соседних островках. Между собой их соединяет вот это шоссе. Если ехать по нему в обратную сторону, то, миновав космопорт, вы попадете на рудник.

— Кстати о руднике... — Я демонстративно зевнул. — Расскажите нам вкратце, куда мы вообще попали?

Ривкин согласно кивнул, мол, понимаем, у таких важных персон нет времени читать путеводители, и начал экскурсию. По тому, как слаженно это у него получалось, было видно, что мы не первые, кого встречают подобным образом.

— Деметра была открыта чуть больше ста лет тому назад. Контакт с местным населением был установлен в обычном порядке: ее приняли в Организацию Объединенных Планет со статусом развивающейся планеты и правом совещательно-го голоса. Затем здесь обнаружили залежи ценного химического сырья. Компания «Бейлз и сыновья» частично откупила концессию на разработку месторождения. Они основали рудник и рядом с ним построили Город. Кстати, он и по сегодняшний день остается единственным городом на планете. Поэтому, хотя у него и есть официальное название, мы его зовем просто Город. Как раз сейчас мы проезжаем его. Обратите внимание, он состоит из двух районов — так называемых Старого и Нового. Старый Город был построен вместе с рудником. Население в основном работает на руднике, остальные заняты в сфере обслуживания. Это потомки первых поселенцев, которых наняла в свое время компания «Бейлз». Новый Город появился позже. Изначально шоссе проходило по окраине Города, огибая остров, на котором он стоит. Сегодня вы видите, что шоссе практически рассекает Город на две части. Район слева от нас — Новый Город, построенный ящерами. Это их первый опыт строительства таких крупных поселений. Они удивительно быстро учатся.

— А чем они занимаются, эти ящеры? — спросил я.

— Новый Город вырос как торговый район: ящеры стали производить всякую мелочь, которая пользуется спросом у жителей Города. Все это стоит в несколько раз дешевле привозного, и поселенцы предпочитают многое покупать в лавочках у местных жителей.

— И что же они там продают?

— Началось все, как обычно, с безделушек, украшений и талисманов. Чуть позже ящеры научились производить одежду и обувь для людей, и многие это покупают. Но, прежде всего, это свежие продукты. На Деметре развитое сельское хо-

зайство. Местные фрукты и овощи пришлись поселенцам по вкусу.

— Вы сказали, что сначала Новый Город был построен как торговый район. А сейчас что-то изменилось?

— Да, конечно. Сегодня население Нового Города наполовину состоит из шахтеров. Компания «Бейлз» традиционно ориентируется на местную рабочую силу. Поэтому, когда рудник заработал в нормальном режиме, Бейлз подобрал наиболее толковых ящеров и предложил им попробовать свои силы в качестве шахтеров. Условия были заманчивые, и желающих набралось достаточно. Как я уже говорил, ящеры очень способны к обучению и вскоре на руднике стали работать целые бригады ящеров.

— А что это вообще за рудник? Вы разрабатываете его чуть ли не сто лет. Там что, такое богатое месторождение?

— Дело в том, что рудник — это не совсем точное название. Там вообще происходит скорее не добыча, а производство. Это своего рода природный химический реактор. В глубине огромного болота идет непрерывная химическая реакция. Один из промежуточных продуктов, нитростатин, является ценным химическим сырьем. Я не химик и не знаю всех тонкостей, однако смысл производства заключается в том, что из болота извлекают нитростатин в строго определенном количестве — так, чтобы при этом основная реакция не прекратилась. Болото не замкнуто, оно соединено с внутренним морем, которое в свою очередь выходит в океан. Поэтому сырье для производства поступает постоянно, оседается только извлекать свою долю.

— О! Это чрезвычайно интересно! — Я считал, что именно так должен отреагировать на рассказ мой санитарный инспектор. — Я надеюсь, что вы покажете нам все это в ближайшие дни?

Посещение и проверка рудника являлась целью инспекторской поездки, но неписанные правила хорошего тона требовали, чтобы внешне все выглядело так, будто инспектор просит хозяев устроить ему обзорную экскурсию. В таких отношениях есть свой резон. Бывают ситуации, когда на-

рушения на объекте настолько велики, что инспектор при всем желании не может их не заметить. В таком случае полагалось ответить, что, к сожалению, в это время года проезд на объект крайне затруднен или что-нибудь в этом роде. Это не что иное, как предложение инспектору никуда не ехать, а ограничиться просмотром приготовленных к его приезду благостных отчетов. За что хозяева преподнесут инспектору небольшой дружеский подарок.

Ривкин по-прежнему был сама любезность.

— Этот лимузин будет в вашем распоряжении все время, пока вы являетесь нашим гостем. Завтра же, с утра, я готов сопровождать вас на рудник.

Я кивнул головой и посмотрел на Джейсона. Мой взгляд недвусмысленно говорил: «Это что же, они меня таки не уважают? Мне не нужен рудник, мне нужна взятка!» — «Подожди», — так же взглядом ответил Джейсон, а вслух сказал:

— Э... видите ли, господин инспектор устал после длительного перелета, и я... э... не думаю, что будет разумно завтра же везти его на рудник.

— Да-да, конечно.

Я заметил, что Ривкин непроизвольно кивнул головой. Он и сам не ожидал, что инспектор захочет отправиться на рудник. Но правила есть правила. Он засуетился на своей приступочке:

— Вы меня неправильно поняли, я просто не успел рассказать. В приготовленном для вас гостиничном номере оборудован рабочий кабинет. По вашему распоряжению туда доставят всю необходимую информацию. Мы учли, что климатические условия на нашей планете могут вредно сказаться на здоровье господина инспектора. Вам приготовлены максимально комфортные условия для работы. По приезде в факторию мы организуем все так, что вам не придется покидать вашего номера.

— Ну, это то, что ты хотел? — посмотрел на меня Джейсон.

Я удовлетворенно кивнул. Только бы не перестараться. Сейчас главное выяснить, кто меня боится. Если кто-нибудь меня здесь вообще боится. Может, они так плотно сидят, что

никакая проверка их не пугает. Но я ведь помешал кому-то своим приездом. Вряд ли на Деметре есть еще какие-то влиятельные силы, здесь всё завязано на руднике. Буду выжидать. В любом случае взятку мне дать попытаются обязательно. А я покапризничаю: вот, к примеру, у этого, в пиджачке, я брать не стану, пусть и не просит. Я с обычными порученцами дела иметь не стану.

«Эх,— подумалось в очередной раз,— а может, действительно, раскрутить их на хорошую сумму? Потом уволиться, купить себе яхту...» Я отвернулся к окну и стал рассматривать Город, мимо которого мы проезжали.

Устроили меня, как и обещал Ривкин, с полным комфортом. Небольшая заминка произошла с Джейсоном, на которого не рассчитывали. Я пояснил, что господин Джейсон прилетел вместе со мной как внештатный сотрудник отдела экологии, после чего для него тут же нашелся еще один люкс, напротив моего. Ривкин ультимативным тоном заявил, что через полчаса он ждет нас в ресторане гостиницы. Мы разошлись по своим номерам, привели себя в порядок, переоделись и спустились в ресторан.

Едва мы с Джейсоном подошли к дверям ресторана, как те с грохотом распахнулись. Нам навстречу буквально вывалилась сильно поддатая компания. Подобное поведение было неуместно в строгой чинной атмосфере гостиницы. Как я успел заметить, в фактории все было поставлено на официальный лад. А эта компания резко контрастировала с окружающим, они никак не вписывались в солидную обстановку вокруг. Здесь не было принято кутить и надираться до звездочек перед глазами.

Ребята погуляли вовсю. Одного из гулявших буквально вынесли на руках. Несмотря на то, что ноги под ним подгибались и он был самым пьяным из всех, он оставался центром компании. Взгляд сразу же останавливался именно на нем. Правильной формы красивое лицо и какая-то особая аура, которую он излучал, привлекали к нему внимание. Даже вися на руках у собутыльников, он умудрялся выглядеть жутко элегантно. Язык у красавчика работал вовсю.

Посылая собутыльников по самым немислимым адресам, он одновременно грозил поувольнять их всех к чертовой матери и сгноить в самых страшных дырах.

Я узнал этого человека. Это был тот самый знаменитый Гарри Найт, любимчик домохозяек и работающих женщин категории тридцать плюс. Популярный телеведущий, об интервью у которого мечтают и политики, и топ-модели. Обладатель звания «самый обаятельный мужчина гипервидения» за прошлой год. Очень хорошо, господин Найт. Я тоже уже несколько дней мечтаю о вашем интервью. Только вопросы буду задавать я сам. И, конечно, не сейчас, как-нибудь позже. В таком виде интереса для науки вы не представляете.

В зале ресторана за накрытым столом нас уже ждал Ривкин. Он пригласил нас присесть и перекусить с дороги, как он выразился. Перекусывать пришлось долго. По количеству и качеству поданных нам блюд ресторан фактории не уступал лучшим ресторанам Земли. Остальные посетители ресторана — служащие со значками миссии ООП на лацканах дорожных пиджаков — питались не хуже. Холеные профессиональные официанты обслуживали ловко и быстро. Изысканные закуски сменяли друг друга. Этикетки винных бутылок, словно породистые собаки на выставке, похвалялись друг перед другом количеством медалей.

Сам Ривкин с нами практически не сидел. Убедившись, что нам удобно, он передал нас заботам метрдотеля, а сам, сославшись на неотложные дела, ушел. Перед уходом он оставил свою визитную карточку и просил звонить не церемонясь, в любое время. Он попросил господина инспектора сегодня не думать о своих служебных обязанностях, а просто отдохнуть после трудного перелета. Я не возражал. Мы условились встретиться завтра утром и тогда уже начать работу.

Мы остались вдвоем с Джейсоном. Несмотря на все великолепие накрытого стола, я со скорбным лицом ковырялся в овощных салатах. Когда Джейсон в присутствии официанта спросил, почему я ничего не ем, я стал долго и подробно рассказывать о своей разыгравшейся язве, которая уже три года не дает мне спокойно жить. Джейсон мне сочувствовал и угощал-

ся за двоих, а официант даже принес мне что-то диетическое. По словам официанта, это блюдо приготовили специально для меня. Шеф-повар просил передать, что это я могу съесть безо всякого вреда. Съесть-то я съел, но мои бедные избалованные вкусовые рецепторы страдали при этом отчаянно.

Пока мы ужинали, я внимательно оглядел зал и обратил внимание на два стола, сиротливо зажатых в дальний угол. Сидящие там люди чем-то отличались от остальных посетителей. Одеты они были аккуратно, но значительно беднее своих соседей. И главное, ни у кого из них не было на груди уже примелькавшегося здесь значка с эмблемой миссии ООП. Вели они себя очень тихо, как дети, которым разрешили находиться в комнате со взрослыми при условии, что они будут вести себя прилично. Да и сама еда у них на столах была явно попроще; из напитков стояло только пиво. Когда официант подошел к нам с очередной переменной, я спросил его:

— А кто эти люди, вон за теми столами?

Официант проследил за моим взглядом:

— Это водители грузовиков с рудника. Они снимают весь этаж дешевых номеров в нашей гостинице и здесь же обедают.

— А что так скромно?

— Так они ведь платят наличными, из своей зарплаты. Цены у нас очень высокие, вот они и экономят. Живут по двое, по трое в одном номере, обед заказывают на всех, чтобы получить скидку.

— А, простите, как же остальные?

— Остальные — это члены миссии ООП. Они просто расписываются на счетах.

Я поблагодарил официанта за информацию и еще раз пригляделся к водителям. Парни ели молча, видно было, что настроение у них совсем не праздничное. Я спросил себя, а что они вообще здесь делают. Почему команда водителей, не члены миссии ООП, живут и питаются в гостинице фактории? Если это просто поселенцы, то они должны жить в Городе. Не могут? Не хотят? Прячутся от кого-то? Ответа пока не было, и я отложил этот вопрос, вернее приплюсовал его ко всем остальным.

После обеда, незаметно перешедшего в ужин, нам предложили спуститься в бар посмотреть эстрадное представление. Представление состояло из небольшого количества девиц, которые под разными предлогами показывали те части тела, которые были еще прикрыты крохотными блестящими тряпочками. Заключительным номером программы стал выбор двух самых симпатичных, с которыми мне предстояло провести ночь. Для подтверждения легенды у себя в номере я, к своему великому сожалению, ограничился самой минимальной программой. Этим я чрезвычайно огорчил девиц, которые, оценив мои внешние данные, ожидали более интересного продолжения банкета. Но что делать, по легенде я не должен обладать большими сексуальными способностями. Когда утром девицы доложат, что, в довершение к язве, я еще и в постели никакой, руководство зашевелится. Такое поведение должно было характеризовать меня как мерзкого, неудовлетворенного жизнью склочника. Такой может напакостить только потому, что у него опять разболелся желудок или просто плохое настроение.

Ближе к полуночи я безапелляционно выпроводил девиц, заявив, что хочу спать. Девицы с хихиканьем выскочили из моего номера и исчезли в темном гостиничном коридоре. Я остался один. Первым делом я достал из чемодана тестер и просканировал номер. Жучки были напиханы с размахом. Даже на мой костюм, валявшийся в скомканном виде недалеко от кровати, кто-то из девиц успел прицепить следящее устройство. Я улыбнулся: приятно иметь дело с подготовленным противником. Теперь я уже не сомневался, что мне предстоит интересное расследование. Вот только что именно я должен расследовать, оставалось загадкой. Все это напоминало поиски черной кошки в темной комнате. Но одно я уже знал наверняка: кошка в этой комнате есть. Рано или поздно я вытащу этого кота на свет божий.

Я нажал красную кнопку на тестере. Раздался негромкий хлопок. Короткий интенсивный электромагнитный импульс уничтожил все подслушивающе-подглядывающее оборудование в радиусе десяти метров. Я спрятал тестер обратно и

оделся. Лацкан пиджака еще хранил тепло от испарившегося жучка.

Другим, биологическим тестером я проверил свою кровь и все тело. Все в порядке, нехорошими болезнями девицы меня не наградили, внутрь мне ничего не вставили. В ресторанную еду тоже ничего не подмешали.

Пора приниматься за дела. У меня было запланировано интервью с Гарри Найтом. Я помнил, что рассказал мне шофер в космопорте. У телезвезды четкий и напряженный график. С утра Гарри уедет в космопорт ругаться с ремонтниками. Потом он вернется в гостиницу и напрямую отправится в ресторан пьянствовать. Уважаю целеустремленных людей.

Я решил не ломать человеку отлаженный режим. Отлавливать его в порту — дело хлопотное и рискованное. В ресторане тем более с ним не побеседуешь. Проще всего будет навестить знаменитость прямо сейчас.

Я снова открыл чемодан и достал оттуда связку универсальных ключей-отмычек. В другой карман я положил бластер, флакончик с таблетками и видеорекордер. Укрепил на лацкане крошечную камеру с микрофоном и проверил их в действии. Надел огромные, на пол-лица, темные очки с зеркальными стеклами. Люблю я эту моду, очень удобная — верхнюю половину лица такие очки скрывают полностью. Вроде все в порядке, ничего не забыл. Я спустился по лестнице на один этаж. Номер люкса Гарри Найта я уже знал, словоохотливый официант за ужином успел рассказать мне немало подробностей о жильцах гостиницы.

Дверь открылась со второго ключа. В темноте я тихонько прошел в спальню, плотно прикрыл за собой обе двери и включил свет. Гарри валялся одетый поперек кровати и спал. На свет он не отреагировал. Я взял с ночного столика стакан, наполнил его на треть водой и растворил в ней пару таблеток из припасенного флакончика. Затем вернулся к Найту, который так и не подозревал о моем присутствии и продолжал храпеть. Я не церемонясь поднял его за лацканы пиджака и отвесил несколько оплеух. Тот открыл глаза и пьяно улынулся:

— Приветик, лапуля, что ты тут делаешь?

Телезвезда явно не проснулась. Я поднес к его губам стакан и приказал:

— Пей!

— Ой, нет-нет, девочки, я больше не пью! — дурачки захихикал Гарри.

Пришлось дать ему еще подзатыльник. Это помогло. Взгляд звезды приобрел некоторую осмысленность.

— Пей, тебе говорят,— повторил я приказ, тыча ему в лицо стакан.

Так и не проснувшийся окончательно, Найт машинально выпил содержимое стакана.

Я отпустил его, и он упал обратно на кровать. Я взял стул и сел напротив. Закурил. Мне оставалось только ждать.

Примерно через четверть часа Гарри открыл глаза. После моих таблеток он был совершенно трезв. Первое, что он увидел, был ствол бластера, смотревший ему в глаза. Гарри был умным человеком, этого у него не отнимешь. Большинство людей в такой ситуации первым делом спрашивают, кто я. Некоторые придурки пытаются звать на помощь. Гарри же просто спросил:

— Что вам от меня нужно?

— Просто побеседовать. У меня накопилось несколько вопросов. Будь умницей, и я быстро уйду. Ну, так что, побеседуем?

Гарри пожал плечами:

— Бластер у вас. Задавайте вопросы.

Я положил оружие перед собой, так, чтобы Найт хорошо его видел.

— Правильно. Ситуацию ты оценил верно. Вопрос первый. Кто заказал тебе этот репортаж?

— Какой именно? Я их делаю каждую неделю.

— Не придуривайся. Меня интересует репортаж с Деметры. Кто тебя сюда отправил? Зачем?

— Не знаю. Меня вызвал главный редактор компании и попросил сделать здесь передачу.

— Не ври. Ты уже много лет самостоятельно выбираешь темы и состав интервьюируемых.

— Ну хорошо, я сам решил сюда прилететь.

— Почему?

— Вы меня удивляете! Это моя работа: делать материалы из горячих точек.

Я покачал головой:

— Еще одна ложь. Даже две. Во-первых, ты давно никуда сам не мотаешься. Это к тебе прилетают, да еще в очереди стоят. А вторая ложь заключается в том, что Деметра никогда не была горячей точкой. Ну, убили двух пацанов, и что?

— Вы не правы. Наш зритель хочет знать самую свежую информацию.

— Ага, и поэтому вы полетели через полгалактики. Так торопились, что загубили дорогуший космический экспресс.

— Это не я. Идиот-капитан сам заporол двигатель.

— И я даже догадываюсь, по чьему приказу. Ну, хорошо, вы прилетели сюда в такой спешке, потратили кучу денег, мучились сутки в тесной каюте. И все ради короткого, совершенно пустого репортажа? Для Гарри Найта уровень передачи с Деметры очень низок. Совсем детский уровень.

— Ну почему же? Все, что было нужно, участники передачи высказали в эфир.

Ага, вот ты и проговорился. Я продолжал давить:

— А что нужно было сказать? И главное, кому это было нужно? Колитесь, Гарри, я от вас не отстану.

— Не пугайте. Что вы мне можете сделать?

Я молча поднял бластер и навел на Найта.

— Бросьте. Это чистой воды блеф. Вы не можете просто так убить меня.

— Не могу, согласен. А вот покалечить вас — это я с удовольствием. Например, изуродовать вашу смазливую физиономию так, что потом ни один пластический хирург не возьмется за ее восстановление. Или продырявлю вам печень. Это не смертельно, но очень больно. Вы знаете, ранение печени относится к разряду наиболее болезненных. Ну и, конечно, потом возникают осложнения. Придется остаток жизни сидеть на диете. Будете пить на приемах молоко с печеньем и шара-

хаться от красивых поклонниц, потому что нельзя. Ну, как вам такая перспектива?

— Вы этого не сделаете. Послушайте, мы с вами два интеллигентных человека...

— В этой комнате только один интеллигентный человек, — прервал я Гарри. — Это я. А ты просто продажный борзописец, мелкий стервятник с журналистским дипломом.

Коротко размахнувшись, я ударил его левой рукой по лицу. Потом еще раз и еще.

Найт закрыл лицо руками и неподвижно замер на краю кровати.

— Пожалуйста, не бейте меня. Я расскажу все, что вы хотите.

Я рассчитал правильно. Мой собеседник относился к категории людей, которые выросли в слишком благополучном окружении. Ни в детстве, ни тем более во взрослой жизни Гарри никогда не приходилось драться. Он так и дожил до сегодняшнего дня, не получив ни одного удара по лицу. Он боится боли. Но самое страшное для него — это моральное унижение.

— Итак, повторяю вопрос. Кто заказал вам это интервью?

— Ривкин.

— Вы давно его знаете? Это что, такая фигура, что запросто заказывает вам такие репортажи?

— Он позвонил мне и сказал, что произошло убийство, которое может привлечь внимание к Деметре. И попросил меня замять эту новость.

— Вам позвонил совершенно незнакомый человек и предложил спрятать новость об убийстве, и вы тут же согласились? Не верю, Найт. Вы плохой актер. И обманщик. Обещали все рассказать, а сами опять врете.

Я пододвинулся поближе и замахнулся:

— Хочешь еще плюху?

— Нет, подождите. Мне действительно звонил Ривкин.

— Вы не станете разговаривать с незнакомым человеком. На все звонки отвечает ваш секретарь. Простой человек с улицы с вами связаться не сможет.

- Он передал привет от нашего общего знакомого.
- От кого именно?

Молчание. Я размахнулся и вновь ударил Найта по лицу. Тот продолжал сидеть, непонимающе уставившись на меня. Тогда я ударил еще. Уже сильнее. Найт наконец сообразил закрыть лицо ладонями. Я оторвал его руки от лица и показал бластер. Демонстративно, с громким щелчком я снял бластер с предохранителя и приставил к его печени.

— Не надо, — прошептал бледнея Найт. — Ривкин передал привет от Бейлза.

— Так. — Я спрятал бластер. — Вот это уже нормальный дружеский разговор. Бейлз — это Интерплэнэт Нэйчурал Ресурсес «Бейлз и сыновья», так?

Кивок.

- Рудник на Деметре принадлежит его компании?
- На паях с ООП.
- Да-да, я вспомнил, мне Ривкин рассказывал. И отчего же Бейлз просил вас прикрыть его?

— Он просил не давать огласку новости об убийстве.

— Ну, конечно. Он страшно переживает. Это мешает его половой жизни. Ох, Гарри, не злите меня. Что Бейлз скрывает здесь? Почему он так боится корреспондентов с Земли? Что они могли разнюхать?

— Я не знаю, честное слово. Ривкин передал мне готовый сценарий и я снял всё, как просили.

— Хорошо, допустим, этого вы действительно можете не знать. Ну, а какая цель была у самой передачи? О чем вы должны были во всеуслышание заявить?

— Я должен был убедить зрителя, что убийство было случайным, а расового конфликта как такового на Деметре не существует.

— Это очевидно. Стоит только произнести вслух, что где-то начался расовый конфликт, как от корреспондентов, правозащитников и прочей пакости отбою не будет. Налетят как мули на, скажем, варенье.

Найт, похоже, обиделся за такое сравнение. Извиняться я не стал.

— Но не будем отвлекаться. Продолжим нашу дружескую беседу.

Найт пробормотал что-то, какие именно животные годятся мне в друзья и товарищи.

Теперь была моя очередь обижаться, но мне было некогда. К тому же я отходчивый.

— В передаче было еще что-то. Указания Бейлза не ограничивались расовым конфликтом. Давайте, вспоминайте, Ларри.

— Сейчас. А, вот, вспомнил. Ящер должен был рассказать, что в шахтах на руднике работают смешанные бригады — ящеры и люди вместе.

— И это все?

— Да. Это было главное условие — обязательно рассказать о людях-шахтерах. Что, как и отцы-основатели Деметры, они по-прежнему трудятся в шахтах рудника.

— Что еще?

— Это все. Честное слово, я больше ничего не знаю. Я прилетел сюда, сделал репортаж, а когда хотел улететь, мерзавец-капитан заявил, что корабль сломан и надо ждать, пока его починят. Тогда я начал пить.

— Но деньги-то получили?

Кивок.

— Значит, справились с работой.

Гарри высокомерно усмехнулся:

— У меня еще не было случая, чтобы не справился.

Ладно, теперь мне надо еще немного подождать и можно уходить.

— Гарри, скажите, а зачем вам столько денег? — поддерживая беседу, спросил я.

— Вы хотите, чтобы я жил на нищенскую зарплату телеведущего? — надменно ответила вопросом телезвезда.

Ну и ну, интересно! Все знают, что Гарри Найт — один из самых высокооплачиваемых журналистов на земном гипервидении. Что ж, у богатых свои мерки и свои финансовые затруднения. Я сочувственно спросил:

— Небось, не хватает на ремонт замка?

Действие моих таблеток кончилось. Найд совел на глазах.

— Фи, замок. У меня охотничьи угодья на Эльдорадо.

Я присвистнул. Эльдорадо, самая знаменитая курортная планета. Мечта моего детства.

Гарри тем временем прилег:

— Что-то мне совсем плохо. Что со мной? Какую гадость мне дали? — И вдруг с ужасом спросил: — Вы отравили меня?

— Успокойся. Единственный яд в твоём организме ты выпил по собственному желанию сегодня в ресторане. А я, наоборот, дал тебе средство для протрезвления. Оно очень сильное, но имеет короткий срок действия. Так что сейчас ты будешь опять в стельку пьяный и утром благополучно забудешь и о разговоре, и о всей нашей встрече.

Гарри стало развозить на глазах. Я уложил его на кровать и укрыл одеялом. Раздевать я его не стал, перебьется. Уже совсем теряя рассудок, Гарри заплетающимся языком спросил:

— Зачем вы это делаете? Кто вы?

— Я твой сон. Спи спокойно, я тебе просто приснился. Ну, подумай сам, кому нужно раскапывать всю эту гадость.

Гарри с серьезным видом кивнул:

— М-м, в самом деле, грязь. — И с пьяной откровенностью добавил: — Я свинья.

После этого великий мастер интервью повернулся на бок и сладко уснул. Я поправил на нем сползшее одеяло, проверил, не наследил ли я ненароком в комнате, и, никем не замеченный, поднялся в свой номер. Там я снова проверил наличие жучков в номере. Все было чисто. Видимо, прямого наблюдения за мной не вели, только запись. Ну прямо как дети, право слово. Дилетанты.

Я достал свой любимый чемоданчик-дипломат, положил его на стол и открыл. Содержимому чемоданчика позавидовал бы любой шпион; да он, в сущности, и был шпионским. Просто поскольку я нахожусь на государственной службе, то оборудование, которым напичкан чемоданчик, называлось разведывательным. Однако название мало меняет суть дела — за все годы службы чемоданчик меня ни разу не подвел.

Первым делом я включил защиту от прослушивания. Из чехомоданчика пошел дымок, который через несколько секунд под действием электромагнитного поля принял форму полушария. Надо мной возник дымчатый купол, который, постепенно твердея, превратился в тонкую пленку, сквозь которую не проходят ни свет, ни звук. К сожалению, воздух эта пленка тоже не пропускает, и это ограничивает возможности использования такой защиты. Однако для сеанса связи десяти минут вполне достаточно. У подобной системы есть только один крупный недостаток. Когда прячешься в этот купол, то тут уже только дурак не догадается, что ты шпион и ведешь секретные разговоры. Но узнать, о чем ты говоришь, невозможно.

Установив купол, я включил канал гиперсвязи с Землей. Интересно все же устроена гиперсвязь. Максимального ограничения на расстояние передачи нет или, по крайней мере, его еще не обнаружили. Сигнал, основанный на резонансе приемника и передатчика, проходит сквозь пространство мгновенно. То есть действительно мгновенно: самые точные измерения не показывают никакого различия во времени между отправкой и приемом сигнала.

Все новости и телепередачи, вообще вся связь сегодня проходит через гипер. Благодаря этому даже на самых отдаленных планетах население всегда в курсе свежих сплетен из жизни политиков и звезд шоу-бизнеса, а миллионы домохозяек по всей Галактике синхронно плачут над сериалами, передаваемыми из латиноамериканского сектора космоса.

Наконец канал связи открылся, и я увидел перед собой изображение шефа, который сидел за столом и что-то мастерил из пластикового набора, похоже, очередной самолетик. Коллекция у шефа была внушительная, однако он мало кому ее показывал — считал, что это не соответствует его имиджу. Меня всегда умиляет эта сцена, когда он, едва не высунув от усердия кончик языка, пытается удержать в своих лапищах крошечные инструменты, которыми он прилаживает на место еще более крохотные детали.

— Шеф, простите, что отрываю. — Я был в числе небольшого числа избранных, которым приемник шефа отвечал автоматически.

— А, пропащий, ну и где ты, уже возвращаешься?

— Шеф, я только вчера прилетел.

— Не понял: ты по дороге заскочил на курорт?

— Я прилетел сегодня вечером, поужинал в гостинице...

— Ага, и хряпнул там, по своему обыкновению, водки, — жизнерадостно подхватил шеф. — А сейчас у тебя болит голова, и ты хочешь мне пожаловаться. Какого черта ты вообще звонишь, светишься на всю округу? Ты, конечно, агент авторитетный, но закончить расследование за полдня? Не верю.

— И не надо, — в тон шефу ответил я. — Можно я все же доложу?

— А я думал — ты просто соскучился. Кончай трепаться, докладывай. И первым делом объясни, что там стряслось на «Северной Звезде».

Я кратко рассказал о случившемся на лайнере.

— Затем я направил лайнер прямо на Деметру. Если лететь без заходов во все порты маршрута, то получилось не так далеко, управились за два дня. На границе планетной системы Деметры мы забрались в шлюпку, отстыковались от корабля и выскочили в обычное пространство. А корабль полетел дальше в гиперпространстве и пропал окончательно.

— Понял тебя. Баронессой мы займемся, если только сумеем разыскать. Не сомневаюсь, что она уже исчезла, а имя дин Гольд вымышленное. И я свяжусь с Интерполом, шепну кому следует, чтобы не усердствовали с расследованием. Как ты там представился капитану?

— Фронт Избавления планеты Тринития.

— Сам придумал или там действительно что-то есть?

— Понятия не имею, что там происходит. Это важно?

— Конечно. Если интерполовцев вовремя не остановить, то они найдут и несуществующую организацию.

Он что-то пометил у себя в блокноте.

— Хорошо, с «Северной Звездой» все ясно. Так ты думаешь — тебя не пускали на Деметру из-за убийства?

— Теперь я уже знаю, что нет. Что-то скрывают на руднике. С этим связан крупный бизнесмен Бейлз, владелец компании Интерплэнэт Нэйчурал Ресурсес.

— Откуда информация?

— Я отправил вам запись моего интервью с Гарри Найтом. Посмотрите потом, сейчас не хочу тратить на это время.

Шеф недоуменно поднял брови. Удивить Макара Ивановича очень непросто, но, похоже, сейчас был тот самый случай.

— Гарри Найт взял у тебя интервью?

— Наоборот. Я только что сам проинтервьюировал его. Он мне все это и рассказал.

Шеф понимающе усмехнулся:

— Добро, посмотрю с удовольствием. Что еще?

— Мне срочно нужна информация по Деметре. Все, что раздобудете. Любые странности, аномалии. Здесь, в самом Городе, тоже нечисто. Более конкретно ничего сказать пока не могу.

— Когда тебе нужна информация?

— Желательно, чтобы к утру все было готово.

— Хорошо, сейчас же запрягу аналитиков. Конец связи.

Я выключил защитный экран, оставил аппаратуру в режиме ожидания, разделся, упал на кровать и наконец позволил себе уснуть.

ГЛАВА 8

Вызов шефа застал меня на рассвете. Как был, в пижаме, я выскочил из постели и рванул к устройству связи. Запыхтел аппарат защитного экрана. Наконец передо мной возникло изображение Макара Ивановича.

— Доброе утро! — улыбнулся тот, разглядев мой внешний вид. — Ранняя птишка жирного червяка съедает.

— Вы что-то раскопали? — вместо приветствия ответил я. Ну, не люблю я рано вставать, особенно если почти не спал ночью.

— Ничего особенного. Все материалы я тебе посылаю параллельно с нашим разговором, посмотришь на досуге. А вы-

воды аналитического отдела сообщу тебе сразу. Итак, ничего криминального за Деметрой не числится. Планета закрытая, почти никакой информации о ней нет. Неизвестно даже точное количество населения — перепись не проводили с момента высадки.

Я присвистнул: такое обычно встречается только на отсталых феодальных планетках.

— На Деметру почти никто не летает, туризма нет. Иммиграция с планеты невысокая. Если кто и улетает с Деметры, то делают это через соседнюю планетную систему. Там полный разгул демократии, приезжих не регистрируют, все следы теряются. Так что дальнейший поток иммигрантов проследить невозможно.

Я кивнул.

— Да, я обратил внимание в космопорту, что пассажирские перевозки совсем чахлые.

— Хорошо, пока у нас все стыкуется. Теперь экономика. В Городе страшная безработица. Опять же, из-за отсутствия точных данных судить трудно, но аналитики примерно вычислили вероятный объем населения, исходя из начального числа колонистов. Цифры получились приближенные, но по этим прикидкам безработица на Деметре составляет порядка от семидесяти до девяноста процентов трудоспособного населения.

— Так много? Я не ослышался?

— Нет со слухом у тебя все в порядке, я просматривал результаты твоего медосмотра, — усмехнулся шеф. — Еще раз говорю, цифры ориентировочные. Однако есть и точные данные. Общая сумма пособий по безработице, которые отправляют с Земли на Деметру, действительно очень солидная. Считаю, бюджет небольшой страны.

— Безработных на Деметре содержит Земля?

— Не только Земля. Пособия перечисляются из фондов социальной защиты Организации Объединенных Планет. Колония на Деметре не объявляла независимости и поэтому формально находится под патронажем ООП.

— Пойдите... — Я все никак не мог поверить. — А рудник?

— Что — рудник?

— Рядом с Городом находится рудник. Весь проект затевался именно ради добычи полезных ископаемых на руднике. Изначально Город был просто шахтерским поселком. Ради работы рудника и затеяна колонизация Деметры.

— Вот мы и добрались до главного. Рудник продолжает функционировать на одном уровне уже более пятидесяти лет.

— Мне это кажется странным. Давным-давно должны были все выскрести. Хотя мне Ривкин объяснял, что там идет непрерывный процесс восстановления запасов сырья. Это действительно так?

— Да, действительно так. Это мы проверили в первую очередь. Рудник не афера и не миф. Он действительно существует и поставляет реальную продукцию. Другое дело, что затраты на производство постоянно растут. Компания вынуждена поднимать цены, но себестоимость тут же поднимается вместе с ними.

— Подождите. Если это так, то рудник не приносит дохода. Зачем же его продолжают эксплуатировать?

— А куда прикажешь деть рабочих? На Деметре больше нет никаких предприятий. Закрывать рудник значит оставить без работы весь Город, а там и без того тотальная безработица.

— Что-то у меня не стыкуется. Ведь компания, эксплуатирующая рудник, наполовину частная. Можно допустить, что ООП может продолжать бесприбыльный проект ради сохранения нормального уровня жизни и занятости населения на Деметре. Но что получает второй компаньон, Бейлз? Зачем ему такая благотворительность?

— Я тоже задал такой вопрос. Оказывается, он не просто на паях с ООП. В контракте оговорено, что при любой ситуации Бейлз имеет право на минимальную маржу прибыли. При расчетах прибыли Бейлз получает свою обязательную квоту. И лишь потом остаток делится пополам.

— Понял, — кивнул я. — Могу предположить, что после того как он выбирает свою обязательную долю, от прибыли уже ничего не остается.

— Совершенно верно. Удивительным образом, несмотря на все манипуляции с ценами, рудник регулярно обеспечивает Бейлзу его минимальную маржу прибыли и ничего сверх этого.

— Спасибо, это уже теплее.

— Это горячо. Ты оказался прав насчет рудника. Разберись, как это у Бейлза получается. Мне очень интересно.

Ишь ты, любознательный какой.

— Это все?

— На мой взгляд вполне достаточно. Направление мы тебе дали, дальше копай самостоятельно.

Шеф полистал блокнот:

— Да, вот еще одна интересная деталь. На Деметре есть свой университет. Солидная организация, полностью субсидируемая ООП. Пять факультетов, плюс докторат. Ректор — выпускник Кембриджа. Десяток профессоров, куча ассистентов и сотни студентов. Стипендии, гранты, все как положено. Но есть один момент. За пятьдесят лет существования университет не провел ни одной конференции и никуда не посылал своих представителей. Аналитик проверил по спискам научных публикаций, и оказалось, что от имени университета не было опубликовано ни одной научной работы. Ни одной статьи, ничего. Тебе это ни о чем не говорит?

— Тут как раз все просто. Воруют.

— Я тоже так думаю. Скорее всего, университет существует только на бумаге. Это не совсем та информация, которая тебе нужна, но общую обстановку проясняет.

— Согласен. Судя по тому, что я уже видел, Город совершенно закрыт. Сотрудники ООП живут за его пределами, на соседнем островке. Бывают там только по делам. В общем, идеальное место для подобного рода мошенничеств.

— Вот и займись этим тоже. Но помни: основная задача — это рудник и Бейлз. Я посмотрел твое интервью с Гарри Найтом. Мне все больше не нравится эта история.

— Мне тоже.

— И будь повнимательнее. Они там сидят очень плотно, процедура приема проверяющих должна быть отлажена. Попробуй для начала раскрутить этого Ривкина на взятку.

— Это он всегда с удовольствием. Уже предлагал, сразу по дороге из космопорта. Но тогда мне сразу придется улететь.

— А ты покапризничай, у Ривкина не бери, выйди на самого Бейлза. В первый раз, что ли?

— Да, конечно, я этим и занимаюсь.

— Добро. Завтра жду отчет. И будь осторожен. Не зря ведь на «Северной Звезде» тебя поджидали. Ну все, будь здоров.

— Шеф, одну минуту.

— Да?

— Макаре Иванович, скажите, а не случались ли на Деметре несчастные случаи с приезжими?

— Не хотел тебе говорить, думал: сам увидишь в информации, которую я послал. Но раз уж ты спросил... — Шеф вздохнул. — Пять лет назад во время комплексной проверки на Деметре скончался ревизор с Земли. Внезапный обширный инфаркт. Врачи сумели только констатировать смерть.

— Это бывает.

— Эксперты смотрели его медицинскую карточку — парень был абсолютно здоров.

— Считаете, что это было замаскированное убийство?

— Да нет. Мы проверили все досконально. Труп заморозили и отправили на Землю, вскрытие делали земные криминалисты. Там действительно был обширный инфаркт. Никаких следов специальных препаратов, которые могли его вызвать, не обнаружено. На теле никаких следов насилия. Только сильно обожжены ладони обеих рук.

— Ожоги ладоней? Откуда?

— Это установить не удалось. Врачи не придали им большого значения, только отметили сам факт.

— Хорошо, буду беречь нервы и ладони. А как его звали, кстати?

Шеф опять принялся копаться в записях:

— Стивен Дуглас. Зачем тебе это?

— Не знаю. Возможно, пригодится. Спасибо за информацию.

— Добро. Конец связи.

Я сбросил полученные с Земли данные в память своего компьютера. Затем выключил устройство связи и спрятал его в чемодан-сейф. Посмотрел на часы. Было еще довольно рано, но опять лечь спать смысла не было. Я принял душ, побрился и оделся. Сел к компьютеру и бегло просмотрел присланную шефом информацию. Ничего нового я там не обнаружил. Наши аналитики умеют четко формулировать главные выводы. Если они ничего больше не увидели, то вряд ли я найду что-нибудь более существенное, чем мне уже сообщили.

Я откинулся в кресле и потянулся. В конце концов, если я не сплю, почему должны дрыхнуть все остальные? Я взял визитную карточку и позвонил Ривкину. С удовлетворением отметил, что разбудил его. Несмотря на неожиданный подъем в ранний час, Ривкин, как всегда, был сама любезность.

— Господин Карачаев, здравствуйте! Я уже начал беспокоиться. Как вы себя чувствуете? У вас все в порядке?

Не знаю, как у других, но у меня вопросы о здоровье всегда вызывают лишь недоумение. С трудом я вспомнил, что Ривкин беспокоится о моей язве. Угораздило же ее придумать!

Я невразумительно пробормотал нечто похожее на вежливую благодарность и сходу поинтересовался, когда мы начнем работать. Ривкин в ответ сообщил, что сейчас мне привезут все документы. После чего предложил встретиться внизу в ресторане.

— В каком часу вы обычно завтракаете? — поинтересовался он.

— Утром, — схамил я.

Ривкин проглотил и это:

— В таком случае жду вас через час в холле.

На том мы и расстались.

Не успел я положить трубку, как в дверь постучали. Я открыл и увидел коридорного. Видимо, он уже давно ждал под дверь. Посыльный толкал перед собой тележку, на которой аккуратными стопками были разложены папки с документа-

ми, компьютерные диски, инфокристаллы, видеокассеты и черт знает еще какие носители информации.

— Господин Ривкин велели передать вам, что здесь только общая информация.

Я удивленно осмотрел горку предметов на тележке и недоуменно переспросил:

— Только общая информация? Значит, будет еще и дополнительная?

— Основное дополнение господин Ривкин занесут лично,— сообщил мне вытянувшийся по струнке коридорный.

Ага, основное дополнение, как выразился посыльный, есть не что иное, как вожделенная взятка. Спасибо, Ривкин, вижу, что вы меня уважаете. Но рано, рано. Будем считать, что я еще не созрел.

Я сунул коридорному мелкую купюру, которую тот принял как должное и тут же исчез. Умение обслуживающего персонала гостиниц мгновенно исчезать после получения чаевых граничит с запредельными возможностями. Только что парень был здесь, назойливо лез в глаза, всем своим видом показывал, что с удовольствием исполнит любую мою просьбу. Да что там просьбу, он счастлив просто находиться рядом со мной, если ему, конечно, будет дозволено. Однако, получив желанную бумажку, парень мгновенно растворился в воздухе. Ну да бог с ним. Говорят, им вообще не платят заплату, считается, что чаевых вполне достаточно.

Я снова сел к столу и окинул взглядом грудку информации. Она, конечно, не предназначалась для детального исследования. Просто положено предоставить проверяющему в полном объеме все отчеты, служебную переписку, накладные, счета-фактуры, выписки из актов, докладные записки, протоколы совещаний и бесконечное множество других служебных бумаг, без которых невозможно существование уважающей себя организации. Я наугад покопался в этих сокровищницах канцелярского искусства.

Мое внимание привлекли заказы на большие партии горного оборудования. Здесь были и проходческие комбайны, и перерабатывающие комплексы, роботизированные станции

первичной переработки сырья. Часть оборудования составляли комплексы жизнеобеспечения для работы людей в агрессивной, вредной для здоровья среде. Судя по актам списания дорогостоящего оборудования условия в шахтах были чрезвычайно тяжелые и техника часто выходила из строя. Вместо списанного оборудования администрация рудника регулярно закупала новое. Все агрегаты были дорогостоящие, самых новейших марок.

Экономические результаты деятельности рудника не впечатляли. Основная часть доходов уходила на закупку оборудования. Остальное распределялось внутри большого количества благотворительных фондов на Деметре. Оставшаяся после всех этих расходов прибыль едва покрывала текущие затраты на выплату жалования рабочим и административному составу.

Это был чисто благотворительный проект. По крайней мере, так следовало из предоставленных мне документов. Непонятно было лишь одно — зачем фирма «Бейлз и сыновья» участвует в этом проекте, явно малоприбыльном для них. При современном бурном развитии добывающей отрасли, в которой специализируются господа Бейлз, существует множество привлекательных проектов, в которые они могли бы вложить свой капитал со значительно более высокой отдачей. Тем не менее, их фирма уже более полувека с упорством продолжает держаться за этот проект.

Вот это я попробую сегодня выяснить. Я позвонил Джейсону и пригласил его на завтрак. Оказалось, что он уже внизу и ждет меня. Пришлось поторопиться. Я быстро навел порядок в комнате, то есть пошвырял в свои знаменитые чемоданы все предметы, не относящиеся непосредственно к санитарному инспектору, и запер их своим личным кодом. Затем повязал галстук и вышел из номера.

В холле меня ожидали Джейсон и Ривкин. Они о чем-то оживленно беседовали. Чудесный парень этот Джейсон, со всеми мгновенно находит общий язык. Меня искусству общения специально учили, а вот у него это умение, видимо, врожденное. Я поздоровался с обоими, и мы вошли в resto-

ран. Завтрак был не очень обильный и оставлял место для скорого обеда. Мне отдельно подали диетический комплекс, состоявший из тарелки овсянки, стакана молока и чего-то еще, такого же неаппетитного. Я меланхолически жевал все это, ругая себя за выдуманный больной желудок. Все, к обеду выздоровею, пообещал я себе.

Отодвинув недоеденную овсянку, я громко сообщил:

— Ривкин, я хочу осмотреть рудник.

— Простите, — растерялся Ривкин. — Мы ведь уже договорились, что вы будете работать у себя в номере. Я прислал вам всю документацию. Давайте прямо сейчас, после завтрака, поднимемся к вам и я дам все необходимые пояснения.

Что-то он не в восторге от моей идеи посещения рудника.

— Не утруждайтесь. Если вам некогда, то я поеду один. Но машину приготовьте, — довольно резко отказался я.

— Нет-нет! — Ривкин уже пришел в себя. — Я никак не могу допустить, чтобы вы поехали туда. С вашим здоровьем... Я никогда не прошу себе, если с вами что-то случится. Я вас очень прошу: давайте поднимемся в ваш номер. Не сомневайтесь, я владею полной информацией по всем интересующим вас вопросам.

Мне уже не просто предлагали взятку. Мне ее насильно впихивали. Еще немного, и Ривкин достанет кошелек и начнет отслюнявливать купюры прямо здесь. Уж очень он не хочет, чтобы я ехал на рудник.

— Ну вот что, Ривкин, — сказал я, поднимаясь из-за стола, — я сейчас выхожу и еду на рудник. Если хотите, присоединяйтесь.

Я действительно встал и пошел к выходу.

— Хорошо, хорошо, не волнуйтесь, пожалуйста! — Ривкин догнал меня и пошел рядом. — Сейчас я все организую.

Он что-то быстро скомандовал в коммуникатор, и мы вышли в холл. Джейсон с тоской посмотрел на недоеденную телячью котлетку под соусом из белого вина с трюфелями и отправился за нами.

Лимузин ждал нас перед входом. Джейсон с Ривкиным, вновь о чем-то болтая, уселись в салоне. Я махнул им ру-

кой — мол, продолжайте трепаться — и закрыл за ними дверь. Сам я прошел вперед и, по своему обычаю, сел рядом с водителем.

Шофер удивленно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Он сидел за рулем взмыленный — пока я спускался из своего номера, он успел прибежать в гараж, вывести оттуда и подать нашу машину к самым дверям гостиницы. Теперь он сидел запыхавшийся, но чрезвычайно гордый тем, что все сделал как надо. Когда мы сели, я внимательно присмотрелся к нему. Одет он был в фирменную одежду гостиничного персонала. Значка миссии ООП на лацкане, как и у всей obsługi, у него не было. Значит, либо местный житель, либо временный наемный работник. Об этом я и спросил его по дороге.

— А вы сами как думаете? — не очень вежливо пробурчал он. Похоже, мой вопрос вызвал у него раздражение.

— Мне почему-то кажется, что вы не из Города, — осторожно сказал я.

— Угадали с первого раза. — Моя проницательность пришлась по душе водителю. — На вашем месте я бы заранее побеспокоился о том, чтобы мой водитель был не из городских.

— Что, там так плохо водят?

— Ну, если вы собрались покончить жизнь самоубийством, то тогда это для вас самый подходящий водитель. А если хотите остаться в живых, то не подпускайте их к машине на пушечный выстрел.

— Даже так? А как же вы там ездите?

— Я там бываю раз в месяц и каждый раз потом прошу прибавку за вредность.

— И что, дают? — спросил я, заранее зная ответ. Но водителю надо было выговориться, и я подбадривал его.

— Ага, потом догоняют и еще дают, — усмехнулся водитель. — Лучше уж на грузовике работать. Откатался туда-сюда между портом и рудником и возвращаешься в гостиницу. Подсчитывай зарплату и оставшиеся дни.

— Кстати, о водителях грузовиков. Почему они живут в гостинице, ведь это для них очень дорого? Им же могли пре-

доставить жилье в Городе? В конце концов, сами могли бы снять там себе квартиры:

— Да ты че! — засмеялся водитель. Потом опомнился и, обернувшись назад, начал лихорадочно извиняться. — Простите меня, пожалуйста, сэр, я не хотел вас обидеть. Только не говорите Ривкину, он и так меня терпеть не может, а теперь точно выгонит. А мне ведь до конца контракта еще только месяц дотерпеть.

— Не переживай, не буду я на тебя жаловаться, — успокоил я его. — Ты лучше объясни мне: почему шоферы так невзлюбили Город?

— Не место там нормальному человеку, вот что я вам скажу.

— Вот как?

— Да, не место. И вы тоже поостерегитесь туда ездить. Не надо.

— Что-то ты меня совсем запугал. Что же там такое страшное происходит? Может, я теперь, наоборот, специально туда поеду, чтобы выяснить.

— Не пугаю я. А ехать туда не надо, вот. Просто не надо туда ездить. И вообще, ничего я вам не говорил, ничего я не знаю. Меня наняли отвести вас на рудник, я и везу. А Городшмород, это меня не касается.

Водитель демонстративно вцепился в руль и прибавил скорости. Увидев, что разговаривать тот больше не собирается, я решил сменить тему. Мне вспомнилось странное словечко, которое несколько раз мелькало вчера вечером в разговорах за соседними столиками в ресторане.

— Слушай, а что такое тканя?

Машина едва заметно вильнула.

— Не знаю, — быстро ответил водитель и замолчал окончательно.

Я обернулся лицом к салону, где Джейсон и Ривкин по-прежнему оживленно переговаривались. Я перегнулся через сиденье:

— Ривкин, а что такое тканя?

Ривкин едва заметно вздрогнул:

— Простите, не расслышал.

Говорить было действительно непросто, лимузины не предназначены для переговоров с переднего сиденья.

— Я спросил — что такое тканя?

Ривкин еще немного помедлил и ответил:

— Это местное растение. Содержит полезные минералы, необходимые в этом климате.

— Скажите, — прокричал я. — А в нашем ресторане можно ее заказать? Как ее готовят?

Ривкин уже взял себя в руки. Он улыбнулся и заметил:

— В фактории ее нет. Это не еда. Ткану используют как обычные пищевые добавки. Она необходима только колонистам, постоянно проживающим в Городе. Члены миссии, проводящие на Деметре не больше года, в ней не нуждаются.

Я кивнул и отвернулся.

— А вы пробовали ткану? — спросил я водителя.

— Да что я, ненормальный! — резко ответил водитель. — Вот, смотрите!

С этими словами он снял обе руки с руля и протянул их мне ладонями вверх. Я машинально оглядел их. Ладони как ладони, ничего необычного. Я недоуменно поднял голову.

Водитель, спохватившись, снова положил руки на руль и быстро заговорил. В его тихом голосе слышалась откровенная мольба:

— Пожалуйста, не расспрашивайте меня ни о чем. Я простой водитель, у меня через месяц кончается контракт. Я хочу спокойно доработать, получить деньги и убраться отсюда. Мы все даем подписку о неразглашении производственных секретов. Поэтому, пожалуйста, не надо меня больше ни о чем спрашивать.

Мне стало жаль парня. Простой трудяга, прилетел сюда заработать и влип в какое-то дерьмо. Ладно, это его проблемы. Мне хватает своих.

Я как бы ненароком глянул в зеркальце и прислушался. Ривкин что-то настойчиво выяснял у Джейсона. Пару раз мне послышалось слово «тканя». Джейсон в ответ только пожимал плечами и разводил руками. Его искреннее недоумение вроде бы успокоило Ривкина. Он вернулся к прер-

ванному разговору и больше не подавал внешних признаков беспокойства.

Однако первое, что он сделал, когда мы вышли из машины, это отвел меня в сторону и стал рассказывать:

— Вы знаете, на Деметре ящеры выращивают множество интересных фруктов с экзотическим вкусом. Видимо, вчера вы не обратили внимания, их всегда включают в меню. Когда мы вернемся в гостиницу, я распоряжусь, чтобы вам дали их попробовать.

Я вежливо поблагодарил. Ривкин чутьочку помялся, а затем добавил:

— Скажите, пожалуйста, почему вас заинтересовала именно тканя? Вам кто-то о ней рассказывал?

Я сделал вид, что мучительно пытаюсь вспомнить:

— Совсем недавно, буквально несколько дней назад, слышал о ней в разговоре. Никак не могу вспомнить точнее.

Ривкин удивился:

— Несколько дней назад? То есть еще до вашего приезда на Деметру?

— А, вспомнил. Это было на борту «Северной Звезды». Я там познакомился с очаровательной женщиной. Баронесса дин Гольд, вы случайно не знаете ее? — бросил я пробный шар.

Ривкин, ничуть не смутившись, сделал отрицательно-самоуничижительный жест, мол, откуда нам, с нашим пролетарским происхождением знаться с аристократами. Впрочем, возможно, он действительно не знает ее, спектакль на лайнере могли подготовить без его участия.

— Так вот... — Я по привычке последних дней продолжал валить все на не вовремя подвернувшуюся лжебаронессу. — Когда госпожа дин Гольд узнала, что я лечу на Деметру, она рекомендовала мне обязательно попробовать тканю. Сказала, что я испытаю восхитительные ощущения.

— Странно, странно. Тканя не имеет вкуса. Я уже говорил, это, скорее, лекарственный препарат. Его принимают только жители Города. А эта баронесса... простите, не запомнил имя...

— Дин Гольд.

— Да-да. Та вот, госпожа баронесса дин Гольд бывала на Деметре?

— Э-э, не могу вам сказать. Мы просто разговаривали о том о сем. Знаете, как это бывает на корабле. Она упомянула ткань, услышав о Деметре, и разговор быстро перешел на другую тему. Я и не вспоминал об этом, пока не прилетел сюда.

Я остановился, показывая, что эта тема меня больше не интересует.

— Однако, пора бы нам осмотреть рудник.

Ривкин с легкостью согласился и бросился впереди меня показывать дорогу. Он снова стал простым порученцем, который сопровождает олуха-начальника при осмотре сложного производства. Мы подошли ближе.

Рудник никак не походил на то, что я ожидал увидеть. Перед нами расстилалось огромное болото, над которым клубился густой зеленоватый туман. То там, то тут из болота торчали искусственные насыпные острова, соединенные между собой цепью шатких подвесных переходов. По мостикам с привычной ловкостью перебегали рабочие-ящеры. Вдалеке над поверхностью воды выступали длинные трубы, из которых периодически вырывались клубы черных густых выбросов. Дым был страшно вонючий: порывы ветра доносили до нас отголоски его неприятного резкого запаха.

По узкой асфальтированной тропке мы подошли ближе к берегу. Здесь начинались бесчисленные туннели и шахты. Они под наклоном уходили в недра болота. Основное оборудование, как объяснил мне Ривкин, находилось в глубине под поверхностью. Из шахт действительно доносился монотонный гул работающих тяжелых механизмов.

Я вспомнил климатические установки на Терции. Закладывая под ними атомные мины, я успел хорошо изучить систему тоннелей и карьеров, прорезавших гранит островов. Огромные сооружения были полностью автоматизированы, на островах не было ни одного человека. Однажды построенная и отлаженная климатическая установка может работать совершенно автономно, без вмешательства человека.

Здесь картина была иной. Привычных роботов и роботизированных машин не было и в помине. Знаменитый лозунг «Автоматика может многое, но не все» на Деметре был творчески переработан и выглядел так: «Автоматика может, но ящер лучше». Ящеры были повсюду. Они легко передвигались по колено в отвратительной жиже, которая не причиняла им ни малейших неудобств. Одни спускались в низкие полузатопленные туннели, навстречу им поднимались другие.

Рудник не поражал масштабами. Все имело какой-то доморощенный вид. Ящеры с трудом протискивались в узкие шахты, более похожие на норы. Всюду встречались обломки брошенных и ржавеющих механизмов.

Мы прошли мимо входа в большой туннель. Вход был закрыт бетонной плитой, к ней сиротливо прислонился большой робот-экскаватор. Он был старый и сломанный. С него уже сняли все, что можно было унести, и теперь робот тихо ржавел возле входа в заброшенный туннель. Рядом с закрытым входом были устроены несколько новых, значительно меньшего диаметра. Из одного, пыхтя и погромыхая сцепкой вагончиков, выезжал недлинный шахтный поезд. Небольшой локомотив, гибрид трактора и плоскодонной баржи, тянул за собой груженные вагонетки с поплавками вместо колес. Ящер, сидевший в специальном кресле, приспособленном для существа с хвостом, не обратил на нас внимания, лишь дал короткий предупредительный гудок.

Пока мы шли, разглядывая окружающее, Ривкин объяснял мне происходящее. Шум вокруг стоял такой, что я не слышал ни единого слова из его объяснений. Оставалось только с умным видом поддакивать и понимающе кивать головой. Большого от меня и не требовалось.

Мы прошли дальше. Здесь из темного, резко уходящего в глубину тоннеля выходила бесконечная лента транспортера. Его ковши были наполнены густой вязкой массой ядовитозеленого цвета. Транспортер оканчивался над большой емкостью, в которую и вываливал свое содержимое. Несколько ящеров с лопатами в лапах стояли рядом и следили, чтобы

зеленая жижа попадала точно по назначению. Иногда содержимое транспортера проливалось мимо емкости, и тогда ящеры, о чем-то оживленно переговариваясь на своем языке, собирали ее лопатами и закидывали в чан.

Впервые за время пребывания на Деметре мне представилась возможность рассмотреть местное население. Невысокие ящеры были идеально приспособлены для передвижения в окружавшей их болотной топи. Их короткие ноги оканчивались широкими мягкими подошвами, которые шлепали по грязи, не проваливаясь в нее. Яркие комбинезоны рабочих, странного на человеческий взгляд покроя, освежали окружающий болотно-промышленный пейзаж.

Ящеры прекрасно справлялись со своими обязанностями. Они работали быстро и слаженно. Маленькие работяги сновали тут и там, чем-то напоминая муравьев, однако в их копошении была видна четкая организация. Я видел, как рабочие-ящеры по команде бригадира выстроились цепочкой. Они быстро и ловко стали передавать друг другу кирпичи из штабеля. Кирпичи, быстро переходя из лап в лапы, исчезали в темноте туннеля. Горка стройматериала таяла на глазах. Я с восхищением и откровенным удивлением наблюдал за ними. До сегодняшнего дня я был совершенно уверен, что подобная технология последний раз применялась при строительстве египетских пирамид.

Я отказался от мысли увидеть здесь то уникальное дорогостоящее оборудование, которое, судя по накладным, в огромных количествах закупалось для рудника. Было ясно, что ящеры с обычной киркой и лопатой справляются не хуже современных автоматизированных и роботизированных комплексов. Что ж, такой метод получения левой прибыли известен давно и практикуется на многих субсидированных предприятиях. Грех не использовать деньги, которые спонсоры выделяют на развитие производства. Мало у кого хватает сил не поддаться искушению и не положить эти деньги прямоком себе в карман.

Наверняка на это и обратил внимание мой предшественник. Он не мог не заметить, если действительно прилетел на

Деметру для инспекции, а не за очередной взяткой. Но за обнаружение подобных махинаций ревизоров не убивают. Значит, он раскопал что-то еще. Несчастный Стивен Дуглас увидел кое-что посерьезнее, чем обычные приписки в отчетности. Это должна быть такая тайна, которую ни в коем случае нельзя выпустить за пределы планеты. Даже ценой убийства инспектора Организации Объединенных Планет. А в том, что Стивена Дугласа убили, я не сомневался ни минуты.

Мы обошли по дорожке часть рудника и вышли на большую асфальтированную площадку. Там стоял огромный карьерный грузовик, готовый к погрузке. Водитель грузовика был первым человеком, которого я увидел на руднике. Это меня очень заинтересовало. Я вспомнил разговор с Гарри Найтом. Его специально наняли, чтобы сообщить по гипервидению, как люди-шахтеры работают на руднике вместе с ящерами. Пока же, кроме водителей, других людей на руднике я не видел. Было непонятно, как вообще люди могут работать в такой тесноте и грязи. Я обратился к Ривкину. Из-за постоянного шума вокруг приходилось кричать во весь голос.

— Водители грузовиков, это единственные люди на руднике? Вы говорили, что здесь работают целые бригады поселенцев! Где они?

Ривкин махнул рукой в сторону небольшого приземистого здания на краю асфальтового покрытия:

— Пойдемте в контору! Там можно говорить спокойно!

Контора встретила нас тишиной, чистотой кондиционированного воздуха и ароматом свежего кофе. Нас усадили на стулья, а конторский служащий с эмблемой ООП на рукаве комбинезона тем временем приготовил нам кофе. Пока мы с Джейсоном отдыхали после изнурительного инспекторского труда за кофе с сигарами из неистощимого лимузинского запаса, Ривкин приволок откуда-то папку со схемой рудника и фотографиями землян-шахтеров. Я внимательно осмотрел содержимое папки. Снимки были сделаны в шахте, по диаметру превышающей те, которые я видел во время осмотра.

Странно, подумал я. Единственная подходящая по размерам для людей шахта была наглухо закрыта бетонной сте-

ной. А по туннелям, которые я уже видел, человек сможет пройти лишь согнувшись в три погибели. Не ползают же они там на четвереньках, в этих узких норах, в самом деле! В любом случае, я должен увидеть людей-шахтеров за работой. Уж слишком мне рекламировали их трудовые подвиги. Я отложил папки в сторону и сказал:

— Я хочу проверить условия труда людей-шахтеров. Где работает ближайшая бригада землян?

Ривкин замялся, затем попросил прощения и вышел. Вернулся он через минуту и с удрученным лицом сообщил:

— Вы знаете, я проверил график работ — сегодня на руднике земные бригады не работают.

— Ничего страшного, — оптимистично заметил я. — Подъем завтра.

— Видите ли... — Ривкин слегка замялся. — Сейчас на этом участке производится реконструкция, и вряд ли его откроют до конца месяца... Да, — добавил он таким тоном, будто собирался сообщить о долгожданной смерти моего престарелого дядюшки-миллионера, оставившего мне в наследство все состояние. — Вам нет никакой необходимости спускаться в шахты. Мне сейчас сообщили, что в ваш номер в гостинице принесли все необходимые документы. Все документы, — со значением повторил Ривкин, глядя мне в глаза.

Отлично, подумал я. Взятка уже готова. Можно вернуться в гостиницу, взять деньги, подписать отчеты и убраться отсюда к чертовой матери. Да, шеф был прав, работа с проверяющими налажена отлично. Но так я ничего не добьюсь. Надо обострять ситуацию. Тогда если они что-то скрывают, то обязательно себя выдадут.

— Вот что мы сделаем, — сказал я, подумав. — Мне и в самом деле необходимо встретиться с шахтерами. Поднимите несколько личных дел, на ваш выбор, и возьмите там адреса. А мы поедem в Город, и я поговорю с шахтерами у них дома. Так даже будет лучше.

— Э... — Ривкин замялся от неожиданного предложения. — Нам бы не хотелось, чтобы вы ехали в Город.

— Кому это — нам? — Я постепенно накалял обстановку.— Почему я не могу поехать в Город?

— Видите ли, рудник — это закрытый стратегический объект. И, соответственно, сам Город — тоже закрытая зона. Для въезда туда надо оформлять специальное разрешение.

— Мне?! — надменно произнес я.— С каких пор инспектор ООП должен оформлять разрешение на въезд куда-нибудь?! Мы сейчас же едем в Город.

Я начал вставать со стула.

— Подождите,— почти отчаянно закричал Ривкин.— Пожалуйста, дайте мне десять минут, и я все улажу.

Я демонстративно посмотрел на часы и молча сел:

— Что ж, как раз успею докурить.

Ровно через десять минут Ривкин выскочил из дальней комнаты. Его глаза бегали по сторонам, он избегал смотреть мне в лицо. В коротких выражениях он сказал, что все устроил и мы сейчас же поедem в Город. Там господа инспекторы смогут встретиться с шахтерами у них дома. Мы вышли из конторы и повторили свой путь по руднику в обратном направлении. Лимузин нас ждал. На этот раз я сел в салон вместе со всеми. По дороге в Город Ривкин был чрезвычайно общителен. Он подробно расспросил, как мы провели вчерашний вечер, все ли в порядке, не осталось ли каких невыполненных пожеланий. Когда спрашивать стало уже абсолютно не о чем, он переключился на анекдоты и терзал нас ими, пока мы не приехали в Город.

Скоростное шоссе, как водится, было отгорожено от Города бетонным ограждением. Въехать в Город можно было только через одну из немногочисленных транспортных развязок, которые казались совершенно неуместными при почти полном отсутствии движения на шоссе. Въехав на один из таких мостов, наш лимузин притормозил и опустился на обочине. Дальше въезд был перегорожен бетонными надолбами, настолько мощными, что с ними с трудом справился бы и тяжелый танк.

С другой стороны заграждения нас ждало старенькое наземное такси. Ривкин вышел из лимузина и предложил нам

пересесть туда. Так нам будет удобнее проехать по Городу, объяснил он. Мы прошли между бетонными надолбами и кое-как устроились в такси. После лимузина машина показала старую, маленькую и грязную. Впрочем, субъективного в моей оценке было мало. Машина и в самом деле была разбитой, тесной и немытой. Молчаливый таксист только кивнул в ответ на приветствие. Адрес ему, по-видимому, сообщили заранее. Как только мы закрыли за собой двери, такси рвануло по разбитому асфальту.

По Городу мы ехали недолго, минут десять. Теперь Ривкин молчал. Я тоже не заводил разговор, а внимательно смотрел в окно, жадно рассматривая окружающее. Я видел разбитое, в ямах покрытие улиц; тротуары с грязными лужами и рытвинами; серые, давно не ремонтированные стены домов; фонари с выбитыми стеклами; кучи мусора на тротуарах.

Архитектура района, по которому мы проезжали, не поражала красотой и оригинальностью. Это был квартал стандартной жилой застройки. Невысокие, двух- и трехэтажные дома цеплялись стенами друг за друга, изредка открывая между собой узкие проходы переулков. Бесконечный ряд дверей и окон выходил на узкий тротуар. Кое-где перед входом были разбиты крошечные газоны с изгородью из вечнозеленого кустарника. Но большинство дверей выходили прямо на улицу. Да и не все двери были на своих местах. Многие дома стояли пустые, с разбитыми стеклами в окнах и сорванными с петель дверьми. Сквозь открытые дверные проемы в таких домах была видна поломанная мебель, обломки бытовой техники, раздавленные детские игрушки, битая посуда, пустые бутылки, мятые кастрюли. Словом, все то, что обычно можно увидеть в пустых брошенных домах.

Район и в лучшие свои дни не относился к элитным; сегодня же он представлял собой жалкое зрелище. Повсюду валялись какие-то тряпки. Ветер шевелил на земле неперенные обрывки газет и гонял вдоль тротуаров пустые целлофановые пакетики. Вокруг было грязно, пыльно. Все несло на себе налет опустошенности и забвения. Когда-то вдоль всей улицы

между тротуаром и дорогой росли деревья. Теперь от них остались только короткие засохшие обрубки.

Было очевидно, что о процветании или даже об обыкновенном благополучии здесь говорить не приходится. Город был запущен донельзя. Это была не простая неухоженность, это было медленное умирание.

Наиболее удручающее впечатление производили немногочисленные прохожие. В основном, по улицам группами шатались какие-то неряшливые или вовсе опустившиеся типы. Они провожали нашу машину взглядами и выкрикивали вслед какие-то угрозы. Некоторые швыряли в нас камни и пустые бутылки. Я понял, откуда на корпусе машины столько вмятин.

Отдельные, прилично выглядевшие прохожие встречались реже. Они двигались быстро, настороженно, стараясь не приближаться к этим компаниям. В основном это были люди среднего и пожилого возраста. На нас они либо вовсе не обращали внимания, либо провожали завистливыми взглядами. Я понял, что для большинства из них поездка на раздолбанной неуклюжей старенькой машине была недосягаемой роскошью.

Такси остановилось у въезда в небольшой переулок. Ривкин вышел первым и огляделся, видимо, пытаясь сориентироваться. Он достал записную книжку, сверил табличку на доме с записями в блокноте и удовлетворенно кивнул головой.

— Это здесь, — позвал он нас. Мы вышли из такси и пошли вслед за ним в глубину прохода.

— Эй! — неожиданно раздалось за нашими спинами. — А платить кто будет?

— Мы скоро вернемся, не уезжайте, — не останавливаясь, крикнул в ответ Ривкин и прошел в глубь переулка. Мы с Джейсоном последовали за ним.

— Черта с два! — заорал таксист. — Вы выйдете с другой стороны и удерете. Знаю я таких. Прикидываются приличными людьми, а сами норовят обмануть честного таксиста. Заплатите за один конец сейчас, а если хотите, чтобы я вас дождался, то дайте залог, иначе уеду.

Ривкин засуетился.

— Простите, ради бога. Я сейчас все улажу,— обратился он к нам с Джейсоном.— Иду, иду, не скандаль! — крикнул он водителю.

Ривкин быстро пошел по направлению к машине, доставая на ходу из кармана пиджака свое портмоне. Когда он подошел к машине, я все понял.

— Ривкин, стой, мерзавец! — крикнул я и бросился за ним. Но было поздно. Ривкин рванул дверь и кулем упал на сиденье. Водитель, все это время не выключавший мотор, резко надавил на газ, и машина рванула с места.

Мне оставалось только стоять и смотреть, как такси с распахнутой дверцей свернуло за угол и исчезло из виду. Так дешево меня давно не кидали. Разве в самой ранней молодости, когда я еще чуточку верил людям. Ну, не всем, конечно, но некоторым.

Я бросился на улицу в надежде поймать проходящее такси. Но не успел. У выхода из переуллка материализовались пятеро здоровых парней в одинаковых кожаных куртках. Парни медленно приближались к нам. Засунув руку за спину, каждый из них достал из-под куртки кто бейсбольную биту, кто кусок арматуры. Ближайший ко мне бугай играл куском ржавой водопроводной трубы. Один конец ее был аккуратно обмотан изолентой, что превращало железяку в удобное и опасное оружие.

Я потянулся к внутреннему карману пиджака и обнаружил пустоту там, где должен был находиться бластер. Я тут же вспомнил, как утром, спеша выйти из номера, побросал все свое хозяйство в чемодан и запер его. В числе прочего там оказался и мой бластер. Я не то, чтобы забыл про него, отправляясь на рудник. Просто чертов диетический завтрак, а потом пререкания с Ривкиным по поводу поездки так разозлили меня, что я не стал подниматься в номер за оружием, а поехал на рудник в чем был. Я слишком вошел в роль вальяжного инспектора ООП, которого защищает сама его должность.

Память услужливо подсказала имя покойного Стивена Дугласа. Он, наверное, тоже был уверен, что инспектору ООП

ничего грозить не может. Мой шеф опять оказался прав. На Деметре очень хорошо готовы к приему инспекторов.

Нехорошо улыбаясь и подмигивая мне, парни приближались. Я крикнул Джейсону, чтобы он не ввязывался, а сам сбросил пиджак на землю и встал в боевую стойку. Надпочечники выбросили в кровь порцию адреналина, по телу пробежала волна энергии. Восприятие окружающего обострилось до предела. Я теперь не человек, теперь я боевой автомат.

Парни приблизились и рассредоточились, окружая, потом что-то крикнули и бросились на меня. Началась потасовка. Первого нападавшего я отбил играючи, классически перехватив его руку с бейсбольной битой. Сильный прямой удар кулаком в солнечное сплетение, и парень временно вышел из игры. Я обернулся к следующему и едва успел уклониться от куска железной арматуры. Не выпрямляясь, пнул его наугад ногой и снова повернулся. Я вошел в ритм боя. Привычно отработанные движения: блок, удар, поворот, блок, удар, поворот. Замелькали перед глазами чьи-то кулаки, зубы, ботинки, ржавая водопроводная труба... Что?.. Ах ты, мать твою...

Мне показалось, что в затылок врезался метеорит. Перед глазами все поплыло. Превозмогая боль, я развернулся и увидел, что здоровяк с водопроводной трубой снова размахивается. Я попытался увернуться, но метеорит вновь ударил меня, на этот раз прямо в лоб. Свет в глазах потемнел, в ушах зазвенело, и я плавно отключился.

ГЛАВА 9

— Шеф, все пропало, все пропало! — кричал в телефон невзрачного вида мужчина, который встречал Андрея и Джейсона в космопорту, а через день бросил их в Городе. — Они убежали! Полиция не может их найти!

— Замолчи, Ривкин. Я тебе сто раз говорил: не называй меня «шеф», здесь не гангстерская малина, — ответил ему низкий уверенный голос. — Расскажи, что сделано.

— Как вы велели, я отвез их в Город. Там уже ждали наши люди. Их избили и дали двойную дозу ткани. Затем я отправился в полицию и представился жителем Города. Соответствующие документы, как вы понимаете, всегда при мне. Я заявил, что в Городе на меня напали двое неизвестных и я еле убежал от них. Я передал полицейским фотографии и сказал, что они были вооружены и очень агрессивны.

— Какие фотографии ты им показал? В полиции могли их запомнить после приземления.

— Я сфотографировал их уже после обработки: в кулаках ткани, лица идиотские. Родная мать, увидев эту фотографию, скажет разве, что этот подонок чем-то похож на ее мальчика.

— Хорошо. И что полиция?

— А ничего. Патрульные приехали через час и никого не нашли.

— Пусть ищут, эти двое не могли далеко уйти. Свяжись с полицией еще раз, пусть продолжат поиски по всему Городу. У них достаточно людей?

— Не очень-то я надеюсь на эту полицию. У них едва хватает ума не ронять деньги, когда им дают взятку. Они даже не удосужились спросить, как у меня оказались фотографии нападавших, если я еле от них убежал.

— Да уж. Ладно, кроме полиции, есть еще моя личная гвардия.

— Вы имеете в виду охрану рудника?

В трубке раздался смешок.

— Да, рудник они тоже иногда охраняют.

— А мне что делать?

— Закрой все выходы из Города. Сообщи в полицию, что у тебя есть сведения, будто эти двое хотят пробраться на рудник и устроить диверсию. Пусть полиция установит круглосуточные посты на выездах из Города. А мы отправим в Город моих людей. Сколько они смогут скрываться? День, от силы два. Потом им конец. И вообще, почему ты так долго церемонился с этим Карачаевым? Ему что, зарплаты хватает?

— Шеф, деньги любят все. Я просто не успел как следует поторговаться. Он какой-то ненормальный. В ресторане ни-

чего не пил, жрал только салаты и жаловался на язву. С бабами в постели он оказался тоже совсем никакой. А на следующий день он с утра начал орать и требовать, чтобы его везли на рудник, хотя мы вроде договорились, что он будет работать у себя в номере. На руднике он прицепился: подавай ему земную бригаду, — а потом решил ехать в Город. Я напрямую предложил ему деньги, но он уперся, мол, обязательно должен встретиться с шахтерами-землянами. А где я ему их возьму? Последние уже вымерли небось.

— А может быть, он тебя не понял?

— Да я, практически, открытым текстом говорил. Он все понял, я по глазам видел. Просто ему почему-то обязательно надо было попасть в Город.

— Все у тебя просто! А мне потом расхлебывать твоё «просто». Ещё раз услышу от тебя это слово — пеняй на себя.

— Понял, исправлюсь.

— И перестань паниковать. Полиция или охранники скоро найдут в Городе двух опасных преступников, находящихся в розыске, и прикончат их при попытке к сопротивлению. Мы тут будем ни при чем. Господин Карачаев попросил отвезти его в Город и оставить там одного. Что он там делал и с какой целью туда отправился, нас не касается. Ты его отвез и вернулся в факторию. Больше ты ничего не знаешь. А уважаемый инспектор, оказывается, в Городе принял вместе со своим другом ударную дозу ткани и отправился искать приключений. На Землю вернется пара трупов, принадлежавших когда-то уважаемым людям, а ныне наркоманам и бродягам, не заслуживающим никакого внимания. И возникнет вопрос: а кто это послал такого с инспекцией от Организации Объединенных Планет? А зачем это к нам посылают подобных типов? Почему в такой серьезной организации работают наркоманы? Выяснить что-нибудь будет некогда. Начнутся взаимные обвинения, все займутся спасением собственных шкур. Короче, будет не до нас. Вот это я называю «просто». Все понял?

— Гениально, шеф!

— Кто?!

— Простите. Господин Бейлз.

ГЛАВА 10

Когда ко мне вернулось сознание, я обнаружил, что валяюсь на земле и моя голова, по которой врезали этой чертовой трубой, гудит как пустое ведро. По количеству мыслей она тоже напоминала именно этот немудреный предмет домашнего хозяйства. В моей бедной пустой гудящей голове почему-то крутился только старый гусарский анекдот: «Поручик, но ведь можно и по лицу схлопотать?» — «Ну что ж, бывает, что и по морде дают».

Постепенно сознание вернулось полностью. Я проверил себя — вроде все цело. На голове огромная шишка. Но кость цела. И вообще, я жив. Уже хорошо. Я попробовал пошевелить руками и ногами, проверяя себя. Наверняка на теле есть синяки, но не более того, ничего не сломано. Очевидно, меня не хотели убивать. Я попробовал встать. Голова кружилась, в ушах шумело, но в целом тело меня слушалось. Во рту был странный привкус, как после принятия сильного болеутоляющего или нейтрализатора какой-нибудь отравы.

Я понял, что сработала моя аптечка. Я не киборг и не супермен, но кое-какие средства экстренной помощи или защиты, называйте это как хотите, у меня имеются. На внутренней стороне бедра моей левой ноги есть небольшой, едва различимый шрам. Если помять мышцу, то внутри бедра можно обнаружить небольшое уплотнение. Это и есть центр неотложной медицинской помощи. В моей ноге спрятан микроскопический анализатор крови. Он постоянно делает анализ на яды, наркотики и тому подобную дрянь, чье присутствие в моей крови вовсе не обязательно. Обнаружив такую гадость, анализатор тут же вспрыскивает в кровь соответствующий антидот из небольших пластиковых ампул, зашитых там же в бедре, рядом с анализатором. Кроме этого, при необходимости аптечка может ввести обезболивающее, сердечный препарат и что-то еще. В целом, аптечка вполне в состоянии оказать первую экстренную медицинскую помощь. Судя по моим ощущениям, это и произошло. В моей крови циркулировала солидная доза лекарств. Правда,

непонятно, с какой целью аптечка это сделала. Шишка на голове и даже сотрясение мозга раньше никогда не вызывали у моего кибернетизированного персонального доктора такого повышенного внимания.

Я обратил внимание на странное жжение в ладонях. Я посмотрел на свои руки и удивился. В обоих кулаках я держал по круглому ярко-синему плоду, размером с лимон. Плоды были надрезаны, из них вытекал сок. Этот сок и вызывал то самое жжение. Я отбросил плоды на землю и посмотрел на ладони. В местах соприкосновения надрезов на плодах с кожей ладоней были видны свежие, ярко-алые рубцы ожогов.

Что такое, что происходит? Неужели все представление было затеяно лишь для того, чтобы устроить мне ожог ладоней? Это можно сделать и не таким экзотическим и трудоемким способом. Видимо, эти плоды что-то в себе содержат. В памяти что-то щелкнуло. Ну да, у моего предшественника, ревизора Стивена Дугласа, тоже были обожжены ладони. «Береги голову и ладони», — пророчески напутствовал меня шеф. Я же не уберег ни того, ни другого.

Я еще раз прислушался к своим ощущениям. По-прежнему все с порядком, сердце бьется нормально, все неприятные ощущения вообще прошли. Лекарство действует. Ну конечно, именно лекарство. Значит, в плодах действительно есть какая-то гадость, скорее всего яд, вызывающий сердечный приступ. Мой доктор распознал его и вовремя успел ввести в кровь противоядие. Итак, я в порядке.

А Джейсон? Я повернулся к нему. Я так привык работать в одиночку, что чуть не забыл о своем партнере. Долгие годы работы приучили меня беспокоиться лишь о собственной безопасности. Я резко обернулся, ища глазами Джейсона. Долго искать не пришлось. Он лежал, закрыв глаза, на спине недалеко от меня. Руки мой невезучий партнер раскинул в стороны, кулаки были сжаты. Сквозь неплотные соединенные пальцы капал ядовитый синий сок. Я наклонился над Джейсоном, разжал его ладони, вытащил и брезгливо откинул в сторону уже знакомые мне синие «лимоны».

Я бегло осмотрел не пришедшего в себя Джейсона. На него отравы явно уже действовала: лицо побледнело, дыхание было частым, сердце колотилось как сумасшедшее. Более детально осмотреть пациента я не мог, диагноза поставить — тоже. Но парню необходима срочная медицинская помощь, это не вызывало сомнений. Надо вызывать врачей или полицию. Дальше будет видно. С Ривкиным я рано или поздно разберусь сам. Но прежде всего надо спасти Джейсона. Я схватился за браслет связи, который традиционно ношу на левой руке.

Вернее было бы сказать — я схватился за то место, на котором носил браслет связи. Ни у меня, ни у Джейсона их больше не было. Было странно и непривычно смотреть на левую руку, не украшенную привычным с детства атрибутом высоких технологий, но тем не менее рука была голая. Я полез в карман пиджака, потом в другой. Ощупал брюки. В карманах было пусто. Кожаные куртки, напавшие на нас, тщательно обыскали меня и забрали абсолютно все, что там было. Документы и деньги вытащили, разумеется, в первую очередь. Я скосил глаза и увидел, что мой инспекторский значок с эмблемой ООП больше не украшает лацкан дорогого пиджака. На месте гордого символа представителя верховной власти виднелась лишь дырка, из которой в разные стороны торчали обрывки ниток. Значок выдрали «с мясом». Мы остались одни в чужом Городе, без денег и документов.

Но прежде всего меня беспокоил напарник. Я опять наклонился к нему, проверяя, жив ли он еще. Джейсон оказался живее всех живых. Когда я наклонился к нему, он пришел в себя и открыл глаза. Похоже, особо болезненных ощущений он не испытывал. Он увидел меня, и это привело его в полный восторг. Джейсон поднял руки к моей шее и нежно обнял меня. Он притянул мое лицо к себе. Я, ничего не понимая, наклонился ближе, и Джейсон, счастливо улыбаясь, прошептал:

— Милый, наконец-то. Я так тебя люблю.

Я недоуменно посмотрел на него:

— Джейсон, дружище, ты в порядке?

Услышав мой голос, Джейсон улыбнулся еще шире, поднялся и потянулся ко мне губами, явно пытаюсь поцеловать меня в губы. Совершенно инстинктивно я отшатнулся и отбросил его руки с затылка. Лишившись опоры, приподнявшийся Джейсон рухнул обратно на землю. Его затылок с глухим стуком ударился об асфальт, и он потерял сознание. Что ж, в такой ситуации это только к лучшему. Пусть пока спокойно полежит.

Я ожидал всего, но только не этого. Половая ориентация Джейсона была направлена исключительно на женщин. Еще в школе он отбил у меня первую красавицу класса, чего я не мог простить ему — целых две недели. Потом она ушла и от него, и мы вновь стали друзьями. Не думаю, чтобы что-то изменилось за то время, что мы не виделись. По крайней мере, на борту «Северной Звезды» прелести баронессы дин Гольд, как быстро выяснилось, его вполне устроили. Да и потом, во время полета, когда мы остались одни на корабле, а потом в шлюпке, он не проявлял никаких признаков влюбленности. Хотя более идеального места для влюбленных найти трудно. Но тогда Джейсон был ко мне совершенно равнодушен (когда я говорю «равнодушный», я имею в виду только в этом смысле). В остальном у нас сложились прекрасные дружеские отношения.

И вдруг вот так, посреди улицы он признается мне в любви. Более того, он явно был настроен на серьезное подтверждение действием этого своего признания. Неужели его так треснули по башке, что там все перепуталось? Вряд ли, Джейсон ведь, в конце концов, реальный человек, а не мультяшный герой. А вот в той отраве, которую ему сунули в ладонь, запросто могло быть что-то такое, что подействовало на него таким образом. Видимо, неспроста, ох неспроста нам, валявшимся посреди улицы без сознания, сунули в руки эту гадость. Они ведь не знали о моей аптечке. Значит, рассчитывали, что на меня это подействует точно так же, и мы с Джейсоном займется любовью прямо на тротуаре. Бред какой-то.

К счастью, я остался в норме. Автоматический анализатор выявил в крови присутствие неизвестной отравы и тут же ввел антидот. Похоже, он ввел также болеутоляющее и тонизирующее. Я был в полном порядке, только небольшое головокружение и странная эйфория показывали, что это благополучие далось организму не даром, и через некоторое время я должен буду дать ему отдых. Но это будет потом, а сейчас я снова был в форме и готов был выпутаться из этой дикой ситуации.

Я огляделся. Вокруг по-прежнему было ни души. Все, теперь моя очередь. Надо брать инициативу в свои руки, и первая неотложная проблема — это привести в порядок Джейсона. Я взял его на руки и пошел в ближайший подъезд. Впервые за день мне повезло. Не успел я зайти, как одна из дверей распахнулась, и оттуда выглянула молодая женщина.

— Заходите, я все видела из окна.

Я зашел в квартиру и положил Джейсона на диван возле окна.

— Спасибо,— сказал я, обернувшись к хозяйке, и огляделся. Квартира была небольшая, но уютная и, что выглядело необычным в этом грязном, запущенном Городе, чистая и ухоженная. Возле стены стоял гипервизор, перед ним журнальный столик. Вокруг столика расположился бессмертный набор мебели для гостиной: большой раскладной диван, небольшой диван для двоих и кресло. У другой стены, в нише, была оборудована кухонька, рядом с ней стоял крошечный обеденный стол и два табурета. В третьей стене был проход, из которого вели двери в спальню и в ванную комнату.

Перехватив мой взгляд, хозяйка сказала:

— Зайдите в ванную и умойтесь, на вас живого места нет.

Я прошел в ванную и привел себя в порядок. Огляделся. Ванная комната может многое рассказать о жильцах дома. Как и в гостиной, там было чисто и аккуратно. Бесчисленные флакончики, баночки и бутылочки на полках были сгруппированы и отсортированы по размерам, форме и даже по цветовому сочетанию. Все предметы туалета принадлежали одной взрослой женщине. Везде было чисто, но отсутствие мужской руки спра-

зу бросалось в глаза. Дверца шкафа не закрывалась до конца, поскольку просел навес. Имея отвертку, я бы исправил этот дефект за пару минут, но отвертка в этом доме, конечно, вряд ли нашлась бы. Для того чтобы спустить за собой воду, мне пришлось засунуть палец в дыру на бачке унитаза, нащупать какой-то штырь и надавить на него. После этого бачок сердито заворчал, но воду вылил. Итак, ванная рассказала мне, что в доме живет одинокая, до педантизма аккуратная женщина. Мужчины в доме не было, а если и появлялся кто-нибудь, то без цели остаться насовсем. Детей не было тоже.

Из ванной я вернулся уже прежним. Ничего не болело, головокружение прошло, сердце билось в прежнем, годами выверенном ритме. Я наконец сообразил улыбнуться и поблагодарить хозяйку. Заодно присмотрелся к ней поближе. Хозяйка была под стать квартире: миниатюрная (не достаёт мне до плеча), аккуратная и очень симпатичная. Короткие темные волосы вокруг чистого белого лица и огромные синие глаза просто завораживали. В средние века за такое сочетание можно было угодить на костер: тогда считалось, что синие глаза при темных волосах могут быть только у ведьм. Что ж, древние многое знали.

Я поискал глазами телефон и спросил хозяйку:

— Можно вызвать врача?

Она отрицательно качнула головой:

— Они никогда не лечат наркоманов. В лучшем случае заберут его в больницу, но я не слышала, чтобы кому-нибудь там действительно помогли.

— Постойте, какие наркоманы? Джейсон не наркоман.

— Все, теперь уже наркоман. Вы что, не знаете, что тканя дает мгновенное привыкание? Один раз взял в руку, и все — приобщился на всю жизнь.

— Подождите, подождите. Давайте еще раз и с самого начала. Что такое тканя? Это те самые синие плоды?

Женщина смотрела на меня с недоумением. Мне тоже надо было начинать с самого начала.

— Я в самом деле ничего не знаю. Я только позавчера прилетел с Земли.

Слово «Земля» произвело впечатление.

— Так вы с другой планеты? С самой Земли?

— Да, а в Городе я вообще только что оказался. И ничего тут не знаю и не понимаю. Единственные жители Города, с которыми я успел встретиться до вас, носили кожаные куртки и не удосужились объяснить мне правила поведения. — Я виновато развел руками. — Так что, если можете, объясните мне в двух словах про ткань и про все остальное.

Женщина смотрела на меня не как на жителя другой планеты, а как на пришельца из другого мира.

— Неужели вы с самой Земли? А почему вы...

Пока женщина пыталась сформулировать внезапно возникшие у нее вопросы, я взял инициативу в свои руки:

— Подождите. У нас очень мало времени. — И, пресекая новый вопрос, продолжил: — Давайте договоримся так. Вы мне коротко рассказываете о ткани, потом мы решаем, что делать с Джейсоном. После этого, если останется время, я отвечу на все ваши вопросы.

Хозяйка квартиры посмотрела на меня, собираясь с мыслями. Ее можно было понять, все произошло так неожиданно. Наконец она решилась. Женщина тряхнула головой, отчего ее волосы взметнулись вверх и тут же опали.

— Ткана — это наркотик. Его принимают, зажав в ладони. У нее очень ядовитый сок, и он быстро впитывается в кожу. Потом наступает период неодолимого сексуального желания. Наркоман, принявший ткану, должен немедленно кого-нибудь... — Женщина замялась, подбирая нужное слово.

— Трахнуть, — подсказал я.

— Вот именно, — подхватила засмущавшаяся было хозяйка квартиры. — Они именно трахаются, как животные. Хватают первого попавшегося под руку. Если поблизости нет женщин, то они занимаются сексом друг с другом. Это отвратительное зрелище.

— Догадываюсь. Мой друг уже признавался мне в любви.

— Да-да, они называют это любовью. Они страшные, омерзительные.

— Успокойтесь, давайте без эмоций.

— Самое страшное, что тканя мгновенно вызывает при-
выкание. Кто однажды ее попробовал, тот уже не может без
нее жить.

Женщина продолжала что-то быстро говорить, а я был
как в тумане и ничего не слышал, лишь заворуженно смот-
рел на нее. Ее черные волнистые волосы очаровательно об-
вились вокруг изысканно красивой головы. Тоненькая и
нежная кофточка облегла безупречную грудь, и я заметил,
что под кофточкой нет белья. Косметика была наложена
умело и подчеркивала выразительные черты удивительно
милого, притягательного лица. Когда она говорила, ее губы,
казалось, посылают мне поцелуи.

— Да не смотрите вы на меня, как собака на кость! — вдруг
закричала женщина, разглядев выражение моих глаз. — Вы
что, тоже надержались тканя? Если вы себе что-нибудь по-
зволите, я вышвырну вас отсюда с вашим приятелем-нар-
кошей!

Она взглянула на мои руки и увидела свежие рубцы на
ладонях. Бросилась к кухонному шкафчику, схватила там
вилку и выставила ее перед собой.

— Не подходи!!! — истерически взвизгнула она.

Я потряс головой и взял себя в руки:

— Простите меня. Сейчас все будет в порядке. Вы правы,
мне действительно тоже сунули тканю, но я успел принять
антидот. Все было в порядке, пока я не увидел вас. Похоже,
мой антидот на такие перегрузки не рассчитан. — Я улыб-
нулся и посмотрел ей в глаза. — Все, обещаю вести себя хоро-
шо. Давайте дружить. Кстати, меня зовут Андрей.

— А меня — Ольга. А вы точно меня больше не хотите? —
настороженно спросила она.

— Оленька, как вам не стыдно задавать мужчине подоб-
ные вопросы?

— Ой, — зарделась Ольга. — Простите, я такую глупость
сморозила. Вы понимаете, я так испугалась. Я хотела вам по-
мочь, они так вас били, а потом я увидела у вас в глазах это
и так перепугалась... Вы же не такой, правда? Вы не знаете,
какие они страшные. Они мечутся по Городу, врываются в

дома и насилуют всех, кого могут поймать. А потом заставляют взять ткань и забирают с собой.

Ольгу прорвало, и она заговорила быстро, захлебываясь словами, перескакивая с одного на другое:

— Они здесь были. Моя подружка, Джина, она думала, что это наши пришли, и открыла дверь. Я не представляю, что с ней сделали. Когда я пришла, все было перевернуто, а ее не было. Я ждала, ждала, а она так и не пришла потом. И наши ничего не знают.

Ольга уткнулась лицом мне в грудь и разрыдалась. Я хотел обнять ее, но вспомнил про вилку, которую Ольга машинально продолжала держать в руке, и не решился. Я только отечески похлопал ее по спине и попросил:

— Пожалуйста, Оля, возьмите себя в руки. У нас катастрофически нет времени. Надо помочь Джейсону.

Ольга отвернулась от меня и закрыла лицо руками. Она еще раз всхлипнула и, вспомнив о Джеймсе, сказала:

— Подождите, сейчас мы поможем вашему другу.

С этими словами она выбежала из комнаты в спальню. Через пару минут она вернулась, неся в руке пузырек с прозрачной жидкостью.

— Вот, — она протянула его мне. — Дайте ему выпить. Со всем его это не вылечит, но полученную дозу нейтрализует почти полностью.

Я взял пузырек, подошел к дивану и влил содержимое в рот Джейсона. Тот закашлялся, поперхнувшись, но проглотил. По его телу пробежала судорога. Наконец Джейсон открыл глаза и осведомился, где он и что случилось. Я обрадованно начал было ему все объяснять. Он вполне осмысленно кивал головой в такт моим объяснениям. Когда я закончил, он с чувством сказал: «Да, конечно». Потом Джейсон протянул ко мне руку с намерением погладить меня по щеке и слабым голосом произнес:

— Эндрю, любимый... — После чего глаза у него снова закрылись, голова безвольно свесилась набок, и он снова отключился.

Я поудобнее уложил его на диване. Было видно, что на этот раз он просто спит обычным, спокойным сном. Я вопросительно посмотрел на Ольгу.

— Все в порядке,— ответила она.— Ему надо как следует выспаться, и завтра утром он будет как огурчик. Несколько дней он проживет спокойно, но затем начнется ломка и ему опять будет нужна ткань.

— Он ее сегодня видел в первый и последний раз!

— Не надейтесь. Одного раза достаточно, чтобы потом зависеть от этой дряни всю жизнь. Так что садитесь, я приготовлю чай, и мы с вами поболтаем. У меня к вам куча вопросов, я так ничего и не поняла. Кто вы? Почему на вас напали?

— Постойте, Оленька, постойте. Я не могу ждать здесь, пока Джейсон выспится. У нас нет времени даже на чай. Если я хоть что-нибудь понимаю, эти подонки скоро сюда вернутся. А может быть, нагрянет полиция, причем совсем не для того, чтобы вылечить Джеймса. Боюсь, что на этот раз нас попытаются прикончить окончательно.

У Ольги округлились ее и без того огромные глаза.

— Все,— продолжал я.— Огромное спасибо за помощь, теперь мы уйдем, а вы постарайтесь уничтожить все признаки нашего пребывания здесь. А потом, если успеете, тоже уходите к какой-нибудь подруге и постарайтесь убедить ее, так, на всякий случай, что вы сидите у нее уже два часа.

— Но что случилось?

— За нами охотятся. Я еще сам не понимаю, кто именно, но облава будет знатная. Поэтому нам надо удирать отсюда.

— Вы убили кого-то? — дрожащим голосом спросила Ольга.

— Что вы, Оленька! Ну посмотрите на меня, разве я похож на убийцу? — попытался отшутиться я.

Ольга опустила голову и чуть слышно прошептала:

— Похож.

По моей коже пробежали мурашки. Эта маленькая испуганная женщина действительно разбирается в людях. Как жаль, что сейчас я убегу и мы никогда больше не встретимся.

— Ольга, послушайте меня, пожалуйста. Сейчас не время и не место для объяснений, но я очень хочу, чтобы вы мне поверили. Давайте сформулируем все иначе. Я не преступник, могу в этом поклясться. И мне очень важно, чтобы вы мне поверили. Очень-очень. Несмотря на то, что сейчас я уйду отсюда и мы никогда больше не увидимся.

Ольга подняла голову и посмотрела мне в глаза:

— Я почему-то вам верю. Вы ведь не сделали ничего плохого, правда?

Я молча кивнул.

— Вот, возьмите это... — Она быстро нацарапала что-то на листке бумаги и добавила: — Разговаривайте там только с Элвисом. Скажете, что это я вас послала. Надеюсь, он сможет помочь вам больше, чем я.

Я не глядя сунул записку в карман. Разберемся с ней позже, сейчас главное спрятать Джейсона и дать ему прийти в себя. А мне необходимо оглядеться вокруг, понять, куда же меня занесло и что за чертовщина здесь творится. На самом деле для этого я сюда и летел, и теперь передо мной находится объект моего расследования. Правда, изначально я планировал появиться здесь в другом, более выгодном положении. Моя экипировка, вернее ее полное отсутствие, оставляло желать лучшего. Связи с Землей у меня нет никакой. Поэтому сейчас мне важно собрать как можно больше информации, чтобы понять, как действовать дальше. Для начала хватит и простой прогулки, если, конечно, принять все меры предосторожности. Я уже собрался идти, но, взглянув еще раз на Ольгу, не удержался, легонько обнял ее за плечи и поцеловал на прощание. Она не возражала, но и не ответила. Поцелуй вышел очень целомудренный, чего нам обоим и хотелось. Ольга быстро отстранилась и насмешливо сказала:

— Что, опять ткана заиграла?

Я ничего не ответил, молча вернулся к дивану, снова взял Джейсона на руки и, не оглядываясь вышел из дома. Я еще раз осмотрелся. Вокруг никого не было. Со спящим Джейсоном на руках я вышел из переуллка на улицу. Вокруг все еще было пусто. Я побежал. Никакого плана у меня не было.

Пройдя десяток шагов, я понял, что так у нас дело не пойдет. Кругленький упитанный Джейсон никак не подходил для передвижения в позе «жених выносит невесту на руках после свершения таинства обряда бракосочетания». Тогда я перегрузил его себе за спину и убедился, что так передвигаться намного легче. Вокруг по-прежнему не было ни души, и я побежал этакой, довольно тяжелой трусой. Мне было все равно куда бежать, главное было удрать подальше от этого места. Я не думал, что на меня устроят организованную облаву — прошло еще слишком мало времени, — но успокоился я только отбежав на несколько кварталов от дома Ольги. Пустынные переулки кончились, за поворотом началась большая улица. Я остановился, снял Джейсона со спины, прислонил его к стене и убедился, что в таком положении тот может стоять без посторонней помощи. Теперь и мне можно было отдышаться.

Мысль обратиться за помощью к полиции я отбросил сразу. Я живо представил себе эту сцену.

— Офицер, — говорю я. — Я санитарный инспектор ООП и прибыл на вашу планету с официальной инспекцией. Отправьте нас немедленно в факторию, в наш номер люкс.

— А документы у вас, господин инспектор, имеются?

— Видите ли, их у меня украли.

— А у вашего приятеля они есть? Кстати, что с ним, он не пьян?

— Ну что вы, офицер, я же говорю, мы здесь в инспекторской поездке. На нас напали неизвестные, избили и всучили ткану.

После этого полицейский требует, чтобы мы показали ладони, и, увидев на них рубцы, теряет к нам всякий интерес. На просьбу связаться с факторией, где могут подтвердить наши личности, он отвечает предложением закрыть нас на две недели в участке.

Итак, обращение в полицию, а также в другие официальные учреждения, отпадает. Надо действовать самостоятельно. И прежде всего как следует оглядеться вокруг. Отдохнув и восстановив дыхание, я растормошил спящего стоя Джей-

сона. Он проснулся и снова стал расспрашивать, что случилось. Я в двух словах описал ему ситуацию, велел ни о чем не задумываться и просто выполнять мои распоряжения. Все под контролем, но надо немного пройтись. Джейсон не возражал, он мог пойти куда угодно, и вообще он...

Я не стал выяснять, кто Джейсон вообще, а просто развернул его лицом к себе и сказал:

— Вот что, дружище. Мы попали в серьезную переделку. Но ты не волнуйся, все под контролем. Сейчас мы с тобой немного погуляем, а потом я уложу тебя спать. Утром ты проснешься как огурчик, тогда я смогу тебе все объяснить.

«А ты сможешь все понять», — добавил я про себя.

Джейсон с энтузиазмом согласился немного погулять. Правда, у него кружится голова, отнимаются ноги и заплетается язык. Но если Эндрю будет с ним рядом, то он, Джейсон, сделает все, что от него потребуют.

Что ж, подумал я, все не так плохо. Джейсон уже не объясняется мне в любви и готов к подвигам. Я предложил ему попробовать пройти пару шагов и с радостью обнаружил, что он в состоянии передвигаться. Лунатик на стометровке дал бы ему фору метров в девяносто, но меня и это устраивало. Я крепко взял его под руку, и мы вышли из переулка.

Этот район Города отличался от места, где нас высадило такси и ожидали парни к кожаных куртках. Сейчас мы явно находились в деловом центре. Вокруг стояли высокие здания, на многих из них горели рекламные проспекты, крутились рекламные ролики. Первые ряды зданий были заняты витринами магазинов. Витрины были убраны ярко и броско. Вдоль тротуаров стояли небольшие киоски, успешно конкурировавшие с магазинами. Прохожие явно предпочитали делать покупки прямо на улице, не заходя в здания. Торговали киоски большей частью напитками, сигаретами и дешевыми сладостями, это был самый ходовой товар. Создавалось впечатление, что у жителей праздник и они заскакивают в магазины, только чтобы обновить запасы веселящих атрибутов. Других забот, кроме как выпить и закурить, у горожан, похоже, не было.

Тротуары вдоль улицы были широкими и относительно чистыми. Покрытие дороги было совершенно целым, ни одной ямки, ни даже напояинания о тех огромных выбоинах и ямах в асфальте, которые таксист с трудом объезжал по дороге в Город. За этим районом следили значительно лучше.

На улице было многолюдно. В большинстве своем прохожие праздно шатались, собирались небольшими группами, расходились и перегруппировывались по-новому. Многие курили, почти у всех в руках были бутылки с красочными этикетками, из которых они периодически отхлебывали. Люди встречались, здоровались, о чем-то разговаривали. Через некоторое время они прощались, расходились и направлялись к другим группам. Там снова начинались приветствия, поцелуи, радостные возгласы. По случаю вновь присоединившихся все дружно поднимали свои бутылки и отпивали содержимое.

Подобным образом ведут себя гости на большом приеме. Здесь же территория вечеринки распространялась как минимум на всю улицу или на целый квартал. Все гуляли, ничем другим никто не занимался. Многочисленные магазины были полупусты, редкие посетители лениво разглядывали выставленные там товары, почти ничего не покупали. Спросом пользовались в основном все те же бутылки с яркими наклейками да сигареты. Некоторые покупали немудреную закуску.

Несмотря на то что была середина рабочего дня, никто нигуда не спешил. Люди неторопливо, с чувством собственного достоинства прогуливались по улице. Двери в здания офисов были закрыты, никто не входил и не выходил оттуда. Сквозь толстые пуленепробиваемые стекла входных дверей в вестибюлях я видел лишь скучающие лица полицейских, охранявших входы. Служащие не принимали посетителей и сами не собирались выходить наружу до конца рабочего дня.

Многие здания здесь тоже пустовали. Их бросили на произвол судьбы, как те дома, которые я уже видел во время поездки в такси. Над ними уже не горела реклама, входные двери были раскрыты настежь. Никто на это не обращал внимания. Прохожие равнодушно проходили мимо распахнутых дверей

и продолжали заниматься своими нехитрыми делами. Их больше интересовали маленькие бутылочки с яркими наклейками, пиво и сигареты.

Наибольшее количество посетителей толпилось в парикмахерских. Это не были настоящие клиенты: мужчины заходили туда, чтобы скоротать время, потрепаться, как водится, ни о чем, покурить и поплевать на пол. Как возник этот обычай, насчитывающий не одну сотню лет, пока не смог ответить ни один социолог. Но точно известно, что когда количество городских бездельников превышает некий определенный уровень — причем неважно, что это, маленький провинциальный городок с населением в несколько сотен душ или многомиллионный мегаполис, — так вот, когда это случается, они начинают собираться именно в парикмахерских. Что привлекает их там, почему они предпочитают именно парикмахерские, хотя сами редко пользуются услугами мастеров, работающих там, остается неизвестным; но они умудряются просиживать или простаивать там часами, иногда не проронив ни слова, словно отбывая некую караульную службу.

В целом центр Города оставлял странное впечатление. Где-то там, в глубине офисов, за закрытыми и охраняемыми дверями продолжалась какая-то деловая активность. Но улица и тротуары жили своей отдельной жизнью. Нетрудно было заметить, что большинство тусовавшихся на улице людей были пьяны или находились под действием наркотиков. А скорее всего, и то и другое.

Мы прошли вперед по улице. Между домами я увидел просвет и пошел в том направлении. Я увидел распахнутые тяжелые ворота с вывеской «Торговый ряд» над ними. Возле ворот, поигрывая дубинкой, стоял полицейский. На поясе у него висела пара наручников, шоковый пистолет и даже бластер в кобуре. На меня полисмен внимания не обратил, он был занят тем, что придирчиво рассматривал всех входящих и выходящих из ворот. Время от времени он заглядывал внутрь и переговаривался со своим напарником, который прогуливался внутри.

Я подошел ближе и устроился так, чтобы видеть происходящее внутри и одновременно не мозолить глаза полицейскому у ворот. Я разглядел, что за воротами находился большой, закрытый со всех сторон двор. В середине двора стояли прилавки, на которых горами валялся товар. Это был небольшой рынок. За прилавками стояли ящеры. Одеты они были так же ярко, как и рабочие на руднике. Но были, конечно же, чище. Была и еще одна разница. В отличие от шахтеров, которые шлепали босиком по грязи, стоявшие на асфальте продавцы носили на ногах огромные неуклюжие ботинки на толстой подошве. В остальном это был обычный базар. Люди-покупатели подходили к прилавкам, смотрели и перебирали товар, иногда что-то покупали, отчаянно торгуясь с продавцами.

Ряд лавок был разбит на три части. Слева от входа торговали одеждой и обувью, явно местного производства. В основном это были майки и рубашки с пестрой расцветкой и простенькими движущимися картинками, мода на которые на Земле прошла уже полвека назад. В середине базара торговали сувенирами, вырезанными из дерева. Это были фигурки ящеров и других животных, сцены из жизни Города и другие поделки. Несмотря на отведенное им центральное место, сувениры расходились плохо, можно сказать, их вовсе не покупали. Справа от сувениров находился фруктово-овощной ряд. Там я увидел почти все известные мне фрукты и овощи и, кроме этого, насчитал еще с десятков ранее не виденных. Овощи покупали хорошо. К некоторым продавцам даже выстраивались стихийные очереди. Основную массу покупателей в этой части базарчика составляли женщины среднего и пожилого возраста. Мужчины среди покупателей попадались тоже, это были большей частью старики-пенсионеры.

Мое внимание привлекла последняя лавка, стоявшая чуть на отшибе, на краю фруктового ряда. Внешне она была очень похожа на соседей. Те же лотки с овощами, такие же весы и стопка целлофановых пакетиков. Но ассортимент в этой лавке был беднее. Там продавали один-единственный

вид фруктов — небольшие темно-синие плоды размером с лимон. У меня перехватило дыхание. В лавке продавалась ткань. Все это происходило в центре Города, среди белого дня, в присутствии и под охраной двух полицейских. А весело они тут живут, подумал я и поздравил себя с тем, что не стал обращаться в полицию за помощью. Теперь мне особенно не хотелось иметь с ней дело. Я постарался задвинуть Джейсона в уголок подальше от глаз полисмена и продолжил наблюдать.

Тем временем к лотку с тканой подошел прилично одетый мужчина. Он взял большую толстую перчатку, которую молча вынул из прилавка и протянул ему продавец. Мужчина так же молча надел ее на руку. Вооружившись таким образом, он стал перебирать лежавшие перед ним горкой плоды. Он щупал и мял их, подносил поближе к лицу и внимательно разглядывал фактуру и цвет кожуры, нюхал. По каким-то одному ему известным признакам, мужчина выбирал отдельные плоды и клал их возле себя. Большинство он браковал и оставлял на месте. Наконец он остановился и снял перчатку. На прилавке между продавцом и покупателем лежало пять одинаковых синих плодов.

Продавец что-то сказал покупателю, тот отрицательно махнул головой. Ящер опять начал что-то говорить, но мужчина перебил его и сам затараторил в ответ. Я понял, что началась торговля. Ящер с человеком препирались долго. Они по очереди поднимали руки вверх, били себя кулаками в грудь, показывали куда-то за угол. Классическая базарная сцена прекратилась, лишь когда полицейский, дежуривший внутри двора, заинтересовался и подошел ближе. Торговавшиеся как по команде успокоились. Подошедшего полицейского встретили улыбкой (человек) и вежливым взмахом хвоста (ящер). Еще несколько минут понадобилось, чтобы убедить полицейского, что все в порядке, затем тот отвернулся и ушел. Теперь торговлю продолжали шепотом. Мужчина pokrылся потом, хвост ящера выделял какие-то замысловатые движения. Я с интересом смотрел, чем закончится эта сцена.

Наконец мужчина согласно кивнул, достал из кармана деньги и сунул их в лапу ящера. Получив деньги, продавец снова стал воплощением вежливости. Он мелко закивал головой и бросился упаковывать проданный товар. Ящер достал из-под прилавка горку свежесорванных больших листьев. В эти листья он ловко заворачивал лежавшие перед ним плоды. Каждый плод ящер упаковал отдельно. Когда он закончил процедуру, перед ним на прилавке лежали пять аккуратных одинаковых пакетов. Уже не боясь обжечься, мужчина взял рукой листовые упаковки и уложил в небольшую сумку. Кивнув ящеру на прощание, он отправился к выходу.

Гулявший между рядов полицейский снова подошел к продавцу ткани. Не говоря ни слова, он остановился возле лотка и встал спиной к ящеру. Остановился он ненадолго, но ящер успел переложить в открытый карман полицейской куртки пару бумажек из стопки, которую только что получил от покупателя. Полицейский повернулся и с независимым видом опять пошел вдоль лотков. Базарчик продолжал торговать полным ходом.

Я вытащил Джейсона из ниши, в которой тот стоял, как статуя святого в монастырском коридоре. Проверил, в состоянии ли тот передвигаться. Все было в порядке. Мой зомби по-прежнему был на ногах, хотя все еще не ориентировался ни в пространстве, ни во времени. Мы пошли дальше. Город таил в себе множество интересного, и я не сомневался, что меня ждет еще не один сюрприз.

Дойдя до перекрестка, я прислушался. С соседней улицы доносились голоса, поющие что-то, похожее на церковный гимн. Пели очень громко, истово, высокими голосами. Прислушавшись я наконец уловил слова. Это действительно был гимн, но не религиозный. Впервые за свою солидную практику я слышал хоровое исполнение гимна, прославляющего наркотик:

Ткана, сладкая тканя.
Ты счастье даришь нам, тканя.
Дала ты нам без обмана
Награду, о сладкая тканя.

Я развернул Джейсона в нужном направлении, взял под руку, и мы, шатаясь из стороны в сторону, отправились на звуки музыки. Мы дошли до конца улицы, свернули за угол и вышли на площадь. Храм, из которого доносилось песнопение, помещался в бывшем здании какого-то склада. Площадь перед нами была когда-то автомобильной стоянкой. На потрескавшемся асфальте еще сохранилась разметка, а над самим зданием красовались остатки неоновой рекламы «БЕЙЛЗ И СЫНОВЬЯ». На дверях же большими белыми буквами было аккуратно написано: «ХРАМ ТКАНИ». Ниже, под надписью, был нарисован человек в белом балахоне, протягивающий руки с небольшими, ярко-синими плодами. Нарисовано было так тщательно и профессионально, что, казалось, человек на рисунке протягивает руки прямо к зрителям. Кто бы ни содержал этот храм, он явно не верил в способность прихожан осилить печатный текст.

Дверь склада была приоткрыта. Бросив Джейсону: «Стой здесь» — и убедившись, что он меня понял, я подошел ближе и заглянул внутрь. В помещении царил полумрак. В свое время склад освещался через небольшие окна, расположенные под потолком. Теперь все окна, кроме тех, что выходили на площадь, были занавешены, и свет с улицы освещал противоположную от входа стену. Там был сооружен помост, покрытый синей материей. Все стену занимало огромное изображение какого-то дерева, усыпанного круглыми синими плодами. Перед стеной стояли темно-красные, отделанные золотом сундуки. На сундуках красовались огромные навесные замки. В углу на железном треножнике была установлена жаровня. В ней горел открытый огонь. На возвышении стоял пастор в белом балахоне, таком же, как на рисунке. Он взмахивал руками, руководя поющими. Перед ним стояло несколько десятков человек, которые хрипло пели, не отрывая взгляда от своего дирижера и раскачиваясь в такт с движениями его рук. Допев гимн, верующие застыли. Проповедник заговорил:

— И сказал тогда великий пророк: «Вы хорошо потрудились, дети мои, и за это я дам вам награду. Больше никогда

ни вы, ни дети ваши не будете работать. Я дам вам отдых и блаженство, которые вы заслужили, работая во славу мою». И обернулся пророк, и указал он на дерево ткани. Разверзлись небеса, ударила молния, и плоды ткани упали к ногам пророка. Подходили к нему верующие, и каждому из них пророк дал по одному плоду. И сказал пророк: «Пусть каждый из вас поднесет свой плод к огню и три раза пропоет гимн. Потом пусть он надрежет плод и крепко возьмет его в руку». Верующие сделали так, как сказал им пророк. Держали они его над огнем и пели гимны. Потом нарезали плоды и взяли их в руки. И закричали верующие от боли. И бросили они плоды свои на землю. Возопили они: «За что ты губишь нас, о пророк! Мы сделали все, как ты велел, но получили только боль». Отвечал им пророк: «Я ниспослал вам боль, чтобы проверить, истинно ли вы верите. И вижу, что нет веры в ваших сердцах. Возьмите снова свои плоды, зажмите их в кулаках и терпите, если не хотите, чтобы я отвернулся от вас». Испугались верующие и снова взяли в руки плоды и зажали их в кулаках. Больно стало верующим, но вера их была сильнее любой боли. И тогда вновь разверзлись небеса, и благостный свет снизошел на верующих, и зазвучала райская музыка. Верующие оглянулись вокруг и увидели, как прекрасен их мир. Сердца их наполнились любовью к этому миру. Посмотрели верующие друг на друга и увидели, как они прекрасны. И они обнялись и стали неистово любить друг друга прямо под ветвями благословенного дерева. И когда все окончилось, сказал им пророк: «Я показал вам блаженство, и теперь всегда плоды этого дерева будет дарить его вам. Но за то, что вы не выдержали мое испытание и усомнились во мне, всякий раз, когда вы будете сжимать в кулаках мой дар, вы сначала испытаете сильную боль и только потом получите блаженство». И сказал пророк: «Да будет так» — и с этими словами вознесся на небо.

Пастор обвел взглядом зал:

— А теперь подойдите ко мне по одному и смиренно получите благословенные плоды, дарованные вам пророком в награду за тяжкий труд ваших отцов и дедов. Держите их

над огнем и надрежьте их, как велел пророк, и зажмите их в кулаках, дабы получить заслуженное блаженство.

Он достал из-под балахона золотой ключ, которым открыл один из сундуков за своей спиной. Сундук был наполовину заполнен свертками из листьев. Прихожане выстроились в нетерпеливую очередь. Пастор вынимал сверток из сундука и вручал подошедшему. Получив сверток, тот отходил с ним в угол, где горела жаровня, и над огнем разворачивал сверток. Побормотав примерно с минуту то ли молитву, то ли заклинание, он убирал сверток с огня. Затем ножом, который лежал там же, он делал надрезы на плоде и, застояв от боли, зажимал плод ткани в кулак. Через несколько минут боль проходила, и посетитель с блаженным видом проходил в другой угол, раздеваясь на ходу. Я разглядел, что там было постелено несколько ковров с разбросанными на них подушками. Раздевшись, вновь пришедший обнимал первую же попавшуюся особь противоположного пола и немедленно начинал заниматься с ней сексом. Женщин в зале было меньше, чем мужчин, поэтому некоторые оказывались без пары. Не в силах терпеть, они, как могли, пристраивались к парочкам или даже к тройкам «влюбленных». Вскоре угол стал похож на муравейник, в котором произошла сексуальная революция. Я понял, что в ближайшие дни вряд ли кто-нибудь сумеет уговорить меня на половое общение. Тем не менее, следовало досмотреть все до самого конца.

Но сначала поищем какое-нибудь укрытие. Одной стычки на сегодня мне было достаточно. Я перешел на другую сторону улицы и занял позицию, с которой мог видеть и слышать все, что делается внутри храма. Из своего укрытия я увидел, как потихоньку улеглись страсти внутри храма-склада. Верующие подбирали одежду, неторопливо одевались. Некоторые переживали рецидив влюбленности, и остальные равнодушно наблюдали, как их приятели снова совокупляются у них под ногами. Наконец все снова собралось перед священником. Тот куда-то исчез на время оргии, но теперь снова стоял посередине помоста — строгий и не-

возмутимый, возвышаясь над толпой. Священник протянул руки и сказал:

— А теперь пусть каждый из вас возьмет по свертку и отправится, как наш пророк, искать страждущих. А когда найдет их, то даст им ткану, чтобы подарить им заслуженное блаженство, и приведет их сюда.

Верующие нетвердым шагом подходили к священнику, получали ткану и выходили на улицу. Выйдя из помещения, они удивленно оглядывались по сторонам: было видно, что они не узнают этого места, не понимают, где они и почему здесь оказались. Ничего страшного не происходило. Я опасался, что сейчас они толпой ринутся в Город, насильно раздавая ткану случайным прохожим и насилуя всех подряд. Вместо этого я увидел, как толпа быстро распалась на мелкие компании, которые были поглощены собственным счастьем настолько, что едва соображали что-нибудь. Свертки ткани они аккуратно спрятали по карманам, явно не собираясь делиться с кем-то чужим. Интересно, как наркоманы даже в минуты наивысшей эйфории тщательно заботятся о том, чтобы не потерять халявную дозу.

С веселыми криками толпа быстро рассосалась. Священник остался в храме один. Не скрывая отвращения, он сдернул с себя балахон и остался в простом сером костюме. Он явно не собирался ждать возвращения своих прихожан: вторая доза ткани была выдана им «на после ужина». Священник вышел из храма, тщательно запер двери, сел в стоящий неподалеку автомобиль и быстро уехал.

ГЛАВА 11

Большая комната была обставлена если не с претензией на роскошь, то, как минимум, так, чтобы благосостояние владельца сразу бросалось в глаза. Мебель дорогих пород дерева, неприменный буфет со стеклянными дверцами, заставленный хрусталем и дорогой посудой, пестрые ковры на полу и стенах, позолоченная окантовка потолка и оконных

рам, — все это выдавало желание хозяина показать, что он кое-чего достиг в этой жизни. Квартира не особенно отличалась от многих других квартир земных поселенцев на новых планетах. Разумеется, только тех из них, кто вовремя успел правильно распорядиться возможностями, которые эти планеты предоставляют, и сумел построить свою жизнь надлежащим образом.

На коврах в живописном беспорядке были расставлены небольшие низенькие столики, кресла, несколько таких же низких диванов. Вокруг одного из столов сидела компания землян: три молодых парня и женщина лет двадцати пяти — тридцати трех. Точнее определить ее возраст из-за умело наложенного грима сумел бы только очень внимательный наблюдатель. Сама же она никогда не давала себе больше двадцати одного. Компания подобралась, похоже, по принципу притяжения противоположностей. Хозяин квартиры, Николай, был курносый блондином выраженного славянского типа со светло-синими, прозрачными до пустоты глазами. Мысли его большей частью были такими же — пустыми и прозрачными. Оба его приятеля также не блистали интеллектом. Они сидели тут, рядом: чернокожий двухметровый гигант Томас, предки которого сохранили в чистоте свои африканские гены, и Жюль — обаятельный щупленький парнишка с темными волнистыми волосами, в списке предков последнего преобладали выходцы из Франции.

В отличие от парней, их подруга не имела выраженной национальной принадлежности. Прямые черные волосы, карие глаза, чистая, гладкая, слегка смуглая кожа, тонкие, но резко очерченные черты лица, великолепная спортивная фигура, — все это делало ее похожей на стандартизированных журнальных красоток. К чему она и стремилась. Звали ее Лола. Девушка появилась в компании несколько месяцев назад и за две недели сумела выжить всех предыдущих подружек своих новых знакомых. Соотношение трех мужчин и одной женщины в компании ей очень нравилось, и она прилагала все усилия, чтобы сохранить его. Она умудрялась ссорить приятелей со всеми новыми жен-

щинами, периодически появлявшимися в доме. Со временем мужчины махнули на это рукой, и вот уже третий месяц компания собиралась в доме Николая в неизменном составе — вчетвером.

Вечер начался как обычно, так же, как начинались большинство всех вечеров, проведенных компанией вместе. Жюль открыл пакет, который принес с собой, и достал оттуда небольшие свертки, аккуратно упакованные в листья ткани. Свертков было четыре — по одному на каждого из членов команды. Все молча смотрели на него, ждали. Никто ничего не говорил. Они вообще мало разговаривали перед тем, как «взять в ладонь». Весь день был лишь прелюдией вечера, когда Жюль наконец возвращался из Нового Города и приносил «держалово». Это потом, когда готовые к употреблению плоды ткани будут зажаты в обожженную ладонь, когда сладкое марево растечется в головах, вот тогда будут и разговоры, и веселье, и секс, и приключения. А пока все то же сосущее ожидание, державшее всех в напряжении с самого утра.

Жюль разложил на столе свертки. Николай уже давно приготовил обычный набор инструментов. Жюль зажег спиртовку, развернул первый пакет. Осторожно достал из него небольшой ярко-синий круглый плод. Острым тонким ножом он аккуратно срезал кожуру. Затем взял вилку, нанизал на нее плод, поднес к огню.

— Засакай время, — повернулся он к Николаю, который, как хозяин, обычно помогал при приготовлении наркотика. Жюль медленно вращал плод над огнем. Очищенная поверхность подгорала, приобретая изумрудно-зеленый оттенок. Ровно через минуту Николай оторвал взгляд от часов и негромко сказал: «Время!» Жюль убрал плод с огня и внимательно осмотрел его. Свежая мякоть покрылась ровной зеленой корочкой. Все молча смотрели на Жюля. Он еще раз тщательно осмотрел приготовленную ткань, понюхал, все так же держа ее на вилке, и наконец сказал:

— Все в порядке, гребешки не надули, держалово сегодня будет классное.

Все облегченно вздохнули, зашевелились. Кто-то попытался заговорить, но ему тут же велели заткнуться. Самое главное было впереди. Жюль поднес плод обратно к листу и осторожно, ножом снял его с вилки. Затем он точно так же поджарил остальные.

— Ну, поехали,— довольным голосом скомандовал он. Все нетерпеливо протянули вперед руки. Ладони у всех были покрыты красными рубцами, некоторые рубцы еще не зажили и слегка кровоточили. Все были возбуждены и ждали раздачи наркотика. Жюль снова наколол на вилку поджаренный плод и быстро сделал ножом несколько насечек на плоде. На поверхности тут же выступили капли маслянистого, остро пахнущего сока. Он повернулся к Лоле: «Лейдис ферст!» — и, ухмыльнувшись, протянул тканю. Лола, которая за весь вечер не сказала ни слова и вообще не двигалась с места, все так же молча схватила плод и с силой зажала его в кулаке. Обожженную ладошку, как обычно, охватила сильная острая боль. Лола всхлипнула, на глазах у нее появились слезы. Она отвернулась, но кулак не разжала. Наоборот, накрыла его другой рукой, не доверяя своим пальцам, которые стремились избавиться от боли. Она стала раскачиваться, тихонько постанывая. Скоро наркотик проник в руку, и боль прошла. Лола улыбнулась и посмотрела на остальных. Волна острого желания прокатилась по ее телу.

— Ну, что же вы, мальчики,— неправдоподобно высоким голосом произнесла она,— дама ждет!

Все опомнились, засуетились. Жюль быстро надрезал и раздал тканю. Как всегда, по комнате прокатился тихий стон, когда ладони сжали ядовитую мякоть. Все замерли, ожидая, когда наркотик начнет действовать. Через несколько минут здоровяк Том с громким шумом выпустил газы. Все, как будто ожидая этого сигнала, расхохотались.

— Ну, ты даешь, Том, ну, рассмешил! А Том у нас шутник, оказывается! — все разом заговорили.

— Эх, гребень зеленый, какой классный приход сегодня,— отсмеявшись, закричал хозяин дома.— Как я люблю шутки Тома! Как я вас всех люблю! — продолжал он выкри-

кивать ненатуральным, очень высоким голосом. Такой голос был одним из побочных эффектов действия ткани и сразу показывал, что его хозяин надержался наркотика. Впрочем, обожженные ладони тоже были своего рода визитной карточкой любителей держалова, так что наркомана можно было вычислить сразу. Другим эффектом, уже не побочным, а ожидаемым, было почти мгновенно возникающее острое сексуальное желание. Однажды попробовав наркотик, люди уже не могли заниматься сексом без него. Зато под наркотиком они вновь обретали эту способность, получая небывалую остроту ощущений.

— Ну же, мальчики, — прокричала со своего дивана Лолла, — только не все сразу!

Примерно через полчаса возня в комнате прекратилась. Громко перекрикиваясь, четверка вышла из дома на улицу. Фаза непреодолимого любовного пыла прошла, и теперь началась вторая стадия. Компания больше не могла сидеть в квартире. Они считали, что им хочется погулять, поискать приключений, просто посмотреть на звезды. Медики описывали это состояние как скрытый приступ клаустрофобии, которая впоследствии усиливалась. Наркоманы, регулярно принимавшие ткану, приобретали устойчивый страх перед закрытыми помещениями. Со временем, даже не находясь под действием наркотика, они уже не могли жить под крышей. В Старом Городе на улицах образовались небольшие колонии наркоманов со стажем, которые бросили свои дома и перебрались жить на улицу. Некоторые сохраняли подобие домашнего уюта и выносили с собой мебель: шкафы, кровати, столы со стульями. Большинство же обходились спальными мешками и парой картонных коробок.

Способность ориентироваться после приема наркотика пропадала, поэтому каждый выход за порог дома превращался в увлекательнейшее приключение. Сделав пару шагов, они уже не соображали, где находятся, что, по общему мнению, придавало особую прелесть таким прогулкам. Первым делом подошли к ближайшему ларьку и купили пиво. Каждый взял в руки открытую банку и, прихлебывая на

ходу, компания отправилась шататься по улицам. Пиво входило в ежевечерний ритуал. Говорили, что после принятия ванны и неизбежных сексуальных удовольствий полезно выпить баночку-другую пива, для восстановления гормонального баланса. Пиво было очень популярно среди населения Старого Города. Считалось просто неприличным выйти из дома без банки пива в руке и пройти по улице, не отхлебывая по дороге.

Жюль в обнимку с Лолой шли чуть впереди. Лола оживленно что-то рассказывала Жюлю. Она была очень озабочена. Вчера Лола видела Жюля с новой подружкой и сегодня с утра начала кампанию по ее дискредитации. Количество фактов и доводов против новой знакомой подобралось огромное. Все это Лола вываливала на своего собеседника непрерывным потоком. При этом она постоянно дергала Жюля за рукав, требуя сочувствия. Жюль, как обычно, только делал вид, что слушает, а сам был занят чем-то своим. Он неторопливо шел, с интересом оглядываясь по сторонам и прихлебывая пиво из банки.

Внезапно Лола сменила тему:

— Жюль, скажи, а мы сегодня тоже встретим маленьких ящеров?

Жюль неохотно оторвался от пива и пробурчал:

— На черта они тебе сдались?

— Ты знаешь, я все думала-думала и решила. Если мы опять встретим маленьких ящеров, то я заберу их к себе, и они будут жить у меня. Я куплю для них маленькие кроватки, игрушечный столик и стульчики. А потом я научу их танцевать рок-энд-блюз. Это будет классно. Только ты скажи Николаю с Томом, чтобы они их не трогали, ладно?

Жюль, не очень вслушивающийся в болтовню подружки, по привычке кивнул головой и сказал:

— Да-да, конечно.

Николай с Томом брели чуть позади, размахивали банками с пивом в такт шагам и вели серьезный мужской разговор.

— Прикинь, что я сегодня узнал,— начал Николай.

— Ну?

— Не нукай, я серьезную вещь хочу сказать.

— Ага, как всегда, фигню какую-нибудь наплетешь.— Том сплюнул на тротуар.— И как я тебя еще слушаю, не понимаю.

— Да нет, правда. Прикинь, был я утром на Бирже, там новая мымра в окошечке сидит.

— Симпатичная?

— Да не перебивай ты. Симпатичная-мимпатичная, все равно они нашим не дают.

— Да знаю я, что уж, просто спросить нельзя?

— Ну и не спрашивай, раз знаешь, я и так тащусь, мысли путаются. Вот что я хотел сказать сейчас?

— Что тебе дала девка с Биржи! — заржал Том и попытался изобразить па из нового модного танца рок-энд-блюз. Не завершив поворота, он пошатнулся, взмахнул рукой и попал в лицо идущему навстречу прохожему. Прохожий остановился и поднял глаза. Он увидел перед собой двухметрового негра, с расплывшимся от невероятного удовольствия лицом и нетвердо стоящего на ногах. Обоженной ладонью правой руки негр осторожно держал баночку с пивом. Левой он размахивал в воздухе, пытаясь закончить начатое танцевальное движение. Прохожий, невысокий тщедушный мужчина средних лет, счел себя недостаточно подготовленным к такой встрече. Он пробормотал: «Простите», и быстро засеменил по тротуару прочь. Том с трудом восстановил равновесие и посмотрел ему вслед. Не торопясь, Том прокричал все известные ему ругательства, в меру своих лингвистических способностей привязав их к убежавшему мужчине и членам его семьи. Затем он повернулся к Николаю и сказал:

— Нет, ну ты видел, что делается? Дождались, по улице уже невозможно пройти, чтобы не натолкнуться на всякую дрянь. Небось на Бирже тоже шваль понавалила сегодня?

— Ага, я забыл, что сегодня начало месяца и там будут пенсионеры.

— Ты, я не понимаю, чего они лезут, на фига им деньги вообще? Ткану не держат, пиво не пьют. Жрать им много не надо, все равно скоро помирать. Нет, ну ты мне скажи, чего

они туда лезут? И ведь нет, чтобы подождать, пока приличные люди, вроде нас с тобой, придут и получают свои деньги. Так нет, целый месяц ждут, а потом первого числа все, как резаные, бросаются к окошечку.

— Да, хорошо еще, что им дают деньги только раз в месяц, а не как нам, раз в неделю. А то бы каждый раз так маялись.

Друзья, утомленные разговором и всплеском эмоций, подошли к ближайшему ларьку и взяли еще пива.

— Вот, теперь полегчало. Так ты слушай,— отхлебнув пива, снова начал Николай.— Был я на бирже, и эта новая мыпра меня спрашивает: а есть ли у меня высшее образование? Прикинь, это она меня спрашивает, круто, да?

Том сформулировал свое отношение к высшему образованию предельно лаконично:

— Не понял, а на фига тебе?

— Вот я ее и спросил: а на фиг мне? И, прикинь, что она мне ответила?

— Что тем, кто с дипломами, она дает?

— Почти угадал. Дает, только не то, что ты думаешь, а дополнительное пособие. Прикинь, они открыли новый отдел для тех, у кого есть высшее образование, и там будут давать повышенное пособие.

Том остановился и повернулся к Николаю:

— Ну-ка, ну-ка, повтори, я что-то не въехал.

— Я говорю: тем, у кого есть степень бакалавра и выше, ну, короче, те, кто учились в колледже или, там, в университете, они будут теперь получать больше.

Том еще немного подумал, потом взревел в голос:

— Это что же, страх в тибидох, получается, что вот тот мозгляк, которому я в рожу заехал, а он только утерся и убежал, он что, теперь будет больше меня получать? Это по какому же праву, трепть его в грызло! У меня, может быть, дед на руднике не просто так кем был! Он у меня, может, там самым мастером смены был! Да он без всякого образования получал в два раза больше, чем я сейчас получаю.

Том еще немного поорал, в основном бессвязные ругательства, а затем ударился в воспоминания.

— Я же хорошо помню, мне дед рассказывал. Тогда на руднике только люди работали, хвостатых туда на пушечный выстрел не допускали. Твои-то, я знаю, они Город строили, а мои работали на руднике. Да как работали! По двенадцать часов подряд в забое стояли. По колено в воде. А если какой-нибудь инженеришка забудет насос смазать, так их вообще по горло заливало. И работали, и Город подняли, и рудник, — и все это для этих паршивых ящеров. Век бы их не видеть.

— Да, сколько наши деды для них сделали! Считай, из грязи вытащили. Ну, ты прикинь, ведь, когда мы сюда прилетели, ящеры вообще жили в болоте, даже Города ни одного у них не было.

— А говорят, что им в городах жить вредно.

— А им вообще жить вредно. Посмотри, как они сейчас себя ведут. На ткану каждый день цену повышают, а продают дерьмо.

— Хорошую ткану теперь только в Новом Городе и достанешь.

— А что у них в лавках делается! Пришел я к ящеру недавно, говорю: дай взаймы пива, опохмелиться надо, мочи нет. А он мне знаешь, что говорит? «Принеси деньги, будет тебе пиво». Нет, ты прикинь, ну откуда у меня могут быть деньги, если у меня Биржа только завтра?

— Ну, а он что?

— А он говорит: «Вот завтра и приходи». Закрыв лавку и пополз по грязи к себе. Ну, подонки ведь, подонки.

— Ага, и я говорю, все ящеры — грязные подонки.

— Не-е, они чистые. Чистенькими все время хотят быть. Ты прикинь, они ведь никогда не дерутся с нашими. Сразу уползают к себе и прячутся. Или если уж совсем станет страшно, тогда зовут полицию. А полиция к ним прибегает тут же. Вот попробуй, наступи на хвост ящеру — тут же появится полицейский. «Как вам не стыдно унижать расовое достоинство коренного населения!» А мы это коренное население из дерьма вынули, вымыли, на солнышке обогрели и пустили в рудник. Они там шлепают себе по грязи, как по

родному болоту, да огромные бабки получают. А ты тут, как дурак, каждую неделю стой в очереди, чтобы получить пособие. А если мне не хватает?

Тут пришла очередь Томаса блеснуть экономическими знаниями.

— А как может хватать, если две трети пособия у тебя вычитают в пользу ящеров?

— Не заливай.

— Да кем угодно буду, мне только вчера мужики рассказывали. У них там кто-то с бабой из бухгалтерии биржевой терся, так она ему по секрету все и рассказала.

— Ага, так она ему и даст. Нужен он ей! Говорю же, биржевые нашим не дают.

— Это нам с тобой не дают, нам молодняк нужен. А та старая, почти сорок, и страшная, как ящер. Мы ее сами не захотим. Она спасибо любому скажет, только приласкай. Так что это проверено. Ты понял, нет? Одну треть дают нам, а две трети отправляют ящерам.

— Так выходит: это ящеры нас обирают? Ну, подонки, я же говорю!

Парни постепенно закипали злобой. Им срочно надо было на ком-то отыгаться. Обычная потасовка не годилась. По вечерам молодые наркоманы Города обычно выходили на прогулку именно с такой целью. Компании из пяти-шести обалдевших от постоянного употребления ткани молодых парней шатались по Городу, задирали прохожих, устраивали скандалы в поисках желанного выброса отрицательных эмоций. Обычно это заканчивалось избиением отдельных, не вовремя вышедших из дому прохожих. Или же устраивали драку с другой такой же компанией.

Сегодня Тому с Николаем было не до того. Разговор о деньгах, которые отбирают у них из пособия и отдают ящерам, придал их мыслям строго определенное направление. Перейдя улицу на перекрестке, друзья обнаружили высокие закрытые ворота. Над воротами висела вывеска «Торговый ряд». Это означало, что за воротами находится небольшая, закрытая со всех сторон площадка, на которой расположены

лавки ящеров. Проходя мимо, Том пнул ворота ногой. Те в ответ громко загудели. Тому это явно понравилось. Он пнул еще и еще раз. Николай после второго удара тоже присоединился к приятелю и стал колотить в ворота кулаками. Не переставая ударять в ворота, парни кричали проклятия в адрес ящеров. Незаметно к ним присоединилась проходившая мимо компания. В руках у парней были бейсбольные биты и куски арматуры. Грохот поднялся неимоверный. А парни в ответ только увеличивали усилия. Из окон домов вокруг высунулись встревоженные жильцы, но остановить или хотя бы что-то крикнуть разгулявшимся наркоманам никто не решился. Люди лишь опасливо смотрели вниз, ожидая, что будет дальше.

Внезапно сработала охранная система. Николай, приложившись очередной раз к воротам, почувствовал резкий укол от разряда тока. У него перехватило дыхание, и он сполз вниз. Рядом с ним попадали на асфальт и другие. Оставшихся это не остановило. Наоборот, увидев, что их приятелей ударило током, они завопили как сумасшедшие. Раскрывшиеся было окна в домах снова закрылись. Во всех квартирах хозяева выключили свет. Окна гасли одно за другим. Обитатели квартир молча заявляли, что ничего не знают, ничего не видели. А буйство возле ворот продолжалось. Первым делом парни оттащили своих товарищей и оставили их приходить в себя в сторонке. Убедившись, что ворота находятся под током, дебоширы отошли на безопасное расстояние и стали швырять в ворота камни, пустые бутылки и все, что попадалось под руку.

Некоторое время они сосредоточенно бомбили ворота, но те не поддались. Боевой пыл стал проходить. Бутылки кончились, камней кидали все меньше, однако продолжали громко ругаться. Вдруг кто-то в толпе крикнул своему соседу: «А ну, повтори, что сказал! Это ты мне? Ты это мне сказал?!» Раздался звук пощечины, парни сцепились. Через минуту ворота были забыты. В толпе наркоманов вспыхнула потасовка. Кто кого бил и за что, было неважно. Парни давали выход злости. Драка протекала вяло, привычно.

Через пять минут о ней уже забыли, и толпа постепенно рассосалась. Последними ушли ударенные током. Согнувшись, они ковыляли вдоль улицы, держась за стены домов, чтобы не упасть.

ГЛАВА 12

Храм опустел, мы остались одни на площади. Быстро темнело. Первой необходимостью было — перестать выделяться среди горожан, слиться с толпой. После того как я выбросил галстук, подвернул рукава пиджака и как следует повалялся на мокрой траве, я стал выглядеть как местный житель. За Джейсона я вообще не беспокоился, ему впору было присваивать звание почетного гражданина, так его разобрано. Я только снял с него галстук и тоже, по местной моде, закатал ему рукава. Джейсон не реагировал, бедняге здорово досталось.

Мы шли по заполненным улицам, не вызывая ни у кого подозрений. Иногда кто-то приветливо здоровался с нами, видимо, приняв за каких-то малознакомых. Порой даже останавливались и пытались завязать разговор. Я не возражал, здоровался, заговаривал. Все это давало мне дополнительную информацию. Прямых расспросов я старался избегать, но слушал улицу очень внимательно. Прохожие разговаривали громко, неторопливо. Темы бесед не отличались разнообразием. В основном, говорили, где можно достать хорошую ткань, или, наоборот, предупреждали, что в таких-то местах ткань вконец испортилась, а ящеры дерут втридорога. Обсуждались также и другие, более традиционные методы получения кайфа.

Острой темой для разговоров были пособия, которых явно не хватало. Как водится, старожилы вспоминали былые времена, когда пособия были высокими, а цены низкими. Они начинали свои рассказы со слов «а вот раньше», и далее следовала их романтизированная версия происходившего раньше. В зависимости от степени опьянения рассказ-

чика, пособия и цены колебались — чем сильнее тот был пьян, тем выше в том таинственном «раньше» были пособия и ниже цены. Не все соглашались с рассказчиками, и тогда начиналось выяснение отношений, которое обычно заканчивалось дракой. Вообще, потасовки вокруг вспыхивали с регулярностью, достойной лучшего применения. Дрались вяло, привычно, без особого интереса, как, впрочем, делали и все остальное. Побродив пару часов по ночному Городу, я убедился, что до утра ничего нового больше не увижу.

Теперь предстояло найти место для отдыха, чтобы дать наконец Джейсону возможность выспаться и прийти в себя. Несмотря на приближающуюся ночь, народу на улицах не убавилось, скорее даже стало больше. То тут, то там проходили компании, которые с интересом смотрели по сторонам, как будто находились не в родном Городе, а на экскурсии в какой-то экзотической стране. Многие укладывались спать. Для большинства эта процедура не представляла большой сложности — они просто раскладывали одеяла прямо на тротуаре. Прохожие обходили их, не показывая удивления.

Дальше, в парке, картина была чуть иной. Несколько десятков благополучных семей выехали туда на пикник. Причем устроились они на пикнике чрезвычайно обстоятельно. Под открытым небом, на большой лужайке парка была расставлена мебель. Участки были обнесены низенькими, не выше полуметра, заборчиками; только ванная была отгорожена пленкой в рост человека. Получились настоящие квартиры под открытым небом. В квартирах были гостиные, спальни, кухни, в некоторых имелись даже детские комнаты. Все это напоминало огромный кукольный домик, с которого кукловод снял крышку, чтобы было удобнее рассматривать кукол и играть с ними. Я даже невольно поднял голову, но никого, конечно, там не увидел. Хотя это ничего не значило. Наверняка, кто-то непостижимый нам с удивлением наблюдает сверху за происходящим. А может быть, довольно хихикает, кто знает!

Я подошел поближе к одной из таких квартир. В центре огороженного участка, который, судя по мебели, считался

гостиной, горел костер. Вокруг костра уютно устроилась вся небольшая семья: муж с женой и двое подростков, мальчик и девочка, лет четырнадцати-пятнадцати. Глава семейства держал над огнем небольшой вертел, похоже, жарил шашлык, и вся семья с интересом наблюдала за ним. Приглядевшись, я понял, что шашлык приготавлился по местному рецепту — на вертеле жарились четыре аккуратно очищенных плода тыквы. Пикник для этой и всех остальных семей был устроен тоже по местному рецепту: бесконечный пикник, на который выезжают и с которого уже никогда не возвращаются.

Ассоциация с пикником, а точнее с каким-то неведомым мне всенародным гулянием, возникала еще и от бесчисленных лотков со спиртным, сигаретами и сладостями. Эти лотки, украшенные броскими рекламами и ярко освещенные разноцветными огнями, встречались на каждом шагу. Обычных для таких мест кафе и ресторанов нигде не было. Только лотки и киоски, в которых, несмотря на позднее время, бойко шла торговля. Возле них останавливались автомобили и пассажиры, не выходя на улицу, покупали прямо через открытые окна. Прохожие покупали почти машинально. Купленное тут же выпивали и съедали, усевшись на тротуарах возле лотков. Потом покупатели поднимались и отрешенно шли к следующему лотку, где картина повторялась. Со стороны эти люди были похожи на детали, которые невидимые рабочие обрабатывают на каком-то диком, но хорошо отлаженном конвейере.

В Городе были каникулы. Никто не работал, все были заняты тем, что они называли «отдых». Люди ушли в бесконечный отпуск и отмечали это событие. Как всегда, в таких случаях новизна и веселье быстро прошли, но остановиться уже невозможно; и вот вечеринка превращается в тяжелую обязанность, выпивка — в повседневную привычку, разврат и наркомания — в норму.

Отвратительные сцены, подобные тем, что я видел вокруг себя, можно увидеть в любом большом городе. Что бы ни кричали моралисты о светлом будущем, человеческая

природа неизменна. Пока есть какая-нибудь химическая дрянь, которую можно пить, или нюхать, или вводить в вену, чтобы получить свою порцию удовольствий, люди будут эту дрянь глотать, вдыхать и заливать в себя всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Обычно это происходит где-нибудь подальше от праздных взглядов, в самых отдаленных и потайных уголках. Общественная мораль, кастрированная и лживая, все же существует и, будучи не в силах прекратить, прячет все это как можно дальше от посторонних глаз.

Старый Город вел себя иначе. Он напоминал огромного эксибициониста, выставившего на всеобщее обозрение свои гениталии. Город вывернулся наизнанку, показывая все свои пороки: грязь, запущенность, праздность. Основное население справляло бесконечный праздник. Люди пропивали и прогуливали неизвестно каким способом добытые, но только не честно заработанные деньги. У этой атмосферы всеобщей праздности и гульбы, как и всегда в подобных случаях, была целая идеологическая платформа. Объяснение было предельно простым. Именно таким, которое безоговорочно принимается толпой и которое потом не оспорить никакими логическими доводами, потому что толпе нужны лозунги, а не логика. Этот лозунг гласил: наши предки прилетели сюда и принесли с собой цивилизацию, построили города и шахты. Теперь ящеры пользуются всем этим за наш счет. А раз так, то пусть они и работают на нас, а нам положен отпуск. Отпуск этот они определили себе как постоянный. Эта тупая, скотская уверенность в своей правоте, в том, что все им должны, и была самым страшным, самым отвратительным в этом Городе.

Такое поведение не являлось чем-то уникальным, чем-то новым. История повторяется. На нашей Земле во времена, когда человечество только училось существовать как единое целое, то тут, то там возникали достаточно многочисленные группы людей, которые требовали для себя определенных льгот, исходя из тяжелого положения их предков или своей расовой, социальной или религиозной принадлежности.

Иногда целые страны обращались с подобными требованиями лишь потому, что, разворовав и пропив все, что у них было, уже не могли дальше содержать себя сами.

Это было время, когда ведущие страны Европы испытывали стыд за свое колониальное прошлое, а главная американская держава замаливала грехи рабовладения. Начали все это глупцы-энтузиасты, ограниченные люди с простой, как шахматная доска, философией. Они делили жизнь на черное и белое, а людей на хороших и плохих, на угнетателей и угнетенных. Это они, сидя в своих комфортабельных, забитых всеми удобствами квартирах, требовали, чтобы бедным и угнетенным дали то же самое. Они никогда не задумывались над тем, кто и на какие шиши должен дать этим беденьким современные жизненные блага. Благотельники человечества такими мелочами не интересуются. Главное, чтобы их больше не беспокоил вид голодных оборванных детей, которых им показывают по телевизору и которых они иногда даже видят из окон своих автомобилей! «У нас есть правительство, есть специальные люди, они должны», — примерно так рассуждает обыватель.

При такой поддержке всплыли люди и целые организации, которые поставили вымогательство на широкую ногу. Именно тогда была окончательно сформирована система выкачивания денег из государственного бюджета и частных пожертвований через всевозможные фонды развития и благотворительные организации. Профессиональные адвокаты отстаивали интересы этнических групп в дальних уголках земного шара, иногда так и не встретив за всю жизнь ни одного из своих подопечных. Попутно членам этих групп внушалась мысль об их исключительной ценности для человечества и необходимости поддерживать их самобытную культуру за счет государственных средств.

В конечном счете, древняя самобытная культура скатывалась в обычное безделье и пьянство. Стимула работать или учиться у этих людей уже не было: они были обеспечены всем необходимым лишь за то, что чем-то отличались от других. Они не могли, а скорее всего, не хотели приложить усилия и са-

мостоятельно построить себе ту жизнь, которую они, по их мнению, заслуживали. Те немногие, кто воспользовался предоставленными льготами на обучение, делали впоследствии карьеру политических деятелей, проталкиваясь через конкурентов за счет тех же привилегий и занимались тем, что выдвигали еще большие требования от имени своих сородичей. Эти сообщества окончательно опустившихся ублюдков оказались великолепным средством обогащения для целого круга политиков и общественных деятелей. Бесчисленные благотворительные фонды росли как грибы, разворовывая все новые и новые средства, и едва не довели до коллапса всю мировую экономику.

Потребовалось не одно столетие, прежде чем на Земле установилось истинное равноправие, не зависящее от таких понятий, как, например, цвет кожи, наличие брелка с религиозным символом на шее или крайней плоти на половом члене. Человечество в конце концов повзросло, пройдя тяжелый период переходного возраста с его амбициями, крайностями и непониманием всей полноты и сложности жизни. Однако идея восстановления социальной справедливости, вернее личного обогащения под прикрытием благотворительности, по-прежнему живет и дает иногда вот такие тяжелые рецидивы.

Именно так и был разрушен Старый Город. Нормальная жизнь едва теплилась где-то за закрытыми дверями в редких квартирах, подобных той, где я встретил Ольгу. Там, укрывшись от всеобщей праздности, похоже, еще живут нормальные люди. В таком месте я и буду завтра искать тех, кого Ольга назвала «наши». Я не знаю, кто они, как они живут и чем дышат, но я очень надеюсь, что их система жизненных ценностей отличается от общепринятой морали Старого Города. Попробую завтра поговорить с этим Элвисом. Будем надеяться, что в Городе есть люди, которые могут мне помочь.

А пока надо было пережить эту ночь. Я поспешил дальше, туда, где виднелись густые заросли кустов. В нашем положении пикник на открытой местности мог оказаться вредным для здоровья, вплоть до летального исхода. По дороге я прихватил чей-то спальник и пару бесхозных шерстяных одеял.

За кустарником обнаружилась крохотная, прикрытая со всех сторон лужайка. На ней мы и устроились. Я упаковал Джейсона в спальный мешок и велел ему спать. Для себя я расстелил на траве одно из одеял, лег на него и укрылся другим. Джейсон тут же забылся в тяжелом сне. А мне предстояла одна очень интересная процедура.

Я провел в Городе почти целый день, и увиденное следовало отсортировать и обдумать. Информации для размышлений у меня набралось достаточно: в первую очередь это факты, добытые мной в гостинице фактории. Кроме этого, имеются материалы, присланные с Земли. Если добавить к этому мои сегодняшние впечатления от посещения рудника и прогулки по Городу, получается солидный объем информации. Оставалось увязать эту кучу в единое целое. Проще всего это сделать на уровне подсознания. Существует специальная методика, когда всю накопленную, но еще не обработанную информацию открывают для подсознания, а потом просто просматривают готовый результат. Я закрыл глаза и постепенно отключил все внешние рецепторы. Как всегда в подобных случаях, в моем воображении возникла яркая картинка, похожая на стереокино. Камера показала Деметру из космоса, затем стала приближаться.

Если смотреть на Старый Город сверху, с высоты птичьего полета, то можно увидеть огромные здания и зеленые парки, башни офисов и широкие проспекты между ними. Все это является составными частями великолепного архитектурного проекта, блестяще задуманного и с любовью построенного. Небольшой, но очень красивый и функциональный Город, построенный сразу как единое целое и поэтому лишенный недостатков старых городов, которые за сотни лет неоднократно перекраивали и перестраивали себя.

Рядом с Городом находился рудник, на котором работала большая часть населения. Вокруг рудника и в самом Городе возник разнообразный бизнес, в Городе все кипело и строилось. Магазины не справлялись с потоком покупателей. Город рос и развивался, все были полны оптимизма и смотрели в будущее с уверенностью и надеждой.

В одночасье все изменилось. В Городе возникла новая философия — мы достаточно потрудились, теперь нам можно отдыхать. Рабочих людей на руднике сменили ящеры. Деловая активность в Городе замерла. Прежде преуспевающие магазины опустели, население предпочитало покупать дешевые местные товары в лавках все тех же ящеров. Затем, а может быть и раньше, появилась ткана. Она окончательно уничтожила способность и желание горожан к работе. Подросшее, никогда не работавшее поколение преобразовало городскую философию. Теперь основной постулат звучал чуть иначе — наши отцы и деды тяжело работали, теперь нам положен отдых за их труды. Нас должны всем обеспечить, а мы будем отдыхать в свое удовольствие — утверждали идеологи новой философии. Это право, как они считали, дал им плодотворный целеустремленный труд предыдущего поколения.

За всем этим чувствовалась чья-то рука. Кто-то с дьявольским расчетом провернул разрушительную масштабную кампанию, превратив развивающийся Город-труженик в опустившегося бездельника-наркомана.

Теперь перед моим мысленным взором проходили другие, уже знакомые картины. Старый Город, бывший центр земной колонии, медленно умирал. Облицовка домов местами обвалилась, местами огромными кусками нависала над тротуарами, грозя расплющить неосторожного прохожего. Немногие уцелевшие дома принадлежали фактории Организации Объединенных Планет. В них располагались какие-то офисы и магазины. Покупателей в магазинах не было. Горожане делали покупки у местных аборигенов. Лавки ящеров встречались по всему Городу и стояли группами по два-три десятка, чтобы хозяева в случае неприятностей могли отбиться от покупателей. Не надеясь на численный перевес, владельцы лавок скидывались и нанимали патруль полицейских. Полиция в Городе существовала, ее управление занимало большое здание в центре Города. Занимались полицейские в основном охраной учреждений фактории да поборами с местных торговцев.

Рядом с управлением полиции находилось единственное здание, в котором постоянно крутилась толпа местных жителей. В нем располагалась служба трудоустройства. Все жители Города регулярно отмечались в этой службе, чтобы получить пособие по безработице. Служащие в форменной одежде миссии ООП спрашивали у пришедшего: не работал ли он в течение прошедшей недели, не учился ли на профессиональных курсах и не получил ли он диплом о высшем образовании. Затем просили еще раз подтвердить, в какой области проситель ищет работу. То, что никакого образования проситель не имел и не собирался приобретать, значения не имело. Так же не имело значения и то, что никакой работы служба предоставить не могла ввиду ее полного отсутствия. Все шло по раз и навсегда установленному порядку. Служащий кивал головой, говорил, что, к сожалению, на данный момент соответствующей вакансии не имеется, и выписывал квитанцию на получение пособия. Проситель проходил в соседнюю комнату, где ему выдавали еженедельную сумму. Деньги для пособий каждое утро под охраной привозили из фактории, и уже к вечеру большая их часть переходила в руки торговцев тканой.

Ткану продавали прямо с лотков на улице, как овощи. Отдельные любители отправлялись в рискованные путешествия в Новый Город и там покупали ткану у знакомых продавцов. Считалось, что эта ткана наивысшего качества. Когда совсем не оставалось денег, шли в храмы, которых в Городе было несколько. Брать ткану в храмах считалось недостойным для уважающего себя наркомана. Но, когда те самые уважаемые оставались без гроша в кармане, они забывали о гордости и отправлялись за бесплатным держаловом. Кроме того, говорили, что ткану в храмах раздают третьесортную, которая не дает настоящего прихода. Истинная же причина нелюбви храмов была предельно проста. Чтобы получить заветный плод, необходимо было отстоять получасовую мессу, что для наркомана с горящими трубами, конечно, составляло проблему. Тем не менее, храмы никогда не пустовали. Не простаивали и торговцы тканой у своих лотков. Наркотик

был очень популярен — у каждого второго землянина в Городе были обожжены ладони.

Я открыл глаза и с минуту прислушивался к своим внутренним ощущениям. Вроде, все в порядке. С каждым разом подобные медитации у меня получались все лучше и лучше. Сегодня картинка получилась настолько яркой и реальной, что я поехал от мысли: в следующий раз мое выпущенное на свободу подсознание вообще не захочет возвращать мне управление, и я навсегда останусь в созданном им вымышленном мире.

Так или иначе, но представление о происходящем на Деметре я получил. Я сделал пару глубоких вдохов, оживляя циркуляцию кислорода в крови. Потом повернулся на бок и неожиданно для самого себя отключился в глубоком сне.

ГЛАВА 13

Барабаны глухо стучали в сумерках. Они выбивали рваный напряженный ритм, который заполнял собой большую площадь перед невысоким, ярко раскрашенным строением. Все свободное пространство было занято ящерами. Они стояли по колено в воде и раскачивались из стороны в сторону под звуки барабанов. В центре площади оставался незанятый ящерами круг. Это единственное свободное место было абсолютно сухим и ровным.

Внезапно барабаны умолкли. Ящеры стояли не двигаясь, чего-то ожидая. Медленно, томительно тянулись минуты. Сумерки сгущались. Солнце медленно исчезало за горизонтом. В тот момент, когда оно окончательно пропало, в противоположной стороне неба показался первый отблеск восходившей полной луны. По толпе пронесся гул голосов, который тут же смолк. В здании зажглись огни. Послышалось негромкое стройное пение.

Вереница жрецов с ритуально поднятыми вверх хвостами прошествовала из святилища к центру площади. Каждый из них держал в руках деревянную шкатулку. По очереди

подходя к круглой сухой площадке, они останавливались. Постепенно образовался ровный круг из плотно стоявших рядом ящеров. Когда шествие остановилось, раздались громкие слова молитвы. Каждый из жрецов по очереди открыл шкапу, и стало видно, что каждая заполнена крупными яркосиними фруктами. По толпе пробежала волна дрожи. Ящерам были хорошо знакомы эти круглые, чуть продолговатые плоды деревьев ткани. Они не годились в пищу. Более того, деревья ткани сторонились и никогда не трогали их плодов. Внутри плодов ткани находился ядовитый сок, разъедавший даже толстую кожу ящеров.

Когда молитва стихла, жрецы осторожно разложили плоды перед собой на твердой сухой земле. Теперь площадка была покрыта сплошным ярко-синим ковром. После этого жрецы повернулись к ней спиной и тем же строем скрылись внутри святилища.

На площади опять воцарилась тишина. Было слышно лишь напряженное дыхание ящеров и редкие нервные шлепки хвостов по воде. Напряжение достигло апогея. Внезапно барабаны вновь взорвались громким нервным боем. Теперь ритм был совершенно иной — мрачный, древний, таинственный. Двери святилища открылись, и на площадь вновь вышли жрецы. Их глаза были полузакрыты, они громко напевали незамысловатую тягучую мелодию. В толпе зрителей послышалось напряженное перешептывание. То, что предстояло увидеть собравшимся возле храма, происходило лишь раз в три месяца, когда полная луна восходила на небе сразу после захода солнца.

Соблюдая древний ритуал, главные жрецы медленно подошли к площадке, усыпанной ядовитыми плодами. Зрители невольно подались назад, когда жрецы вереницей приблизились к синему ковра. Барабаны зазвучали значительно громче, требовательно. Жрецы, повернувшись в затылок друг другу, пошли вокруг площадки. Барабаны стали ускорять темп, и, повинаясь ему, ящеры двигались все быстрее и быстрее. Наконец этот странный хоровод уже почти бежал. Барабаны зазвучали в полную силу. Волна звука накрыла

площадь. Казалось, грохот пульсирует в каждой клеточке тела, зубы ныли, тела дрожали от нетерпения. Хвосты зрителей нервно двигались из стороны в сторону, описывая немыслимую траекторию.

Один из жрецов издал пронзительный крик и бросился на площадку, покрытую синими плодами. Раздался хруст, кожа под его ногами лопнула, и ядовитая жидкость брызнула в стороны. Толпа зрителей с криком ужаса отшатнулась. Один за другим, не прерывая бега, жрецы запрыгивали на площадку. Они продолжали свое движение, но теперь двигались не в привычной благодатной воде, а в темно-синей ядовитой жидкости, залившей площадку.

Ящеры бежали по кругу все быстрее и быстрее, крича во все горло так, что заглушали грохот барабанов. Они двигались, закрыв глаза и раскачиваясь в такт барабанному бою. Чувствительные подошвы лап были погружены в жидкий яд, но сами ящеры не показывали никаких признаков отравления. Наоборот, они находились в возбужденном эйфорическом состоянии и радостно выкрикивали молитвы, прославлявшие их божество. Толпа следила за жрецами с благоговейным ужасом. Зрители вслед за жрецами повторяли слова молитвы, но никто не двинулся с места, чтобы присоединиться к жрецам в круге.

Ходить по раздавленной ткани было древним тайным секретом жрецов бога Кхаа. Только им после долгих лет упорных молитв и изучения древнего искусства бог даровал такое редчайшее умение. Для непосвященного подобная прогулка могла закончиться лишь одним — тяжелейшими ожогами ступни, подошва которой у ящеров была самой чувствительной частью тела. А потом яд ткани, проникший через тонкую кожу ступней, разольется по всему телу, неся верную смерть. Вот почему зрители смотрели на жрецов с таким запредельным ужасом и благоговением.

На самом деле жрецы немного лукавили, как это делали и делают все жрецы во все времена, на всех планетах Галактики. Ткань, по которой они ходили во время праздника, отличалась от обычной. Эта ткань не была ядовитой. Она была

наркотической. Вступая в круг, где плескался жгучий сок, жрецы получали мгновенный ожог на ногах. Однако наркотик, впитавшись в кровь, быстро глушил боль и вводил ящеров в незнакомое состояние эйфорического возбуждения, когда им казалось, что они способны делать все и даже творить чудеса.

Традиция оглушать свою нервную систему ради получения сомнительного временного удовольствия не свойственна ящерам. В их культуре отсутствует само понятие «наркотики» и «опьянение». Они не курят табак и не пьют спиртные напитки, как это принято на Земле. Они не вводят себя в транс, наблюдая за переливами блестящего света, как уроженцы Проциона-3; не столбенеют в восторженном экстазе от перепадов звука, издаваемого надутыми мехами зверя Ыых, как это делают на Центурионе-8. Они не используют и сотни других уловок, придуманных обитателями Галактики для того, чтобы затуманить свой разум и увести его от реальных проблем. Им чуждо стремление остальных разумных существ получить минутное наслаждение любой ценой, даже если потом это отзывается разрушительными последствиями. Ящеры слишком прагматичны. Они воспринимают жизнь такой, как она есть, и получают радость от самого факта существования, не переходя за красную черту. Они попросту не знают, как это делать.

Даже сами жрецы до конца не понимали, что происходит, когда они входят в круг. Официально они объясняли свою способность поддержкой их бога. Входя в религиозный экстаз, они не чувствовали боли и отплясывали на ткане, благословляя бога Кхаа. Вместе с тем, при подготовке к ритуалу они тщательно выбирали плоды. Древнее знание, передающееся поколениями жрецов, объясняло, как и где искать именно те плоды, которые подходят для проведения ритуала. Ни один из жрецов, как бы истово он ни верил в своего бога, не пойдет танцевать в круг, не будучи уверен, что тканя внутри собрана и проверена согласно древним предписаниям. Жрецы не понимали до конца, почему нужно отбирать именно такие плоды, но прекрасно знали, что от этого зависит их

жизнь. Плясать на обычной ткани было смертельно для любого ящера, независимо от его причастности к религии.

Постепенно барабаны замедлили ритм. Одновременно уменьшилась и сила грохота. Барабаны стучали все медленнее и тише. Один за другим ящеры выходили из круга. С ними что-то произошло там, в глубине таинственного круга, во время этого опаснейшего представления. Их головы тряслись, они пошатывались, хвосты делали какие-то невнятные неконтролируемые жесты. Было очевидно, что жрецы измождены до предела. Взявшись за руки и поддерживая друг друга, они медленно побрели назад в святилище. Толпа сопровождала их благоговейным молчанием.

ГЛАВА 14

Я проснулся от тепла солнечных лучей на лице. Я приоткрыл глаза и увидел, как мимо меня прошел, чем-то очень довольный, кот. Меня прямо возмутила его донельзя счастливая рожа. И главное, в его глазах было написано, что, если представится случай, он себе урвет еще столько же. Ну, никакой меры!

Проследив его путь в обратную сторону, я увидел очаровательную белую кошечку. Она сидела, выгнув спинку и щурилась на солнце. Это существо было еще довольнее жизнью, чем рыжий разбойник, который только что прошел мимо меня. На ее мордочке сияла такая улыбка, что никакой Моне Лизе не сравниться. Прodelав несложные умозаключения, я догадался о причинах радужного состояния духа этой парочки. И чего они такие сексуальные с утра, ткани, что ли, набрались, мелькнуло в голове. Мысль оказалась настолько дикой, что я рассмеялся и окончательно проснулся.

Я лежал на той же лужайке, на которой заснул вчера. Небольшая полянка, заросшая густой мягкой травой, была окружена со всех сторон высокими, почти в рост человека кустами. Со стороны нас не было видно. Вокруг нас никого не было, ночью тоже все было спокойно. Можно считать, что

день начался удачно. Рядом со мной посапывал в своем спальнике Джейсон. Цвет лица у него был нормальный, дыхание ровное. Он даже слегка улыбался во сне. Пусть поспит еще немного, подумал я, это для него сейчас лучшее лекарство.

— Доброе утро, ваша мама пришла, молочка принесла! — раздалось из-за кустов. Знакомая с детства цитата относилась ко второй половине сказки, когда эту реплику произносила уже не коза, а серый волк. И, судя по голосу, это был очень матерый и очень серый волк. Слова сопровождался громким хохотом таких же голосов.

Я выглянул посмотреть, что происходит. По улице шла компания парней, одинаково одетых в кожаные куртки. На плечах у них висели сумки, на руках они носили перчатки из толстой кожи. Парни были похожи на тех, которые поджидали нас вчера. По крайней мере, они были из той же команды. Пока на этом поле не наблюдалось большого разнообразия игроков. Кожаные куртки против любителей ткани. Хотя нет. Чуть позже я убедился, что как раз любители были в той же команде.

Между тем парни приступили к делу. Они достали из сумок ярко-голубые плоды и стали раздавать их прохожим. Прохожие реагировали по-разному. Многие радостно протягивали руки за наркотиком. Наркотик им давали, но не всем и без особого энтузиазма. Законченные наркоманы, похоже, не интересовали парней. Их внимание было направлено на других, тех, кто шарахался от их голосов и старался незаметно скрыться. Ладони у таких прохожих были чистые, и именно они являлись целью утренней прогулки команды «молочников».

Я увидел, как в поле их зрения попал еще не подсевший на ткань мужчина. Он попытался тихо проскользнуть мимо, но его заметили. Увидев, что его заметили, мужчина попытался скрыться. Он быстро перешел на другую сторону и прибавил шаг. Парни что-то крикнули ему, видимо, потребовали остановиться. Вместо этого мужчина втянул голову в плечи и неуклюже бросился бежать. Парни переглянулись

и с хохотом бросились за ним вслед. Поймать убежавшего мужчину, явно незнакомого со спортом и бегавшего последний раз лет тридцать тому назад, не составляло особого труда для молодых здоровых парней. Один из них первым догнал убежавшего и двинул его кулаком по затылку. Тот нырнул вперед и упал лицом на асфальт. Тут же подбежали остальные. Мужчину с шутками, густо уснащенными нецензурной бранью, подняли на ноги. Один из парней достал из сумки ткань и надрезал ее. Рукой в перчатке он сунул сочившийся ядом плод прохожему в ладонь и сжал ее. Мужчина извивался, пытался вырваться, кричал о помощи, но его крепко держали. Немногочисленные прохожие быстро проходили мимо, не останавливаясь и не оглядываясь. Собравшихся было зевак сдуло как ветром.

Постепенно крики мужчины перешли в невнятное бормотание. Потом он успокоился, заулыбался и стал признаваться в любви державшим его парням. Тогда мужчину, похлопав по спине, отпустили. Кто-то из компании произнес вслед ему пару непристойностей. Все громко расхохотались, довольные своей проделкой.

После этого парни разошлись поодиночке, вылавливая новые жертвы. Один направился в мою сторону. Я поднялся во весь рост, так, чтобы меня стало видно. Убедившись, что парень меня заметил, я повернулся к нему спиной и неторопливо пошел к выходу из парка.

— Эй, интеллигент, молочка не хочешь? — раздалось сзади.

Я втянул голову в плечи и, не оборачиваясь, ускорил шаг.

— Эй, я к тебе обращаюсь. А ну стой, скотина, кому говорить! — Серый волк за моей спиной перешел на бег. Я тоже рванул и выбежал из парка. Парень припустил за мной. Я бежал не слишком быстро, чтобы преследователь не потерял меня из виду. Тот тоже особенно не торопился, считая, что повторяется предыдущий сценарий, когда он так легко поймал пожилого мужчину.

В данном случае сюжет развивался иначе. Пробежав метров сто по улице, я свернул в первый попавшийся переулок.

Помня вчерашнюю переделку, я не стал рисковать. Я прижался спиной к стене и стал ждать своего преследователя. Тот, увлеченный погоней, не стал звать подмогу, а так и сунулся в одиночку за мной в переулок. Как только его голова появилась из-за угла, я трахнул сверху по ней кулаком. Это был хороший удар. Простой и вместе с тем эффективный. Надо описать рукой вертикально полный круг снизу вверх, а потом снова вниз, и тогда кулак сам с огромной скоростью падает на голову противника. Не всегда есть время вот так, как теннисист при подаче, раскрутить руку, но когда это удастся, то продолжения, как правило, уже не требуется. Парень по инерции пролетел еще около метра в глубь переулочка и тихо рухнул на асфальт. Я наклонился над ним. Парень был без сознания, но внешних повреждений не наблюдалось. Жаль, череп я ему все же не проломил.

Я осторожно выглянул из-за угла. Больше кожаных курток вокруг не наблюдалось, можно спокойно разобраться с упавшим. Я быстро обшарил его карманы и достал оттуда бумажник с документами, магнитными карточками и, что самое важное в моем теперешнем положении, крупной суммой наличными. Документы мне потом пригодятся, это тоже удача. Но это потом, а сейчас главное — деньги.

Агентов готовят для разных ситуаций. Одна из дисциплин, которые нам преподают, называется «выживание в экстремальных условиях». У широкой публики бытует мнение, что эта наука относится только к путешественникам в пустынях, горах и прочих диких и негостеприимных, заброшенных уголках. Однако настоящий специалист по выживанию на вопрос, какая окружающая среда наиболее враждебна человеку, ответит, что наибольшую опасность представляют собой не вулканы и не снежная замерзшая тундра или непроходимое болото. Самой враждебной человеку средой является город. Именно в большом городе чужак может и замерзнуть насмерть, и умереть от голода и жажды. Не говоря уже о таких техногенных мероприятиях, как, например, переход дороги с летальным исходом или печально знаменитое падение кирпича на голову, чего в пустыне случиться никак не

может. А самой трудной с точки зрения проблемы выживания является ситуация, подобная той, в которой оказались мы с Джейсоном — в незнакомом городе, без денег и документов. То, что я проделал с этим парнем, было самым первым и необходимым шагом к выживанию. Раздобыть деньги в чужом городе — это все равно, что развести костер на Севере или найти воду в пустыне.

Я подхватил бесчувственное тело под кожаные подмышки и оттащил подальше в глубину переулка. Там стояли ряд несколько больших мусорных контейнеров. Забросить тело в один из них я не сумел, хотя мне этого очень хотелось. Парень явно заслуживал подобного обращения. Но не вышло. Тогда я просто спрятал его, засунув в небольшой просвет между баками. С улицы тело не увидят, и это самое главное. Пусть отдохнет пока.

Сунув бумажник в карман, я пошел обратно по направлению к парку. Мне удалось благополучно вернуться в свое укрытие. Кожаных парней в округе больше не наблюдалось, все было спокойно. Улица вернулась к обычным делам. Похоже, день действительно начался удачно. Я еще раз выглянул из кустов и убедился, что меня никто не ищет. Джейсон по-прежнему дрых в своем спальнике, и я не стал его будить. Пусть спит, подумал я, может, проснется уже нормальным. Ольга обещала, что пару дней он сможет продержаться без наркотика, а там посмотрим. Я не собирался застревать здесь на большой срок. Я поудобнее уселся на одеяле и достал бумажник. Денег оказалось вполне достаточно. Местных расценки я, конечно, не знал, но на поесть и одеться хватит. Итак, первый пункт программы выполнен, деньги, можно сказать, принесли мне на блюдечке.

Теперь следовало заняться документами. Я стал вытаскивать по очереди все, что было в бумажнике. Итак: кредитная карточка, еще одна кредитная карточка, водительские права, десяток карточек каких-то клубов, медицина, страховка. Ну, с этим все ясно, я еще не видел ни одного уважающего себя бумажника, в котором бы не обнаружился такой набор. Поехали дальше. Это что? Удостоверение сотрудника охранно-

го отдела рудника, выдано компанией «Бейлз и сыновья». Интересно, очень интересно, господин Бейлз. Оказывается, охранники вашего рудника по утрам перед основной работой заходят сюда и раздают страждущим наркотики. Чтобы, не дай бог, у наркоманов не разболелась голова от утреннего абстинентного синдрома. И заодно приобщают к благородному занятию держания ткани еще не охваченных жителей Старого Города. Понимаю, это у них такая общественная нагрузка. Или это и есть их основная работа?

Я некоторое время размышлял над этим, затем продолжил исследование. Последним, что я извлек из бумажника, оказалось отпечатанное полицией объявление о розыске опасных преступников. То есть меня и Джейсона. В объявлении были наши фотографии. А еще в объявлении было предупреждение, что преступники агрессивны и очень опасны. На полицейском языке это означает, что разыскиваемых можно пристрелить на месте и занести в протокол «убиты при попытке оказать сопротивление при аресте».

Это не явилось для меня полной неожиданностью. Я ожидал чего-то в этом роде. Что ж, теперь я точно знаю, что нас разыскивает и полиция, и господин Бейлз. Причем ищут нас совсем не для того, чтобы извиниться и отвести домой. Парень, преследующий меня, был, видимо, недостаточно проинструктирован или просто не узнал меня — я очень удачно сразу же повернулся к нему спиной. В любом случае скоро он придет в себя, да и его приятели где-то поблизости. Так что дополнительный сон для Джейсона отменяется. Не слишком церемонясь, я растолкал своего партнера.

— Доброе утро, петушок уже пропел, вставай, наркоша!

— Чечилось? Какмнеуево! — кратко, но емко сформулировал свое мироощущение Джейсон.

— Давай, вставай на ноги, по дороге все объясню.

Я поднял слегка обалдевшего Джейсона и поставил на ноги. Мы подошли к фонтанчику с питьевой водой, как смогли привели себя в порядок. На улице я остановил проходящее такси и попросил отвести нас в какое-нибудь приличное место, где можно спокойно поесть и поговорить. И

чтобы это место находилось не ближе трех кварталов отсюда. Шофер пожал плечами и попросил показать деньги. Увидев мою пачку, он расплылся в улыбке и предложил возить нас весь день. Я пообещал подумать, и счастливый шофер распахнул перед нами дверь, дождался, пока мы поудобнее устроимся на ободранных креслах. Только после этого он захлопнул за нами дверцу, obeжал машину, запрыгнул на свое сиденье и рванул с места. Ехали молча. Джейсон попытался было завести разговор на свою любимую тему: где он и что случилось. Я быстро прервал его словами: «Протрезвешь — узнаешь». Шофер понимающе хмыкнул.

Таксист не подвел и высадил нас возле приличного на вид ресторанчика с интригующим названием «Лучше, чем дома». Расплатившись, я вылез из такси и помог Джейсону, у которого наблюдалось некоторое нарушение координации. Таксист предложил подождать. Мне не понравилась его настойчивость, и я отказался, сказав, что отсюда мы уедем с приятелем на его машине. Огорченный таксист уехал, обдав нас на прощание клубом дыма.

Изнутри ресторанчик оказался небольшим и очень уютным. Мы уселись за дальний столик в глубине зала. Я огляделся. Внутри помещение было чистое, ухоженное. Столиков было немного, на всех были постелены чистые клетчатые скатерти и стояла небольшая вазочка с букетиком цветов. Глаз отдыхал после бардака снаружи. Кроме нас, в этот утренний час посетителей не было. К нам подошел хозяин. Я полистал меню и сделал заказ. Хозяин уважительно взглянул на меня:

— Джентльмены сильно проголодались.

— Это только мне, — скромно заметил я, чем окончательно покорило его сердце. — А моему приятелю двойной кофе, апельсиновый сок и какой-нибудь бублик. Больше он все равно не осилит.

Хозяин понимающе кивнул и заторопился на кухню. Я посмотрел на Джейсона. Тот, оказывается, уже воспользовался возможностью, предоставленной мягким ресторанным креслом, и опять заснул. Мне оставалось только поглядывать в окно и ждать заказ. Вчера я был слишком занят, и мне

так и не представилась возможность поесть. Только теперь я сообразил, насколько голоден.

Хозяин вернулся достаточно быстро, чтобы я не умер с голоду. Он, видимо, почувствовал мое состояние и спешил как мог. Передо мной появилась сковородка с шипящей яичницей и толстыми ломтями ветчины. Рядом лежала горка поджаренных тостов и куча другой снеди, которую обычно подают на завтрак. Утолив первый голод, что оказалось совсем не просто, я решил немного передохнуть и заняться Джейсоном.

Для начала я приготовил антипохмельный коктейль собственного изобретения. Я взял чашку кофе, вылил ее содержимое в бокал с апельсиновым соком и тщательно размешал полученную смесь. Немного подумав, я добавил туда еще пару кусочков льда. На вкус мой коктейль не слишком приятен. Но если напрячься и выпить смесь как лекарство, то она хорошо помогает по утрам. Это старое, проверенное временем средство. Я неоднократно успешно пользовался им в личных целях, так почему же не испытать его на Джейсоне? Хуже не будет. Апельсиновый сок избавит его от обезвоживания и снабдит витаминами. А крепкий кофе прочистит мозги. По крайней мере, я так думаю.

Я растолкал Джейсона. Ну и силен же он спать, оказывается. Почти насильно я влил в него заботливо приготовленный коктейль. Джейсон замычал и протестующе замотал головой. Тем не менее, я заставил его выпить весь стакан до дна. Джейсон замолчал, перестал рваться из моих рук и удивленно осмотрелся по сторонам. Я сунул ему в руки свежий рогалик — так хозяин интерпретировал мою просьбу насчет бублика — и велел погрызть, пока коктейль начнет действовать. А сам вновь набросился на еду с жадностью человека, последний раз сидевшего за столом ровно двадцать четыре часа назад.

Когда я наконец уничтожил заказ, которого хватило бы на нормальный завтрак для троих, и понял, что способен думать о других вещах, кроме еды, я обернулся к Джейсону. Тот сидел, с недоумением и испугом рассматривая свои обожжен-

ные ладони. Не переставая жевать, я описал ему наши вчерашние приключения. Оказалось, что кое-что он помнит, но что было действительно его воспоминаниями, а что он принял за них, услышав от меня, определить было сложно. Да и неважно.

В конце рассказа я достал из кармана объявление о розыске. Джейсон внимательно изучил объявление и побледнел. Похоже, он не чувствовал себя так плохо даже вчера, после ткани.

— Ну что ж ты так, — полусочувственно-полунасмешливо сказал я. — Ты искал приключений, вот и получай.

— А ты не издевайся. Тебе легче, ты же у нас суперагент. Вон, тебя даже тканя не берет... Слушай, — вдруг загорелся он. — А может, в тебя заодно с аптечкой и рацию зашили? Вызовем твоих на помощь, и всех делов, пусть нас вытаскивают.

— Ну что ты, дружище, я же не киборг какой-нибудь! Во мне только аптечка: несколько мягких маленьких ампул и крохотный анализатор. Кстати, это считается средством экстренной защиты. Там всего одна-единственная доза. Я сейчас так же беззащитен, как ты.

— И что же нам теперь делать? Мы же теперь преступники, вне закона!

— Ну, во-первых, нечего об этом кричать. — Я покосился на хозяина. Тот стоял за стойкой и невозмутимо протирал стакан. На мой взгляд он не отреагировал, целиком поглощенный удалением какого-то пятнышка на стекле.

Я добавил в голос по возможности больше оптимизма:

— Так вот, слушай. Мне все равно необходимо было попасть сюда. Сейчас нам досталась уникальная возможность разобраться со всем изнутри. Удрать мы отсюда всегда успеем. У меня, между прочим, задание, и я еще его не завершил.

Я достал сигареты и закурил.

— Смотри на жизнь оптимистично. Деньги у нас есть, здешняя полиция ни к черту не годится. Ночевать можно прямо на улице. Климат и местные обычаи это только приветствуют. Шрамы от ткани на ладонях у нас уже есть, а это

своего рода пропуск в местное высшее общество. Да мы сможем скрываться здесь сколько угодно!

— А ткану ты мне будешь покупать, или мне придется стоять в очереди за бесплатной в храме?

Джейсон был прав, это была действительно серьезная проблема. Ольга предупредила, что ткана дает мгновенное привыкание после первого же приема. Если срочно не предпринять какие-нибудь меры, то у моего приятеля впереди карьера профессионального наркомана со всеми вытекающими последствиями.

Вслух же я сказал другое:

— Ничего страшного. Ольга ведь дала тебе лекарство. Она сказала, что несколько дней ты сможешь обойтись без наркотика, а больше мне и не нужно. Кроме того, у меня в запасе есть лечебный коктейль собственного изобретения. Вон, как он тебя на ноги поставил, за пять минут!

И без того бледный Джейсон позеленел.

— Ты имеешь в виду ту гадость, которой ты меня только что напоил? — угрожающе спросил он.

— Ну, вкус у него, конечно, не ах, но ведь действует.

Несколько секунд Джейсон внимательно смотрел на меня, прикидывая, сумеет ли надавать мне по морде. Затем понял, что нет, не сможет. Тогда он глубоко вздохнул и сообщил:

— Тогда лучше ткана.

Мне стало неудобно. Джейсон это понял. Он удовлетворенно вздохнул и переключился на другую тему:

— Ладно, черт с ним. На Земле меня в любом случае вылечат. А что ты собираешься делать теперь?

Я наконец вспомнил про записку, которую Ольга сунула мне перед уходом. Я достал бумажку и развернул ее. На клочке бумаги было написано только название улицы и номер дома. Ни телефона, ни имен — ничего, только адрес, который, разумеется, мне ничего не говорил.

— Скажи мне, тебе знаком этот адрес? — Я показал записку Джейсону.

— Откуда? — резонно спросил меня партнер.

— Вот и я не знаю. Но похоже, что там нам смогут помочь.

— А вот это будет вполне к месту. Потому что я сейчас отключусь,— внезапно сообщил Джейсон.— Мне капитально поплохело.

Я махнул хозяину, попросил счет и вызвать такси. К тому времени, когда машина просигналила с улицы, Джейсона уже опять развезло. Пришлось хватать его под мышки, и таким образом мы то ли вышли, то ли вывалились из ресторана. Такси стояло прямо перед входом, с открытой дверью. Привычный к подобной церемонии выхода клиентов, таксист не высказал удивления, а только поинтересовался, куда ехать. Я назвал адрес. По словам таксиста выходило, что это в другом конце Города, и он запросил крупную сумму. Я, не колеблясь, предложил половину. Таксист, явно довольный удачной сделкой, тут же согласился, и мы поехали. В дороге Джейсона совсем развезло, и когда мы приехали, он был уже совсем никакой.

Ехали мы и в самом деле долго. Центральные кварталы Города, где шла бесконечная пьяная тусовка, остались позади. Мы снова проехали через покинутые районы, подобные тому, где нас высадил пройдоха Ривкин. Затем картина изменилась. Улицы стали чистыми, появилась зелень в палисадниках перед домами, а в окнах домов — стекла. Сами дома стояли целые, обжитые, всем своим видом показывая, что их владельцы предпочитают домашний уют шатанию по улицам. Впрочем, табличка с указателем «Храм Тканы» несколько раз мелькала и здесь.

Мы остановились неподалеку от большого трехэтажного особняка. Водитель, получив деньги, тут же исчез. Мы остались одни. Я оставил Джейсона стоять на тротуаре, а сам подошел поближе и огляделся. Над дверью особняка висела табличка «Комитет Общественного Спасения». Возле двери стояла вооруженная охрана: двое здоровенных парней с бластерами в кобурах, рациями на поясе и круглыми красными мордами вместо лиц. Мне кажется, что такие физиономии охранникам выдают вместе с оружием и телефонами; уходя с работы, они их оставляют в шкафчике, как униформу и все остальное оборудование.

— Эй вы, наркоши, а ну проваливайте отсюда! — тепло приветствовал нас один из охранников. Второй молча смотрел в нашу сторону. Он был поглощен процессом пережевывания какой-то субстанции и периодическим сплевыванием ее излишков, интенсивно образующихся при жевании.левой рукой он опирался о стену, а правая привычно поглаживала кобуру.

— Ну, не надо так сердиться.— Я продолжал идти по направлению к охраннику.— Мы законопослушные граждане, у нас есть дело в вашем Комитете.

Я подошел почти вплотную к охраннику и остановился, заложив руки за спину и раскачиваясь на пятках. Охранник побагровел, что, учитывая первоначальный красный цвет лица, произвело на меня неизгладимое впечатление. Он процедил сквозь зубы:

— Здесь ткану не раздают. Иди купи в лавке у гребешков, а если совсем нищий, то в конце улицы есть храм. В общем, вали отсюда, пока я добрый.

Я предпринял последнюю попытку:

— Слушай, давай договоримся по-хорошему. Мне нужно увидеть человека по имени Элвис. Я знаю, что он здесь. Если не хочешь меня пустить внутрь, вызови его сюда. О'кей?

— Будет тебе сейчас Элвис, будет тебе кофе с какавой! — Охранник, видимо, никогда не участвовал в литературных диспутах в средней школе. Не вдаваясь в подробности о сортах обещанных напитков, он достал бластер и направил на меня. Прямо в голову, между прочим, что меня всегда особенно обижает. Ну не люблю я этого!

— На, посмотри на мои руки, видишь, я не наркоман!

Я протянул свои обожженные ладони прямо к лицу охранника. Прежде чем тот успел сообразить, что это как раз и есть самые настоящие наркоманские ладони, я резко соединил их у него на шее. Охранник, хрюкнув, осел. Мое тело наклонилось вперед, помогая левой ноге отойти назад, подняться и попасть точно в челюсть жующего. Второй охранник закатил глаза и улегся рядом с приятелем. Кусок недожеванной субстанции неаппетитно свисал из приоткрытого рта.

Однако, кроме справедливого удовлетворения за «вали отсюда», я ничего не добился. Охраняемая дверь оказалась армированной железом снаружи и запертой изнутри. К тому же, за моим разговором с охранниками кто-то наблюдал из-за двери, через камеру.

— Ну, ты и крут! Чего развыпендривался? Хочешь, чтобы тебе башку свернули? Это я мигом устрою,— раздался слегка искаженный голос из динамика.— Отвечай быстро, кто такой и чего надо?

Я решил открыть карты, пока меня и в самом деле не пристрелили.

— Андрей Карачаев, агент внешней службы Организации, планета Земля. Я застрял здесь без документов, мне нужна помощь.

— Все вы здесь специальные агенты, а потом выясняется, что просто нет денег на выпивку. Говоришь, документов нет? А чем докажешь, что ты с Земли?

Я начал заводится по-настоящему. Начальник охраны, каковым, судя по всему, был этот тип за дверью, должен знать, что такое Организация. А если нет, то мне надо действовать по-другому.

— Чем докажу, говоришь? А вот открой дверку и выходи сюда. Мы с тобой поговорим, а потом ты приляжешь отдохнуть рядом со своими друзьями. Видишь, им без тебя скучно.

— Та-ак,— протянул голос за дверью,— значит мы та-ак!

Я толкнул Джейсона, и он упал на землю, а сам рванул в другую сторону и прижался к стене. В этот момент из отверстия над дверью выдвинулось дуло. Из него вырвался луч и с шипением прочертил дугу на асфальте возле двери, примерно в том месте, где я стоял за секунду до этого. Асфальт расплавился, образовав несколько аккуратных, идеально круглых лужиц. Через секунду эти лужицы снова застыли и превратились в круглые темные нашлапки. По соседству с ними я увидел еще с десятков подобных отметин. Тот, кто сидел внутри, уже имел возможность пристреляться.

— Эй, придурок,— крикнул я в сторону камеры.— Хочешь повеселиться? Я тоже так умею!

Я нагнулся и подобрал бластер одного из лежавших охранников. Затем я выстрелил в дверь, которая, похоже, была рассчитана на прямое попадание пушечного снаряда и поэтому не особенно пострадала. Одновременно с этим я поменял позицию и лег, прикрывшись тушей охранника. Сделал я это вовремя, потому что через пару секунд надо мной прошуршал еще один луч, не задевший ни меня, ни тушу. Обозлившись, я прицелился и выстрелил в глазок камеры. Сидевший за дверью лишился обзора и возможности стрелять прицельно. Он все же предпринял еще одну попытку и стал палить приблизительно в мою сторону. Боезапас он не жалел, и вокруг меня разразилась настоящая гроза. Из-за выстрелов воздух вокруг меня ионизировался настолько, что стало слышно потрескивание разрядов. По металлическим частям бластера в моей руке пробегали маленькие молнии. Я почувствовал, как на моей макушке поднялись волосы. К счастью, все разряды пока проходили мимо. Стрелявший компенсировал неточность стрельбы удивительно выразительными и емкими ругательствами. Я даже заслушался, так у него это затейливо получалось.

Однако пора было с этим кончать. Я не мог бесконечно долго лежать здесь под аккомпанемент разрядов бластера и ругань охранника. Я выстрелил несколько раз в направлении двери, чтобы там не расслаблялись, а сам быстро перекатился к Джейсону. Он лежал на асфальте, удачно спрятавшись за высокий бордюр тротуара.

- Ты как, в порядке? — первым делом спросил я.
- У меня проблема, — страдальческим шепотом ответил он.
- Черт, тебя задело?
- Нет, я повредил колено, когда падал.
- Идти сможешь?
- Да, конечно, но там большая ссадина, есть даже немного крови, — совершенно серьезно пожаловался мне боевой товарищ.

Ну что ты будешь делать с этими штатскими! Не будь он в таком состоянии после туканы, я бы, ей-богу, влепил ему оплеуху за такие шутки.

— Ну вот что. Залезиваться здесь не будем. Мы с тобой не моржи, чтобы устраивать лежбище. Сейчас я еще пару раз шарахну по двери, а потом мы с тобой резко перемещаемся за угол. Вон туда, — для верности я ткнул пальцем в нужном направлении. — Позади здания есть двор, попробуем проникнуть с той стороны.

Я подождал несколько секунд, чтобы информация дошла до Джейсона, потом скомандовал:

— Готовься на счет «три». Раз, два...

Неожиданно Джейсон схватил меня за руку с бластером и прижал ее к земле, не дав выстрелить.

— Подожди палить, у меня есть другой план.

— У тебя? План? И что ты предлагаешь? — не очень надеясь на партнера, спросил я. — Времени для дискуссий у нас нет. Сейчас эти двое придут в себя, а из-за двери выскочит подкрепление. Надо прятаться.

— Не надо, — уверенно сказал Джейсон. Я внимательно посмотрел на него и увидел, что парень-то, оказывается, уже полностью пришел в себя. Всего несколько минут лежал под перекрестным огнем, и все, никаких следов наркотического опьянения не осталось и в помине. Щеки розовые, глаза блестят, волосы на голове стоят торчком. Прекрасная терапия, эти перестрелки.

— Никуда не надо бежать, — продолжал между тем Джейсон. — Пригнись и отдохни, теперь моя очередь.

Не поднимая головы из-за прикрытия, Джейсон заорал в сторону здания:

— Прекратите стрельбу. Мне надо поговорить с начальником охраны!

В ответ раздалась очередная серия выстрелов и матерщины.

Джейсон дождался, когда вокруг установится относительная тишина, и заорал снова:

— Начальник охраны! Немедленно передайте господину Ясутаке, что здесь находится Мелвин Джейсон, владелец компании «Чайна райс интерплэнет».

Джейсона слышали. Стрельба и ругань стихли. Наступила напряженная пауза. Я недоуменно уставился на при-

ателя, но тот лишь махнул рукой — потом все объясню. А вслух он снова закричал:

— Начальник охраны! Я Мелвин Джейсон с Земли. Мне необходимо срочно увидеть председателя Комитета Ясутаке. Передайте ему мое имя. Он хорошо знает меня и мою компанию. И не забудьте добавить, что чуть не застрелили меня. Ваш шеф будет очень недоволен.

Пауза за дверью продолжалась несколько минут. Затем динамик заговорил:

— Ладно, сейчас доложим. Стрелять больше не будем, но и вы обещайте то же самое.

Я хотел подробно рассказать этим подонкам, что именно я обещаю сделать с ними, но под выразительным взглядом Джейсона взял себя в руки и передумал.

— О'кей,— заорал я в ответ.— Перемирие. Можешь выйти и забрать своих орлов.

Внутри что-то происходило. Из динамика доносились отдельные неразборчивые фразы, кто-то опять матерился, но уже не так изысканно. По-видимому, там шло интенсивное совещание. Наконец тяжелая бронированная дверь на мгновение приоткрылась. Оттуда высунулась голова и тут же спряталась обратно, захлопнув за собой дверь. Я на всякий случай тут же перекатился в другое место и уволок за собой Джейсона. Если это был трюк, чтобы засечь наше месторасположение, то ничего у них не вышло. Однако стрельба не возобновилась. Вместо этого из двери выскочили двое охранников в такой же форме, как и у лежавших в отключке перед зданием. Динамик ожил:

— Не стреляйте! Мы только заберем своих.

— Ясутаке доложили наконец? — закричал я в ответ.

— Да-да,— ответил динамик.— Сейчас там все выясняют.

Подождите еще пару минут.

Тем временем парни подхватили под мышки тела своих сотрудников, быстро уволокли их обратно в здание, и дверь захлопнулась. Внутри здания кто-то наконец догадался выключить микрофон, и наступила тишина.

Я огляделся. Вокруг все было споккойно. Тогда я повернулся к Джейсону и собрался потребовать от него подробных объяснений. Но тут динамик снова ожил:

— Господа! Я приношу вам свои извинения. Произошла трагическая ошибка. Пожалуйста, пройдите внутрь, вас ждут.

Мы переглянулись и осторожно приподнялись из-за укрытия. Выстрелов не последовало, наоборот, динамик по-прежнему продолжал извиняться и приглашать нас внутрь. Мы встали во весь рост, подошли к двери и постучали. Открывайте, мол, раз уж звали. Дверь и в самом деле тут же открылась. За ней оказался стоявший навытяжку начальник охраны. Круглой морды ему, как находящемуся внутри здания, не полагалось. Выглядел он очень растерянным.

— Проходите, пожалуйста, господин Джейсон, проходите, и вы проходите, пожалуйста, вот сюда, осторожно, здесь ступенька,— суетился он и даже поддержал меня под руку. Кто бы подумал, что пять минут назад он старательно пытался меня укокошить.

Суется вокруг нас, охранник все же опасливо косился на мой бластер, который я держал в руке. Этот бластер я отобрал у охранника снаружи, и начальник охраны явно мечтал вернуть оружие обратно. Переживет как-нибудь. Я перехватил его взгляд, спрятал бластер в карман и сказал:

— Я, пожалуй, попридержу это у себя. Не бойся, неприятностей у тебя не будет.

Тот промолчал и лишь вздохнул. Ему только что как следует досталось от собственного начальства. Джейсона, похоже, здесь действительно знали и сильно уважали.

Из глубины коридора выплыла симпатичная, длинноногая, но слишком худая на мой вкус девица и пригласила нас пройти в холл. Там нас усадили в кресла, дали кофе и попросили подождать пару минут. Что ж, хозяев можно понять. Я бы на их месте тоже сначала подумал, как себя вести. Когда мы остались одни, я обернулся к Джейсону и спросил:

— А теперь быстро колись. Ты что, знаком с председателем Комитета?

— Только заочно. По бизнесу.

— А почему ты раньше молчал? Ты что, любишь смотреть боевики по визору? Почему ты не представился сразу, а смотрел, как я изображаю Джеймса Бонда? Ждал, пока меня поджарят? К этому и шло.

— А что ты от меня хочешь? — возмутился Джейсон. — Мне вчера, между прочим, всучили двойную дозу ткани. Я до сих пор с трудом ориентируюсь. Я вижу и помню все какими-то размытыми кусками. Сначала мы куда-то шли, потом с кем-то дрались, потом я упал, а ты начал стрелять. Как только я сообразил, где мы и что происходит, я тут же вмешался. Кстати, вовремя. Тебя же не поджарили, зря возникаешь.

— Ну, когда поджарят, будет поздно. Ладно, проехали. Лучше скажи мне, что это за Комитет такой.

— У них статус общественной организации. Сотрудничают с миссией ООП. Они занимаются распределением гуманитарной помощи, отправляемой ООП на Деметру. Ну и, конечно, какая-то общественная деятельность. Это я уже не знаю. Я сталкивался с ними именно по части гуманитарной помощи.

— А какое отношение ты имеешь к поставкам гуманитарной помощи?

Джейсон неопределенно пожал плечами:

— Тебе прямо сейчас рассказать? У нас что, других дел не осталось?

— Не хами. Уж больно неожиданно ты все это затеял. Я хотел по старинке пробраться сюда через черный ход...

— Ага, перебить половину охраны, а оставшихся взять в заложники, — тем же тоном невозмутимо продолжил Джейсон.

— Ну, чем кончится наш официальный визит, тоже неизвестно. Ты хоть что-то знаешь об этом Ясутаке?

— Только то, что уже сказал. Он работает в контакте с миссией ООП.

— Значит, сейчас он разговаривает по телефону с Ривкиным, и они решают, как нас лучше укокошить. Возможно,

Ривкин еще вчера предупредил его, что ищет нас. А тут мы сами явились, нате вам пожалуйста, берите нас тепленькими.

Джейсон впервые забеспокоился по-настоящему:

— Ты это серьезно?

— Вообще-то нет. Считаю, что я неудачно пошутил, — объяснил я. — Просто привык разговаривать с самим собой, а вот объяснять оперативную обстановку другим не очень-то умею. Выкрутимся, куда ж мы денемся. Но сначала надо хотя бы познакомиться с этим господином председателем. Посмотрим, что это за птица.

Я подался вперед и тихо сказал:

— Единственное, о чем я тебя попрошу, вернее, даже потребую, это больше никогда не проявлять инициативу, не посоветовавшись со мной. Договорились?

Джейсон кивнул. Наступила пауза. Ожидание затягивалось. Мы прикончили кофе, и я снова обратился к Джейсону:

— Помнится, на корабле ты рассказал мне, что раскрутил рекламщиков на крупную сумму. При чем же здесь Ясу-таке?

— Рекламщики — это пройденный этап. Я открою тебе страшную тайну. Рис! — произнес Джейсон заговорческим шепотом.

— Рис — что?

— Ничего. Просто рис. Слушай. Получив состояние, я вместе с ним получил доступ в очень интересные круги. Они себя не рекламируют и держатся особняком. Мне отчасти повезло. Я присматривался, куда мне деться с полученными бабками. А там в цепочке порвалось какое-то звено, и срочно понадобился человек, способный сразу вложить кругленькую сумму. Я случайно оказался под рукой и влез в это дело. Ты же наверняка знаешь отдел ООП, занимающийся поставками гуманитарной помощи?

Я молча кивнул головой.

— Вот это и есть мое золотое дно, — продолжил Джейсон. — Я поставляю им рис. Просто рис. Но по цене в пять раз выше рыночной. При этом объемы закупок у них просто невероятные, иногда в планетарных масштабах. Вот и все.

Потом мы проводим кое-какие перерасчеты, я не все себе забираю, я не жадный. Но, заметь, все абсолютно законно. У них есть деньги для закупки продовольствия, и они их тратят по собственному усмотрению. К тому же все, что проходит по статье «благотворительность», не облагается налогом. Этот несчастный рис до меня проходит через несколько перекупщиков. А что с ним происходит после отправления, даже я не знаю. Похоже, что в конечном итоге он становится дорожке урана.

Я кивнул:

— Тогда понятно. Если ты пробился к этой кормушке, тогда все понятно. Мы несколько раз пытались зацепить эту теплую компанию, но все бесполезно. Только копни, как поднимается шум, мол, отнимают последнюю надежду у голодающих, экономят на жертвах стихийных бедствий.

— Ладно, ладно, не стыди меня. Не я это придумал, не мне это менять. Пока существует халява под названием «гуманитарная помощь», вокруг нее будут сколачивать состояния.

Я покрутил в руке пустую чашку из-под кофе.

— Этот кофе тоже ты поставлял, или у тебя узкая специализация по рису?

— Кофе тоже мой, — подтвердил Джейсон. — Деметра заказывает очень разнообразные продукты. Местные голодающие, видишь ли, большие гурманы.

— Ладно, тогда у меня к тебе последний вопрос. Почему ты мне не сказал сразу, что ты ведешь бизнес с Деметрой?

Джейсон пожал плечами:

— А ты не спрашивал. Бизнес, знаешь ли, вещь серьезная. Всех партнеров не упомнишь. И вообще, бизнес есть бизнес.

Я собрался пошутить на тему, что когда в него стали палить из бластеров, то он сразу же все вспомнил. Но, приглядевшись, я понял, что на тему бизнеса Джейсон шутить не расположен. Я видел, как он произносил последнюю фразу. Таким тоном глубоко верующий человек цитирует заветы из священной книги своей религии. Шутить с ним на подобную тему все равно что высказывать свое мнение религиоз-

ному фанатику. Во-первых, просто не поймет, а во-вторых, смертельно обидится. Я промолчал.

Джейсон, видя, что я не склонен больше терзать его вопросами, решил проявить инициативу сам:

— А что же мы теперь будем делать?

— Ничего особенного. Ты просто представь меня Ясутаке, остальное я беру на себя.

В конце концов затянувшееся ожидание кончилось. Тяжелая, обитая чем-то дорогим и звукопоглощающим дверь открылась, и тощая секретарша пригласила нас войти. Пропустив нас внутрь, она тихонько вышла. По дороге тем не менее она успела прижаться ко мне бедром. Я никак неотреагировал, и обиженная девица захлопнула за собой дверь чуть громче, чем полагается в таких случаях.

Я прошел внутрь и осмотрелся. Мы оказались в большом, красиво убранном кабинете. На стенах висели картины с пейзажами Японии. С моего места было трудно определить точно, но, похоже, это была настоящая старинная японская живопись. Вдоль стен стояло несколько этажерок, явно ровесницы картин. На этажерках стояли небольшие фигурки из полудрагоценных камней и дерева, про которые я мог сказать только, что это очень дорогой антиквариат. Напротив нас находилось огромное, почти во всю стену окно. Оно выходило во внутренний двор особняка. Во дворе был разбит чудесный большой парк. Безукоризненно подстриженный газон со всех сторон был окружен вечнозеленым кустарником, а многим деревьям шла уже вторая сотня лет.

Центральную часть комнаты занимал вполне современный стол, за которым спиной к окну сидел невысокий мужчина, одетый модно и дорого. Увидев нас, он встал из-за стола нам навстречу и усадил нас в широкие удобные кресла. Только после этого он вернулся на свое место во главе стола. «А ведь я вас знаю, господин председатель,— подумал я.— Мы вас видели по телевизору, с Гарри Найтом. Вы тогда хорошо смотрелись. И говорили тоже красиво. Посмотрим, что скажете сейчас».

— Господа, я счастлив принимать вас в своем кабинете. Позвольте выразить вам мое сожаление по поводу действий

охраны. Видите ли, последнее время у нас беспокойно, и охранникам было приказано усилить бдительность. Но, уверяя вас, что если бы вы сразу представились, то таких неприятностей не произошло бы.

Мы кивнули головами, мол, понимаем, как же, видели, что на улицах творится.

— А теперь позвольте представиться. Моя фамилия Ясутаке, я председатель Комитета Общественного Спасения. Это самая крупная общественная организация в Старом Городе и, соответственно, на всей Деметре. С господином Джейсоном мы знакомы, хотя и заочно, а вот с вами пока не имел чести. Господин Джейсон, вы не сообразовали представить мне своего друга?

Господин Джейсон сообразовал. Он вальяжно раскинулся в кресле и вкратце рассказал о том, какую важную фигуру представляет собой его друг, сотрудник Организации Объединенных Планет, санитарный инспектор господин Карачаев. Я чуть не рассмеялся про себя. Джейсон обходился с Ясутаке, как с официантом. Я всерьез ожидал, что он сейчас потребует, чтобы хозяин принес ему «вообще закусочку».

Ясутаке расплылся в улыбке:

— Господин Карачаев, я правильно произношу вашу фамилию? Рад видеть вас здесь, в нашем Комитете.

Хозяин кабинета собрался было протянуть мне руку для пожатия и даже начал приподниматься с кресла, но в какой-то момент заметил мои обожженные ладони и притормозил. Он сделал поднятой рукой неопределенный жест, неловко поерзал в кресле, как бы устраиваясь поудобнее, и с изменившимся лицом повторил:

— Очень, очень рад.

Я сделал вид, что не заметил этого, и молча кивнул в ответ.

— Итак, господа, чем я могу быть вам полезен? Ваш визит застал меня несколько врасплох, но, как говорится, чем можем,— завершил вступительную часть Ясутаке.

Ясутаке по-прежнему обращался в первую очередь к Джейсону. Если кто и внушал ему хотя бы некоторое доверие, то

это был его партнер по сделкам с гуманитарным грузом. Однако ответил ему все же я. Объяснив, что господин Джейсон неважно себя чувствует, я выдал отлично отредактированную версию наших приключений. В этой истории невинная овечка, господин санитарный инспектор Андрей Карачаев, и его ближайший друг стали жертвой случайного и бессмысленного нападения неизвестных. И теперь они остро нуждаются в приюте и помощи. О том, что нас разыскивает полиция, я, разумеется, умолчал.

— Если вы хотите, то мы сейчас же свяжемся с фактори-ей, они пришлют транспорт и заберут вас, — тут же предложил наш заботливый хозяин.

— Пожалуй, не стоит их огорчать. У нас еще остались незаконченные дела в Городе, поэтому нам нужно просто отдохнуть и привести себя в порядок, — ответил я.

— Как пожелаете. Мы окажем вам любую посильную помощь.

Он снял трубку и тихо о чем-то распорядился. Затем снова обернулся к нам:

— Считайте, что вы у меня в гостях. И на правах хозяина я предлагаю вам следующую программу. Сейчас вас проведут наверх. Там вы сможете принять ванну, переодеться и отдохнуть. А, скажем, через... — он покосился на часы, — через два часа мы встретимся и вместе пообедаем. А вечером я приглашаю вас в театр. Сегодня идет прекрасный спектакль, я велю, чтобы не занимали мою ложу.

Честно говоря, театр — это было последнее, что я ожидал увидеть в Старом Городе. С другой стороны, люди живут здесь всю свою жизнь. Почему бы и не завести свой театр?

Мы поблагодарили хозяина кабинета и пошли к выходу. За дверью нас уже ждал порученец, удивительно похожий на Ривкина из фактории, только моложе. Наверное, у них тоже есть своя униформа, как и у охранников. Порученец сопровождал нас в приготовленные для нас комнаты.

В длинном коридоре третьего этажа оказался целый ряд одинаковых дверей. Перед одной из них мы остановились. Порученец открыл ее и предложил Джейсону войти внутрь.

Тот машинально зашел. Я собрался последовать за ним, но порученец преградил мне дорогу:

— Господин Карачаев, для вас приготовлена соседняя комната.

Я ненавязчиво отодвинул плечом порученца и прошел за Джейсоном:

— Я тоже остановлюсь в этой комнате.

— Но вам будет неудобно здесь вдвоем, — попытался возразить порученец, явно не ожидавший такого поворота событий.

— Еще как удобно, поверьте мне. Мы с Джейсоном неразлучные друзья. Он будет скучать без меня.

С этими словами я развернул порученца и выставил его из комнаты. Порученец понял, что меня не удастся переубедить, и послушно вышел. Я закрыл за ним дверь и прошел внутрь.

Комната была похожа на миллионы других подобных комнат в отелях средней руки. Отличие было в том, что она предназначалась именно для человека в моем положении, то есть без какого-либо багажа. В шкафу обнаружился полный гардероб делового человека. К моему несчастью, комната действительно предназначалась для одного Джейсона. Вещи были приготовлены на него. Мне не подойдет ничего. А мой друг уже всюду суетился, выбирал себе новую одежду взамен безнадежно испорченной старой. Потом, напевая что-то себе под нос, он отправился в ванную.

Я остался в комнате один. В дверь кто-то постучал. Я открыл и увидел хорошенькую горничную. В руках девушка держала аккуратно свернутый костюм, рубашку и галстук. Сверху все это украшалось комплектом свежего нижнего белья и зубной щеткой. Глупо хихикая, горничная прошла в комнату и положила вещи на кровать. Затем, стараясь не смотреть на меня, она быстро вышла.

Дверь закрылась. В наступившей тишине раздался щелчок, и дверной замок самостоятельно закрылся на два оборота. На всякий случай я все же подошел к двери и попробовал ее открыть. Бесполезно. Я вернулся в комнату и подошел к

коммуникационному центру. Так и есть, связь работает только в одну сторону: мне позвонить могут, а я — нет.

Я сел в кресло, достал сигареты и закурил. И так, нас снабдили всем необходимым и заперли. Стороны берут тайм-аут для принятия решения о дальнейших действиях. Меня это вполне устраивало. Я дождался, когда чистый и выбритый Джейсон вышел из ванной, и подробно проинструктировал его. Мой партнер согласился со мной по всем пунктам. Мы были готовы к следующему раунду.

Закончив военный совет, я решил воспользоваться вынужденной передышкой и тоже привести себя в порядок. В ванной комнате меня ждал набор бритвенных и туалетных принадлежностей. Я наполнил ванну водой, взбил пену и, блаженствуя, вытянулся в теплой воде.

ГЛАВА 15

Господин Вааприс был в гостях у господина Руугиса. Время траурного молчания, когда никто из родственников убитых не имел права произнести хоть слово, окончилась. Теперь можно было наконец встретиться и поговорить, не нарушая традиции. Ящеры удобно расположились в низких мягких креслах в кабинете, лицом к небольшому, красиво украшенному фонтанчику возле стены. Некоторое время они молча наблюдали, как красиво рассыпаются струи воды и переливаются через край чаши, сделанной в виде резного каменного цветка. Фонтанчик располагался у стены, на небольшом возвышении. Вода из него растекалась по всему полу и приятно охлаждала ноги мужчин. Лучи потолочного светильника загадочно преломлялись в фонтанчике и искрились всеми оттенками спектра. В текущей воде есть что-то завораживающее и успокаивающее одновременно. Ящеры могли сидеть вот так часами. Вода занимала важное место в их жизни. Например, считалось, что текущая вода растворяет и уносит с собой все накопленные за день отрицательные эмоции, а взамен заряжает свежей, чистой энергией.

Несмотря на привычную, умиротворяющую обстановку, нервная атмосфера в комнате была тяжелой. Первым заговорил отец Руукса, господин Руугис — высокий солидный ящер среднего возраста. Высоким он был, конечно, по понятиям ящеров: его рост достигал целого метра.

— Я никогда не прошу себе этого. Мне не дает покоя мысль, что я собственными руками убил своего малыша.

— Не вините себя, господин Руугис, это несправедливо. Вы не сделали ничего такого, в чем могли бы обвинить себя. Поверьте, я не меньше вас переживаю смерть сына, но я стараюсь смотреть на вещи объективно.

— Вот именно, объективно. Ведь это так просто, страшная цепочка, которую мы выстроили своими лапами.

— Что вы имеете в виду?

— Проще некуда. Я выращиваю деревья ткани на своей плантации. Потом вы продаете ее землянам в своей лавке в Старом Городе. Вы знаете, для чего они ее покупают. Я не сомневаюсь, что земляне, которые убили моего мальчика, приняли ее незадолго до убийства. Вот и получается, что я сам вложил им в руки оружие убийства.

Собеседник хозяина, господин Вааприс, отец погибшего Ваана, не ответил, а только пристально взглянул на говорившего.

Тот нервно продолжал:

— Я не могу жить с таким чувством вины. Я не могу до сих пор осознать и принять эту мысль. Невозможно поверить, что я убил собственного сына. Но это так — я виноват в его смерти.

Вааприс все так же продолжал молчать. Руугис опомнился:

— Я стал слишком эгоистичным в своем горе. Не один я потерял сына, у нас обоих убили детей. — Он помолчал и добавил: — Выходит, я убил и вашего сына тоже. Теперь я понимаю, почему вы так смотрите на меня. Я виноват перед вами, господин Вааприс. Простите меня, дорогой друг, если сможете.

После этих слов повисла пауза. И без того тяжелая обстановка в комнате накалилась еще больше. Вааприс ответил не

сразу. Он что-то про себя обдумал и наконец заговорил, тщательно подбирая слова:

— Не стоит излишне драматизировать ситуацию, господин Руугис. Я не обвиняю вас в этой трагедии. Это все равно, что винить хозяина автомобильного завода, чей автомобиль кого-то сбил в аварии. К тому же, вы не единственный плантатор на Деметре.

— Постойте, — перебил его хозяин, — простите, что прерываю вас, но ваша ассоциация в корне неверна. Автомобиль не создан для убийства. Если уж пользоваться ассоциациями по вашему методу, то меня следует сравнить с производителем оружия. Да-да, можно считать, что я изготовил бластер и продал его убийцам своего сына.

Было странно видеть степенного господина Руугиса в таком состоянии. Лицо его не выражало эмоций, а кончик хвоста непрерывно производил небольшие круговые движения, что свидетельствовало о высшей степени возбуждения. Вааприс заговорил вновь. Он говорил неторопливо, повторяясь, как говорят с детьми или стариками:

— Давайте рассмотрим ситуацию с самого начала. Ваш бизнес существует уже не один десяток лет. Если не ошибаюсь, плантацию заложил ваш дед. Земляне пригласили в факторию глав самых богатых семей Деметры и предложили выращивать ткану из саженцев, которые они привезли с собой. Саженцы раздали бесплатно, оставалось только разбить плантации на землях, принадлежавших кланам. Это были обычные деревья ткану; земляне только сделали что-то с ними в своей лаборатории, чтобы усилить целебные свойства плодов. Да, в то время считалось, что ткану является лекарством для людей. Саженцы привились, и со временем плантации стали приносить стабильный доход. Плантаторы разбогатели и заняли верхнюю ступень в иерархии нашего общества. Они обеспечили работой и хорошей зарплатой большое количество крестьян, традиционно живших в бедности. Много позже мы узнали, как странно действует на ткану выращиваемая на плантациях. Однако и сегодня плантаторы пользуются всеобщим и заслуженным уваже-

нием в нашем обществе. Это старый почтенный бизнес. Многие ящеры до сих пор считают, что ткану — это лекарство, которое земляне принимают, чтобы избавиться от дурного воздействия нашего климата.

— Но сегодня мы знаем, что это не так, — возразил Руугис.

— На самом деле никто из нас не в состоянии понять настоящему, что происходит с людьми, которые держат ткану, — невозмутимо продолжал Вааприс. — Мы видим лишь внешние проявления ее действия. Да, принимая ткану, люди становятся более агрессивными. Нас с самого начала предупреждали, что это побочный эффект лечебного действия. Но вот что я вам скажу по этому поводу. На мой взгляд, принимая ткану, люди становятся счастливыми. Я неоднократно имел возможность наблюдать за ними и пришел к выводу, что люди в состоянии опьянения тканой абсолютно, безоговорочно счастливы... Конечно, — добавил он, помолчав, — это только мои допущения. Следует признать, что даже после сотни лет жизни рядом с нами земляне, в основном, остаются для нас наиболее непостижимыми существами. Мы не всегда можем понять мотивы их поступков, отсюда возникают взаимное недоверие и конфликты. Еще раз повторю: на мой взгляд, причина большинства наших конфликтов лежит не в ткане, как таковой, а в невозможности полного взаимопонимания. Мы слишком разные, чтобы могли интегрироваться в единое общество. За эти годы мы эмпирически нашли наилучший способ сотрудничества, когда, живя рядом, мы все же отгорожены охраняемой границей. Мы используем их, когда продаем им наши товары, а сами обучаемся у них и покупаем их технологии. Но при этом мы всегда помним, что наши различия могут стать источником опасности.

— Да, господин Вааприс, в этом вы правы. Но, как видите, даже охраняемая граница не спасла наших мальчиков, — все так же печально, но уже гораздо спокойнее сказал Руугис.

— Да, и вы тоже правы, мой дорогой, старый друг, — почти ласково продолжал Вааприс. — И здесь мы подошли к самому главному. Источник непонимания и взаимного недове-

рия лежит в психологической плоскости. По своему складу характеров, по своему мышлению, по тому, как мы воспринимаем жизнь, мы отличаемся от землян. Это различие настолько велико, что мы не всегда можем понять истинные мотивы их поступков, будь они направлены против нас или против самих людей. Для меня, как и для всех остальных, к примеру, до сих пор остается загадкой, на каких принципах построены отношения между факторией и Городом.

— И что самое удивительное во всем этом... — Руугис успокоился и увлекся беседой. — Самое удивительное здесь то, что земляне не делают из этого секрета. Недавно вместе с детьми они пригласили на занятия в воскресную школу и родителей. Мы пошли, и нам прочитали лекцию об истории Земли. Лекция была тяжелая, и мы честно пытались понять. Местами все было ясно: открыли новые земли, построили города, стали жить и работать, торговать с аборигенами. Но потом я почувствовал, что просто ничего не понимаю. Вы, друг мой, знаете, что я прекрасно владею земным языком, и я понимал все слова, которые говорил лектор. Но я не мог связать ни одного предложения. То, что иногда удавалось перевести полностью, оказывалось настолько странным, что я все равно не мог понять этого.

Вааприс сделал хвостом жест, выражающий полное согласие с собеседником. Он помолчал немного и, убедившись, что его собеседник не собирается говорить еще, снова взял инициативу в свои руки:

— Я неоднократно обдумывал это противоречие. И последние трагические события... — в отличие от Руугиса, Вааприс старался говорить иносказательно, — эти события дали мне толчок к пониманию. Суть дела в том, что само понятие убийства для нас чуждо. Любое убийство мыслящего существа для нас неприемлемо. Категорическое отрицание убийства появилось у нас много веков назад, и с тех пор это стало нормой. Наша психология изменилась, и эти изменения постоянно поддерживаются как религией, так и всеми нашими традициями. С другой стороны, мы поддерживаем здоровую агрессивность и дух соперничества в наших детях.

Мы готовим их к взрослой жизни, которая требует серьезных усилий в плане их становления как независимых сильных личностей, которые и составляют основу нашего общества. Таких, как мы с вами.

Руугис степенно кивнул, показывая, что принимает слова собеседника не как комплимент, а как констатацию факта. Вааприс тем временем продолжал:

— Мы не боимся крови, мы можем дать отпор хищникам, нападавшим в прошлом на наши деревни, но сама мысль об убийстве ящера сегодня уже не может возникнуть в нашем сознании. Вся наша история состояла из бесконечной борьбы за выживание на негостеприимной планете с быстро изменяющимся климатом, в окружении огромных безжалостных хищников. В таких условиях и сформировалась наша главная жизненная установка, что только ящер может помочь ящеру выжить и победить в войне с враждебным окружающим миром.

Он замолчал, глядя на струи фонтана. В кабинет тихо вошла жена Руугиса. Исполняя обязанности хозяйки, она принесла поднос, на котором стоял кувшин с местным пивом, пара высоких конусовидных бокалов и разнообразные закуски. Мужчины поблагодарили ее, разлили пиво по бокалам. Женщина молча следила за ними и, только убедившись в том, что они довольны и им больше ничего не требуется, тихо вышла из комнаты. Когда утихло шлепанье ее ног по напольной воде, Вааприс заговорил снова:

— К сожалению, у людей психология совершенно иная. Условия на их планете оказались более благоприятными для их расы. Поскольку им не надо было постоянно сражаться с окружающим миром за выживание, они жили отдельными группировками на больших расстояниях друг от друга. Изолированное развитие привело к тому, что члены одной группировки стали считать настоящими людьми только самих себя. Остальные занимали в их мировоззрении более низкое место, где-то между людьми и животными. Оправдывая себя этим, люди отбирали у соседей лучшие земли и их имущество. Группировки конкурировали за лучшие места на

планете, сталкивались в борьбе за ведущее положение. Как вы понимаете, уважаемый господин Руугис, мое объяснение земной истории слишком упрощенное и поверхностное. История Земли полна войн. Как вы правильно сказали, нам никогда не понять до конца ни причин этих войн, ни даже как и зачем они проходили. Но я усвоил самое главное — люди по своей природе индивидуалисты. И ради того чтобы обезпечить себя, человек готов отнять это у другого человека, а если придется, то и убить. У людей отсутствует наше внутреннее непринятие насилия. Люди — убийцы по своей природе. По своему моральному уровню они стоят ближе к хищникам зузу, которые в древности опустошали наши деревни и ели ящеров, когда кончалась их основная пища, чем к тем, кого я называю разумными существами.

Вааприс откашлялся и тихим голосом произнес фразу, которая, похоже, оказалась неожиданной для него самого:

— Я боюсь, что, когда у людей кончится корм на Деметре, они тоже возьмутся за нас.

Он отпил из своего стакана. Ошеломленный Руугис молча ждал продолжения.

Наконец Вааприс продолжил:

— Не поймите меня буквально, вы видите, я на ходу пытаюсь сформулировать мысль, которая возникла как результат нашей беседы. Итак, давайте попробуем еще раз. Я хочу сказать вот что. Мы должны иметь в виду, что существа, которые уничтожают себе подобных ради собственных интересов, могут, не задумываясь, уничтожить целую расу инопланетян, если посчитают, что она препятствует достижению каких-то их целей. На сегодняшний день нас спасает всего два фактора: мы производим необходимую им ткань, и мы работаем на их руднике. Но, с другой стороны, существует серьезный конфликт фактории со Старым Городом. А возможно, этот конфликт распространяется значительно дальше, за пределы Деметры, в сферы, где делят владение целыми планетами и звездными системами. В чем суть происходящего, нам не известно. Но опасность заключается в том, что в любую минуту, при всем кажущемся нашем благополучии

и процветании нас могут превратить в заложников этого конфликта. Одна или другая сторона может просто пожертвовать нами как разменной фигурой в этой странной, но увлекательной земной игре под названием «шахматы». И тогда нас постигнет катастрофа. Мы умеем и готовы сражаться с нашими старыми естественными врагами — климатом и хищниками. Но мы не устоим перед расой профессиональных лжецов и убийц.

Руугис внимательно посмотрел на друга:

— Вы хотите сказать, господин Вааприс, что на нашей планете появились новые хищники?

— Вы очень точно сформулировали мою мысль.

— И таким образом наши несчастные мальчики...

— Наши мальчики — лишь первые жертвы этих страшных хищников.

Собеседники умолкли. Вода, по-прежнему журча, перекатывалась через края фонтанчика и растекалась по полу. Облака на улице разошлись, выглянуло солнце. Его луч проник в комнату, странным образом преломился в цветном витраже окна, остановился у фонтана и окрасил воду в алый цвет.

— Итак, мы оба пришли к выводу, что земляне представляют серьезную угрозу для нас, — после недолгого молчания продолжил Вааприс. — Пришла пора принимать серьезные решения.

— Я согласен с вами, что продолжение нынешней ситуации невозможно. Но что вы предлагаете, разве мы в состоянии что-то изменить?

— Мы должны избавиться от присутствия людей на Деметре. Представьте себе, что Деметра станет независимой планетой и войдет равноправным членом в галактическое содружество.

— Да, это заманчиво, но все не так просто. Вся экономика, весь наш нынешний уклад жизни связаны с землянами, — возразил Руугис.

— Но почему мы должны мириться с нынешним подчиненным положением? — воскликнул его гость. — Мы не так

уж и зависим от Земли. Ведь даже рудник, ради которого и построена земная колония, сегодня функционирует исключительно благодаря нам, ящерам.

— Я не думаю, что кланы пойдут на открытый конфликт.

— Попробуем обойтись без конфликта. Есть много официальных путей. А поддержку кланов можно обеспечить очень просто. К примеру, как отнесется господин Туулькс к званию полномочного посла Деметры на Земле? Думаю, что председатель нашей скромной общины с удовольствием примет подобное предложение. А таких должностей независимая планета может предоставить великое множество. Мы просто купим всех возможных противников высокими государственными постами. Если правильно изложить этот план на совете кланов, нас безоговорочно поддержат. Все тут же займутся дележом будущих престижных должностей!

Руугис некоторое время молчал, размышляя.

— Ваш план хорош, и он даже увлек меня на некоторое время. Но вы забыли самое главное. Секрет нашего процветания заключается не в руднике. Основу сегодняшнего благосостояния ящеров составляет тканя. Только на одних моих плантациях работает больше крестьян, чем рабочих на всем руднике. А с продажей готовой ткани связан едва ли не каждый второй ящер на Деметре. Это самый прибыльный бизнес из всех, которые нам когда-либо удавалось организовать. Если мы прогоним людей с Деметры, то разом лишимся всех покупателей, и наша цивилизация попросту рухнет. Мы вернемся обратно в пещеры.

Вааприс задумался:

— Скажите, Руугис, а разве, кроме Деметры, в Галактике нет других людей?

— Что вы хотите этим сказать?

— Почему мы должны ограничивать продажу ткани только Деметрой?

— Но ведь тканя нужна людям именно из-за того, что они находятся здесь.

— Так считалось раньше, да и вы сами, друг мой, знаете, что тканя отнюдь не лекарственный препарат. Если люди

здесь покупают его в таких количествах, то неужели во всей Галактике не найдется желающих? Эта непонятная человеческая тяга к мгновенному счастью наверняка присуща и жителям других планет. Там их значительно больше, чем у нас, на Деметре.

Руугис некоторое время сидел не шевелясь. Затем он возбужденно повернулся к собеседнику:

— Вы даже сами не представляете, что вы сейчас сказали! Если мы выйдем с тканой на новые рынки, мы сможем увеличить ее производство. В Галактике миллиарды людей, а мы будем единственными производителями ткани. Мы не просто расширим дело, мы станем по-настоящему богаты!

Ящеры замолчали. В их возбужденном мозгу зрели планы будущего процветания, один смелее другого. Мысленно они расширяли плантации и, в конце концов, уже вся планета была занята выращиванием ткани. Огромные грузовые корабли со всех концов Галактики выстраивались в очередь у грузовых причалов. Торговые агенты осаждали бизнесменов все новыми и новыми заказами на сверхприбыльный продукт.

Друзья понимающе переглянулись. Им не терпелось приступить к действиям. Необходимо срочно расширить дело.

ГЛАВА 16

Ровно через два часа позвонил телефон. Господин Ясутаке приглашал нас отобедать. Я поблагодарил и прикусил язык, чуть не брякнув про запертую дверь. Положив трубку, я подошел к двери. Она была не заперта.

Гладко выбритые, чистые, в свежем белье и новых костюмах, мы с Джейсоном спустились в холл, откуда нас проводили в столовую, расположенную здесь же, на первом этаже. Я мельком подумал, что не удивлюсь, если и обещанный театр окажется в этом же здании. Очевидно, обитатели особняка большую часть своего времени проводили внутри.

Ясутаке уже ждал нас. В большой столовой, кроме меня, Джейсона и Ясутаке, никого не было. Мы сели за стол и нам

тут же подали обед. За едой шла вежливая пустая болтовня. Ясутаке не высказывал никаких эмоций, кроме дежурного гостеприимства, однако я не сомневался, что он уже связался с факторией. Я был уверен, что он не подчиняется им настолько, чтобы сразу выдать нас полиции, но понимал, что он может сделать это в любой момент. Все зависело от того, что он надеется получить от меня.

После десерта Ясутаке предложил мне подняться в его кабинет и продолжить начатый утром разговор. Джейсона, который отправился было вслед за нами, вежливо отправили в библиотеку, находящуюся рядом со столовой, но в другой стороне. Когда он проходил мимо меня, мы обменялись понимающими взглядами. Джейсон знает, что ему делать, и в библиотеке долго не засидится.

В кабинете мы расположились так же, как и утром: хозяин за столом, а я в гостевом кресле.

— Итак, господин Карачаев, я искренне рад, что волею случая мне представилась возможность побеседовать с вами. Наш Комитет является официальным представителем населения Города. Мы представляем мнение и выражаем интересы лучшей части общественности Деметры. Поскольку вы сотрудник ООП, курирующий нашу планету, мне хотелось бы описать вам нашу позицию. Дело в том, что я ожидаю от вас помощи в решении нашей давнишней проблемы. Я надеюсь, что мы сможем прийти к взаимовыгодному решению.

— К вашим услугам.— Я кивнул головой с видом большого начальника, всецело поглощенного желанием облагодетельствовать подведомственную ему планету.

— Как вам известно,— начал Ясутаке,— сейчас распределение гуманитарной помощи, поступающей на планету, целиком находится в руках представителей миссии ООП. Я не хочу жаловаться, нас обеспечивают всем необходимым. Населению выплачивается пособие по безработице, оказывается бесплатная медицинская помощь. Но, не поймите меня превратно, мы считаем, что если поручить распределение нашему Комитету, то оно будет происходить намного эф-

фективнее. К тому же, не хотелось бы об этом говорить... — Он сделал паузу и многозначительно посмотрел на меня. — Среди работников миссии встречаются, очень редко, конечно, но встречаются отдельные недостаточно ответственные лица...

— Короче говоря, средства разворовывают, а до вас доходит только незначительная часть присланных денег, — я помог закончить фразу Ясутаке, который с трудом пробирался сквозь дебри своей дипломатической терминологии.

Ясутаке облегченно вздохнул:

— Ну, я бы предпочел назвать это просто нерациональным использованием выделяемых средств. Но я рад, что вы меня поняли. Итак, наша проблема состоит в том, что, несмотря на статус нашей организации как официального представителя Города, фактория всеми средствами препятствует нашему участию в программе социальных преобразований.

Ясутаке нервничал. Он достал сигареты и закурил. Спыхавшись, предложил закурить и мне. Я достал купленные утром в ресторане местные сигареты и тоже закурил. Какую гадость они тут курят!

— Ну что ж, я вполне вас понимаю. Конечно же, лично вам как жителю Города лучше понятны интересы и стремления ваших соотечественников. Отсюда вам видны все насущные проблемы Города, и, поскольку вам хорошо известна местная специфика, вы можете более разумно и эффективно планировать необходимые мероприятия.

Ясутаке слушал меня с явным удовольствием. Он поддакивал мне на каждом слове и согласно кивал головой в такт.

Я погасил недокуренную сигарету и посмотрел ему в глаза:

— Давайте без этих экивоков. Свои люди. Здесь нет репортеров, и мы не на заседании ООП. Будем говорить откровенно. Что у вас за программа, и какую помощь вы от меня ждете?

Он тоже погасил сигарету и, чуть подавшись вперед, стал рассказывать мне о вопиющей несправедливости, допущенной при организации помощи Городу:

— После того как с рудника уволили последнюю бригаду шахтеров, инженерный состав еще продолжал работать. Инженеры жили в отдельном квартале Города и всегда представляли собой элиту. Потом, когда ящеры освоили управление разработками, инженеры тоже остались без работы и оказались запертыми в Городе. Район, где мы сейчас находимся, населяют потомки инженеров. У нас, разумеется, нет и никогда не будет ничего общего с этими подонками, детьми простых рабочих. Именно наши предки построили Город и запустили рудник. Эта безобразная уравниловка, которая сейчас происходит в выплате пособий, должна быть коренным образом исправлена. Наша программа включает в себя несколько пунктов. Во-первых, все деньги, которые ООП посылает на Деметру, должны поступать в наш Комитет, минуя факторию. Мы сами решим, куда их направить и как поделить среди жителей. Во-вторых, поскольку этих средств тоже недостаточно, чтобы обеспечить достойный уровень жизни наших горожан, следует ввести налог с ящеров на содержание Города. Это просто безобразие, что они бесплатно пользуются нашими достижениями.

— То есть вы говорите, что ящеры должны оплачивать пьянство городских бездельников?

— Нет-нет, что вы! Я еще раз объясняю, что существует принципиальная разница между простым населением Деметры и инженерной элитой. Эти налоги будут предназначаться для поддержки интеллигенции Города. Мы должны наконец дать жителям нашего квартала возможность полностью реализовать свой творческий потенциал. Наша уникальная культура, которая сформировалась на Деметре за время колонизации, не должна пропасть.

— Вы не представляете себе, какая талантливая у нас молодежь, — продолжал Ясутаке. — Я неспроста пригласил вас сегодня в театр. У нас замечательная самодеятельная труппа, вы получите настоящее удовольствие. А какой здесь литературный кружок! Художники, фотографы, музыканты. Молодежь целиком посвящает себя творчеству. К сожалению, у них нет никакого профессионального образования,

мы никого не можем к себе пригласить и сами никуда не выезжаем. Я боюсь, что это несколько снижает художественный уровень их произведений. Но уверяю вас, это потрясающая, талантливая молодежь, которой тесно в рамках одного Города. Мы должны помочь им вырваться из этих границ и показать свои достижения всему культурному человечеству.

Да уж, подумал я. Культурное человечество извелось в ожидании. Могу себе представить их творчество. Замкнутые на себя высокомерные самоучки, считающие, что принадлежат к интеллектуальной элите лишь потому, что их дедушки имели дипломы об инженерном образовании. Нет, милые мои, образование половым путем не передается. Вас тут всех назначили быть великими артистами и художниками. И вы слушаете чушь, которую пишут ваши друзья, и хвалите ее, потому что они хвалят вас. Вы страшно гордитесь этим и считаете себя выдающимися личностями. Нет, в глубине души каждый из вас понимает, что другие на самом деле — бездари. Но он сам, конечно же, настоящий талант. И все пыжатыся, смотрят друг на друга свысока и продолжают играть в эти игры, благо — от настоящих забот их избавили.

Я понимающе кивал головой.

— Вот вкратце и вся наша программа. — Ясутаке откинулся в кресле. — Как видите, мы не просим многого. В основном ничего не изменится. Основное население не почувствует разницу, мы продолжим выплачивать пособия и снабжать их спиртным и наркотиками. Но положение элиты нашего общества заслуженно улучшится.

— То есть, проще говоря, вы предлагаете ликвидировать факторию и взять на себя ее функции?

— Конечно. Вы сами видите: фактория — это лишнее звено. У миссии ООП должны остаться только воскресные школы и прочая подобная деятельность. Впоследствии мы планируем взять на себя и эту часть функций миссии.

Он сделал паузу, чтобы посмотреть на мою реакцию, ничего не увидел и спросил:

— Что вы об этом думаете?

— Гарлем, — сказал я.

— Простите? — переспросил меня Ясутаке.

— В Нью-Йорке, большом земном городе, был квартал с названием Гарлем. Его населяли потомки рабов, которых когда-то насильно привезли с другого материка. После отмены рабства общество попыталось загладить свою вину по отношению к их дедам. Правда, на мой взгляд, очень странным образом. Точно неизвестно, кому первому это пришло в голову. Частью это были недалекие сентиментальные энтузиасты, но за всем этим стояли примерно те же силы, что и сегодня на Деметре. Наживаться на благотворительности и красивых жестах начали задолго до вас.

— Простите, я вас не понимаю.

— Простить не могу, поэтому продолжу. Вы сами попросили меня высказаться, теперь слушайте. Точно так же, как и население Старого Города, жители квартала провозгласили, что им должны вернуть все, что задолжали их прадедам. Они отказались работать на том основании, что их предки достаточно работали на других и теперь им пора отдохнуть. И знаете, что самое интересное? Они все получили. Туда хлынул поток денежной помощи, корреспонденты не уставали показывать репортажи о бедственном положении негров, раздувая комплекс вины у белого населения. Всем жителям выдали талоны на бесплатное питание, назначили солидные ежемесячные пособия.

Никто в квартале и не думал работать. На дармовые деньги покупались спиртное и наркотики. Преступность была такой, что даже полиция не рисковала заезжать в этот район. А те, кто стоял за всем этим, гребли деньги, делали карьеру политических деятелей, возглавляли общественные комитеты и снова делали деньги. Самое интересное, что на собранные суммы можно было бы построить поблизости новый город с фабриками и школами, обеспечить всех работой и дать образование детям. Однако деньги просто рассасывались в воздухе, без конкретной отдачи.

— И чем же все это кончилось?

— Вот теперь я вижу, что вы меня поняли и заинтересовались. Закончилось это самым неожиданным для жителей об-

разом. К тому времени в Гарлеме и в других подобных местах выросло несколько поколений профессиональных бездельников и вымогателей. Со временем они забрали в свои руки контроль над распределением государственной помощи, захватили управление общественными фондами. В общем, в их руках оказались все каналы для перекачивания денег. Силы, стоявшие за этой кампанией, лишились денег и влияния, которые и были истинным двигателем это бардака. И проект был просто закрыт за нерентабельностью.

— Как так?

— Объясняю еще раз. Когда закулисные руководители ушли, каким-то чудесным образом денежные поступления вдруг иссякли. Государственная помощь стала резко уменьшаться, пока не прекратилась совсем, в общественных фондах прекратились пожертвования. Жители Гарлема остались безо всего. На этот раз общественное мнение, к их удивлению, не отреагировало на их бедственное положение. Болей-неволей, они постепенно зажили нормальной жизнью. Стали сами зарабатывать себе на жизнь, стали учиться на общих основаниях, без льгот и поблажек. Подниматься по службе им пришлось теперь исходя только из своих деловых качеств. Оказалось, что когда припрет, то все прекрасно могут и умеют работать.

— Для чего вы мне это рассказываете?

— Послушайтесь моего совета. Вам ведь кое-что перепадает, верно? Вот и оставьте все, как есть. Не пытайтесь забрать себе больше, чем вам дают. Иначе останетесь без всего.

Ясутаке помолчал, обдумывая мои слова:

— И все же, господин Карачаев, я прошу вас выслушать меня серьезно. У нас есть к вам просьба, и мы полагаем, что вы в состоянии выполнить ее. В свою очередь мы готовы помочь вам. Давайте смотреть правде в глаза. Ваше положение крайне незавидное. Вы не можете покинуть Деметру. Фактически вы даже не можете выйти на улицу, вас тут же схватит полиция. У меня, конечно, хватит власти, чтобы не впустить ее сюда, но за пределами этого здания всем командует миссия ООП. В фактории чрезвычайно встревожены

создавшейся обстановкой. И они принимают все меры, чтобы, скажем так, не допустить ее развития в неподходящем направлении.

Ясутаке сделал паузу и посмотрел на меня:

— Я могу взять на себя роль посредника в ваших переговорах и все уладить. У входа вас ожидает автомобиль, который доставит вас и вашего друга на космодром, и с ближайшим шаттлом отправим вас на Гефест. Оттуда есть прямое сообщение с Землей. Ну и, конечно, полиции на космодроме к вашему прибытию уже не будет.

— И за это?..

— Я не прошу ничего для себя лично. Вы можете оказать большую услугу всему Городу. Вы с вашим влиянием можете добиться принятия проекта, о котором мы говорили. Вашего обещания провести в ООП наш проект будет вполне достаточно. Как видите, мы вам полностью доверяем.— Ясутаке расплылся в сладкой восточной улыбке. Так умеют улыбаться только азиаты: совершенно искренне и одновременно пряча за спиной нож.

— Я ценю ваше благородство,— кивнул я.— Но, похоже, у Ривкина другие планы.

— Это тоже решается. Мне поручено уладить недоразумение, возникшее во время вашей инспекционной поездки. Господин Ривкин от имени руководства рудника приносит вам свои извинения и просит принять этот небольшой знак внимания.

С этими словами господин Ясутаке положил на стол небольшой, но пухлый конверт. Этого предугадать не мог никто.

А вот это провал, подумал я. Вот теперь я пропал окончательно. И как же все оказалось просто! Не надо никаких экстренных мер. Сунули взятку, записали на пленку, и все.

Когда агент нашего управления выполняет задание, то бывает, что персонажу, которого он играет, дают взятки. И для успешного выполнения задания эти взятки необходимо брать, чтобы потом предъявить их как вещественное доказательство. К сожалению, судебная процедура доказательства получе-

ния взятки — чрезвычайно сложное и тонкое дело. И первое, что делает адвокат обвиняемого, это пытается перевести стрелки на самого агента. Он выдвигает обвинение, что агент вымогал взятку для личного обогащения. Поэтому перед тем как отправиться за предполагаемой взяткой, агент должен сообщить об этом непосредственному начальству перед включенной на запись видеокамерой. Кроме этого, следует заполнить полдюжины бланков, в которых он должен указать, за какую именно услугу будет вручена взятка, полные анкетные данные непосредственного исполнителя и предполагаемого взяткодателя, а также ожидаемую сумму взятки. После этого следует расписаться на каждом из бланков, вложить их в особый, непромокаемый и несгораемый конверт вместе с записью рапорта начальству и запечатать личной печатью. И молить бога, чтобы этот конверт благополучно вернулся на Землю. Лучше уж совсем не возвращаться с задания, чем вернуться со взяткой, но без такого конверта.

И вот теперь я сижу здесь, без прикрытия в виде предварительно заполненных официальных бумаг. Все происходящее в комнате, несомненно, записывается. Выбор у меня небогатый. Если я не возьму конверт, то очень скоро окажусь на улице, где меня поджидает полицейский патруль. Если я беру взятку, то моей карьере секретного агента и вообще государственного служащего приходит конец. Максимум, на что я могу рассчитывать, это то, что суд признает мою ситуацию как смягчающие обстоятельства. Но, скорее всего, следственный аппарат сработает автоматически — взятка при исполнении не расследуется, а сразу наказывается, — и я окажусь в правда очень комфортабельной тюрьме для моих бывших коллег.

Я лихорадочно просчитывал ситуацию. Есть, в принципе, и третий вариант. Я могу отказаться от конверта и, обаятельно улыбаясь, пообещать Ясутаке, что и так все сделаю. Мол, болит у меня душа за его Город. И ведь не дрогнет у него ни одна черточка на лице. Улыбнется в ответ, пожмет руку и посадит в машину. А по дороге выйдет досадное недоразуме-

ние с полицией, или просто в аварию попадем, здесь ведь так бесшабашно ездят. И тут я все понял.

— Итак, ваше решение? — спросил господин Ясутаке, когда я впал в транс, увидев конверт.

Пришлось выпасть обратно и, чтобы выиграть немного времени, закурить еще одну мерзкую местную сигарету. Вот за что я точно выскажу претензии шефу, когда вернусь, так это за то, что мне пришлось курить эту гадость.

Я мужественно докурил сигарету до конца и только потом ответил:

— Нет, господин Ясутаке, так дело не пойдет. Деньги я не возьму. И первый, кто в этом заинтересован, это вы сами.

Ясутаке изобразил крайнюю степень недоумения:

— Почему же?

— Давайте рассуждать логически... — Преимущество в разговоре постепенно переходило на мою сторону, и я не хотел его упускать. — Что произойдет, если я возьму этот пакет?

Вопрос был риторический, и Ясутаке предпочел не отвечать.

— А произойдет следующее, — лекторским тоном продолжал я. — Это будет означать, что до конца своей жизни я должен отстаивать в ООП интересы господина Ривкина. Вернее, его начальства.

— Да нет, вы неправильно поняли, руководство фабрики... — начал было Ясутаке.

— Руководство фабрики подставило вас, милейший! — перебил я его. — Вы сами подумайте: как я смогу провести ваш план, если у меня в кармане будет лежать взятка от руководителей той самой миссии, которую по вашему плану необходимо ликвидировать? Да я рта не успею открыть против них, как меня съедят с потрохами. От меня мокрого места не оставят, если я вякну хоть что-то против них.

Лицо господина Ясутаке приняло прежнюю, округлую форму. Разве что изменилось в цвете. Я продолжал давить:

— Смотрите, я сейчас возьму этот конверт, подпишу все отчеты, и вы отвезете меня в космопорт. Я благополучно

улечу, поскольку у миссии ко мне никаких претензий больше нет. Но вашу просьбу я при всем желании выполнить не смогу. Физически не смогу, как бы ни тяготили меня моральные обязательства перед вами. После первого же моего выступления на заседании ООП с предложением закрыть факторию на свет божий появится пленка с записью вот этой нашей беседы, и борец за справедливость Андрей Карачаев в наручниках отправится в тюрьму.

Я привстал и, наклонившись через стол, сказал ему прямо в лицо:

— Ну, теперь вы поняли?

Метаморфозы с лицом хозяина кабинета прекратились, и оно обрело свое обычное состояние. Когда опасность наконец приобрела конкретные очертания, он снова взял себя в руки.

— Подонки, — прошептал он, откинувшись на спинку своего роскошного кресла. И замолчал, глядя в потолок.

Я знал, о чем он думает. Он не может не выполнить указание, данное из фактории. Его самостоятельность не так велика, как он хочет показать. Все его благополучие держится на подчинении руководству миссии. С другой стороны, ах, как не хочется упускать шанс провести контратаку за спиной своих благодетелей. Второй такой возможности у него не будет. Да, тут есть над чем подумать.

— Поэтому, со своей стороны, я предлагаю следующее. Вы помогаете мне улететь отсюда, без взятки разумеется, а я со своей стороны обещаю вам разобраться с руководством фактории. У меня с ними свои счета, — продолжал я дожимать противника. — Ну как, договорились? Запись нашей беседы просто уничтожьте, сошлитесь на технические проблемы. Например, что аппаратура старая, а заменить нечем из-за недостатка финансирования со стороны фактории.

Я был почти уверен, что Ясутаке согласится. Однако я явно недооценил своего противника. Помолчав некоторое время, он принял решение. Господин Ясутаке выпрямился в кресле:

— Что же, господин Карачаев, возможно, вы и правы. Вам действительно не следует брать этот конверт. Но выхода у

вас, как вы понимаете, нет. Вот вы упомянули про пленку, на которую записывается наша беседа. Я оценил вашу проницательность. Но вы забыли одну деталь. Когда вы отсюда увидите, я, разумеется, немедленно передам эту запись Ривкину. Один экземпляр, подчеркиваю. А копия останется у меня. Как вы догадываетесь, на суде не будут придирааться к тому, что это копия, а не оригинал.

Он привстал с кресла и, копируя меня, перегнулся через стол и буквально прокричал мне в лицо дрожащим от ярости голосом:

— Ну а вы, господин инспектор, вы теперь все поняли?

Он сел и уже нормальным голосом продолжил:

— Так вот, сейчас вы возьмете этот конверт. Не кривитесь, эта сумма превышает ваше жалование за несколько лет. Потом вы подпишете вот эти отчеты, а также рекомендацию не проводить в ближайшие сто лет инспекторских проверок Деметры ввиду идеального состояния экологии.— С этими словами он достал из стола пачку документов, на которых надо было только поставить мою подпись.— Затем вы отправитесь домой и забудете обо всем, как о неприятном сне. Ну а дома, отдохнув, вы наймете команду, которая станет лоббировать мой проект в ООП. Не волнуйтесь, все расходы я возьму на себя. Формально вы к ним не будете иметь никакого отношения. Более того, вы со своей стороны будете яростно сопротивляться всем их предложениям. Вы главный эксперт по Деметре, и вам, конечно, виднее. Но почему-то получится так, что на все ваши доводы у ваших оппонентов найдутся более весомые контраргументы. Потому что вы сами и снабдите команду ваших противников самыми убийственными аргументами в пользу моего плана. Вы заранее составите весь ход компании и отрепетируете с вашей командой все дебаты. И когда мой план будет принят, даже самый предвзятый наблюдатель не сможет упрекнуть вас в предательстве интересов миссии.

Он помолчал и добавил:

— В общем, я вам сочувствую. Вам предстоит нелегкий, зато увлекательный труд. И, конечно же, хорошо оплачен-

ный. — Он улыбнулся и достал из стола еще один конверт. — Это уже лично от меня.

Я ощутил, как по спине потекла струйка противного холодного пота. Ловушка была заготовлена грамотно и профессионально. Меня прогнали по всем этапам обработки и поставили перед выбором. Вернее, мне не оставили никакого выбора, я должен соглашаться на сотрудничество. Иначе меня просто уничтожит служба, которая следит за соблюдением законности государственными служащими.

Ситуация парадоксальная, но именно она и регламентирует действия служащих всех официальных государственных и неправительственных учреждений. Если обнаружатся свидетельства, что я получил взятку, то весь карательный арсенал государства в слепой ярости обрушится на меня и раздавит, как асфальтовый каток невовремя подвернувшуюся курицу. А свидетельства моего соращения именно сейчас, на моих глазах штампуются со скоростью издания серии популярных детективных романов.

С другой стороны, если я тихо возьму деньги и продолжу свою деятельность государственного чиновника, одновременно отработывая свои обязанности по отношению к Ясутаке и компании, то мне абсолютно ничего не грозит. Со стороны моих взяткодателей все это вполне естественно. Таким образом на них уже работает не один десяток людей. Каждое звено длинной и темной цепочки, протянувшейся от Земли к Деметре, функционирует примерно одинаково. Конечным результатом ее деятельности является воровство в планетных масштабах. Однако ни одно из звеньев формально не нарушает законов. Коррумпированные служащие лишь выполняют свои непосредственные служебные обязанности и самостоятельно не принимают никаких решений. Они лишь выдвигают проекты, которые рассматривают и утверждают большие представительные комиссии. Члены этих комиссий за день просматривают десятки всевозможных проектов и физически не в состоянии глубоко вникать в суть проблемы или проследить за ходом выполнения принимаемых ими решений. Им некогда, их ждут другие срочные и не менее

важные дела. Поэтому фактически эти проекты отданы в полноправное распоряжение членов комиссий, созданных для решения этих проблем. С другой стороны, специалисты, работавшие над созданием проектов, не несут никакой ответственности за свои действия и за последствия принятых по их рекомендациям, но не ими окончательных решений. И если чиновник получает от заинтересованных сторон некое вознаграждение в благодарность за свою работу, так что ж! Всем известно, что государственные служащие получают невысокую зарплату, которая никак не может компенсировать их напряженную работу, нервную обстановку и ненормированный рабочий день.

Я вздохнул. Да, я могу понять того мифического санитарного инспектора ООП, которого я играю по легенде. Он устал мотаться по самым задрипанным планеткам Галактики в надежде увеличить свою скромную зарплату еще более скромными командировочными и редкими премиями. Он устал от запаха дезинфекционной жидкости в туалетах космостанций, от толпы пассажиров, от гула моторов, от смены часовых поясов и климатических зон. Перед ним открывается перспектива спокойной обеспеченной жизни на Земле, на престижной должности. И ведь взамен от него не требуют ничего особенного. Всего-навсего оставить без изменений то, что существует и без него. Просто не трогать сложившуюся систему, которая функционирует уже не один десяток лет. Достаточно промолчать, отойти в сторону, и все решится само собой.

С другой стороны, можно полезть на рожон и поплатиться за это головой. Ясно понимая, что жертва ни к чему не приведет, все останется по-прежнему. Кроме его карьеры, которая рухнет и искалечит всю дальнейшую жизнь. Ни один разумный человек этого не сделает. Он не станет противостоять системе, которую все равно не в состоянии изменить, и будет по-своему прав. Для любого человека его личная жизнь стоит на первом плане. Я не верю альтруистам, громогласно заявляющим, что они способны пожертвовать собой ради светлого будущего человечества.

На этом я счел необходимым прекратить свои философские размышления и вернуться к реальным проблемам. Ты не инспектор ООП, напомнил я себе, а разведчик, которому необходимо вырваться из ловушки, расставленной врагом. Идет война, и я на передовой. Противник лупит по мне из тяжелой артиллерии. Надо спастись.

Или скажем по-другому. В рискованной шахматной партии, которую я затеял, противник объявил мне шах. И теперь довольно потирает руки и уже приготовился следующим ходом сделать мат. Но сейчас моя очередь двигать фигуры. И у меня уже готов ответный ход. Мой коронный ход конем. Парадоксальный и примитивный одновременно. Но главное — действенный. Я незаметно посмотрел на часы. Беседовали мы долго. У Джейсона было достаточно времени, чтобы выполнить мои инструкции. Будем надеяться, что на этот раз он обойдется без самостоятельной инициативы. Я достаточно подробно объяснил ему, как действовать, и обсудил с ним все возможные варианты и осложнения. Он должен справиться.

И действительно, в окне за спиной Ясутаке показался Джейсон. Он стоял вместе с кем-то, мне незнакомым, и всеми силами пытался привлечь мое внимание. Увидев, что я его заметил, он замахал руками, показывая, что все готово. Джейсон сиял от радости и возбуждения. Несмотря на вчерашнюю драку и насильно введенный наркотик, он по-прежнему считал происходящее всего лишь интересным приключением. Он уже забыл, что его разыскивает полиция, что через пару дней ему понадобится медицинская помощь или новая доза страшного наркотика. Сутки пребывания в состоянии зомби после всех введенных в него препаратов не оставили ни малейшего следа. Отдохнувший и вымытый, в новом костюме и чистой рубашке, он был похож на засидевшегося в конторе служащего, который наконец выбрался в субботний день на прогулку в парк экстремальных аттракционов. На лице моего напарника была написана готовность продолжить эту интереснейшую игру.

Джейсон показал на Ясутаке и недвусмысленным жестом объяснил, что мне с ним следует сделать. А то я сам не догадывался, можно подумать. Уж эту часть операции я смогу провести без посторонней помощи. Я осторожно начал действовать.

Ясутаке, не подозревая о том, что творится у него за спиной, продолжал настороженно ждать. Его правая рука мне была не видна, но я не сомневался, что она лежит на рукоятке бластера, спрятанного в одном из ящиков стола.

Я осторожно взял со стола пачку приготовленных для меня отчетов. Не задеть бы эти чертовы конверты, пронеслось в голове. Небольшого отпечатка пальцев, простого касания, да что там — запаха моего пота на конверте будет достаточно. «Зачем же вы трогали конверт, если не собирались брать взятку, а, господин Карачаев?» — скажет судья и влепит мне максимальный срок.

Придвинув к себе отчеты, я стал листать их. Время от времени я качал головой и украдкой наблюдал за Ясутаке. Вначале тот сидел настороженный, видимо, еще помнил мое утреннее представление, но по мере того, как я начал подписывать бумаги, у него явно отлегло на сердце. Расслабившись, он с интересом наблюдал за коррумпированным чиновником ООП, который вскорости станет его преданным слугой. Внешне, конечно, он, Ясутаке, не станет подчеркивать, кто именно здесь хозяин. Но внутри, про себя, можно будет и порадоваться.

Я задумчиво посмотрел на очередной документ:

— Господин Ясутаке, я хотел бы уточнить. Вот в этом пункте написано...

Что там было написано, в каком пункте и что я хотел уточнить, бедняга Ясутаке так и не узнал. Я положил бумагу на свой край стола, лицом к себе. Для того чтобы рассмотреть ее, Ясутаке пришлось бы тянуться за ней через весь стол. Он взял бумагу левой рукой и посмотрел на меня. При этом его правая рука по-прежнему спрятана под столом.

Я ткнул пальцем левой руки в первую попавшуюся строчку:

— Вот здесь, обратите внимание...

Моя правая рука при этом исчезла из поля зрения Ясутаке, нащупывая ножку кресла и поудобнее ее ухватывая. Внимание Ясутаке на секунду отвлеклось, и я, выхватив из-под себя кресло, обрушил этот тяжеленный образчик офисной мебели на голову хозяина кабинета. Одновременно с этим я сам свалился под стол с другой стороны. И правильно сделал. Господин Ясутаке, благородный потомок самураев, неспроста был главой такого предприятия. Желających занять его должность было достаточно, и только врожденные хитрость и осторожность плюс ежедневные тренировки помогали ему усидеть в заветном кресле. Хозяин кабинета обладал феноменальной реакцией. Я мысленно поздравил себя с тем, что не стал устраивать с ним ковбойских дуэлей на бластерах. Уклониться от моего нетрадиционного снаряда сидевший в мягком глубоком кресле Ясутаке не мог. Но прежде чем кресло, описав красивую параболу вокруг стола, опустилось ему на голову, он успел поднять правую руку и выстрелить туда, где я находился в момент запуска кресла. К счастью, меня там уже не было.

Когда на той половине стола все улеглось, я бросился к двери и запер ее. Потом вернулся, обошел стол и осмотрел Ясутаке. Досталось ему здорово. Сам виноват — нечего такие тяжеленные кресла держать в кабинете. Поставил бы обычную табуретку, так отделался бы простой шишкой. Впрочем, я его понимаю. Не каждый день попадают такие веселые посетители. Я бросил последний взгляд на неудавшегося взяточдателя, открыл окно и спрыгнул в сад. Встретивший меня Джейсон был готов к решительным действиям и, вопреки обыкновению, немногословен.

— Я сделал все, как мы договаривались. Знакомься, это Элвис, — представил он своего спутника.

Мы обменялись рукопожатиями. Предвосхищая мой вопрос, Элвис махнул рукой в сторону парка:

— Все вопросы потом. Постарайтесь не отстать! — С этими словами он повернулся спиной к зданию и побежал в глубину сада. Мы с Джейсоном рванули за ним. Пробегая по дорожкам сада, я все время ожидал криков преследователей

и выстрела в спину. Но все было тихо. Похоже, меня еще не хватились. Тем временем мы пробежали через большой парк и оказались перед высокой стеной. Элвис открыл небольшую калитку в стене, и мы вышли. За дверью нас ожидал автомобиль. Элвис прыгнул на водительское место и включил мотор. Запыхавшийся Джейсон нырнул в машину за ним и жестом показал мне садиться. Я на секунду задержался. Закрыв калитку, я достал из кармана бластер и отработанным движением превратил замок в кучку оплавившегося железа. Дверь заклинило намертво. Теперь преследователям, если таковые и были, придется возвращаться и обходить весь особняк с парадного входа.

Еще через три секунды я оказался в машине. Элвис рванул с места. Началась бешеная гонка по разбитым улицам Города. К счастью, автомобиль был оборудован антигравом, так что мы неслись в полуметре от поверхности. О том, что этот бешеный полет не так уж безопасен, предупреждали только резкие толчки боковых тормозных двигателей, которые компенсировали занос при поворотах на узких городских улицах. Полет на высокой скорости по Городу — на такое решится не каждый. Про себя я отметил, что Элвис ведет автомобиль четко и хладнокровно, как настоящий профессионал. Ну и компания у них тут собралась, подумал я.

Когда мы удалились от штаб-квартиры Комитета Общественного Спасения, скорость автомобиля снизилась, и мы полетели в нормальном городском режиме. Атмосфера внутри автомобиля тоже разрядилась. Погони за нами не было. Теперь можно было обсудить дальнейшие действия.

— Слушай, Элвис, а может, поднимемся повыше и рванем прямо в космопорт? — спросил Джейсон.

— Нельзя вам в космопорт, я ведь уже объяснял. Там полно полиции. По местному каналу уже передали информацию о двух опасных преступниках, собирающихся произвести теракт на руднике.

— Ну, допустим, вашим горожанам мы пофигу. Вот если бы объявили, что мы украли из храмов всю ткань! Вот тогда

точно можно рассчитывать на всенародное возмущение. Но не раньше.

— Что же вы такого плохого мнения о наших горожанах? Среди них встречаются очень приличные интеллигентные люди.

— Давайте отложим дискуссию о моральном облике жителей Деметры на потом. Нам нужно найти безопасное убежище на несколько дней. Джейсон вам все объяснил?

— Все под контролем, — голосом киношного спасателя ответил Элвис. — Я вас спрячу так, что ни одна полицейская крыса не найдет.

Пока мы разговаривали, автомобиль остановился на окраине Города. Перед нами возвышалась стена, ограждающая шоссе. Вокруг был пустырь и несколько заброшенных построек. Элвис попросил нас оставаться на своих местах, а сам вышел из машины и куда-то скрылся.

Я воспользовался его отсутствием и обернулся к Джейсону:

— Ну, рассказывай, как ты его нашел.

— О, это целая история.

— На историю у нас нет времени. Давай конспективно.

— Короче, когда вы с Ясутаке ушли к нему в кабинет, ко мне подошел мордоворот и пригласил пройти за ним. Отвел он меня в библиотеку, посадил в кресло, сунул мне в руки «Плейбой», а сам встал в дверях. Стоит и смотрит. Я поси- дел пару минут, полистал журнал, думал, он уйдет. А он все торчит в дверях столбом и всем своим видом показывает, что выходить отсюда мне нельзя.

— Быстрее, я же просил конспективно.

— Так я и рассказываю. Мне все это надоело, я встал и по- дошел к двери, собираясь выйти. Тот стоит как противотан- ковая надолба и не шевелится. Тогда я популярно объяснил ему, кто он и кто я. Как миленький отодвинулся, объяснил, где найти Элвиса, и предложил проводить. Я подробно про- инструктировал его, куда он может засунуть свое предложе- ние. Короче я отправился к Элвису, а мордоворот остался читать по слогам «Плейбой». Кажется, это единственное чтение, которое ему по плечу.

Я вспомнил, как Джейсон разговаривает с обслуживающим персоналом, и ничему не удивился. Парень действительно умеет ставить прислугу на место.

— Ну-ну, продолжай.

— Элвиса я нашел в его кабинете. Он уже все про нас знал. Ольга звонила ему и просила нам помочь. По его словам, он как раз собирался встретиться с нами.

— А на самом деле ждал, чем закончится мой разговор с Ясутаке. Так?

— Разумеется. Я убедил его не ждать, а подготовить наш побег, как ты и просил. Вот и все, если рассказывать концептивно.

— Понял. Вижу, что убеждать ты умеешь. Ты действовал абсолютно профессионально.

Джейсон аж зарделся от удовольствия. Надо, сказал я себе, надо людей хвалить. Даже за то, что они делают для спасения собственной задницы. Пара красивых слов, и вот уже лихорадочные действия по спасению из ловушки, в которую они угодили по собственной глупости, превращаются в их глазах в серьезную продуманную операцию.

— В общем, спасибо тебе, дружище. Ты вытащил меня из капитального дерьма.

— Я вытаскивал нас обоих.— Джейсон был явно доволен собой. Приключение нравилось ему все больше и больше.

— Ага, ты еще скажи: «На моем месте так поступил бы каждый». Лучше вспомни, кто нас туда засунул.

— А вот не надо на меня все валить,— обиделся Джейсон.— Совести у тебя нет.

— Это ты точно заметил. Чего нет, того нет,— усмехнулся я.

Вернулся запыхавшийся Элвис.

— Все в порядке,— сходу заявил он,— идите за мной.

— Э, нет,— уперся я.— Хватит играть в детектива. Куда вы нас ведете?

— Поверьте, у нас нет времени, полиция скоро будет здесь. Я проведу вас через шоссе и спрячу в Новом Городе. Вот там я отвечу на все ваши вопросы.

— Подожди, но полиция наверняка перекрыла все выходы из Города.— Я наконец заметил, что мой спаситель отчаянно молод, и перешел на ты.

— Только не этот. Здесь находится заброшенный подземный переход, которым давно никто не пользуется. Я специально сходил и проверил. Там никого нет. Полиция про него забыла.

Отдавшись на волю случая, я вылез из машины и пошел за Элвисом. Мы прошли по узкой тропинке, протоптанной в пыли пустыря. Я нагнал Элвиса и тихонько спросил его:

— Ты сказал, что переходом давно не пользуются, откуда же эта тропинка?

— Это наркоманы протоптали. Они ходят через этот переход в Новый Город за тканой.

— Им что, мало того, что есть в Городе? Он же буквально завален этой отравой.

— У них считается, что самую чистую ткань ящеры придерживают для себя, а людям продают второй сорт. Поэтому настоящие любители употребляют только ту, которую купили прямо в Новом Городе. Эти походы считаются верхом отваги и жутко повышают их рейтинг в глазах приятелей.

— Ну, вы даете,— только и смог сказать я.

Мы подошли к входу в переход. Увидев его, я понял, почему полиция нас здесь не ждет, а наркоманы считают переход под шоссе великим подвигом. Когда-то это действительно был нормальный подземный переход. Теперь вход обрушился, и, чтобы проникнуть в него, нам пришлось на четвереньках карабкаться по узкому извилистому лазу. Отовсюду торчали куски арматуры и обломки бетонных плит. Через несколько минут проход расширился, и мы оказались в переходе. Еще через пару минут уже по нормальным широким ступеням мы поднялись на другой стороне.

— Добро пожаловать в Новый Город,— Элвис театральным жестом взмахнул рукой.— Ручаюсь, что такого вы еще не видели.

Я огляделся по сторонам. Вокруг нас расстилась унылая серая равнина. Место, в котором мы оказались, было еще

не самим Новым Городом, а его пригородом. Неподалеку от нас стояло несколько домов. Здания располагались в специально вырытых углублениях. Их соединяли неглубокие аккуратные траншеи, заполненные водой. Судя по тому, что я уже знал о ящерах, это были дороги. Остальная незастроенная местность представляла собой обычное болото. То тут, то там возвышались участки сухой земли — аналоги луж на асфальте в земных городах.

Элвис быстро пошел вперед, выбирая дорогу по каким-то одному ему известным ориентирам. Шли мы не меньше часа. Элвис старательно выбирал для дороги наиболее сухие участки, но тем не менее мы здорово промокли и измазались в грязи. Наконец мы остановились на одном сухих островков. Мы были одни. Я не увидел вокруг ни людей, ни ящеров.

— Все,— скомандовал Элвис, усаживаясь на землю,— объявляю привал.

— Ну, вот это другое дело,— обрадовался Джейсон. Откуда-то он извлек огромную сумку, открыл ее, расстелил на земле перед нами скатерть и стал расставлять на ней припасы. В пылу побега я даже не заметил, что все это время мой напарник мужественно тащил ее с собой.

— Не понял, это откуда? — удивленно спросил я его.

— Я подумал, что ресторан фактории нам больше не светит, и, пока Элвис занимался машиной и всем прочим, я сходил на кухню и запасаю кое-чем.

С этими словами он закончил раскладывать еду и водрузил в центре здоровенную бутылку виски. Мы с Элвисом не сговариваясь присвистнули и с уважением посмотрели на этого святого человека. А святой человек удовлетворенно оглядел созданный им натюрморт и, свернув пробку, деловито разлил виски по пластиковым стаканчикам. Несколько минут мы были заняты только едой. Затем, когда в желудке у меня потеплело, а в голове прояснилось, я взял инициативу в свои руки и обратился к Элвису:

— Спасибо за помощь:

— Рад был вам помочь. Мне позвонила Ольга, вся в слезах, и попросила помочь каким-то двум бедолагам. Я сначала

ла никак не мог ее понять, она то сбивалась, то повторяла одно и то же, а потом просто разрыдалась. Я велел ей отрыгаться и позвонить через десять минут. Вы же знаете Ольгу.

Я отрицательно качнул головой:

— Практически, нет.

— Ну да, ну да. Так вот, когда она отревела свое, я ей перезвонил, и она вполне толково описала все происшедшее. Правда, я так и не понял, кто вы, поэтому не спешил показаться вам в Комитете.

— А Ольга, как она? С ней все в порядке? — Я вдруг вспомнил о том, что беспокоило меня все время. — Полиция ее тронула?

— Она послушалась вашего совета и ушла к подруге.

— Слушай... — Мне не давала покоя одна мысль. — Вы с Ольгой больше, чем просто знакомые?

Элвис хмыкнул:

— Да уж, немножко больше.

— А почему тогда она живет одна, в таком районе? Она ведь называла Комитет «наши». И ты там живешь.

— Колледж, в котором она учится, находится через дорогу от ее квартиры. Машины у нее нет, а общественный транспорт почти не ходит. Поэтому они вместе с подругой и сняли эту квартиру.

— Колледж?

— Ну да. Ты же не думаешь, что она собирается прожить здесь всю жизнь с заманчивой перспективой подсесть на ткану и нарожать полдюжины маленьких наркоманчиков? Она планирует уехать отсюда, а для этого надо иметь хорошее образование и высокие оценки. Иммиграционные правила на приличных планетах очень жесткие, особенно для выходцев из такого дерьма, как Деметра.

— Понятно, — задумчиво протянул я. — Но все же ведь это опасно, почему ты не оставил ее в вашем районе? Вozил бы ее на машине, я видел, как ты водишь, вполне профессионально.

— Ты действительно не знаешь Ольгу. Она не принимает одолжений ни от кого. Полная независимость. При этом для

других снимет с себя кожу и спросит, не желаете ли еще чего.

— Ага, вот эту черту ее характера я как раз и знаю. Ну что ж, дай бог ей удачи. Теперь ближе к делу. Здесь мы в безопасности? Ты уверен, что полиция сюда не сунется?

— Ни в коем случае. Это суверенная территория ящеров.

— А сами ящеры? После последних событий я не думаю, что они особо дружелюбно отнесутся к нам.

— За это не переживайте. У меня есть влиятельные знакомые в Новом Городе.

Элвис вдруг замолчал и повернул голову. Я последовал его примеру. Со стороны Города к нам приближалась группа ящеров. Раздавались странные квакающие голоса и шлепанье босых лап по воде. В лапах у всех были копыта, некоторые были вооружены бластерами. Один из ящеров прошлепал к краю сухой площадки, на которой мы расположились, и заквакал. Элвис немедленно проквакал что-то в ответ. Ящер ответил и, повернувшись к своей команде, что-то сказал. Оружие опустилось. Моя рука, лежавшая на рукояти бластера в кармане, тоже расслабилась.

— Нас встретили,— сказал Элвис.— Все прошло замечательно. Это именно те, кто должен был нас встречать. Сейчас они проводят нас к моим знакомым, и вот там мы точно будем в полной безопасности.

Я внимательно посмотрел на Элвиса:

— А до этого момента мы все же не были? Почему ты меня не предупредил?

— Видел я вас в действии.

— Это когда ты успел?

— Когда вы расправлялись с охранниками на входе. Очень впечатляет. Зрелище не для слабонервных. Эта запись у нас стала бестселлером за десять минут.

Я только досадливо крякнул. Впрочем, с технической точки зрения, я там действовал безупречно.

— Вы же здесь никого не знаете, ничего не понимаете,— продолжал Элвис. — Поэтому я решил вам ничего не говорить без необходимости. Если бы понадобилось силовое

вмешательство, я бы попросил вас заступиться. А так... Пальнули бы вы в этих ребят, тогда мы бы в этом болоте и остались навсегда. И выньте руку из кармана, не надо здесь стрелять. По крайней мере, без моего разрешения. Договорились?

Я кивнул и демонстративно потер руки, показав таким образом, что они пусты. Мы спустились с сухого холмика и побрели по канаве за ящерами. Джейсон, взявший на себя обязанности нашего интенданта, слегка задержался, упаковывая свою сумку. Идти оказалось не так трудно, как я ожидал. Дно канавки было ровным и плотным, слой воды составлял всего несколько сантиметров. Этого, правда, мне хватило, чтобы промочить ноги, но идти не мешало. Вскоре мы вошли в Новый Город. Невысокие приземистые здания без всяких признаков архитектурных излишеств стояли группами в низинах. В центре каждой группы находилась большая лужа. Во многих из них, в самой грязи, плескались ребятишки ящеров. Судя по всему, эта возня доставляла им огромное удовольствие.

Наши сопровождающие остановились возле одного из домов. Из дома вышел ящер, по-видимому хозяин. Он поздоровался с нами на вполне приличном английском и предложил войти в дом. Мы спустились по ступеням и оказались в просторной комнате. Мои опасения не оправдались, потолок был достаточно высоким, чтобы я мог стоять не согнувшись. Мешало другое — слой воды на полу окончательно промочил мои туфли. Элвис вошел за мной и тут же направился куда-то в угол. Я проследил за ним и увидел, что он устроился на небольшом возвышении в дальнем углу комнаты. Джейсон притулился сбоку от него. На возвышении было сухо. Оно, по-видимому, было специально предназначено для гостей-землян. Мебель как таковая там отсутствовала, а пол был покрыт циновками.

Я последовал за Элвисом и с удовольствием расположился наконец на сухой поверхности. Сняв промокшую обувь, я уселся по-турецки, сложив перед собой голые ступни. В такой, не совсем подобающей моему рангу представителя Земли, но зато чрезвычайно удобной позе я и приготовил-

ся вести с хозяином долгие вежливые, предписанные законами приличий и гостеприимства, разговоры. К счастью, этого не потребовалось. Хозяин дома подошел к нам и спросил, удобно ли мы устроились. Мы поблагодарили его, и он, переглянувшись с Элвисом, вышел из комнаты. Мы остались одни. Прагматик Джейсон тут же задремал, а мы с Элвисом наконец смогли начать разговор, который все время откладывали.

— Ну вот,— сказал Элвис.— Просьбу Ольги я выполнил. Здесь вы сможете отдохнуть и даже пожить несколько дней. Это то, что вам было нужно?

— Совершенно верно,— подтвердил я.

— Однако я не понимаю, что, собственно, произошло. Вы представитель ООП, прилетели сюда с инспекционной целью, и вдруг вас объявляют преступником и полиция организывает на вас настоящую облаву. Вы можете мне объяснить, что произошло? В конце концов, если вы совершили преступление, то я буду считаться соучастником. По-моему, я имею право знать всю правду.

— С удовольствием. Но сначала ответь мне на несколько вопросов. Просьба любимой девушки, это, конечно, дело святое. Но для того, что мы с тобой наворотили сегодня, нужна более серьезная мотивация. Не правда ли?

Элвис выжидающе смотрел на меня. Я продолжил:

— Понятно. Следующий вопрос. Ты действительно занимаешь должность заместителя Ясутака?

Элвис все так же молча кивнул.

— Что ты мне можешь про него сказать?

— Хитрая старая лиса. Никому не доверяет. Подмял все под себя. Даже я, его первый зам, не имею доступа к большинству проектов. Он все решает и делает сам. Мы все просто служим при нем.

— Не очень лестная характеристика. И теперь ты решил воспользоваться случаем, чтобы сместить его. Я правильно понял?

— Ясутака не тот человек, который нужен Городу. Если я займу его место, то Комитет сможет работать намного лучше.

— И ты рассчитываешь, что я помогу тебе в этом.

— Мне не нужно от вас никаких одолжений,— обиженно ответил Элвис, чуть резче, чем можно было от него ожидать.— Вы сами убедились, что из себя представляет Ясутаке. В любом случае, после сегодняшних событий ООП будет искать нового представителя на Деметре вместо Ясутаке. Его карьере вы прихлопнули его собственным креслом... — Элвис улыбнулся каким-то своим мыслям.— Это было слабое зрелище. Он что, вас чем-то обидел? — самым невинным тоном спросил он.

— Не отвлекайся и не подлизывайся,— усмехнулся я. Моя растянутые сухожилия на руке все еще болели, и мне не хотелось обсуждать подробности беседы с Ясутаке. На самом деле еще ничего не закончилось.

Элвис согласно продолжил:

— Так вот, я думаю, что в состоянии справиться с должностью председателя Комитета Спасения Деметры. Я не прошу вашего обещания мне помочь. Просто в ответ на мою небольшую услугу,— тут он сделал паузу, чтобы подчеркнуть слово «небольшую»,— вы можете предложить мою кандидатуру на ближайшем заседании ООП по Деметре. Я и так являюсь официальным преемником, но мне будет спокойнее, если кто-то наверху замолвит за меня словечко.

— Да, конечно. Но особенно на это не рассчитывай. Все совсем не так, как ты себе представляешь. Не думаю, что на заседании ООП по Деметре будут выбирать нового председателя Комитета Общественного Спасения.

Элвис удивленно посмотрел на меня. Я продолжил:

— Давай начнем с самого начала. Вас всех ввело в заблуждение название моего места работы. Я назвал себя в той стычке перед дверью Комитета. Мне не следовало этого делать, но пришлось идти ва-банк, этот дурень в дверях и в самом деле чуть не прикончил меня. А вы ничего не поняли и продолжали считать меня инспектором ООП. Что, конечно, было мне на руку.

— Не понимаю, вы же сами сказали, и Джейсон потом подтвердил, что вы сотрудник Организации?

— Правильно. Только не Организации Объединенных Планет, а просто Организации. Тут неточность терминологии.

— Игра слов?

— Вот-вот. Игра слов с живыми людьми. Люди начинают и проигрывают. А если серьезно, то я сотрудник одного очень секретного и очень серьезного учреждения. Настолько секретного, что оно так и называется — Организация. Просто Организация.

— Я начинаю понимать,— протянул Элвис.

— Вот и хорошо. Поставим все точки над «i» и перечеркнем все «t». — Мои благородные гены всегда протестуют против укороченного варианта этой пословицы. — Прибыл я сюда для расследования мошенничества в фактории и на руднике. Свою работу я еще не закончил, но мне срочно необходима связь с Землей. Скажи мне, в Новом Городе есть станция гипервидения?

— Только приемники. Ни одного передатчика здесь нет. Их на Деметре всего два — один в фактории, второй в космопорту. Оба охраняются полицией и охранниками рудника.

— Небогатый выбор. На самом деле есть еще шаттл и грузовики. Все это не воодушевляет. У тебя есть соображения, как нам добраться до передатчика? Кроме штурма космопорта или захвата фактории.

— Я так и думал, что на большее вы не способны,— хмыкнул Элвис, чем меня очень обидел. В моей работе, конечно, встречаются слабые стороны, но зачем же так откровенно, в лицо?

— И все же?

Элвис ответил не раздумывая:

— Я подозревал, что вам потребуется связь с Землей. Это можно устроить совсем тихо. Есть у меня один план. Все очень просто, но потребует расходов. — Элвис выжидающе замолчал.

Ага, ну, наконец-то добрались, подумал я. А то меня уже начинало тошнить от такого альтруизма. Удивительное дело — чужой человек вытаскивает меня из передраги, прячет в

другом Городе, рискует при этом сам, а денег до сих пор не просил. Ну, теперь все встало на свои места.

— Не сомневайся, расплачусь я с тобой. Правда, денег у меня при себе нет, небольшая сумма в бумажнике, отобранном утром в Городе, не считается, это не те цифры. Но хороший совет иногда бывает дороже любой суммы наличными,— начал я.— Смотри: когда меня сюда отправили, мы и понятия не имели о том, что здесь творится. Я имею в виду ткану. Скажи, пожалуйста, вы ведь принимаете все меры к тому, чтобы подобная информация не распространялась за пределы планеты? Я прав?

— Я ничего об этом не знаю,— поспешно ответил Элвис.— Я работаю в Комитете, у меня совсем другие заботы.

— Но ты же наверняка ежедневно сталкиваешься с наркоманами?

— Боже упаси! Я за всю жизнь видел их не больше десятка, и то из окна машины. И вообще, на мой взгляд, тут нет никакой проблемы.

— А вот тут ты ошибаешься. Проблема есть, и очень большая. Просто огромная. Планетарного масштаба проблема.

— Вы преувеличиваете. Наркотики есть всюду. Во всем мире люди колются, нюхают, пьют и так далее. Людей не переделашь. Если из-за десятка подонков-наркоманов поднимать шум, то, считайте, в Содружестве не останется ни одной нормальной планеты. Что, скажете, у вас на Земле нет наркомании?

— Тут ты, конечно, прав, наркоманы есть везде. Это неискоренимо. Однако на Деметре ситуация другая. У меня нет точных данных, но даже той информации, которой я располагаю, хватит для объявления планеты зоной гуманитарной катастрофы.

— Да нет же, говорю вам. Вы поторопились уйти из нашего Комитета. Подождите один день, и завтра я привезу вам видеокассеты. Я хочу подробно рассказать вам о жителях нашего района. Там живут умные, творчески одаренные люди. Вы увидите записи спектаклей нашего театра, картинную галерею, составленную из работ наших художников...

— Остановись, пожалуйста! — прервал я его. — Эту песню я уже слышал в исполнении твоего шефа. О том, что тут у вас все поголовно шекспиры и ван-гоги. Меня интересует на Деметре совсем другое. Я должен разобраться, как случилось, что ткану стали использовать в качестве наркотика, и кто научил людей в Городе ею пользоваться. Кто создал эту дикую религию и философию, оправдывающие безделье целой планеты ввиду того, что их предки, видите ли, тяжело работали. Еще меня очень интересует, кто построил и содержит храмы халявного наркотика, откуда они пополняют свои запасы. Это вообще уникальное явление. Еще нигде в Содружестве я не встречал, чтобы наркотики бесплатно раздавали в таких объемах. Кто-то посадил и держит на ткани целую планету. — Я остановился и быстро спросил: — Ты можешь ответить хоть на часть этих вопросов?

Элвис отрицательно покачал головой:

— Это началось еще до моего рождения. В детстве я считал такое положение вещей нормальным, потому что так жили все на Деметре. Потом я вырос, занялся политикой, и мне уже стало не до размышлений. Жизнь у политиков тяжелая, надо все время заботиться о своем положении, у нас ведь бешеная конкуренция. Тут уже не до глобальных проблем.

Я не удивился. Откровенный цинизм политиков, то есть людей, которые по роду своей деятельности как раз и должны заниматься глобальными проблемами, меня давно не удивляет. Удивляет как раз совсем другое — наивность избирателей, которые считают, что политиков волнует что-то, кроме личного благополучия.

— Значит, кроме собственной карьеры, тебя ничего больше не беспокоит? Даже судьба твоей родной планеты?

Элвис взглянул на меня с искренним недоумением.

— Какое отношение я могу иметь к судьбе целой планеты? Я честно играю по существующим правилам. Я делаю свою работу и стремлюсь лишь к ее адекватной оценке.

— Понятно. Кстати, о твоей работе. Лучше начинай сразу свыкаться с мыслью, что пост председателя Комитета тебе не получить.

— Но почему?

— Потому что Комитет как таковой вскоре перестанет существовать. После моего рапорта на Землю на Деметре произойдут крупные перемены.

Я замолчал. Элвис смотрел на меня странным взглядом. Пока он понял лишь то, что из-за какого-то мерзавца-землянина может рухнуть вся его карьера. Об этом я ему и сказал:

— Ты переживаешь о своем будущем? Не унывай, парень. Я умею расплачиваться за добро. Мы ведь с этого начали?

— Начали мы с этого, но потом вы почему-то перешли на ткань.

— Именно в ней все дело. Будь здесь просто финансовые махинации, я бы передал дело ревизорам и потерял всякий интерес к вашей планете. И, пожалуй, действительно замолвил за тебя пару словечек кому следует в ООП. Но теперь планету ждут крупные пертурбации. И говорю я тебе об этом для того, чтобы ты мог воспользоваться этим.

Элвис не зря был заместителем Ясутаке. Он уже понял, что я неспроста завел этот разговор. Если деятельность Комитета будет прервана, то ему надо срочно искать новый источник доходов. А информация — это те же деньги. Он явно заинтересовался, но постарался не подать виду.

— Информация — это, конечно, здорово, но на самом деле я пока ничего не узнал. Вы можете быть более конкретным?

— Ты уже сам можешь представить, что вас ждет после моего рапорта на Землю. Очень скоро сюда прилетит крейсер ООП с полным комплектом миротворцев в касках и с бластерами. Прилетят они не на прогулку. Они по полной программе начнут отрабатывать свое фантастическое жалование. Они перетрясут всю планету... Ладно, проехали. В общем, вся эта история настолько омерзительна, что я не берусь предсказывать все последствия ее раскрытия. Между прочим, я почти уверен, что ее вообще не предадут гласности. Но меры примут обязательно.

— И какие же меры предпримет ООП?

— Это очевидно. Я уже сказал, что Деметра будет объявлена зоной гуманитарной катастрофы. Это означает прежде

всего поголовную эвакуацию населения. Всех людей отсюда вывезут в экстренном порядке. Прилетят транспортные корабли, и иммиграционная служба заберет всех в лагеря беженцев. Там проведут отбор и распределение, ну и, конечно, принудительное лечение наркоманов. На Деметре останутся только ящеры.

Я сделал паузу, чтобы дать собеседнику возможность следовать за моими рассуждениями. Я правильно оценил Элвиса. Ушлый молодой человек быстро разобрался в ситуации:

— Понятно. В принципе, эта карусель не может продолжаться вечно. Комитет Общественного Спасения, естественно, тоже ликвидируют. Выходит, я останусь без работы и вообще без всего.

Эмерсон пристально смотрел на меня. Видно было, что, с одной стороны, он уже жалел, что вытащил меня из капкана Ясутаке. С другой стороны, как умный человек, не первый год занимающийся местной политикой, он отлично понимал, что я не стал бы говорить все это, если бы не имел, что предложить взамен. Поэтому он промолчал и предоставил говорить мне. Я невозмутимо продолжил:

— Вот тут и начнется самое интересное. Процессом эвакуации будет руководить соответствующая комиссия ООП, все будет крайне гуманно и демократично. Эвакуированным разрешается забирать с собой только личные вещи. За все остальное имущество, оставленное на Деметре, будет выплачиваться компенсация из фондов ООП. Ситуации, когда приходится по разным причинам эвакуировать население целых городов и даже планет, в практике ООП случались неоднократно. Чтобы исключить злоупотребления на местах, для расчета компенсации за брошенное имущество разработана специальная методика и созданы единые таблицы. Например, при оценке недвижимости основными параметрами является площадь и возраст здания. Желаящий получить компенсацию за потерянную недвижимость должен предоставить документы, свидетельствующие об его праве на собственность. Никаких других официальных бумаг и справок, таких, как,

например, купчая с указанием суммы, выплаченной при покупке, или смета всех затрат на строительство, не требуются. Сколько заплатил владелец в свое время за этот дом — никого не интересует.

Я посмотрел на Элвиса и увидел, как в его глазах загораются огоньки понимания.

— При выплате компенсации не учитывается ни местная специфика, ни реальная рыночная стоимость зданий. Только количество квадратных метров площади, закрепленной за владельцем. Даже состояние здания на момент эвакуации в расчет не принимается. Если есть стены и потолок, то постройка считается существующей, и за нее выплачивается компенсация в полном объеме. Таким образом, человек, который к моменту начала эвакуации будет владеть определенным объемом недвижимости, получит солидную компенсацию. Можно иметь полуразвалившуюся хибару на окраине и получить за нее такую же компенсацию, как за роскошный отель такой же площади в центре Города.

Я помолчал немного, чтобы Элвис успел обдумать мои слова. Его озабоченное лицо постепенно просветлело.

— Вы хотите сказать, что человек, владеющий большим количеством недвижимости в момент объявления эвакуации планеты, станет миллионером?

— Скорее всего, миллиардером. Если, конечно, успеет вовремя подсуетиться и скупить по дешевке как можно больше недвижимости.

Элвис погрузился в приятные расчеты. Я добавил:

— А информация об этом пока только у тебя одного. Так что все в твоих руках. Ну как, я рассчитался с тобой за спасение?

— Похоже, что даже больше. А вы уверены, что будет эвакуация?

— Да. В таком виде Деметру оставлять нельзя. Эту команду наркоманов обязательно увезут отсюда вместе с остальным населением. На планете останется только коренное население. Ящеры достаточно умны, чтобы самим справиться с рудником. Они и сейчас уже, практически, все делают сами. К тому же, вряд ли рудник будет кому-то нужен. Не

исключено, что его закроют и ящеров предоставят самим себе. Так что эвакуация будет. Если, конечно, я выберусь отсюда и свяжусь с Землей,— добавил я.

— Да выберетесь вы, что тут переживать! Это вы на Деметре — чужой, а я все же с самого рождения тут живу. И неплохо живу, надо сказать,— добавил он с самодовольной улыбкой.— Город у нас небольшой, и я знаком практически со всеми. Разумеется, со всеми, кого стоит знать, а не с этим быдлом, которое держит ткану. Так вот, среди прочих моих знакомых есть у меня и человечек в порту. Он имеет доступ во все помещения, в том числе и в рубку гипер-радио. Ему не составит труда уговорить радиста отправить ваше сообщение на Землю.

Элвис достал из внутреннего кармана пиджака блокнот, вырвал листок, добавил к нему ручку и протянул все это мне.

— Вот,— сказал он.— Вы пока напишите, что передать на Землю, а я пойду переговорю с хозяином. Договорюсь, чтобы он приютил вас у себя на несколько дней, пока не придет крейсер. Кстати, когда он сможет прибыть, вы говорите?

— Полет с Земли до Деметры у крейсера займет несколько дней, меньше одной недели. Это все же не прогулочная яхта, военные летают быстро. Еще, как минимум, пара-тройка дней уйдет на заседания, совещания и непосредственно подготовку к полету. В целом получается дней десять, не больше.

— Значит, у меня есть всего неделя, чтобы успеть выкупить дома. Негусто,— пробормотал Элвис. По его лицу пробежала легкая тень. Он о чем-то задумался, но буквально через минуту снова стал прежним обаятельным собеседником.— Ну вот и хорошо. Поживете здесь недельку. А я завтра же передам вашу записку на гиперстанцию, чтобы ее отправили. Пишите донесение, а я позабочусь об ужине.

— Господин Джейсон, проснитесь, пожалуйста! — Элвис бесцеремонно растолкал моего измученного напарника.— Будьте добры, помогите мне принести с кухни ужин.

— А? Что? Я не сплю,— почему-то стал оправдываться Джейсон. Он pokrutil головой, приходя в себя, однако пос-

леднее слово, произнесенное Элвисом, все же пробилось в его сознание. Он тут же отреагировал: — Где ужин?

— На кухне, — невозмутимо ответил Элвис. — Пойдемте, я провожу вас.

Они зашлепали по напольной воде на кухню. Оттуда доносилось оживленное кваканье, причем в одном из квакающих я безошибочно определил Элвиса. Интересно, подумал я, с чего это Элвис перешел на язык ящеров, когда хозяин владеет английским? Не иначе как опасается, что я его услышу. Надо быть поосторожнее. Хотя там с ними Джейсон — он за всем присмотрит, не такой уж это простак, каким старается выглядеть. Вспомнив о Джейсоне, я успокоился и занялся неотложными делами. Я быстро составил гиперграмму и зашифровал ее по памяти своим личным шифром. Элвис с Джейсоном всё не возвращались. Я успел выкурить пару сигарет из пачки, лежавшей на столике в углу, и уже собирался продегустировать коньяк из бутылки, стоявшей там же, когда они наконец вернулись.

Элвис принес поднос с моим ужином. Ужин состоял из сэндвича с сыром и овощным салатом и чашки густого бульона с острым пряным запахом и необычным, но приятным вкусом. Это оказалось именно то, что мне было необходимо. Я выпил почти всю чашку и почувствовал, как по озябшему телу растекается теплая волна. Тепло сначала собралось в желудке, затем стало быстро подниматься вверх. Тело расслабилось. Я блаженно откинулся на подушки.

Посмотрев на Джейсона, уписывавшего свой сэндвич, я вспомнил, что остался нерешенным еще один серьезный вопрос.

— Элвис, — сказал я, — а ведь у нас еще проблемы.

— Уммх, что там еще? — не переставая жевать, откликнулся Элвис.

— Джейсона ведь подсадили на ткану. Он у нас теперь самый настоящий наркоман. Правда, Ольга вчера дала ему какое-то лекарство, и его отпустило. Но твоя подруга предупредила, что через несколько дней ему снова потребуется наркотик, иначе начнется жуткая ломка.

— Ерунда,— махнул рукой Элвис.— Рассказы о том, что тканя вызывает мгновенное привыкание, всего лишь тщательно культивируемый миф. Это совсем не так. Вылечиться от зависимости к ткане можно достаточно быстро и безболезненно. Особенно после одной-единственной дозы.

Джейсон закашлялся, подавившись остатками сэндвича. Элвис похлопал его по спине, и тот пришел в себя:

— Вы сможете меня вылечить прямо здесь? А то я готовился терпеть до Земли. Я не сомневался, что земная медицина сможет мне помочь. Но если у вас на Деметре тоже есть средства, способные излечить меня от этой гадости, я не постояю за оплатой. Только свяжите меня с врачом, и если он поставит меня на ноги, то больше ему не придется зарабатывать себе на жизнь. Всех остальных клиентов он будет принимать бесплатно, чисто из спортивного интереса. На жизнь ему хватит того, что заплачу я.

— Ну, вот и отлично. За всю медицину Деметры я не ручаюсь, но наш врач в Комитете — очень грамотный специалист. Завтра я заберу вас с собой и тут же покажу ему. Полежите пару дней в нашей больнице и станете как новенький.

Я с наслаждением вытянулся на мягком покрывале. От сердца отлегло. Как бы я себя не отговаривал, но все равно я в какой-то степени чувствовал себя виновным в том, что произошло с Джейсоном. Теперь чувство вины исчезло, и мне просто стало хорошо. Я умиротворенно закрыл глаза и только тогда понял, что мне слишком, подозрительно слишком хорошо. Мысли стали путаться. В голове зашумело, руки и ноги стали ватными, я почти не чувствовал их. Я попытался сесть, но не смог даже приподнять голову и уставился мутным взглядом в потолок. Кто-то зачем-то медленно вращал его по часовой стрелке. Стены комнаты не успевали за потолком, и я испугался, что он оторвется и упадет мне на голову. Последнее, что я услышал, был богатырский храп Джейсона. «Ай да напарник у меня. Вот он и присмотрел за всем»,— успел подумать я. Глаза закрылись, и я погрузился в забытье.

ГЛАВА 17

Ривкин снова звонил начальству. На этот раз он спокоен и деловит:

- Господин Бейлз, у меня для вас хорошие новости.
- Что ты натворил на этот раз?
- Честное слово. Все в порядке.
- Хотелось бы верить. Рассказывай.
- Этот чертов инспектор нашелся.

Начальственный голос в трубке оживился:

- Где ты его нашел? Он все еще жив?

— Да. Сначала он объявился в Комитете Спасения у Ясутаке. Тот связался со мной, и мы разработали план. Ясутаке должен был дать ему взятку, заснять все это на пленку и отправить Карачаева обратно на Землю. Мы убивали одним выстрелом двух зайцев. Мы приготовили ему на подпись документ о нецелесообразности дальнейших инспекций на Деметру. Кроме того, вернувшись на Землю, он обязался бы следить в ООП, чтобы нас никто больше не беспокоил. Ну, отстегивали бы ему немного. Зато у нас постоянно был бы свой человек на Земле.

— Ривкин, мерзавец, — начальственный голос опять стал сердитым. — Я тебя насквозь вижу. Перестань мне рассказывать о том, что ты собирался сделать. У Ясутаке ведь ничего не вышло, я правильно тебя понял? Вы просто два дармоеда! Обычную взятку дать не можете. Уволю обоих к чертовой матери. Что там у вас опять произошло?

— Шеф, — от испуга Ривкин сбился на тон дешевых гангстерских боевиков, — мы никак не могли этого предвидеть. Этот Карачаев сделал вид, что собирается взять деньги, начал читать документы для подписи, а потом взял и огрел Ясутаке по голове креслом. Потом сиганул в окно и убежал. Теперь Ясутаке лежит с проломленной головой, никого не узнает и только ругается по-японски.

— Что-что? Огрел креслом по голове и сиганул в окно? — Трубка забулькала смехом. — Ай да инспекторы теперь работают в ООП. И куда этот супермен делся? Улетел, как бэт-

мен? Ой не могу, Ривкин, уморил ты меня. Пожалуй, я тебя не уволю, а переведу к себе младшим секретарем. Будешь мне анекдоты рассказывать перед сном... А теперь рассказывай по-человечески,— голос стал прежним.— Получается, что ты уже дважды его упустил. Что прикажешь делать теперь?

— Да нашелся он. Я же говорю, все в порядке,— голос Ривкина дрожал то ли от волнения, то ли от обиды на работодателя.— Его подобрал Элвис, заместитель Ясутаке. Он отвел его к ящерам и обещал там спрятать. Когда тот раскис от радости, Элвис напоил его снотворным и отправил на плантации. Теперь наш инспектор в бессознательном состоянии плывет на остров Дальний. Завтра его там встретят и разместят вместе с остальными умниками.

Последовала пауза. Затем начальственный голос продолжил:

— Ну, во-первых, не плантации, а дочернее предприятие моей компании. Пора запомнить терминологию. Во-вторых, этого недостаточно. Что ты предпринял дальше?

— Я оформил все, как положено. На днях отправляется внеочередной шаттл с эмигрантами на Гефест. Я занес его в список. Таким образом, через несколько дней он официально от нас улетит. А на Гефесте, как известно, никто прилетающих не регистрирует. Там практически невозможно найти нужного человека.

— А вот это дело! Пусть инспектор исчезнет на Гефесте так же, как там растворяются все наши иммигранты. Все-таки замечательная планета, этот Гефест. Мне как раз сообщили, что с недавних пор местным полицейским запрещено требовать у граждан документы для проверки. Это, видите ли, является нарушением гражданских прав населения.

— Да, я знаю. И слышал, что это вам недешево стоило.

— Перестань говорить глупости. Я просто делаю партийные взносы, как и все члены международно-демократической партии. Гефест — молодая планета, и надо поддерживать на ней демократические порядки. И вообще, оставь свою дурацкую привычку все переводить на деньги. Вот, к примеру, твой Карачаев никак не хотел брать взятку.

— И как он кончил?

— Вот ты и присмотри, чтобы он кончил как надо. Надеюсь, в третий раз он от тебя не убежит. ✓

В трубке послышался самоуверенный смешок.

— Вам не хуже меня известно, что с плантаций, простите, с дочернего предприятия, не возвращаются.

— Да, это верно. Подожди, а его приятель, этот, как его, Джейсон? Его тоже нашли? Он, надеюсь, креслами не кидался?

— Джейсон лечится от наркотической зависимости к ткани. Его положили в клинику Комитета.

— Вместе с Ясутаке? — История с креслом все еще смешила господина Бейлза.

— В соседних палатах. Элвис обещал лично отправить его с Деметры, когда тот поправится.

— Джейсон не будет искать своего друга?

— Ему уже передали записку от Карачаева. В записке тот просит своего приятеля не беспокоиться, не торопиться и пройти полный курс лечения. А сам он улетит на челноке рудника, поскольку очень торопится вернуться. Он даже назначил ему свидание через месяц в их любимом кабаке на Церере. Образцы почерка Карачаева у нас имелись, так что подделку не отличит никакой эксперт.

— Вы ее сохранили?

— Конечно. Если все-таки Карачаева будут искать здесь, это будет еще одно свидетельство, что он отбыл на Гефест.

— И все же мне что-то неспокойно. Воспользуемся этим как временным вариантом. А сейчас сделай вот что. Свяжись с главным инженером рудника, пусть снимет две бригады ящеров с добычи, и пусть они восстановят одну из старых сухих шахт и подготовят ее для работы людей. А сам отправляйся в Город. Зайди на биржу, пусть там подберут людей с чистыми ладонями — думаю, такие в Городе еще сохранились — и срочно организуют одну-две бригады шахтеров. Мне не нужно, чтобы они давали рекордную выработку, но пусть регулярно ездят на шахту и ковыряются там. Назначь им любую зарплату, которою они попросят. Важно, чтобы в случае чего мы могли их продемонстрировать оче-

редной комиссии с Земли. Раз там заинтересовались шахтерами-поселенцами, то уже не отстанут. Ты все понял?

— Да, сэр. Сегодня же начну.

— Не сегодня, а сейчас же, как положишь трубку. И скажи главному инженеру, чтобы увеличил норму выработки для остальных бригад. Эти образцово-показательные человеческие бригады мне влетят в копеечку. Убытки покроем за счет ящеров. Пусть поработают как следует. Они в последнее время совсем разленились.— Бейлз помолчал, видимо, проверяя, не забыл ли чего-нибудь еще.— Пока все. Будем считать вопрос закрытым. Только обязательно проследи, чтобы Карачаев добрался до Дальнего и там остался. И предупреди местных, чтобы приглядывали за ним. Лично проследи. Он мне нужен изолированным, но живым. Понял?

— Шеф, а может быть, его просто убрать? И никаких проблем. Вы ведь предлагали это с самого начала?

— Не передергивай. Это была исключительно твоя идея. У меня солидный бизнес, а не гангстерская малина. Кончай смотреть по гиперу российские криминальные сериалы. Набрался у них терминов — убрать, кончить! Тоже мне, крутой мафиози нашелся. Новый русский! У тебя был шанс выдворить его с планеты с помощью полиции, но ты его упустил. Теперь Элвис все сделал за нас, пусть все так и остается. А ты займись рудником и новыми шахтерскими бригадами. К прилету следующей комиссии все должно быть в полном порядке. А там можно будет и Карачаева вернуть. Свалим все на Элвиса, извинимся и еще останемся в выигрыше по всем показателям. Ты хорошо меня понял?

— Все будет в порядке, обещаю. Когда же я вас подводил?

— В этом месяце дважды — двадцать четвертого и двадцать шестого. Остальное записано в твоём личном деле. Все. Свободен.

В трубке прозвучал сигнал отбоя.

В это время на другом конце трассы «миссия ООП — Старый Город» происходил другой, не менее важный для читателя телефонный разговор.

— Алло, Элвис?

— Да, Оленька, дорогая, наконец-то ты появилась. Где ты пропадала?

— Я прячусь у подруги. Я ищу тебя второй день. Никто не знал, где ты. Элвис, любимый, я так боюсь, меня искала полиция. Что мне делать?

— Все под контролем. Во-первых, скажи мне свой адрес, и я пришлю за тобой машину. Приедешь ко мне в Комитет.

— Да-да, пожалуйста, я боюсь оставаться в Городе!

— Давай без истерик. Я же сказал, все будет хорошо. Однако тебя действительно ищут, поэтому до приезда машины никуда не выходи.

— Элвис, только давай побыстрее. Ты сам за мной приедешь?

— Э... я сейчас очень занят, за тобой приедет мой шофер.

— Элвис, я боюсь. Приезжай сам.

— Успокойся, машину Комитета никто не тронет. Давай собирайся, машина сейчас выйдет.

— Да мне нечего собирать. Я убежала в чем была. Можно я заеду домой собрать кое-что из вещей?

— Да-да, обязательно. Я хотел тебя об этом попросить. Только не задерживайся там надолго. Возьми большую сумку, сложи все самое необходимое. Не забудь теплые вещи и перчатки. И главное — документы. Забери все, что необходимо для оформления эмиграционных документов. Обратного ты уже не вернешься.

— Эмиграционные документы? Ты хочешь сказать, что мы наконец уезжаем? Ох, Элвис, какое счастье! Какой ты молодец, что наконец решил уехать!

— Ну, вообще-то я пока остаюсь. Тебе придется ехать самой.

— Но, Элвис, ты же обещал, что мы уедем вместе! Ты меня бросаешь?

— Ну что ты, что ты. Я тебя очень люблю. Просто сейчас очень сложное положение, мне надо закончить одно дело, и я смогу уехать.

— А я? Что я буду делать одна?

— Я забронировал тебе гостиницу на Гефесте. Ты подождешь меня там. Это совсем недолго. А потом я прилечу к тебе с кучей денег, и все будет замечательно.

— Элвис, мне не надо твоей кучи денег. Мне нужен только ты сам, я тебе все время это говорю. Ты такой замечательный и без денег.

— Ничего, с кучей денег я буду еще лучше. Давай, не трать время, собирайся и лети ко мне. Я очень соскучился.

— Я тоже, любимый. Ты уверен, что все будет в порядке?

— Ну когда же я тебя обманывал? Ну, все. Целую и жду.

— Подожди, Элвис!

— Что еще?

— А как там эти двое? Ты им помог? Их чуть не убили! А толстяку нужна срочная медицинская помощь. Он может подсесть на ткану. Мне так их жаль.

— Успокойся. Твои протеже в полном порядке. Толстяка лечат в нашей клинике. А супермена я уже отправил домой.

— Уже отправил домой?

— Жалеешь, что больше не увидишься с ним? Уж не влюбилась ли ты в него часом? А что, мужчина видный...

— Не ревнуй. Ты знаешь, что, кроме тебя, мне никто на свете не нужен. Ты лучше всех. Как я по тебе соскучилась, ты не представляешь!

— Я тоже. Ну все, я побежал. Целую.

В трубке послышались гудки.

ГЛАВА 18

Я очнулся от холода. Вокруг была сплошная темнота. Спину резала ребристая поверхность голого металла. Ни встать, ни повернуться, ни даже просто пошевелиться я не мог. Я лежал связанный, на холодном металлическом полу. Откуда-то сзади доносился монотонный гул работающего мотора. По железному полу, на котором я валялся, пробежала едва заметная дрожь от того же двигателя. По равномерному покачиванию я понял, что нахожусь на корабле. Что

это за корабль, куда он плывет и по какому морю, я не знал. К черту подробности, сказал я себе, вспомни хотя бы на какой ты планете. Этого я тоже не знал.

Хуже того, я никак не мог вспомнить, как меня зовут. Несколько минут я пялился в окружавшую меня темноту и лихорадочно пытался понять, кто я. В голове было пусто, как у новорожденного младенца.

Тогда я произнес вслух:

— Как меня зовут?

И тут же сам себе ответил:

— Меня зовут Андрей Карачаев.

Это придало некоторую надежду. Я продолжил:

— А чем я занимаюсь?

— Я секретный агент Организации.

— А на какой я планете?

— Планета называется Деметра.

Я жадно вслушивался в знакомые слова, но пока они мне ничего не говорили. Со стоны этот мой диалог с самим собой выглядел, наверное, дико. Сторонний наблюдатель решил бы, что наблюдает типичный приступ шизофрении. Однако на самом деле это просто старый проверенный способ прийти в себя после кратковременной потери памяти.

— А что я здесь делаю?

— Я здесь на задании.

— А почему я ничего не помню?

— Наверное, съел что-то, — неуверенно ответил я сам себе. Потом помолчал и добавил: — Или выпил.

Вот тут все стало на свои места. Внутри меня как будто щелкнул выключатель, и я снова стал самим собой. Я вспомнил события прошедшего вечера. Вспомнил, как уснул, выпив стакан чего-то, напоминающего по вкусу жидкий чай. Помнится, я еще хотел попенять Элвису на его неумение заваривать чай. Значит, там было какое-то сильнодействующее снотворное. Сомнений быть не могло, за ужином мне что-то подмешали в питье. Я отключился, меня связали и теперь куда-то везут. Куда? Это я узнаю чуть позже. А пока надо сообразить, кто же меня опоил.

Сделать это могли двое: ящер, приютивший нас у себя в доме, или сам Элвис. Кто именно — догадаться несложно. С ящером мы виделись первый раз в жизни. До того как Элвис привел меня в Новый Город, мы и не подозревали о существовании друг друга. И делить нам нечего.

Другой подозреваемый — Элвис. Ему я, конечно, здорово помешал. Из моего рассказа он сделал единственный понятный ему вывод: его карьера политического деятеля может рухнуть. Причем именно в тот момент, когда я так удачно вывел из строя его главного конкурента и перед Элвисом открылась блистательная перспектива занять место председателя Комитета Общественного Спасения Деметры. Комитета, который на самом деле никого не спасает, кроме собственных руководителей, но это неважно. Главное, что тщательно подготовленное восхождение Элвиса по служебной лестнице может оборваться. Да уж, за такое не то, что снотворное в чай подмешать, за такой облом и убить недолго. Так что будем считать: мне еще повезло.

Кстати, где это мне так повезло? В смысле, где я все-таки нахожусь, и что меня ждет в ближайшем будущем? Я попробовал оглядеться. По-прежнему не было видно ни зги. Корабль куда-то плыл, но о месте назначения я не имел ни малейшего понятия. Я попытался развязать веревку. Проведя минут пятнадцать в безуспешных попытках освободиться, я понял, что вязали меня профессионалы, и бросил это дело.

На всякий случай я громко спросил: «Есть тут кто-нибудь?» Не получив ответа, я расслабился и просто лежал, отдаваясь убаюкивающему ритму волн. Оставалось только ждать. Через некоторое время я вновь задремал. Проснулся я от резкого слепящего света. Сильные руки подняли меня и поставили на ноги. Я взглянул. Передо мной стояли трое парней в кожаных куртках. Парни были очень похожи на тех, с которыми я уже встречался в Городе. Наверняка в карманах их курток лежали удостоверения охранников рудника. Ну и бластеры там, конечно, тоже были.

Один из парней молча толкнул меня по направлению к выходу. Выяснилось, что, пока я спал, веревки с меня сняли

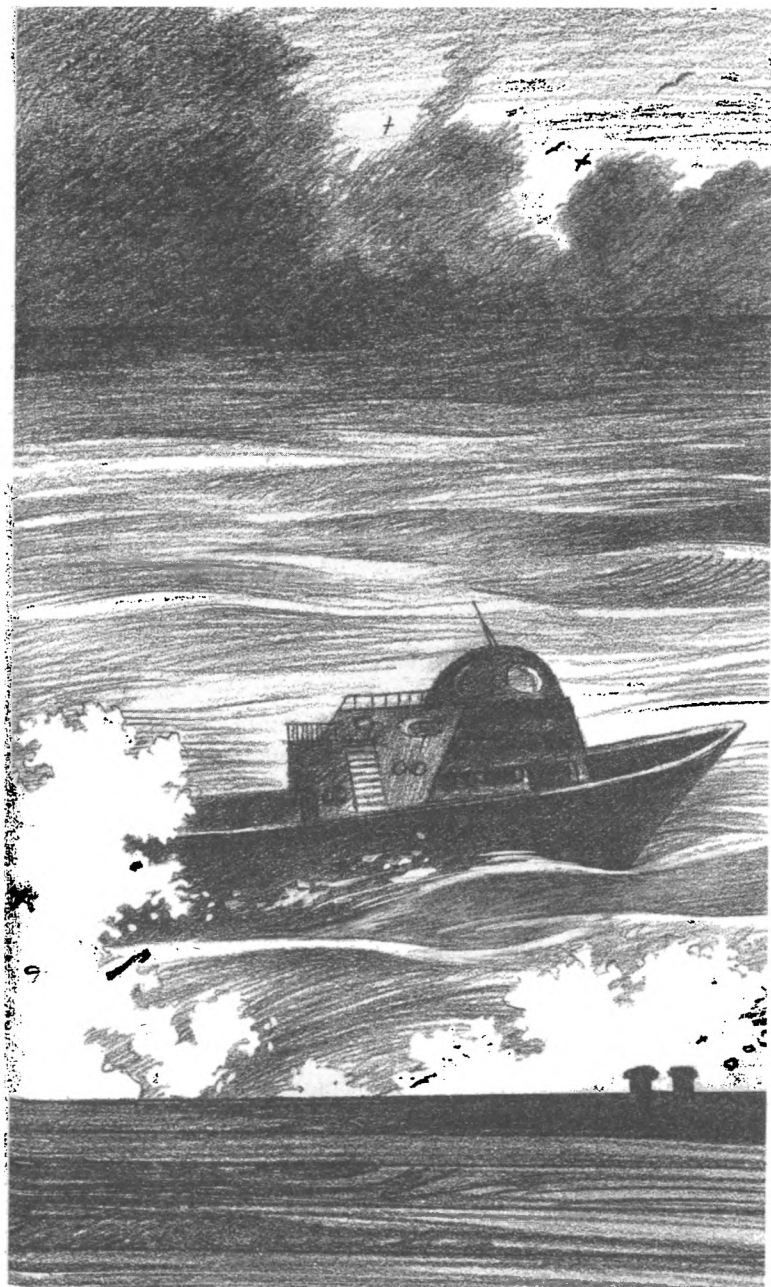
и я уже мог передвигаться самостоятельно. Подбадриваемый пинками, я выбрался на палубу.

Корабль находился в глубине небольшой, хорошо защищенной от океанских волн и ветра бухте. Причал был не длинный, значит, берег отвесно уходил вниз, и глубина в бухте была порядочная. Не швартуясь, судно прижалось бортом к причалу. Двое охранников, закутанных с ног до головы, в перчатках на руках и масках на лицах вывели меня на причал и неожиданно сильно толкнули в спину. Я не упал, но когда восстановил равновесие и обернулся, то увидел, что мои конвоиры уже перепрыгнули обратно на борт и судно, взревев моторами, стало отходить. Я остался в одиночестве.

Несколько секунд я смотрел вслед отходящему судну, раздумывая, не прыгнуть ли мне обратно. На палубе не было видно ни души, но за мной, конечно, наблюдали. Я от всей души пожелал им утонуть во время обратного пути и, почувствовав облегчение, повернулся лицом к берегу. Теперь я разглядел, что там кто-то был.

Я выпрямился и со всем возможным достоинством прошел к началу пристани. На берегу я успел еще раз оглядеться. Бухта имела небольшой пляж из крупной гальки. Он резко поднимался вверх. Дальше был виден невысокий холм, на его вершину вела утоптанная тропинка. По ней в мою сторону спускались люди. Пока они приближались, я успел как следует разглядеть их. В составе делегации было пятеро мужчин неопределенного среднего возраста. Все, кроме одного, были одеты в темные сюртуки, белые рубашки со стоячими воротничками и мешковатые темные брюки. Их головы были покрыты черными широкополыми шляпами; на ногах у всех были огромные уродливые кожаные ботинки.

Мое внимание прежде всего привлек высокий седой человек, шедший впереди делегации. Он был в полном убранстве католического священника. На груди у него болталось на цепочке большое деревянное распятие. Священник был довольно пожилым человеком, однако в его движениях проскальзывала уверенность мужчины сильного если не телом, то духом. Делегация быстро приближалась. Я остал-

ся стоять на месте, ожидая их прихода. Встречающие шли быстро, однако не бежали, как показалось мне издали. Крупный высокий священник шел быстрыми широкими шагами, но не торопился, подчеркивая важность своей должности. Он был очень высок, почти с меня ростом, его быстрая резкая походка была весьма внушительна. Его спутники, не наделенные такими физическими данными, иногда переходили с шага на мелкую рысь, чтобы не отстать от начальства. Наконец делегация спустилась с холма, и мы оказались лицом друг к другу.

Мужчины остановились в двух шагах от меня: священник впереди, остальные чуть позади него. Все, как по команде, протянули мне руки ладонями вверх. Я достаточно долго пробыл на Деметре, чтобы понять, что это значит. Ладони у всех были чистые, без намеков на шрамы. Они выжидающе молчали. Я понял, что от меня ждут того же, и понял также и то, что первый этап проверки я не пройду. Кто бы ни были эти люди, какова бы ни была их цель, мои обожженные ладони настроят их против меня.

В последний момент пришло решение. Я трижды перекрестился широким и, главное, выглядевшим привычно жестом. Рука, как известно, при этой процедуре сложена, и рубцы на ладони не видны. Затем я поклонился, опустив руки, опять же чтобы спрятать ладони, опустился на одно колено перед священником и с восторгом, близким к экстазу, поцеловал крест. При этом я поднял глаза к священнику и прошептал:

— Не судите меня строго, святой отец. Многогрешен я, но милосердие божье неисчислимо, ибо даровало встретить вас здесь, когда я уже потерял всякую надежду. Не спрашивайте меня ни о чем сейчас. Когда вы разрешите, я исповедуюсь вам как положено.

Священник посмотрел на меня сверху вниз, некоторое время размышляя. Затем таким же размашистым жестом благословил меня:

— Поднимись с колен, сын мой. Добро пожаловать в нашу общину. Ты еще сможешь оценить в полной мере, какую

милость оказал тебе наш господь. Мы отведем тебя в поселок и поможем привести себя в надлежащий вид. Затем ты придешь ко мне, и мы обо всем переговорим. Восславим господа, братья!

Все склонили головы и пробормотали короткую молитву, слов которой я не разобрал. Я думал, что мы теперь же двинемся обратно, однако священник продолжал стоять на месте и лишь удивленно оглядывался по сторонам.

— А где остальные? — растерянно спросил священник, неожиданно переходя на обычный мирской разговор.

— Остальные? — так же недоуменно переспросил я. — Я один, они выкинули меня на причал и тут же уплыли обратно. Та еще компания, доложу я вам.

Священник недоверчиво посмотрел по сторонам, как будто подозревал, что «остальные» могли где-то спрятаться. Он увидел только пустой пляж и стремительно уплывающий корабль. Тогда священник вернул взгляд обратно и пристально осмотрел меня с ног до головы, как бы пытаясь понять, что я за птица, если ради меня одного гоняли целый корабль.

— Вы не из Города. Откуда вы?

— Вы правы, святой отец, отдаю должное вашей проницательности. Я, скажем так, из мест более отдаленных.

— Неужели с другой планеты? Боже мой, я не верю своим ушам! Не обманывайте меня, это большой грех.

— Я никогда не шучу со служителями культа. Но ответьте и мне: вы исповедуете истинную христианскую веру или, как принято на этой планете, после проповеди раздаете прихожанам ткану?

Священник побледнел и собрался произнести в ответ что-то грубое. Затем все же сдержался:

— Вы здесь человек новый, поэтому я прощаю вас. Однако я вижу, что нам действительно необходимо о многом поговорить. Конечно, не здесь. Братья отведут вас в поселок. А я удалюсь к себе. Я должен вознести молитву, чтобы господь наставил меня в беседе с вами.

Священник повернулся и быстро пошел вверх по тропе. Вскоре он скрылся за поворотом. Я обменялся взглядами с

оставшимися мужчинами. После ухода священника они чувствовали себя неуверенно. Я понял, в чем дело. Мужчины с опаской косились на мои руки. Поднявшись с колен после разговора со священником, я небрежным жестом заложил руки за спину, и они никак не могли разглядеть мои ладони. А, судя по всему, это было главное, что волновало их в данную минуту. Повисла напряженная пауза.

— Добрый день, господа,— начал я непринужденным тоном.— Если вас не затруднит, то я бы хотел немного отдохнуть и отправиться на встречу с вашим святым отцом.

Мужчины замялись. Наконец один, самый старший, ответил:

— Мы рады вас видеть. Конечно, мы выполним волю отца Евлампия, но прежде всего мы хотели бы убедиться, что у вас чистые ладони. Это традиция, которая существует уже не одно поколение. Наркоманам вход на наш остров закрыт.

Остров? Меня пробрала дрожь. Но это потом. Пока надо срочно поболтать с этим чертовым священником, он, похоже, здесь главный. Количество вопросов к нему росло с каждой минутой.

— Пожалуйста, не надо меня бояться, я мирный человек. Поверьте, я не наркоман, но жертва чрезвычайных обстоятельств. Я еще сам не разобрался, что происходит, поэтому мне крайне необходимо еще раз встретиться с отцом Евлампием. Я прошу у вас помощи, вы не вправе отказать мне, братья.

Похоже, я нашел верный тон. Услышав привычные словосочетания, мужчины приободрились. А возможно, их убедил мой голос. Наркомана, регулярно принимающего ткану, кроме обожженных ладоней, выдает его неестественно высокий голос. Я же говорил нормальным низким мужским голосом. Это лучше всего подтверждало мои слова.

Мужчины наконец решились:

— Добро пожаловать в нашу общину, брат. Не волнуйтесь и ничему не удивляйтесь. Мы все прошли через это испытание, которое послал нам господь. Верьте, и у вас все получится.

— Аминь,— ответил я, чем окончательно завоевал их расположение.

Мы поднялись по тропинке. То, что я вначале принял за холм, оказалось невысоким плоским плато. Берег за моей спиной круто обрывался к воде. Первым делом я остановился и попытался осмотреть океан. Насколько хватало зрения, другой суши поблизости не было. Горизонт был чист, только виднелся все тот же корабль, на котором меня так бесцеремонно доставили на остров. За это время он успел уже прилично удалиться от берега. Один из встречавших, тот, кто стоял ближе ко мне, положил мне руку на плечо:

— Не печалься брат. На этом месте все останавливаются и смотрят назад. Смирись, отсюда нет возврата.

Я внимательно посмотрел на него:

— Откуда — отсюда?

— Ты еще ничего не знаешь. Лучше всего немного подожди, отец Евлампий расскажет все тебе сам. Это одна из его тяжелых обязанностей — встречать приезжих. А пока пойдем с нами, мы дадим тебе поесть и умыться с дороги. Потом мы отведем тебя в церковь, а сами приготовим тебе жилище. Мы еще не готовы встретить новых братьев и сестер, но одного мы разместим без труда. Пойдем, и не задавай никаких вопросов. Ты скоро все поймешь сам.

Мне оставалось только подчиниться и пойти вслед за своими новыми «братьями». Перед нами открылся поселок, освещенный невысоким осенним солнцем. Мы шли по неширокой улице, между двумя рядами одноэтажных домов. Дома были сложены из натуральных деревянных бревен, с небольшими окнами, занавешенными одинаковыми светлыми занавесками, и непременно, тоже деревянным крыльцом с двумя-тремя ступеньками.

Поселок поражал чистотой и аккуратностью. После грязи и неряшества Старого Города я не ожидал увидеть такого порядка где-нибудь на Деметре. Улица, по которой мы шли, была не единственной, от нее отходили небольшие ровные улочки с такими же домами. В конце улочек виднелись коробки недостроенных деревянных домиков. Центральная улица, по которой мы шли, как в старых американских городках, называлась Главная. В ее начале находились жилые

дома, дальше начинался участок, застроенный более крупными нежилыми помещениями. Я разглядел вывески булочника и сапожника, какие-то мастерские и согретшее мне душу здание с надписью «Салун» перед входом. Про себя я окрестил этот участок поселка — промзона. Главная улица упиралась в небольшую деревянную церковь, чисто побеленную, как и все строения поселка. Недалеко от церкви стояло еще одно большое здание. На доме виднелась надпись крупными буквами «Библиотека». Судя по утопанной земле вокруг церкви и библиотеки, оба заведения пользовались отменной популярностью у жителей поселка. Дорога, по которой мы шли, не имела асфальтового покрытия. Как и тропа, спускавшаяся к морю, это был просто слой плотно утопанной и укатанной земли. Вдоль домов были устроены деревянные настилы, которыми пользовались во время дождей.

Прохожих на улице было немного. Никто не слонялся без дела. Одеты все были так же бедно и строго — в темные сюртуки, белые рубашки со стоячими воротниками и повязанными поверх них черными галстуками. Несколько женщин, которых я успел разглядеть, были одеты в длинные ситцевые платья неяркой расцветки, а на головах носили чепцы. Детей я не заметил, видимо, в это время они были в школе. Все встреченные мной были не моложе двадцати пяти лет, а в большинстве и старше. Я заметил много стариков, они в основном сидели на крылечках. Большинство из них читали книги в бумажном переплете. Старики грелись на солнышке, негромко переговариваясь с соседями из рядом стоящих домиков. Заметив меня, они прекращали разговоры и молча провожали пристальными взглядами. За моей спиной они вновь начинали переговариваться, уже более оживленно. Я расслышал слова «новенький» и «не по расписанию».

Возле группы невысоких деревьев, на скамейках вокруг вырытого в землю стола сидела компания пожилых мужчин. Они увлеченно играли в какую-то настольную игру и, поглощенные ею, оказались единственными, кто не заметил нас. Встречные прохожие приветливо здоровались с моими провожатыми. Ко мне они проявляли повышенный интерес, но

ни о чем не спрашивали, а только молча кивали мне. Видимо, никто не хотел брать на себя ответственность и разговаривать со мной до того, как я побываю у священника.

Не доходя до «промзоны», мы свернули вправо в один из переулков. В конце его стоял пустующий стандартный домик. Мне предложили войти в него. Один из моих сопровождающих поднялся вместе со мной по крылечку. Дверь оказалась незапертой: не было ни замка, ни замочной скважины. Перехватив мой взгляд, мужчина усмехнулся и сказал:

— Привыкайте. Здесь двери не запирают.

Внутри все оказалось готово к приему нового жильца. Домик был небольшой: одна комната с широкой кроватью, деревянный стол, несколько простых стульев, комод, шкаф и несколько полочек на стенах. В углу стояла небольшая электрическая кухонная плита, над ней на полках стояла посуда и нехитрый кухонный инвентарь. Я обратил внимание, что не было ни телевизора, ни компьютера. Из средств связи был только примитивный проводной телефон, даже без экрана.

Мой провожающий показал на дверь в нише, которую я сразу не заметил.

— Здесь ванная комната. Там вы найдете все необходимое. Горячая вода без ограничений. Искупайтесь и отдохните немного. Через полчаса я принесу вам одежду.— Он осмотрел меня с ног до головы.— Думаю, что сумею найти подходящий размер. Убедительно попрошу вас переодеться в то, что я вам принесу. Тогда вы сможете отправиться к пастору. Церковь стоит в конце улицы, вы ее видели, когда мы шли сюда. Отец Евлампий будет ждать вас там.

Напоследок мужчина уточнил мой размер обуви и ушел, наконец оставив меня одного.

Церковь оказалась небольшой и очень уютной. Внутреннее убранство было очень скромным. У стены возвышалось вырезанное из дерева распятие, еще не успевшее потемнеть от времени. Перед ним стояла кафедра проповедника. Во всю длину от входа протянулось два ряда скамей. Стены были обиты некрашеными досками того же светлого дерева.

Все вместе это создавало светлую спокойную атмосферу. Она успокаивала и очищала вошедшего, как и положено церкви.

Отец Евлампий уже ждал меня. Мы не стали проходить в кабинку для исповеди, а просто расположились рядом на одной из скамей. В ожидании долгого разговора я машинально потянулся за сигаретой, но вовремя остановился, перехватив неодобрительный взгляд священника.

— Вы правы, святой отец, я слишком долго не был в церкви. Да и весь мой образ жизни нельзя назвать праведным.

— Не огорчайтесь. Все поправимо,— понимающе ответил тот.— Однако, я думаю, вас прежде всего интересует, куда вы попали.

— Я буду очень признателен, если вы объясните.

— Но сначала я должен узнать, кто вы и с какой целью вы приплыли сюда,— мягко, но настойчиво продолжал священник.— Расскажите мне о себе.

Я признал его правоту и, не вдаваясь в подробности, пересказал некоторые из последних событий, приведших меня на остров. О себе я рассказал только самый необходимый минимум. Проницательному священнику хватило скудной информации и легких намеков. Когда я закончил рассказ, он только кивнул головой и сказал:

— Ну что ж, живите с нами. Мы всегда рады новым людям.

Я не стал говорить, что не собираюсь здесь надолго задерживаться. Вместо этого я поблагодарил священника за приглашение остаться, чем, видимо, тронул старика. После этого настала его очередь рассказывать. Он неторопливо начал:

— Остров, на котором мы живем, прежде был необитаем. Наша община состоит из эмигрантов, решивших в свое время покинуть Деметру. Это, фактически, лучшие люди, оставшиеся в Городе. Правила иммиграции с Деметры очень жесткие. Претендент должен представить диплом о высшем образовании или, как минимум, закончить колледж. Для квалифицированных рабочих со стажем есть также небольшая квота.

— Откуда на Деметре могут взяться квалифицированные рабочие?

— А вы уже решили, что все население только и знает, что принимает наркотики и устраивает оргии?

— Судя по тому, что я наблюдал, у меня действительно сложилось такое мнение.

— На Деметре остались нормальные люди. Они изо всех сил пытаются устроить свою жизнь. Они работают и стремятся получить образование, так как это единственная возможность покинуть планету. На Деметре есть несколько колледжей и там очень серьезно занимаются.

— Только колледжи? Вы говорили о высшем образовании.

— Университет Деметры существует лишь на бумаге. При желании можно купить его диплом. Но это ничего не дает. Ведь эмигрантам на новом месте надо будет чем-то зарабатывать на жизнь, а не только показывать бумажку с печатями. Поэтому молодежь предпочитает получать реальные знания и учиться настоящим профессиям. Приличные семьи, даже те, кто уже получил зависимость от наркотика, мечтают, чтобы их дети улетели с Деметры. Это очень сложно. Молодежи трудно удержаться от соблазна оплаченного и узаконенного безделья. Ежедневно трудиться, ходить на занятия, когда все вокруг только и делают, что веселятся, может далеко не каждый.

— Да уж, посмотрелся я на это веселье.

— Для вас это дико. Но поставьте себя на место ребенка, который вырос в этой атмосфере. Он считает, что это нормально. Дети принимают окружающее как само собой разумеющееся, как образец, по которому и следует жить. Тех, кто действительно хочет улететь, очень мало. Тех же, кто доводит начатое до конца, вообще единицы.

Священник вздохнул, окунувшись в воспоминания. Затем быстро взял себя в руки и продолжил:

— Когда я был молод, как вы сейчас, миссия ООП вместе с городским Комитетом Общественного Спасения впервые объявили о программе иммиграции с Деметры. Желающих

оказалось много, но критерии оказались очень жесткими. Всех, кто выдержал конкурс, вы видите на этом острове. У большинства уже взрослые дети и даже внуки.

— Но почему они уплыли на этот остров? Ведь перед иммигрантами открывалась вся Галактика! Сотни развивающихся планет охотно принимают новых репатриантов. Да, конечно, на большинстве из них жизнь еще не налажена, там приходится много работать, терпеть временные неудобства. Однако это не должно было их отпугнуть. Из вашего рассказа я понял, что для отлета с Деметры подобралась именно такая компания целеустремленных молодых людей, умеющих работать и не боящихся трудностей.

— Вы помните, как оказались здесь?

— Я же рассказывал вам: мне дали сильное снотворное и привезли сюда против моего желания. До сегодняшнего дня я и не подозревал о существовании вашего острова.

— В этом все и дело. О нашей колонии не знает никто, кроме ее организаторов. Все мы оказались здесь против нашей воли. Все, кого вы видите на острове, успешно прошли профессиональные и медицинские тесты и получили разрешение на иммиграцию с Деметры. В установленный день нас собрали на космодроме и проводили в шаттл. После короткого полета мы приземлились на плохо оборудованной полосе, возле пустынной бухты. В корабль ворвались вооруженные люди. Они хватали всех за руки и выволакивали из корабля. Поднялась паника, крики, слезы. Наконец всех построили на взлетной полосе и под конвоем повели к морю. Там нас ожидал корабль. Людей затолкали в трюм и, не говоря ни слова, заперли за ними люк. Плыли мы, к счастью, недолго, часа два, не больше. Мне трудно говорить о том, что мы пережили за время плавания. Кто-то причитал, кто-то ругался, я молился. Самое страшное, что никто не мог понять, что с нами происходит. Через два часа нас высадили на этом острове. Здесь ничего не было. На берегу нас снова ждал конвой. Нас выстроили на берегу и велели молчать. Через некоторое время из-за спин охранников появился невысокий смуглый человек в костюме. Он объяснил, что ко-

лонистам придется теперь жить на этом острове. Им предстоит построить для себя поселок и постараться обустроиться на новом месте. Для этого им оставляют все необходимое.

Священник говорил долго. Как выяснилось, иммиграционная программа отнюдь не предназначалась для того, чтобы дать возможность способным и образованным молодым людям покинуть Деметру. С самого начала она была ориентирована на подготовку кадров для создаваемой колонии на отдаленном острове. К кандидатам неспроста предъявляли высокие требования. Ведь им предстояло самостоятельно основать колонию и жить там в полной изоляции. Особое внимание уделялось специалистам в области сельского хозяйства. Набирали людей с дипломами агрономов, ботаников и специалистов по органической химии. Организаторы программы с удовольствием записывали молодых людей, владеющих рабочими специальностями: строителей, механиков и вообще всех, кто умеет работать руками. Даже такие незначительные мелочи у кандидатов, как умение вязать и шить домашним способом, тщательно учитывались.

Программа была составлена очень серьезно. Психологический эффект был тщательно продуман. Разрешение на отлет с Деметры выдавалось лишь на конкурсной основе, после ряда экзаменов и собеседований. К здоровью кандидатов также предъявляли повышенные требования, все проходили строгое медицинское обследование. Все это повысило значимость программы в глазах населения и привлекло множество желающих. В результате, на острове оказалась команда здоровых целеустремленных молодых людей, обладающих всеми необходимыми знаниями и навыками для выживания.

Бежать с острова оказалось невозможно. Первое время вокруг острова курсировала лодка с вооруженной охраной, затем она исчезла. У колонистов не было ни транспорта, ни средств связи. Их полностью изолировали от остального мира. С тем же успехом они могли находиться и на другой планете. Вначале некоторые так и считали, но в скором времени убедились, что это не так.

В тот же день корабль отправился обратно. Молодые люди остались на острове одни. Они оказались в положении арестантов. Даже еще в более тяжелом. В самой плохой тюрьме заключенному полагается паек. Пусть крошечный и отвратительный на вкус, но все же ему регулярно выдают какую-то еду. У него есть крыша над головой и место, где спать.

Ничего этого у колонистов не было. На берегу их ждали лишь примитивные инструменты и минимальный запас продовольствия. Колонистам предстояла самая настоящая борьба за выживание. Им не оставили никаких синтезаторов пищи или средств централизованной доставки необходимых вещей, к которым привыкло цивилизованное общество. Не было даже генераторов электричества, не говоря уже о более современных источниках энергии.

Напряженно работая, они за месяц построили поселок, засеяли поля, оборудовали ферму для нескольких коров, которых им оставили вместе с набором инструментов. Жизнь постепенно входила в норму. Угроза смерти отошла на задний план, и колонисты постепенно начали налаживать быт. Сумели даже построить небольшую церковь.

К концу месяца к берегу снова пристал корабль. На этот раз в нем были только охранники. Они выгрузили на берег большое количество разнообразных контейнеров: от небольших ящиков, до огромных, которые снимали с корабля небольшим краном. Всех жителей под охраной вооруженных людей собрали в церкви. Там перед ними вновь выступил господин в строгом костюме. Теперь цель иммиграционной программы стала ясна полностью.

Недалеко от поселка, выстроенного колонистами на берегу, росла небольшая, искусственно высаженная роща деревьев ткани. Это была плантация наркотической ткани, высаженная за полгода до прибытия колонистов. Саженьцы прижились, и теперь колонистам следовало следить за плантацией, высаживать новые участки и, главное, собирать урожай. Для этого корабль привез некоторое количество сельскохозяйственных машин и приспособлений. Кроме механизмов, на остров

привезли оборудование для целой химической лаборатории. Колонистов снабдили руководством по выращиванию и сбору ткани. Мужчина в костюме предупредил, что это, в основном, теоретические выкладки и им предстоит проверить теорию на практике. Усмехнувшись, он добавил, что не сомневается в том, что колонисты с большим энтузиазмом возьмутся за предложенное им дело. Ведь снабжение острова будет находиться в прямой зависимости от собранного ими урожая.

В целом, это и была история острова. Со временем колонисты разобрались, как выращивать капризные деревья, научились точно определять сроки, когда плоды ткани становятся наркотическими. Отношения с Большой Землей стали более регулярными. Колонисты выращивали и собирали ткань, в обмен получали необходимые припасы.

Программа иммиграции с Деметры подтвердила свою успешность и была продолжена. Раз в год на остров привозили новое пополнение. Растерянных людей встречал, как и меня, отец Евламбий. После первых тяжелых переживаний люди постепенно успокаивались и включались в жизнь общины.

Я поблагодарил пастора, и мы расстались. Выйдя из церкви, я остановился и огляделся вокруг. Церковь стояла на небольшом возвышении, откуда открывался прекрасный вид на остров. Сразу за поселком начинался большой лиственный лес, очень похожий на обычный земной. Могучие высокие дубы начинали желтеть. Низкое предзакатное солнце освещало лес косыми лучами, придавая окружающему оттенок идеалистической пасторальной картины. Часть леса была вырублена, и на его месте желтым пятном выделялись пшеничные поля. С небольшой фермы, которую я сначала не заметил, доносилось мычание коров. Ветряк примитивной электростанции бросал мне в лицо солнечные зайчики, отражая солнце блестящими вращающимися лопастями. Я почувствовал, что я не один. Обернувшись, я увидел, что отец Евламбий стоит рядом со мной и с улыбкой наблюдает за происходящим. Я обернулся к нему:

— Скажите, пастор, и вы так и смирились с такой жизнью? Вы никогда не пытались выбраться отсюда, положить конец беспределу, творящемуся на планете?

— Я уже сказал вам, что отсюда выбраться невозможно.

— Здесь вы не правы. История показала, что не бывает неприступных крепостей. Точно так же нет и не может быть тюрем, из которых нельзя сбежать. Бывают лишь заключенные, смирившиеся со своей участью.

— Что ж, пусть будет так. Наша жизнь налажена и стабильна. У нас есть работа и время для отдыха и общения. У нас есть книги, самая богатая библиотека на всей планете. Мы знаем каждого, кто живет рядом с нами, и они нас устраивают как соседи. У маленькой общины есть свои преимущества. Среди нас нет преступников, сюда не попадают наркоманы и психопаты. Миссия ООП продолжает серьезно отбирать претендентов, и это нас полностью устраивает. По большому счету, вы — первое исключение за многие годы существования нашей колонии. Я опасаюсь перемен, которые вы в себе несете.

— И вы не хотите ничего изменить? Даже если представить возможность вернуться в общество и начать нормальную полноценную жизнь на другой планете?

— Для чего это нам? Мы привыкли. Мы хотели убежать от той обстановки, которая сложилась на Деметре. Выражаясь вашими словами, спрятаться от беспредела. В конечном счете это нам удалось. Даже если гипотетически предположить, что у нас появится возможность улететь отсюда на другую планету, мы не согласимся.

Мы замолчали. В поселке шла неторопливая повседневная жизнь. Люди шли по улице, негромко переговаривались между собой. Стайка молодых девчушек с книжками в руках выпорхнула из здания библиотеки. Сидевший неподалеку на заборе прыщавый мальчишка провожал их взглядом, полным бурливших гормонов. Вдали проехал трактор, неуклюжая древняя машина на высоких колесах с ручным управлением. В кабине сидел человек. Я не удержался и помахал ему. Тот в ответ приподнял свою широкополую шляпу и поехал дальше. Внезапно для самого себя я спросил:

— Скажите, святой отец, эти люди счастливы?

Старик помолчал немного:

— Видите ли, я не привык рассуждать такими категориями. Но могу сказать вам, что они обрели покой. В душе у этих людей мир. Если хотите, можете назвать это счастьем.

Я кивнул:

— Думаю, что я понимаю вас. В любом случае, покой не моя стихия.

— Что вы собираетесь предпринять?

Я небрежно пожал плечами:

— Что-нибудь придумаю. Мир — это не для меня.

Я еще раз пожелал Евлампию доброй ночи и отправился в единственное место, где мог привести в порядок свои мысли. Вывеску «салун» я заметил еще по пути в церковь.

ГЛАВА 19

Джейсону было очень плохо. Три дня он не вставал с постели и почти не открывал глаза. Самое ужасное, что он ничего не ел, а это для его организма было самым тяжелым симптомом. Обаятельный толстяк за эти дни похудел так, что кожа на некогда солидном животике ложилась складками. В редкие минуты он приходил в сознание, а затем снова проваливался в мир видений. Видения были однообразные и изматывающие. Иногда это была лишь легкая эротика, но большую часть времени его терзала самая отвратительная порнография. В воспаленном мозгу проносились бесконечные сцены совокуплений всех со всеми. В его воображении возникали немыслимые, отвратительные сцены. В минуты просветления он не мог понять, откуда в его памяти могло возникнуть такое чудовищное количество омерзительных картин. Затем он снова проваливался в свои сексуальные кошмары. Теперь ему снилось, что он занимается любовью с тем самым ящером, у которого они останавливались на ночь.

— Доктор, объясните мне, что с ним? Вы ведь говорили, что снять зависимость от ткани, особенно после одной-единственной дозы, достаточно просто?

— Я сам не понимаю, что происходит. Процедура освобождения от наркотической зависимости не такая уж сложная. Я сам ее разрабатывал. Обычно достаточно двух-трех дней интенсивной терапии, и пациент забывает о ткани, как о страшном сне.

— Но, доктор, Джейсон лежит у вас четвертый день, а ему все хуже и хуже?

— В этом все и дело. Что-то еще влияет на его состояние. Послушайте, вы мне рассказали все, что о нем знаете? Может быть, он постоянно принимает какие-нибудь лекарства? Я сделал ему общие анализы, но все так смазано после ткани, что если у него и есть хронические болезни, то я ничего не увидел. Понимаете, если он нуждается в постоянном приеме каких-то лекарств, а сейчас лишен их, то из-за этого состояние больного может сильно ухудшиться. Он вообще может умереть.

— Ну вы же врач, сделайте что-нибудь!

— Я пытаюсь определить его состояние. Все время ищу, нет ли у него зависимости от каких-то медицинских препаратов. Вы случайно не обратили внимания, он при вас не принимал никаких таблеток?

— При мне он регулярно принимал только виски. Ну, еще коньячком баловался. Больше ничего он, похоже, и не принимает.

— Ну об этом мне рассказала его печень. Это понятно. Но давайте еще раз пройдем тот день, когда его отравили. Вспомните подробно, что он принимал потом. Из медицинских препаратов.

— Почти сразу как ему сунули ткань, Ольга приготовила ваш нейтрализующий препарат и дала ему выпить. Ему стало легче, но дело в том, что он получил двойную дозу ткани за один прием.

— Это я тоже знаю и учел при лечении. Но мне кажется, что есть еще какой-то фактор. Больше он ничего из лекарств

не пил? Когда его привезли ко мне, он спал. Вы не давали ему снотворное?

— Но это был совершенно безобидный препарат. Ящеры пьют его стаканами.

— Ящеры?!

— Когда мы прятались в Старом Городе, я попросил у хозяина какое-нибудь легкое снотворное для Джейсона. Он был крайне возбужден, а у меня не было времени с ним возиться. Я просто усыпил его и отвез сюда.

— Идиот! Неужели вы не понимаете, что натворили? Я, кажется, знаю, что именно вы ему дали. Эта штука действительно достаточно безобидна, но в сочетании с тканой дает совершенно дикий результат. Этим пользуются старые наркоманы, совершенно опустившиеся извращенцы, которым уже недостаточно одной ткани. Вот ваш друг и мучается. Остается догадываться, какую сексуальную жуть он сейчас видит. Вы должны были сразу сказать мне об этом.

— Да я не думал, что может что-то произойти.

— Вам и не надо было думать. Достаточно просто сказать. Ну, ничего. По крайней мере, теперь я знаю, что делать.

— Доктор, он будет жить?

— Право, что за мелодрама! Сказали бы мне сразу, так обошлось бы вовсе без всяких проблем. А я-то ломал голову. Теперь все достаточно просто. У меня есть противоядие — скольких людей я уже спасал от этой дряни. Главное, что я теперь знаю, что делать. Через пару дней ваш приятель будет в норме и сможет гробить свою печень дальше любимым коньячком. Тем более что, пользуясь случаем, я ее основательно подлечил. Кстати, а он в состоянии оплатить счет?

— Вот об этом, доктор, не переживайте. Ваш пациент может не только оплатить лечение, но и купить всю вашу клинику. Причем даже не заметит изменений на своем текущем счету.

— Это радует. Тогда я ему пропишу еще курс реабилитации. Нельзя рисковать здоровьем такого пациента.

— Меня это устраивает, доктор. Чем дольше вы его продержите у себя, тем лучше.

— Но вы в самом деле можете гарантировать его кредитоспособность?

— Я знаю, что говорю. Когда он очнется, вы сами увидите. А пока я распорядился, чтобы первую неотложную помощь оплатил Комитет.

— Очень хорошо. В общем, не волнуйтесь. Теперь мы быстро поставим его на ноги.

— Э, нет... Торопиться не надо... Важно вернуть обществу полноценного человека.

— Вернем, вернем, не беспокойтесь.

— В общем, поддержите его у себя недельку-другую. Если его не устроит ваша кухня, сообщите мне, я пришлю все необходимое, включая его любимый французский коньяк.

ГЛАВА 20

На следующее утро я проснулся от шума за окном. Обычно я просыпаюсь рано, но вчера вечером я здорово перебрал. Единственным крепким напитком в салуне, кроме водянистого домашнего пива, оказался дерьмовый самогон. Я пил его как лекарство: зажмурившись, опрокидывал в себя стакан за стаканом. Мне надо было обрести утраченную связь с реальностью и успокоиться. Да и чего греха таить, зверски хотелось напиться. Что я с успехом и проделал.

Теперь у меня немилосердно болела голова. Все прочие признаки похмелья тоже были налицо. Не стану перечислять все эти малоприятные подробности. Кто знает об этом, тот меня поймет и так. А счастливицам, никогда не просыпавшимся утром в таком состоянии, не стоит портить их радужное восприятие жизни.

Проклинаю все на свете, я добрался до кухни и насильно влил в себя два больших стакана воды. Потом залез под холодный душ. В результате минут через десять я уже был в состоянии воспринимать окружающее и адекватно реагировать на внешние раздражители. Я быстро оделся и вышел на улицу.

Поселок бурлил как муравейник. На площади перед церковью собрались все жители поселка. Протиснувшись через толпу, я увидел, что в центре площади отчужденно стоят два десятка людей, коренным образом отличавшихся от островитян. Они были одеты как жители Города. Возле каждого стоял чемодан или два. Я понял, что это новоприбывшие. Их легко было отличить от поселенцев даже не по чемоданам и одежде. Главное отличие было в выражении лиц. В глазах новичков стояло невероятное удивление, смешанное с растерянностью и испугом. Я хорошо знал это чувство, я только вчера сам пережил нечто похожее.

Знал я и другое: через некоторое время эти чувства исчезнут, и их место в глазах новичков займет глубокая неизбывная тоска. Сколько времени пройдет, пока они смогут изжить ее и смириться со своим положением вечных арестантов, будет зависеть от многих причин. Жители острова и прежде всего отец Евлампий приложат максимум стараний, чтобы помочь бедолагам. Но прежде всего это будет зависеть от них самих. Самые сильные, как ни странно это звучит, в таких условиях смиряются первыми. Они быстрее умеют приспособиться к изменившейся ситуации и начать свою жизнь по-новому. Именно таких людей и отбирают психологи, проверяющие кандидатов на иммиграцию с Деметры. Психологический осмотр является неотъемлемой частью процедуры оформления вылета с Деметры. Разрешение получали именно такие сильные личности, способные справляться с изменившейся обстановкой и готовые начать жизнь с нуля. Психологи работали добросовестно, хотя и не подозревали, что на самом деле отбирают арестантов в самую подлую тюрьму из всех, о которых я слышал.

Вот и на этот раз психологи отлично справились со своей задачей. Никто из новичков не поддавался неконтролируемому всплеску эмоций, никто не вопил проклятия и не бился в истерику. Они были ошеломлены и подавлены случившимся, но даже теперь, в первые минуты пребывания на острове, старались оглядеться и понять, что следует предпринять и как жить дальше.

Внезапно среди десятков лиц, маячивших передо мной, я разглядел одно знакомое. Сердце гулко бухнуло в груди и внезапно остановилось, провалившись куда-то в район желудка. Потом вернулось обратно и бешено заколотилось, словно хотело вырваться из тесной грудной клетки. Когда я все же утихомирил его, то с удивлением обнаружил, что больше не вижу вокруг никого, кроме одного-единственного лица, одной-единственной пары глаз. И эти расширенные глаза были устремлены на меня.

Ольга! Та самая храбрая маленькая женщина, которая не испугалась помочь нам с Джейсоном после передрыгивания на улицах Старого Города. Она дала лекарство моему напарнику, помогла связаться с Элвисом. Она была готова спрятать нас у себя, хотя страшно рисковала. Женщина, мимолетная встреча с которой всколыхнула что-то во мне, но я подавил это чувство. Я был уверен, что больше никогда в жизни не увижу ее. Я вспомнил мимолетный поцелуй, которым мы обменялись при прощании, и понял, что сейчас для меня нет ничего важнее и желаннее на свете, чем эта женщина.

Ольга стояла, замерев на месте, и изумленно смотрела на меня. Я пробрался к ней вплотную и посмотрел в глаза. В них не было ничего, кроме моего отражения. Я молча протянул руку, и она вцепилась в нее маленькой, но сильной ладошкой. Свободной рукой я подхватил небольшой чемодан, стоявший возле Ольги, и вывел ее из толпы. Нам никто не мешал.

Все так же молча мы отошли в сторону и остановились в тени большого старого дуба. Я опустил чемодан на землю и повернулся лицом к Ольге. Не сговариваясь, мы потянулись друг к другу, обнялись и некоторое время просто молча стояли вот так. Голова Ольги уткнулась мне в грудь. Сверху мне была видна лишь ее макушка. Я не выдержал и положил сверху ладонь на коротко, по-мальчишески стриженную голову. В ответ она еще сильнее прижалась ко мне.

Наконец первый шок от встречи прошел. К нам вернулась способность мыслить, разговаривать и вообще действовать, как пристало нормальным людям, а не персонажам мыльной оперы.

— Как ты здесь оказался? — спросила недоумевающая Ольга.

— Как и все остальные. — Я грустно усмехнулся. И тут же поправился: — Впрочем, скорее, нет. Для меня организовали персональный транспорт. Можно считать, я прибыл по классу VIP.

Ольга не оценила мой неуклюжий юмор.

— Ты можешь мне объяснить, что происходит?

— К сожалению, да, — ответил я и замолчал. Разговор предстоял слишком долгий и тяжелый, чтобы вести его вот так, стоя на улице, под любопытными взглядами прохожих. — Знаешь что, давай пойдем ко мне, там я тебе все и расскажу. Отвечу на все твои вопросы, а заодно и напою тебя чаем. Помнишь, ты предложила мне это там, в Городе, а я убежал. Теперь я твой должник.

Ольга удивленно взглянула на меня:

— Ты и это запомнил?

Я только кивнул, подхватил чемодан и, не выпуская из руки доверчивую ладошку, повел Ольгу к себе.

Дома я накрыл на стол и сумел заставить Ольгу выпить чашку чая и даже что-то съесть. По ее виду было ясно, что это ей крайне необходимо. Она призналась, что не пила и не ела больше суток. Мое похмелье уже отступило, и я тоже с удовольствием позавтракал. Потом, налив еще чая, я начал говорить.

Мой рассказ действительно занял много времени. Ольга оказалась первой, кому я смог изложить все свои наблюдения на Деметре и сделанные мной выводы. Мне было полезно рассказывать вот так, не торопясь, собирать вместе отдельные кусочки мозаики, сопоставлять информацию и в результате окончательно формулировать выводы. Мое расследование было завершено. Преступления, когда ущерб наносился в масштабах планеты, были для меня не новостью. Однако на Деметре было нечто иное. Обычная вначале финансовая афера вылилась практически в геноцид населения целой планеты. Если вспомнить историю, то в этом тоже нет ничего нового, но, когда сталкиваешься с таким вживую, это трудно пережить.

Ольга слушала меня внимательно, периодически задавая вопросы и уточняя детали. Картина заговора против целой планеты помогла ей на время забыть о личных неприятностях.

— Я догадывалась, что все это не могло возникнуть само собой, — сказала наконец она. — Многие мои знакомые были уверены, что за всем этим стоят конкретные люди. Но то, что ты мне рассказал, превосходит все наши догадки.

— Я понимаю, — согласился я. — Даже живя в таком кошмаре, ты не могла думать о людях настолько плохо.

— Это мой известный недостаток. Наверное, пора его перебороть?

— Наверное. Только не впадай в крайность. Не все вокруг законченные подонки.

— Правда? А то после твоих рассказов и всех последних событий я, кажется, настолько разуверюсь в людях, что поверю в это.

— Нет-нет, все не так страшно. Большинство людей просто негодяи, не более того.

Ольга взглянула на меня с откровенным испугом. Я понял, что сегодня мне шутить категорически противопоказано.

— Прости, я неудачно пошутил. Давай лучше пить чай.

Мы стали пить чай. Успокоившаяся Ольга в свою очередь рассказала, как через два дня после нашей встречи ей позвонил Элвис. Он сообщил, что набирают внеочередную группу иммигрантов на Гефест и что он сумел включить ее в список. Она с радостью собрала нехитрые пожитки и бросилась на космодром. Дальнейшее было легко предсказать. Все повторилось в точности, как рассказывал мне Евламбий. Иммигрантов собрали в каком-то здании, под конвоем вооруженных бандитов доставили на остров и оставили одних.

Рассказывала Ольга, понятно, значительно более эмоционально, чем священник. Я не перебивал ее, лишь изредка понимающе кивал головой. Когда она закончила, мы вышли на улицу. В поселке была деловитая суматоха. Новички уже побывали у Евлампия, и он ввел их в курс дела. Старик знал, как надо разговаривать с новоприбывшими — они явно успокоились и сумели взять себя в руки. Оставалось решить

чисто организационные вопросы. Поскольку группа прибыла вне расписания и новые дома еще не были для них приготовлены, то решено было распределить новичков по семьям старожилов. Я посмотрел на Ольгу.

— Ольга, не поймите меня неправильно, — начал я и замялся. Неизвестно откуда взялась эта робость. Я даже перешел на «вы». — Я хочу предложить вам остановиться у меня.

Ольга согласно кивнула:

— Я тоже хотела попросить вас об этом.

— Это, конечно, только на время, — я продолжал нести чушь, почти не понимая, что говорю. — Вы не должны считать себя чем-то мне обязанной. Как только построят новые дома, вы переселитесь в свой дом.

Ольга, в отличие от меня, сохраняла спокойствие.

— Но ведь у вас только одна комната? — Она хитро прищурилась.

Я обалдел окончательно и выдал из себя совершенно гениальную фразу:

— Вам не о чем беспокоиться. Я все продумал. Сейчас тепло, и я смогу спать на веранде.

— А если пойдет дождь? — Ольга уже веселилась вовсю. — Вы же промокнете и замерзнете.

— Ничего страшного. — Мой внезапно прорезавшийся идиотизм не знал границ. — Если будет очень холодно, то я устроюсь на кухне. Она очень просторная. Уверяю вас, вы меня несколько не стесните.

— Ну, если вы обещаете спать на кухне, то я с удовольствием принимаю ваше предложение. — Ольга не выдержала и расхохоталась. Она неуловимым ласковым движением взъерошила мне волосы и скомандовала: — Пошли устраиваться.

Когда мы вошли в дом, Ольга повернулась ко мне и, все еще смеясь, объявила:

— Я буду устраиваться здесь, а ты — марш на кухню! Если, конечно, ее найдешь.

Я обалдело оглянулся и наконец понял причину Ольгиного веселья. Это было действительно забавно — я совершенно забыл, что дом состоял из одной-единственной ком-

наты, в углу которой находилась плита и кухонный шкафчик. Я так и стоял с раскрытым ртом, когда Ольга подняла руки и обняла меня за шею.

Через несколько минут она вырвалась и шмыгнула в ванную. По дороге она успела крикнуть:

— Дверь прикрой!

А еще через пять минут мы уже лежали в постели. Мое обещание спать в другой комнате и не тревожить соседку было с гневом отвергнуто обеими договаривающимися сторонами. После сцен сексуального буйства, которых я насмотрелся в Городе, мне казалось, что я никогда больше не смогу лечь в постель с женщиной. Но все оказалось проще. Встреча с Ольгой подействовала на меня как очищающий душ. Она смыла с меня всю грязь, все омерзение, накопившиеся за время моего пребывания на Деметре. Осталась только ненависть к тем, кто все это устроил. Но ненависть — это было не то чувство, которое мне необходимо было сейчас. Я вспомнил, что у людей есть одна великая тайна, которая называется любовь.

Зачем нам ткана? К чему искусственные стимуляторы, когда природа уже дала нам все необходимое? Секс с любимым человеком очищает и возвышает. Не надо придумывать ничего нового. Не надо пить лекарства и сжимать в ладонях наркотик. Достаточно просто лечь рядом с любимой женщиной. Уткнуться головой в ее волосы и почувствовать ее запах, такой родной, такой желанный. Не торопясь протянуть руку и обнять красивое нежное тело. И заскользить по волне, захлестывающей всего тебя. Не сопротивляться, а нырнуть в манящую, ласковую теплоту этой волны. Плыть по ней вначале легко, по поверхности. Затем отдаться ее воле и ждать, когда захлестнет целиком. Отдаться волне, поверить в нее, раствориться в ней и плыть, плыть. Долго, пока хватает дыхания, а потом захлебнуться в ласковой манящей глубине и не выныривать целую вечность. До тех пор пока мощный взрыв освобожденного желания не вспыхнет праздничным фейерверком и не выбросит на поверхность. И вот мы уже лежим рядом, выброшенные все той же волной на берег, едва не захлебнувшиеся, и радостно ловим ртом воздух, пытаюсь отдышаться.

Нет более радостного и блаженного мгновения, как прийти в себя после этого плавания и ощутить рядом с собой любимого человека. Знать, что она совершила путешествие вместе с тобой и испытывает такую же радость и умиротворение. А потом долго молча лежать рядом, потихоньку лаская тело любимой и чувствовать, как оно успокаивается, замирает. А можно в этот момент не останавливаться и продлить ласку, потихоньку наращивая, усиливая напор. И наблюдать, как ее тело вновь оживает, как вновь просыпается в ней желание. Кровь во мне тут же начинает набирать обороты, я снова притягиваю Ольгу к себе.

На этот раз мы уже не плывем, не погружаемся в волну. Мы стремительно несемся вниз, в пропасть. Словно парашютисты в затяжном прыжке, мы, взявшись за руки, летим в необъятной голубизне неба и падаем, падаем. Встречный ветер стремительно бьет в лицо. Кольцо, где кольцо? Надо раскрыть парашюты. Нет, милая, потерпи, еще рано. У нас один парашют на двоих, он выдержит нас, доверься ему. Но не теперь. Потерпи еще, еще. И вот он, наконец, толчок раскрывшегося парашюта, и мы уже не падаем. Мы парим в обступившей нас безмятежной тишине голубой дымки. Медленно, торжественно, не расцепляя сжатых рук, мы опускаемся на землю.

Прошло три недели с тех пор, как я попал на остров. Мы сидели на краю обрыва и смотрели на заходящее над морем солнце. Голова Ольги лежала у меня на плече, и она провокационно дышала мне в то место, где шея переходит в плечо. Знает уже мерзавка, что это моя самая эrogenная зона. На мое предложение дышать куда-нибудь в другое место, она возмущенно заявила, что она есть свободная гражданка независимой планеты и может дышать так и куда считает нужным. После такого заявления нам обоим полагалось рассмеяться. Однако слово «свободная», произнесенное вслух, внезапно отозвалось резкой болью в сердце. Ольга подняла голову и посмотрела на меня. В ее глазах были слезы.

Все то время, что мы прожили вместе, нас слишком занимало захлестнувшее обоих чувство, чтобы серьезно говорить

о будущем. Теперь, глядя в ее огромные серые глаза, я понял, что пора это сделать. Поняла это и Ольга:

— Андрей, скажи мне, мы ведь не останемся здесь навсегда?

Я отрицательно покачал головой.

— Андрюшка, родной мой, ты сильный, ты умный, ты вытащишь нас отсюда! — Это был уже не вопрос. Это скорее была какая-то мантра, некое заклинание, которое Ольга повторяла вновь и вновь, надеясь, что при длительном повторении эти слова обретут статус истины. — Мы ведь скоро уедем отсюда, правда?

Я опять молча качнул головой, на этот раз сверху вниз. Ольга тем временем продолжала:

— Я хочу родить от тебя ребенка. Представляешь, будет такой квадратный бутуз. Он будет выше и сильнее всех в классе.

— Ага, он будет лупить своих сверстников, а тебя каждую неделю будут вызывать к директору, — подхватил я. — И каждые полгода нам придется менять школу из-за резко возросшего травматизма среди учащихся.

Ольга с восторгом и откровенной завистью посмотрела на меня:

— Знаешь, меня в школе все били.

— Ты девчонка. И лупили тебя они потому, что иначе не могли высказать свою любовь.

— Ох, лучше бы меня поменьше любили.

— Да уж, оказывается, девчонкам в детстве тоже туго приходится. А я думал, что все шишки достаются только пацанам. Знаешь что, мы все-таки лучше родим девочку. Маленькую, аккуратную и очень-очень красивую. Как ты. Она будет в школе первой отличницей.

— Согласна, только при одном условии. Ты лично будешь приводить ее на занятия и встречать после школы. Тогда в любви ей станут признаваться только через записки, а не портфелем по голове.

— А давай родим сразу двойню. Девочка не даст мальчишке убегать с уроков и будет давать списывать. А он сможет защищать ее от поклонников. И все будут довольны.

— Как скажешь, Андрюшенька, хоть двойню, хоть тройню. Но только не здесь. Я не хочу быть арестанткой и тем более не допущу, чтобы мои дети родились в тюрьме, а потом жили в ней всю свою жизнь. Я не для этого прошла через ад съемной квартиры в наркоманском районе. Мою лучшую подругу превратили в наркоманку, а может быть, и вообще убили. Мужчина, которого я любила и которому безоговорочно верила, просто продал меня в рабство. За один день я потеряла все.

Голос Ольги предательски задрожал. Еще немного таких подробностей и истерики не миновать. Все, вечер воспоминаний объявляется закрытым. Я обнял Ольгу за шею и пригнул к себе ее голову.

— Ты не права. У тебя остались две вещи. Во-первых, надежда. Можно считать: даже уверенность. Я твердо обещаю тебе, что не пройдет и месяца, как мы отсюда выберемся.

Ольга подняла голову и посмотрела на меня. Я всегда поражаюсь, как она умудрилась сохранить это свое умение мгновенно менять настроение, присущее лишь маленьким детям и очень открытым натурам. На ее глазах еще блеснули слезы, но она уже хитро улыбалась:

— А что за вторая вещь, которую ты не хочешь называть?

— Э, видишь ли, тут есть один человек,— дурашливо замялся я и изобразил крайнюю степень застенчивости.— В общем, если бы мы были сейчас в шестом классе, я бы здорово влепил тебе по башке самым тяжелым учебником.

Ольга захохотала в голос, окончательно забыв о слезах.

— Ну и что мне делать с таким ухажером?

— Есть план. Ты не могла бы для начала еще немножечко подышать мне вот сюда? — предложил я голосом соблазнителя из индийского музыкального фильма. Правда, в отличие от этих сахарных болванчиков, я не ограничился словами. Вокруг никого не было, погода замечательная, а трава под нами мягкая и сухая. Все было замечательно и напоминало обычный пикник.

Через некоторое время мы все же вспомнили, где находимся. Ольга снова вернулась к теме побега с острова.

— Ну, а как ты думаешь, чем я все это время занимаюсь? — мужественным голосом сообщил я Ольге и, не дав ей ответить, тут же продолжил: — Я готовлю побег.

— И как же мы убежим? Что-то я особенно не вижу никаких приготовлений.

— Ну, видишь ли, это не такой простой вопрос, как может показаться на первый взгляд, — протянул я.

— Андрей, посмотри мне в глаза. — Ольга буквально скандовала мне это, как директор школы провинившемуся первокласснику. — Ты действительно сможешь что-нибудь предпринять? Или тебе тоже здесь понравилось? Свежий воздух, непыльная работа, женский пол под боком. И можно не дергаться, не надо ни о чем беспокоиться. Так?

— Да не так, не так! — взорвался я. — Придумаешь тоже. Ты ведь знаешь меня!

— Ну а в чем же тогда дело? Я ведь тебя знаю и вижу, что ты просто заговариваешь мне зубы. У тебя ничего не получается?

Я вздохнул. Эта маленькая женщина уже в который раз демонстрирует, что видит меня насквозь. Я выплюнул изо рта травинку, которую, оказывается, жевал на протяжении всего разговора.

— Эти чертовы пацифисты! Им, видите ли, противна сама мысль о насилии! Родились арестантами и умрут в тюрьме. Но никакого насилия, что вы, как можно!

— Ты о ком? — Ольга не столько удивилась, сколько испугалась такого неожиданного всплеска эмоций.

Я сорвал и сунул в рот очередную травинку. Видимо, мой организм решил показать свою солидарность с царящей на острове атмосферой непричинения зла и перейти на травоядение. Ольга тоже обратила внимание на мою ненормальную тягу к растительной диете. Она протянула руку и выдернула остатки недожеванной травинки.

— Перестань изображать из себя овечку и расскажи все по порядку.

Я достал из кармана сигареты и закурил. Вот, оказывается, почему я тащил в рот траву, просто давно хотелось закурить.

— Понимаешь, сначала я даже и не думал об этом. Просто каждое утро я встаю пораньше и делаю зарядку на берегу. Сначала просто разминка, растяжка. Потом полчаса на восстановление энергетики, а потом я отрабатываю боевые приемы. Как водится, мальчишки за мной подглядывали. Я не придавал этому значения, но через пару дней утром ко мне подошли с десятка молодых парней и спросили, чем это я занимаюсь. Не вдаваясь в подробности, я объяснил, что это называется «китайская гимнастика». Ребятки страшно заинтересовались и спросили, могу ли я их потренировать. На острове почему-то совершенно не занимаются спортом. Я не видел ни одной спортивной площадки, никаких даже самых примитивных тренажеров. Впоследствии отец Евлампий мне объяснил, что специально постарался, чтобы поселенцы и их дети забыли о спортивных играх. Они, мол, основаны на соперничестве и конкуренции, а ему в колонии, наоборот, нужно сотрудничество и согласие. Кроме того, спорт развивает агрессивность, а это вообще грех.

— Да, этого миротворца я тоже хорошо изучила. Ты не отвлекайся.

— Так вот, когда я увидел молодых здоровых парней, решивших заняться боевой гимнастикой, мне пришла в голову мысль. А почему бы не сколотить из них команду и напасть на охранников? Те ведь давным-давно привыкли к бараньему подчинению со стороны островитян и совершенно не готовы к внезапному нападению. Я прикинул, что если как следует все подготовить и отрепетировать, то мы с голыми руками сможем захватить корабль.

— Вот с этими тефтелями, которые зовут себя мужчинами, ты собираешься устроить восстание? — скептически спросила Ольга.

— А-а, в том-то и дело. — Я махнул рукой. — Я решил постепенно подвести их к мысли о нападении на охранников. Несколько дней я только гонял ребят по общефизической подготовке. Бегали они у меня вокруг острова, отжимались, и так далее, в том же духе. Потом я решил показать им несколько элементарных боевых приемов. И тут начался са-

мый настоящий цирк. Сначала они просто не понимали, о чем идет речь. То есть я им что-то говорю, они кивают в ответ, но я вижу, что все мои слова проходят насквозь, не задерживаясь в голове. Тогда я вызвал самого здорового, чтобы показать на практике, раз уж имитация никак до них не доходит. Поставил его перед собой и говорю: «Ударь меня!»

— И что же он? — Ольга заинтересовалась.

— Сначала не понял. Ну, это бывает с новичками, обычный комплекс, сразу начинают задавать вопросы: а как надо бить, а куда, а вдруг я попаду и сделаю тренеру больно, и прочее. А этот нет, просто стоит и хлопает глазами. Тогда я ему уже приказываю, сожми кулак и ткни мне в морду, а дальше само пойдет.

— Только не рассказывай мне, что он тебя ударил.

— Какое там! Когда он наконец понял, что от него требуют ударить человека, он весь затрясся, побледнел и чуть не свалился на песок. Я едва успел подхватить его под мышки. И вот он висит у меня на руках, рот разевается как у рыбы, которую сейчас будут чистить, и лишь что-то невразумительно мычит. Я осторожно уложил его и обернулся к остальным. Те стоят и смотрят на меня выпученными глазами, крестятся и бормочут молитвы.

Ольга кивнула:

— Представляю себе эту сцену. Бедняжечки, они, наверное, решили, что ты сам дьявол и пришел совратить их.

— Ты, как всегда, видишь всех насквозь. Именно так они и сказали. Потом подняли толстого и убежали не оглядываясь. А вечером у меня была серьезная беседа с Евлампием. Парни в слезах жаловались ему, что я «призывал их к насилию».

— Значит, нападение на охранников и захват корабля отменяется,— подвела итог Ольга.

— Но это не значит, что мы останемся здесь.

Я достал еще одну сигарету и опять закурил под неодобрительным взглядом Ольги, которая решила, что должна следить за моим здоровьем. Удивительная вещь: все женщины, с которыми я встречался больше одного раза, немедленно начинают проявлять заботу о моем здоровье. То есть пы-

таются ограничить меня в сигаретах и в выпивке, поскольку других проблем никогда не наблюдалось. Я сделал вид, что ничего не заметил, и продолжил:

— Теперь я буду действовать проще. Старая проверенная схема. Спрячусь в ящике с тканой и с комфортом уеду отсюда в грузовом трюме. Буду прятаться до последнего и выберусь из ящика только на складе, когда вокруг никого не будет. Остается только дожидаться сезона, когда будет сбор ткани.

Я глубоко затаился, досчитал до пяти, затем выдохнул и долго следил, как тает в воздухе выпущенный столб дыма. Наверное, в прошлой жизни я был драконом.

— Знаешь, что я сделаю первым делом, когда выберусь из ящика?

— Побежишь в туалет,— фыркнула Ольга.

— Фу, какая проза! Ты отобрала у меня последние остатки веры в высокие идеалы.

— Ну, тогда напьемся в честь приезда,— не унималась Ольга.

Я вздохнул:

— Ты знаешь, ведь на самом деле это очень серьезно. И дело не только в нас с тобой, тут заговор на всю планету.

— И ты собираешься бороться с целой планетой?

— Ну, во-первых, мне не привыкать, случалось уже. А во-вторых надо будет только получить показания от Ривкина.

— Думаешь, он тебе так все и расскажет?

— Просто уверен. Видишь ли, несколько лет назад, в то время, когда в миссии уже работал Ривкин, на Деметру прилетал еще один инспектор ООП, Стивен Дуглас. Ему повезло меньше, чем мне. Тело незадачливого инспектора привезли на Землю, и врачи констатировали смерть от сердечного приступа. Тяжелейший обширный инфаркт. Проще говоря, разрыв сердца. Никаких следов насилия или ядов обнаружено не было. Патологоанатом, проводивший вскрытие, отметил небольшие рубцы от ожогов на ладонях обеих рук, но не придал этому особого значения.

— Ожоги на ладонях? — переспросила Ольга. Ее игривое настроение исчезло.— Так ведь это значит...

— Вот именно. Поэтому первое, что я сделаю, выбравшись отсюда, это заташу Ривкина в тихий уголок, где нам никто не помешает, и допрошу его. Вернее, вытрясу из него абсолютно все. А чтобы он охотнее говорил, напомню, как погиб Стивен Дуглас. Я уверен, что без Ривкина там не обошлось. Это очень просто и даже не выглядит как убийство. Достаточно просто связать человека и дать ему хорошую дозу ткани. Затем остается только наблюдать, как тот сходит с ума, пытаясь найти себе сексуального партнера. Через небольшое время нереализованное сексуальное влечение произведет такую встряску в организме, что сердце не выдержит. Инфаркт, летальный исход, и никакой суд не придется.

— Андрей, ты же не станешь убивать Ривкина?

— Будь моя воля, с удовольствием просто задушил бы. Он нужен как свидетель. Но ткану он у меня попробует, тут я ничего с собой поделывать не могу.

— Андрей, это мелко. Ты собираешься отомстить ему за то, что он устроил нападение на тебя.

— Да нет. Я хочу, чтобы он понял, что чувствовал бедняга Дуглас перед смертью. И заодно пусть приобщится к великому кайфу, который сам же и насаждает в Городе. В общем, меня ждет насыщенная программа.

Я откинулся назад, закинул руки за голову и лег, разглядывая темнеющее небо.

— А потом я вернусь за тобой на большом и красивом военном крейсере. И увезу тебя на Землю.

На этом серьезный разговор окончился, и мы отправились домой. Больше к этой теме мы не возвращались. У нас было о чем поговорить и без этого. Мы болтали о разных пустяках, обменивались воспоминаниями и даже несмело строили планы на будущее. Ни я, ни Ольга пока не желали признаваться, что между нами возникло глубокое чувство, более серьезное, чем простое влечение, которое заставляет понравившихся друг другу мужчину и женщину проводить вместе ночи. Мы убеждали себя, что присматриваемся друг к другу. На самом деле мы проверяли лишь самих себя.

Где-то высоко, в том самом месте, где заключаются браки, все было уже давно решено.

Моя жизнь на острове вошла в нормальное русло. Каждое утро я вставал на рассвете и делал пробежку вокруг острова. Затем часик занимался на пляже. Тренировался я теперь в полном одиночестве. Парни обходили это место стороной, и даже дети перестали подглядывать: видимо, получили накачку от родителей и самого Евлампия. Потом я возвращался к себе и принимал душ. Когда я выходил, чистый и свежий, Ольга уже ждала меня с завтраком. Она ненавязчиво, но решительно взяла домашнее хозяйство в свои руки. Я не привык, чтобы в моем доме хозяйничала женщина, но оказалось, что это очень приятно.

Быстро позавтракав, я выходил из дома. К этому времени весь поселок уже был на ногах. Все занимались своими делами. Я тоже присоединился к работам. Меня поставили на строительство, надо было срочно достроить дома для неожиданно прибывших новичков. Пока их распределили по семьям, но это была временная мера, и мы старались как можно быстрее дать возможность новичкам переехать в собственные дома. Им и без этого хватало переживаний.

План побега я продумал до мелочей, и оставалось только дожждаться начала сезона сбора ткани. Ждать пришлось недолго. Однажды, когда я утром вернулся с пляжа, возле дома меня ждал мальчишка. Он сказал, что все собрались на площади перед церковью. Когда я пришел, там уже вовсю шла суматоха. Агрономы объявили, что на одном из участков плантации можно начинать сбор урожая. Мне выдали длинную серую хламиду, по форме более всего напоминающую костюм химической защиты, а к ней две пары толстых перчаток, очки-консервы и респиратор. Облачившись во все это, я почувствовал себя как на учениях по отражению химической атаки. На самом деле это был обычный костюм сборщика ткани.

Всех разбили на бригады и отправили в рощу собирать урожай. Сбор ткани на плантации оказался совсем не такой тяжелой работой, как могло бы показаться из названия. Из-

можденные рабы не бродили между грядок с тяжелыми мешками на плечах. Не было и надсмотрщиков в тропических шлемах и с плетками, которыми они хлестали бы по голым плечам тощих изможденных рабов, учетчики не кричали и не ругались, что кто-то не выполняет норму. Все просто и буднично. Однако, несмотря на отсутствие внешних признаков принуждения, все работали быстро, слаженно, с максимальной самоотдачей. Начинался самый ответственный период в жизни островитян.

Обычно поселок жил неторопливой провинциальной жизнью. Вставали рано, ложились тоже почти засветло, по вечерам не засиживались. Из развлечений основным было чтение книг. Библиотека на острове была и в самом деле необычайно богатой. Это была практически единственная публичная библиотека на Деметре — все прибывающие на планету с гуманитарной помощью книги не распаковывая отправляли на остров. Кроме этого, потихоньку музицировали, рисовали, лепили. Ходили друг к другу в гости, чинно пили чай с домашней выпечкой. Просто картинки из исторической книжки. Никогда не думал, что такое может быть в реальной жизни. А вот нет, увидел собственными глазами.

В салуне же, где я приходил в себя от шока в первый день пребывания на острове, наоборот, обычно было немногочисленно. Посетители пили самодельное пиво, кто-то рисковал пить самогон, который гнал сам бармен, он же владелец заведения. Лично мне хватило одного стакана, который я тогда выпил в медицинско-профилактических целях. Больше я на такой подвиг не решался и ограничивался, как и большинство посетителей, слабеньким пивом. Впрочем, неожиданно быстро выяснилось, что мне интереснее проводить вечера дома, вдвоем с Ольгой.

Два раза в год жизнь поселка резко менялась. Наступал сезон сбора ткани. Плоды ткани при созревании проходят несколько стадий. Наркотик в плодах накапливается во время созревания постепенно, а затем происходит взрывное изменение всего химического состава плода и он становится наркотическим. Этот период длится всего три дня, после

чего образовавшийся наркотик начинает разлагаться и превращается в несильный, но плохо выводимый из организма яд. Секрет правильного сбора наркотической ткани состоит в том, чтобы сорвать плоды с дерева именно в тот момент, когда концентрация наркотика в них достигает максимальной величины. В сорванных плодах процесс разложения наркотика не происходит. Искусство сборщиков состоит в том, чтобы правильно определить момент, когда необходимо снять плоды с дерева. Тканя, снятая раньше нужного срока, не имеет никакой ценности, а снятая позже опасна для жизни. И в том и в другом случае урожай считался негодным и колонию ждали серьезные неприятности. Поэтому в сезон сбора урожая все жители поселка работали как сумасшедшие, стараясь запастись как можно больше созревших плодов.

По внешнему виду плодов ткани практически невозможно определить, в какой стадии созревания они находятся. Для определения наличия и концентрации наркотика требуются специальные лабораторные исследования. На острове для этого выстроена прекрасно оснащенная лаборатория. Эта лаборатория — единственное место, снабжение которого производилось без ограничений. На остров регулярно доставляли все, затребованное ее заведующим. Агрономам приходилось регулярно посещать разные концы плантации и следить за ходом созревания плодов. В сезон сбора они ежедневно брали на анализ плоды с разных участков и допоздна сидели в лаборатории, колдуя над реактивами, глядя в микроскопы и читая распечатки автоматических анализаторов. В их работе всегда присутствовала некоторая неточность. Методика не совершенна, и часто им приходится полагаться лишь на интуицию — желающих лично испытать действие плодов на острове не водилось.

Плантация раскинулась на большой площади. Деревья росли отдельными небольшими рощами на наиболее сухих участках острова. Между ними, как и всюду на Деметре, булькали и дымились болота. Сбор урожая при таком разбросе деревьев имел свою специфику. Плоды на растущих рядом деревьях развивались по времени одинаково. Но на

разных участках плантации сроки созревания различались на одну-две недели. Это облегчало работу сборщикам, так как рабочих рук не хватало, а при таком режиме можно очищать плантацию частями, сосредоточившись то на одной, то на другой группе деревьев. Каждое утро в сезон сбора урожая агрономы сообщали, какая роща созрела для сбора, и отправляли туда сборщиков. А сами спешили на другие участки за новыми образцами для анализов.

Ткану собирают вручную. Возможно, этот процесс можно и механизировать, однако на Деметре явно предпочитают ручной труд. В этом я убедился еще на руднике, наблюдая за ящерами-рабочими. Здесь я увидел ту же картину. Единственная механизация — это небольшие электрические тележки на резиновых гусеницах. На них грузят большие длинные, в рост человека, деревянные ящики и возят от дерева к дереву. Кроме этого, на тележках смонтированы небольшие выдвижные платформы, которые поднимают сборщиков к верхним веткам. Вот и вся механизация.

Каждый сорванный ярко-синий плод заворачивают в свежие листья, срезанные с того же дерева. Полученные свертки аккуратно укладывают слоями в ящики. На этом процесс сборки и складирования завершился. В таком виде ткану может храниться несколько лет без потери своих наркотических свойств. По размерам ящик напоминает небольшой гробик, в котором при необходимости с трудом можно разместить человека, даже такого крупного мужчину, как я. В одном из этих ящиков я и собирался отплыть с острова.

Сбор и заготовка урожая — главный смысл существования поселка. От выполнения плана зависит благополучие да и сама жизнь жителей. Несмотря на подсобное хозяйство, поселок не в состоянии обеспечивать себя всем необходимым. Припасы на остров доставляют два раза в год, в обмен на выращенную ткану. Их привозят на корабле хмурые неразговорчивые люди, вооруженные полицейскими дубинками и электрошокерами. У многих на поясе висят бластеры военного образца. Эти люди не расположены вступать в дискуссии с островитянами. Они выстраиваются перед кораб-

лем, пока снабженцы подсчитывают и грузят на борт деревянные ящики с заготовленной тканой.

Затем те же снабженцы, исходя из только им одним известных расчетов, выгружают на берег контейнеры с припасами. Потом снабженцы исчезают внутри корабля. Последними поднимаются на борт вооруженные охранники. Они внимательно следят за тем, чтобы на корабль не проник заяц. Вся процедура занимает несколько часов и происходит при напряженном молчании обеих сторон. После этого в поселке еще несколько дней все заняты распаковкой и складированием запасов. После чего наступает период затишья.

Именно в такой период я и попал на остров. Деревья тканы не требовали особого ухода. В периоды между сбором плодов жители в основном занимались необходимыми текущими работами в самом поселке. Однако с того момента, когда агрономы объявили, что плоды первой группы деревьев созрели, на острове начался аврал. Все вставали с рассветом и работали, пока можно было различать ярко-синие плоды, резко выделявшиеся на фоне темной листвы даже в сумерках. Потом наскоро ели и без ног от усталости валились в постель. Наутро все начиналось снова. Я понял, что слишком рано порадовался отсутствию надсмотрщиков на плантации. Страх остаться без необходимых припасов на зиму подгонял людей лучше всякой плетки. Я не знаю, как работали негры на печально знаменитых хлопковых полях, но вряд ли наш труд на плантациях сильно отличался. Даже я к вечеру безумно уставал. А ведь надо было еще позаботиться о побеге.

ГЛАВА 21

Я проснулся оттого, что громко чихнул. Этого мне никак нельзя было делать, я мог привлечь внимание охраны. Я прислушался. Вокруг пока было тихо. Я лежал лицом вниз, вытянувшись во весь рост на плохо пригнанных, не струганных досках длинного узкого ящика, сильно сжимающего

на гроб. Успокаивала только поза: все-таки покойников укладывают лицом вверх.

Впрочем, изначально я так и устроился. Однако после бесконечных переносок и перестановок ящика с место на место я оказался в нем кверху задом. Поза крайне неудобная, если вам предстоит провести в ней много часов. Я же, судя по всему, лежал так почти сутки. Но жаловаться было грех. Если опустить описанные неудобства, мой побег с острова прошел как по маслу. Судя по тишине и отсутствию качки, плавание закончилось, и я был в Городе. Груз уже доставили на какой-то склад.

В последний день уборочной страды ящики с тканой снесли вниз на пляж, поближе к причалу. Работа была завершена. Все облегченно вздохнули. Урожай был хороший, уравились быстро, никаких проблем с получением заказанных товаров с большой Земли не предвиделось. Вечером, по традиции, в поселке должен был состояться праздник, и все поспешили подняться обратно, чтобы отдохнуть, приготовить-ся и привести себя в порядок. Мы с Ольгой остались на пляже вдвоем. Заранее приготовленными инструментами я вскрыл один из ящиков, стоявший сверху примерно в середине штабеля. Ткану из него мы вынули и закопали в песок неподалеку. Поцеловав на прощание Ольгу, я забрался в ящик. Ольга то смеялась, то плача снова заколотила крышку. Ночь я провел в ящике на берегу, а утром меня вместе с остальным урожаем погрузили в трюм корабля. Тогда же и произошла эта досадная неприятность, когда ящик развернули крышкой вниз. В корабле от нечего делать я опять уснул. Самый подходящий способ убить время, когда все равно нечего делать. За время сбора ткани и подготовки побега я так вымотался, что смог бы уснуть и в более неудобном положении. Я просто улегся поудобнее, ну, насколько это получилось в тесном ящике, расслабил все мышцы и приказал организму спать. Тот с удовольствием подчинился.

И вот теперь я таким странным образом проснулся. Мой нос упирался в пыльную тонкую доску. Откуда взялась пыль, я мог только догадываться. Видимо, ящик стоял в

самом низу штабеля, на пыльном бетонном полу. Но сейчас мне было не до логических умозаключений. Мне опять отчаянно захотелось чихнуть. Дотянуться до носа рукой и почесать переносицу или на худой конец просто крепко зажать его и тихо чихнуть как бы в себя я не мог. Шуметь в моем положении, пока я не определился, где я и есть ли вокруг охрана, мне было категорически противопоказано. Я решил терпеть до последнего — а вдруг само пройдет. Но, несмотря на все принимаемые усилия, желание чихнуть не проходило. Я глубоко вздохнул и на целую минуту задержал дыхание. Это ничем не помогло, только ухудшило мое состояние. Тогда я решил, наоборот, дышать почаще. Потребность чихнуть стала просто нестерпимой. В носу ожесточенно засвербело, и, казалось, уже не было сил терпеть эту пытку. Тогда я решился на последнее отчаянное средство и почесал нос о доску, в которую он упирался. Дело кончилось тем, что в самое чувствительное место моего многострадального носа вонзилась заноза. Человек с менее слабой нервной системой на моем месте завыл бы в голос. Я лишь тихонько ругнулся, впрочем, достаточно невнятно.

Зато я чихнул. С этим я уже не мог ничего поделать. Я чихнул раз, другой, третий. Я чихал не останавливаясь, с азартом, страстно, получая от этого неизмеримое наслаждение. В эти сладкие мгновения я не думал ни о чем, я был беззащитен и беспомощен как ребенок. Меня сейчас мог бы арестовать даже бывший курсант провинциального полицейского училища, выставленный из него за неуспевание по всем предметам и общий идиотизм. Я думал лишь об одном: ну, еще разик, ну, еще разочек. Вдох, выстрел, опять лихорадочный вдох и снова выстрел носом.

Наконец эта вакханалия закончилась. Я измученно опустил голову и приготовился к самому худшему. Утешала меня одна мысль — если сейчас меня придут арестовывать, то я смогу подраться, не отвлекаясь на мелочи. Чихать в ближайшие пару лет я больше не собирался. Выполнил норму.

Я замер и прислушался. Вдали послышались шаги. Кто-то негромко переговаривался. Один из говоривших был еще

совсем молодой паренек-охранник. Второй голос принадлежал более взрослому и серьезному человеку, видимо, его начальнику. Молодой парень нервничал и рвался в бой, в то время как старший был настроен более скептически.

— Говорю вам, я слышал, как кто-то чихнул.

— Да ты гонишь, парень. Кто здесь чихать будет? Нет здесь никого. Вот, смотри.

Сквозь неплотно пригнанные доски моего ящика проник неяркий свет.

— Ну вот, сам убедись, пусто здесь.

— А может, он за ящиками спрятался? Давайте там посмотрим.

— Ага,— хохотнул второй голос.— Ты еще внутри посмотри. Вдруг он в ящике живет. Жрет ткану и пугает новичков-охранников чихом.

— А вы не смейтесь. Смотрите, какие они огромные, запросто можно спрятаться.

Я напрягся. Похоже, не миновать хорошей потасовки. Я попытался пошевелить руками и ногами. Черт, все затекло от долгого лежания в неудобной позе. Повяжут меня, ох, повяжут.

Голоса между тем затихли. Я услышал, как кто-то сопя стал двигать по полу тяжеленные ящики. Внезапно внутри моего убежища стало значительно светлее. Я понял, что охранники отодвинули стоявший рядом штабель.

— Да брось ты, какая муха тебя укусила? Чего ты горба-тишься? Тебя что, нанимали искать воров внутри склада?

Возня прекратилась. Младший из охранников недоуменно ответил:

— Так ведь действительно нанимали охранять склад!

Начальник охраны был ленивый и опытный в своем деле человек:

— Дурья ты башка! Твоя обязанность следить, чтобы никто не проник на склад и не вынес ткану. Вот и отвечай, ты видел, что кто-то залез внутрь?

— Нет,— нерешительно ответил младший.

— А замки снаружи целы? — продолжал давить второй.

— Да вроде целы. Я их открыл своим ключом.

— Так чего же ты дергаешься? Людей от отдыха отрываешь?

— Так ведь я почему вызвал вас? Чихал там кто-то, внутри, на складе.

— Ну вот, опять ты со своим чихом. Померещилось тебе со скуки, вот и все.

— Не думаю. Я очень ясно слышал.

— Ладно, давай проверим. Сколько раз он чихнул, этот твой взломщик?

— Раз десять, не меньше. Я даже начал считать, но потом сбился со счета.

Второй голос покровительственно хмыкнул:

— Ну вот ты, дурачок, и попался. Думал, что чем больше чихов скажешь, тем лучше? Парень-парень, зеленый ты еще. Запомни, больше трех раз подряд человек чихнуть не может. Это я тебе говорю. Так что гонишь ты, парень, со скуки.

Молодой голос что-то протестующе проворчал про себя, но открыто протестовать не стал.

— Ладно, наверное, и вправду померещилось.

— Вот-вот. Мне недавно шепнули, что ты, парень, ткану по вечерам какими-то таблетками заедаешь. Это не дело. Ты поосторожнее будь, а то еще и не такие приходы начнутся.

Голоса удалились. Внезапно свет снова пропал, и я услышал, как гулко хлопнула закрывшаяся дверь. Я выждал еще пару минут и принялся действовать. Я попытался локтем выставить одну дощечку в боковой поверхности ящика, с той стороны, откуда падал свет. Планка поддалась и с негромким стуком упала на пол. В ящик проник свежий воздух. Только теперь я понял, насколько удушливой была атмосфера в моем временном гробике. Ну, теперь это было уже неважно.

Поднатужившись, я выдавил оставшиеся боковые дощечки и выкатился из ящика. Правильнее было бы сказать — вывалился. Ящик, в котором я прятался, оказался вовсе не самым нижним в штабеле. Под ним находилось еще два, если не три, таких же.

Я шлепнулся на пол, как мешок с цементом, издав при этом странный чмокающий звук. Несколько минут я непод-

вижно лежал, чувствуя лишь огненные иголки, вонзившиеся в мои затекшие конечности. Понемногу кровообращение восстановилось, и я смог подняться и оглядеться.

Как выяснилось, чихал я не зря. Мой ящик лежал в самой середине большого штабеля. Самостоятельно выбраться из него было бы невозможно: со всех сторон его окружали плотно составленные ряды таких же тяжелых ящиков. Меня выручил, не подозревая, тот самый молодой охранник. Это он в порыве служебного рвения раздвинул ящики, освободив мне место для маневра. У англичан есть примета, что чихать с утра — к удаче. Причем чем больше чихнешь, тем больше повезет. Вот я и начихал себе такую пруху. Отлично, будем надеяться, что дальше будет не хуже.

Дальше действительно все пошло отлично. Здание склада было приспособлено для того, чтобы воры не могли в него забраться. О том, чтобы из него нельзя было незаметно выбраться, архитекторы не позаботились. Вентиляционная система радостно пропустила меня, и через пару минут я уже вышел из шахты на плоской крыше склада.

Я осмотрелся. Вокруг и в самом деле было раннее утро. Здание было огорожено высокой бетонной стеной, по периметру которой была протянута колючая проволока. Во дворе не было ни души. Одного взгляда на забор мне хватило, чтобы понять — без специальных средств мне его не одолеть. Значит, уходить придется через главный вход.

Я глянул вниз и увидел молодого парня в кожаной куртке, который со скучающим видом топтался возле двери. Это, видимо, был тот самый охранник, который услышал мой чих. Парень близко к сердцу принял наставления своего начальника. Он демонстративно повернулся спиной к складу и смотрел только по сторонам. Я осторожно подошел к краю крыши и, примерившись, спрыгнул. Я мягко приземлился прямо на плечи ничего не подозревавшего парня. Мы вместе повалились на землю, а когда он наконец сообразил, в чем дело, то уже лежал лицом вниз, с заломленными за спину руками. Держал я его одной рукой, а вторая нащупала и вытащила из внутреннего кармана куртки бластер военного

образца, точно такой же, которыми были вооружены все кожаные куртки на острове.

Громко щелкнув для убедительности предохранителем, я отпустил руки охранника и поднялся на ноги. Пицком ноги я перевернул парня на спину и жестом показал, чтобы тот поднимался. Парень был и в самом деле очень молод, но достаточно опытен в таких делах, чтобы молчать. А может быть, просто так перепугался, что не мог даже закричать. Так или иначе, он молчал, что мне и требовалось.

— Привет,— сказал я, не сводя с него дуло бластера.— Ключи от выхода у тебя?

Парень судорожно кивнул.

— Ну, вот и отлично. Сейчас ты потихоньку выпустишь меня отсюда, потом запрешь за мной дверь и вернешься на пост. Если хочешь остаться в живых, то после этого ты напроць забудешь, что вообще видел меня. Неприятностей у тебя не будет: наружные замки целы, ты никого внутрь не пропускал. А насчет того, чтобы выпустить случайного прохожего, в твоих инструкциях ничего не написано.

Парень обалдело уставился на меня. Потом он потихоньку начал что-то понимать:

— Так это вы там чихали?

— Ну что ты, парень,— развеселился я.— Тебе же объяснили, что человек так чихать не может. Считай, что я просто привидение.

С чувством юмора у парня было совсем плохо.

— П-п-привидение? — переспросил он, заикаясь от ужаса.

— Ну да, маленькое привидение из Вазастана,— продолжал веселиться я.— Только сегодня я забыл дома свой моторчик и могу летать только сверху вниз. Поэтому, будь любезен, проводи меня к выходу и выпусти наружу.

Парень настолько обалдел от моего неожиданного появления, что не стал больше ничего спрашивать, а послушно отвел меня к большим воротам. Он достал из кармана ключи и открыл небольшую калитку.

— Ну все, привет, я пошел,— сказал я, исчезая за воротами.— Только начальнику ничего не рассказывай. А то он не поймет.

Парень начал меланхолично запирать ворота, потом что-то вспомнил и протянул руку.

— Б-б-бла... — начал было он.

— Ах, бластер! Прости, его я оставлю себе. Если спросят, скажи, что потерял. Или сломал,— добавил я, подумав.

Впрочем, парень все равно не мог меня услышать. Едва выйдя за ворота, я припустил бежать изо всех сил. Вокруг по-прежнему не было ни души. Я бежал по улице с одной мыслью: оказаться подальше от склада. Вокруг меня располагался заброшенный промышленный район. Большинство зданий были пусты и полуразрушены. В свое время в них находились какие-то склады или мастерские. Сейчас здесь можно было снимать фильм о нашествии марсиан.

Не останавливаясь, я несея дальше. Через десять минут ровной рыси пейзаж изменился. Вокруг появились жилые дома, по тротуарам ходили прохожие, на дороге началось редкое движение. Я перешел на обычный шаг, стараясь ничем не выделяться. Через несколько минут мимо меня, воняя бензином и гремя разбитыми амортизаторами, проехало такси. Я свистнул и замахал руками. Такси остановилось. Я запрыгнул на сиденье и скомандовал: «Вперед и побыстрее!»

Таксист подозрительно следил за мной в зеркальце, пока я усаживался. А получив такое указание, обернулся:

— Эй, мистер, здесь не гангстерский боевик. Я порядочный человек, и если вы думаете, что...

Что именно я думаю, узнать мне так и не довелось. Я протянул водителю несколько светло-зеленых бумажек, и он сразу изменил свое мнение обо мне.

— Так вы говорите прямо ехать, да? — невозмутимо спросил он, спрятав деньги и со скрежетом переключая скорость.

— Прямо и как можно быстрее,— уточнил я.— А потом выезжай на шоссе и гони в миссию ООП. На месте рассчитаемся окончательно.

Мысль о том, что ему заплатят еще, придала меланхоличному водителю дополнительную энергию. Скрипя тормозами и едва не задевая стены домов на поворотах, такси выскочило из Города и понеслось по шоссе. Через полчаса мы подъехали

к фактории ООП. Я попросил водителя остановиться прямо на обочине и дальше пошел пешком. Осторожно заглянув в проем арки, стоявшей на въезде на территорию миссии, я увидел дежуривших у входа двух полицейских.

Я отпрянул назад и замер, прислонившись спиной к бетонной стене ограждения. Что-то было не так. Когда я был здесь в прошлый раз, полицейских на входе не было. Я это помнил отчетливо, поэтому их фигуры так бросились мне в глаза. Я перевел дыхание. Не может быть, чтобы меня до сих пор разыскивали. Элвис наверняка сообщил Ривкину, что я надежно упрятан на островной плантации. Или мой побег уже обнаружен? Ну, это вряд ли. Парень-охранник на складе наверняка промолчит о случившемся. Знаю я подобных типов. Ему лишь бы отдежурить смену, принять наркотики и балдеть в свое удовольствие. Он небось уже и не помнит обо мне.

Тогда что же? Обнаружили мое исчезновение на острове? Вероятность еще меньше. Вместе со мной с острова отплыла и вся охрана. А островитяне только будут рады, что избавились от меня. Им бузотеры ни к чему.

Я на минуту задумался. Что-то было странное в самих полицейских. Внезапно я сообразил, почему их фигуры так бросились мне в глаза. Форма! На них была стандартная форма Интерпола. Вот оно что! Тогда не стоит прятаться. Наоборот. Независимо от того, с какой целью они здесь находятся, мне срочно нужно, чтобы они меня арестовали. А там уже разберемся. Пусть только отведут меня на свой корабль. В каталажке Интерполовского крейсера я буду в большей безопасности, чем где бы то ни было на этой планете.

Медленно, стараясь как можно больше шуметь, я вошел в арку. Полицейские, как по команде, обернулись ко мне. Я остановился прямо перед ними и, улыбаясь до ушей, поднял руки вверх. Немолодые полицейские служили не первый год, но ручаюсь, что такого жизнерадостного преступника, пришедшего добровольно сдаваться, они еще не встречали.

— Привет, — сообщил я им. — Власти этой планеты разыскивают меня за серьезное преступление, правда, я не знаю,

за какое именно. Поэтому у меня к вам просьба, ребята. Я добровольно сдаюсь, а вы за это отправляете меня на свой корабль. Там я дам показания следователю Интерпола. Все чинно-благородно, только не отдавайте меня местной полиции. Договорились?

Пока я выдавал это заявление, полицейские пришли в себя. Они переглянулись и понимающе усмехнулись. До чего же приятно иметь дело с нормальными людьми.

— А как тебя зовут, великий преступник? — спросил один из них, доставая наручники и готовясь застегнуть их на моих запястьях.

— Андрей Карачаев, Земля, Организация, — представился я по всей форме.

Уж эти должны знать, что я имею в виду. Парни действительно знали мое место работы. Более того, мое имя тоже оказалось им знакомо. Тот, который обратился ко мне, широко улыбнулся мне и спрятал наручники:

— Ну, наконец-то мы вас нашли. Вас действительно почти сутки разыскивают по всей планете. Правда, Интерпол, а не местные власти, — сообщил он.

После этого события развивались с калейдоскопической быстротой. Спустя минуту я уже неся в полицейском броневике по шоссе в направлении космопорта. Мы миновали Старый Город с его полуразрушенными и облупившимися зданиями. Справа от нас промелькнули полузатопленные тропинки и невысокие приземистые постройки Нового Города. В этом месте нас ожидали еще две машины. Это были группы, которые искали меня в обеих частях Города. Кавалькадой из трех бронированных полицейских машин мы въехали в космопорт.

На борту крейсера я впервые за все время с момента ареста на «Северной Звезде» почувствовал себя в безопасности. Первым делом я попросил дать мне возможность привести себя в порядок. Все же суточное пребывание в наглухо законченном тесном ящике не лучший способ выглядеть презентабельно. Меня сунули в ванну, переодели и накормили. Только что спасти не уложили, а вместо этого взяли под

белы рученьки и проводили к медикам. Там меня засунули в автоматический диагност, который очень долго меня изучал, пытаюсь найти хоть какие-нибудь отклонения от нормы. Затем с обиженным ворчанием он меня отпустил. Живым корабельным медикам, кажется, я тоже не понравился. По-своему они правы. Я находка для страховой медицинской кассы. Но врач, получающий гонорар за каждый прием больного, с такими пациентами, как я, станет банкротом за пару месяцев.

— И учтите, Карачаев,— мстительно крикнула мне вслед молоденькая докторша из лаборатории.— Мы взяли посев, ответ будет только через неделю. Все это время вы будете считаться на карантине.

Я высокомерно посмотрел на докторшу, скомандовал себе «господа гусары, молчать!» и, мужественно подняв подбородок, прошествовал мимо незадачливой хранительницы древних медицинских ритуалов.

Наконец я очутился в каюте капитана. Им оказался мой старый знакомый, капитан Вацлав Грубек. Когда-то мы вместе провели с ним целый месяц на курсах переподготовки в Старой Праге и сохранили об этом времени чудесные воспоминания. А это сближает.

Судя по запахам, витавшим в каюте, капитан ждал меня и основательно приготовился к встрече. На столе стоял закрытый глиняный кувшин, а рядом с ним высокие, тоже глиняные кружки с закрывающимися крышечками. Капитан Вацлав славился на весь флот своим непревзойденным умением готовить глентвейн. Об этом напитке ходили легенды. Попробовать его творение мечтали многие, но осуществить мечты на практике удавалось редким счастливым. «Я не пью с кем попало»,— говаривал капитан Грубек. А уж глентвейн он готовил только для особо избранных гостей. Лично мне уже доводилось пить этот божественный напиток и на тех самых курсах в Праге, и позже, когда я бывал у него в гостях. Услышав знакомый аромат, я демонстративно повел носом, зажмурился и покачал головой от предвкушения не земного удовольствия.

— Ну, здравствуй, пропащий,— приветствовал меня Грубек, вставая с кресла.

Мы обнялись, и он указал мне на кресло напротив. Не говоря больше ни слова, он наполнил кружки глинтвейном. Мы приветственно подняли стаканы и сделали по основательному глотку.

— Так где ты прятался? Я послал за тобой катер на остров, а там моим ребятам сообщили, что тебя уже сутки как след простыл. Тогда я отправил патрули в Город и в фабрику. Слава богу, они тебя там и нашли.

— Ну, это еще вопрос, кто кого нашел,— буркнул я.— Ты мне лучше ответь: как вы здесь оказались?

— По твоему же вызову. Макар Иванович нас поднял по тревоге, как только получил по гиперу твое сообщение. Мы находились в этом секторе и добрались до Деметры всего за день. А тебя и след простыл.

— Ну, за месяц любой след остынет.

— Месяц? — переспросил Вацлав.

— Да, примерно. А что, дорогой Макар Иванович не ввел тебя в курс дела?

— Станет барин с извозчиком объясняться,— обиженно ответил капитан Грубек.

Мой шеф не делает различий между полевым агентом и капитаном боевого крейсера. С высоты его должности, помноженной на высочайшее самомнение, мы все для него просто рядовые, которым надо отдавать лишь короткие и простые приказы. Подробное объяснение ситуации подчиненному, по словам самого шефа, уменьшает степень его восприимчивости в новой обстановке, тормозит реакцию и снижает способность к самостоятельным действиям в критической ситуации. Другими словами, тактика нашего шефа проста до крайностей. Он уверен, что ему достаточно выбрать наиболее подходящую кандидатуру, вкратце наметить на задание и отправить своего сотрудника к черту на рога или к дракону в пасть. Пусть у человека и будет недостаточно информации, зато он сможет смотреть на ситуацию с незашоренными глазами и мыслить непредвзято.

Шеф никогда не страдал излишним человеколюбием. Да уж, нашел я словечко. Когда я случайно произнес при Макаре Ивановиче это самое слово — человеколюбие, — тот послал меня в библиотеку за словарем. Он заставил найти там это слово и минут десять с большим изумлением читал и перечитывал объяснение. Затем захлопнул книгу, пожал плечами и заявил, что это скучно и он, пожалуй, этого делать не станет.

— Но почему все-таки так поздно? Гиперграмму послал человек Элвиса? Он ведь должен был это сделать сразу, как я ему дал записку. А он держал ее при себе целый месяц. А если бы я сдох там, на плантациях?

Капитан молчал и, хотя явно мне сочувствовал, постарался перейти на деловой служебный тон:

— Вот что, Андрей. Я здесь уже двадцать четыре часа, и единственный положительный результат моего пребывания здесь — это поимка собственного полевого агента.

— Который, к тому же, сам пришел с повинной, — улыбаясь, подхватил я.

— Я знал, что ты поймешь, — поддержал меня капитан. — Ты должен меня понять, на Земле начальство ждет моего рапорта. Шеф и так весь извелся, когда ты пропал.

— Только не говори мне, что у Макара Ивановича вдруг прорезалась совесть. Наверное, он просто съел что-то несвежее.

— Я всегда знал, что ты циник. Между прочим, когда прошел слух, что ты улетел на Гефест на шаттле вместе с иммигрантами, шеф предложил отправить крейсер на Гефест и трясти этот демократический бордель до тех пор, пока остатки мозгов у их так называемых министров не встанут на место, а из кошельков вывалятся и исчезнут все взятки, которые они берут.

Я недоверчиво скривился:

— Ты хочешь сказать, что шеф умеет разговаривать так мягко и интеллигентно? Никогда не поверю. В церковно-приходской школе, которую он окончил, разговаривали более простым и понятным языком. Десятка-другого универсаль-

ных слов, которыми пользуются во время работы нефтяники и строители, ему всегда хватало за глаза.

— И все же, Андрей, давай перейдем к делу. Сейчас я включу запись, и ты расскажешь, что тебе удалось обнаружить и почему ты вызвал сюда крейсер Интерпола.

Говоря это, Вацлав делал мне странные знаки, как будто предлагал обернуться и посмотреть назад. Я повернул голову и замер. Аппарат гиперсвязи уже был включен, и с экрана на меня смотрела круглая голова шефа. Это, по большому счету, не было неожиданностью. Я был обязан доложить шефу и подозревал, что если не сейчас, то через пять минут мне все равно придется с ним увидеться. Другое дело, что сплетничать подобным образом о начальстве за его спиной это — одно, а говорить то же самое практически ему в лицо — это уже совсем другое дело. Я с откровенным испугом взглянул в глаза шефу и увидел, что тот весело улыбается. Давно я не видел его таким. Неужели искренне рад, что я нашелся? Или доволен, что наконец раздобыл на меня компромат?

Я не стал составлять версий и сооружать далеко идущие выводы. Вместо этого я молча уставился на экран. Шеф не заставил себя ждать:

— Так, говоришь — церковно-приходская школа?

— Макар Иванович, вы же знаете, как я вас уважаю. Это капитан Грубек, этот низкий человек, спровоцировал меня на небольшое неосторожное высказывание. Но вы ведь знаете, как я вас уважаю, Макар Иванович!

— Ладно уж, прощаю обоих. Только на будущее учтите, что это настоящая государственная тайна. К тому же, закончить школу я так и не сумел. Выгнали из третьего класса. Как-то на урок закона божьего я принес уголовный кодекс и комментировал все притчи, читая вслух статьи, которые нарушали герои. Ну и беспредел творился в те времена, доложу я вам!

Не сговариваясь, мы с Вацлавом, как по команде, нырнули лицами в свои кружки и там уж отсмеялись вволю. Затем с серьезными лицами повернулись к экрану. Вацлав вытянулся по стойке «смирно» и с абсолютно серьезным ли-

цом — как будто это не он только что умирал со смеху, прикрывшись кружкой — отрапортовал:

— Капитан Вацлав Грубек докладывает начальнику земного восточного сектора Организации. Ваше задание выполнено. Крейсер приземлился на планете Деметра, где и находится в данный момент. Полет прошел штатно, команда на борту и на планете действует в пределах устава полевой службы. Агент Организации Андрей Карачаев доставлен на борт вверенного мне корабля. В настоящее время он готов доложить о своей деятельности на планете в течение последнего месяца. Первичный медицинский осмотр показал, что физическое и психическое (тут Вацлав сделал чуть заметную паузу и чувствительно ткнул меня носком ботинка по лодыжке) состояние агента — нормальное. Других происшествий не было.

Шеф многозначительно кивнул головой:

— Принято. Оставляйтесь на Деметре. Дальнейшие инструкции получите позже.

Макар Иванович повернулся ко мне. Я стоял по стойке «смирно» рядом с Вацлавом и чувствовал себя очень неловко в мятном корабельном комбинезоне с чужого плеча.

— Давай уж садись. Все равно так лихо, как у Вацлава, у тебя не получится.

Мой доклад занял не менее часа. Закончил я его следующими словами:

— Само расследование заняло не так много времени. Однако потом меня попытались изолировать, и мне понадобился целый месяц, чтобы выбраться с плантаций и связаться с вами.

Шеф кивнул головой:

— Принято. Сейчас закончу с твоим рапортом и отправлюсь за ордером на арест Бейлза. За ним и прежде водились грешки, но на этот раз он от меня не уйдет.

Он внимательно посмотрел на меня и неожиданно широко улыбнулся:

— Рад тебя видеть живым и невредимым, Андрюша. Я ведь уже готовил группу для твоего розыска. К счастью, пришла гиперграмма, которую послал твой приятель... не помню его имени.

— Джейсон! — воскликнул я. — Где он, что с ним? Вы смогли его разыскать?

— Джейсон никуда не пропадал, — недоуменно ответил мне Вацлав. — Он встречал нас на космодроме.

— А как он выглядел? — с тревогой спросил я. — Ему здорово досталось. Боюсь, что ему необходима срочная медицинская помощь.

— Не знаю, что уж с ним тут приключилось, но выглядит он прекрасно, — усмехнулся Грубек. — Если господину Джейсону и надо лечиться, то лишь от ожирения и развивающегося алкоголизма. Правда, даже в самом пьяном состоянии он прекрасно ладит со всеми.

— Да, это он умеет, — согласился я. — А где он сейчас?

— Здесь же, на корабле. Рвался встретить тебя, но я не решил. Так что он накрыл стол у себя в каюте и ждет тебя.

— А сам, небось, разминается красненьким по своему обыкновению, — понимающе добавил я.

Мне как-то сразу полегчало. У меня не было ни времени, ни возможности беспокоиться о судьбе моего напарника, и теперь я наконец вздохнул спокойно.

— Ну вот и все, — подвел итог Макар Иванович. — Андрей, сегодня можешь отдыхать, а завтра с утра сядешь за подробный письменный отчет. А вы, капитан, начинайте готовить земную колонию к эвакуации. Администрацию рудника и миссию ООП отправите отдельным транспортом напрямую на Землю в Интерпол. Наручники на них можете не надевать, но проследите, чтобы каюты на корабле запирались только снаружи.

Изображение шефа исчезло.

ГЛАВА 22

Закончив разговор с шефом, я не сразу отправился к Джейсону. Мне предстояло куда более важное дело.

— Вацлав, у меня к тебе большая просьба.

— Все что угодно. Ты сегодня именинник.

— Ты сказал, что отправлял за мной на остров свой катер. Ты можешь одолжить его мне еще для одной поездки?

— Не понял. Ты решил вернуться на остров? А, догадываюсь. Все эти дела настолько тебя утомили, что ты решил бросить мир и удалиться для размышлений и самосовершенствования в тиши! Тебе там так понравилось, что ты решил примкнуть к этой компании сумасшедших отшельников.

— Не издевайся, пожалуйста. Просто там остался один человек, которого мне срочно надо увидеть.

— Тогда понятно. Ты там не сидел без дела. И как же зовут очередную жертву твоего мужского обаяния?

— Вацлав, мне нужен катер.

— Не злись. Катер я тебе, конечно, выделю, только чуть позже. Сейчас здесь начнется такая суматоха, что мне понадобятся все люди и все средства. Чуть позже, может, через пару дней.

— Да она с ума сойдет от беспокойства за эти пару дней!

— Что, на этот раз все так серьезно?

Безопасная обстановка, окончание расследования плюс немного глинтвейна подействовали на меня размягчающе. Иначе я бы никогда не сказал этого.

— Знаешь, Вацлав, этот месяц на острове был, пожалуй, лучшим временем в моей жизни.

Вацлав сделал неопределенный жест и скорчил рожу, которая должна была изобразить одновременно удивление, восхищение, понимание и небольшую дозу зависти.

— Ничего, потерпишь. Почему бы тебе просто не позвонить ей и не предупредить, что ты задержишься здесь на пару дней? Тебе действительно есть чем заняться.

— Так с ними же нет связи!

— Связь мы уже установили. И оставили там вооруженную охрану на случай, если кто-то попытается замести следы. Они там в полной безопасности. А ты возьми коммуникационный браслет и привыкай снова к мысли, что в цивилизованном мире для того, чтобы поговорить с любимым человеком, совсем необязательно куда-то лететь или плыть. Можно просто позвонить.

С этими словами он протянул мне браслет. Я защелкнул его на запястье левой руки и наконец почувствовал, что вернулся.

Разговаривать с Ольгой при свидетелях я не собирался, поэтому, невнятно поблагодарив Вацлава, ринулся из каюты.

— Как зовут-то твою зазнобу? — едва успел крикнуть мне вслед Вацлав.

— Познакомлю при случае! — через плечо пообещал я и захлопнул за собой дверь.

Уточнив у дневального, где моя каюта, я заперся в ней и следующие полчаса провел за разговором с Ольгой. Это был один из тех сверхэмоциональных и малоинформативных разговоров, которыми обмениваются влюбленные, находясь на расстоянии. Боюсь, что, прочитав его дословный пересказ, читатель составит невыгодное представление о моих мыслительных способностях. Поэтому я, во-первых, не буду его приводить полностью. А во-вторых, предлагаю читателю самостоятельно вспомнить хотя бы один собственный подобный разговор и не требовать от меня невозможного.

Тем не менее, в результате общения на расстоянии я не только сумел успокоить Ольгу, которая, как обычно, в стрессовой ситуации металась от слез к радостному смеху, но и составил план наших дальнейших действий. Ольге предстояло подождать меня пару дней на острове. Так даже лучше. В ближайшее время остров будет для нее самым надежным убежищем. Когда первая суматоха на Деметре уляжется, я перевезу ее с острова на крейсер. Затем с ближайшим кораблем мы улетим на Землю.

Я не сказал ей еще об одной вещи, которую собирался сделать перед отлетом на Землю. Думаю, капитан Вацлав с радостью согласится провести церемонию. У него есть такое право: оно сохранялось еще со времен парусных морских судов и автоматически распространилось на капитанов дальнего космоса. В наше время им пользуются крайне редко. Тем красивее и неожиданнее будет выглядеть мое предложение Ольге. Вот только где достать кольца?

От размышлений меня оторвал звонок браслета. Ну все, я вернулся в родное цивилизованное общество и должен снова привыкать к мысли, что эта сволочь всегда будет звонить в самое неподходящее время.

— Эндри, это нечестно. Ты ушел от Вацлава полчаса тому назад. У меня же все стынет!

Джейсон был в своем репертуаре. Его голографическое изображение висело передо мной и с упреком рассуждало о тяжелой судьбе и о том, что он устал ждать старого друга.

— Я с таким трудом вытащил тебя из западни, а ты даже не удосужился сказать мне спасибо. Я сижу и жду, а ты вместо благодарности где-то бегаешь.

Меня вообще-то трудно удивить или застать врасплох. Но сейчас Джейсону это удалось.

— Джейсон, я, конечно, рад тебя видеть в добром здравии и все такое, но при чем тут благодарность?

— Так ведь это же я вытащил тебя с острова. Освободил из плена, можно сказать!

От такой наглости я чуть не потерял дар речи. Слишком уж много эмоций я потратил сегодня, чтобы удивляться еще чему-то.

— По-моему, я удрал с острова самостоятельно. Тебе так не кажется?

— Ну, допустим. — Джейсон никогда не спорил по пустякам. — Но ведь крейсер-то я вызвал! Что ты на это скажешь?

— Ты вызвал крейсер?

— Ну, конечно! Три дня назад лично связался с Интерполом по номеру, который ты оставил.

— Джейсон, — медленно закипая, сказал я. — Скажи, пожалуйста, а почему только три дня назад, а не месяц тому назад?

— Ну, видишь ли, тут подвернулось одно дельце, — замялся Джейсон.

— Какое дельце? — зарычал я, жалея о невозможности схватить голографическое изображение за грудки и как следует встряхнуть.

— Мне нужно было время, чтобы закончить одну срочную финансовую операцию. К тому же, Элвис уверял, что ты в полной безопасности!

— Элвис! Конечно, Элвис! Где этот мерзавец? У меня к нему накопилось несколько вопросов.

— Э, видишь ли, Эндри, он куда-то улетел, как только узнал, что приземлился крейсер Интерпола. Бросил, не завершив, две крупные сделки, — сокрушенно развел руками Джейсон.

Я начал догадываться, в чем дело.

— Ладно, чучело, — сообщил я о своем решении. — Твое счастье, что мы говорим по телефону, и я не могу набить морду твоему изображению. А ведь так хотелось. Жди, через пару минут я буду у тебя.

Я дал отбой и вышел из каюты. Нехитрая комбинация Элвиса стала мне совершенно ясна. Мое предложение о покупке недвижимости перед эвакуацией планеты его очень заинтересовало. Однако ему нужно было время для реализации этого проекта. А я настаивал на немедленном вызове крейсера и очень мешал ему. Поэтому Элвис решил просто нейтрализовать меня на некоторое время. Прodelал он это, надо отдать ему должное, с блеском.

Ну что ж, сказал я себе, последняя загадка Деметры разгадана. Оставалось лишь уточнить детали. И главное, можно наконец отпраздновать окончание операции вместе с напарником.

Несмотря на приглашение, каюта Джейсона оказалась запертой изнутри.

— Эй, Джейсон, открывай, это я! — заорал я.

Некоторое время за дверью стояла тишина. Мне пришлось крикнуть еще раз, рискуя привлечь внимание дневального. На этот раз из-за двери послышались признаки жизни.

— Эндри?

— Ну конечно, я. Давай открывай, водка выдыхается!

— Эндри, скажи пожалуйста, — Джейсон по-прежнему говорил со мной из-за двери. — А как ты себя чувствуешь вообще? Как настроение?

— Да я вроде в порядке. А вот у тебя, парень, явно что-то с головой. Ты откроешь или нет? Что ты меня маринуешь в коридоре?

За дверью опять замолчали. Через некоторое время Джейсон неуверенно спросил:

— Эндри, а как насчет морды?

— Чьей морды? — недоуменно переспросил я.

— Моей,— кратко проинформировал меня Джейсон.— Ты собирался бить мне морду.

До меня наконец-то дошло, что парень здорово испугался после нашего разговора и всерьез беспокоится за состояние своего лица. Я громко расхохотался.

В ту же секунду дверь открылась, и я увидел стоявшего за ней Джейсона. Потасовка в Городе, насильственный прием наркотика и прочие приключения не оставили на его лице ни малейшего следа. Выглядел он как обычно, даже еще чуть-чуть поправился. Его добродушная простецкая физиономия сверкала улыбкой. Только глаза смотрели, как всегда, чуть более хитро и настороженно, чем хотелось ожидать от такого свойского парня.

Мы обнялись. Я уже не сердился на него. Единственное, что я позволил себе в отместку, это прижать толстяка чуть крепче, чем следовало при простом дружеском объятии. Даже если друзья не виделись целый месяц. Джейсон жалобно пискнул, и я поспешил освободить его. В конце концов, мне еще с ним водку пить.

— Так что так задержало тебя на Деметре? — спросил я. — Насколько я понимаю, Элвис решил не торопиться с отправкой гиперграммы на Землю, чтобы успеть скупить как можно больше домов в Старом Городе до объявления об эвакуации. Я угадал?

Джейсон огорченно кивнул.

— Понимаешь, я ведь не сразу узнал об этом. Я тоже выпил снотворное, а потом неделю провалялся в больнице. Оказывается, в сочетании с тканой снотворное дает страшный эффект. Господи, Эндри, я, кажется, никогда не смогу забыть ту жуть, которая мне мерещилась.

— Прости, я не знал. А как ты чувствуешь себя сейчас?

— Все в порядке. Элвис отправил меня в частную клинику. Ты знаешь, у них есть прекрасные врачи и новейшее оборудование.

— Ну да, для своих. И долго ты провалялся в больнице?

— Почти неделю. Потом вызвал Элвиса и первым делом спросил, где ты. Элвис передал мне твою записку.

— Мою записку? Я не писал тебе никаких записок.

— Я так и понял. В записке было сказано, что ты срочно улетаешь на новое задание, просишь меня не ждать на Деметре, а предлагаешь встретиться через пару месяцев на Земле.

— Чушь!

— Разумеется. Я понимал, что ты не мог улететь с Деметры, пока лично не встретишь крейсер. И потом, в любом случае ты бы связался со мной лично.

— Разумеется.

— Тогда я припер Элвиса к стенке и заставил рассказать все. Тут он мне и объяснил, что покупка недвижимости идет очень медленно, и он решил пока не отправлять гиперграмму. Я стал вытягивать из него подробности и понял, что тот подошел к вопросу чисто по-дилетантски и даже за год ничего не сумеет закончить. Я прочитал ему короткую лекцию о том, как следует вести подобного рода операции, и убедил подписать контракт о совместных действиях.

— Контракт о совместных действиях? — не веря своим ушам, переспросил я.

— Ну, конечно. Я же не мог пропустить мимо такое событие.

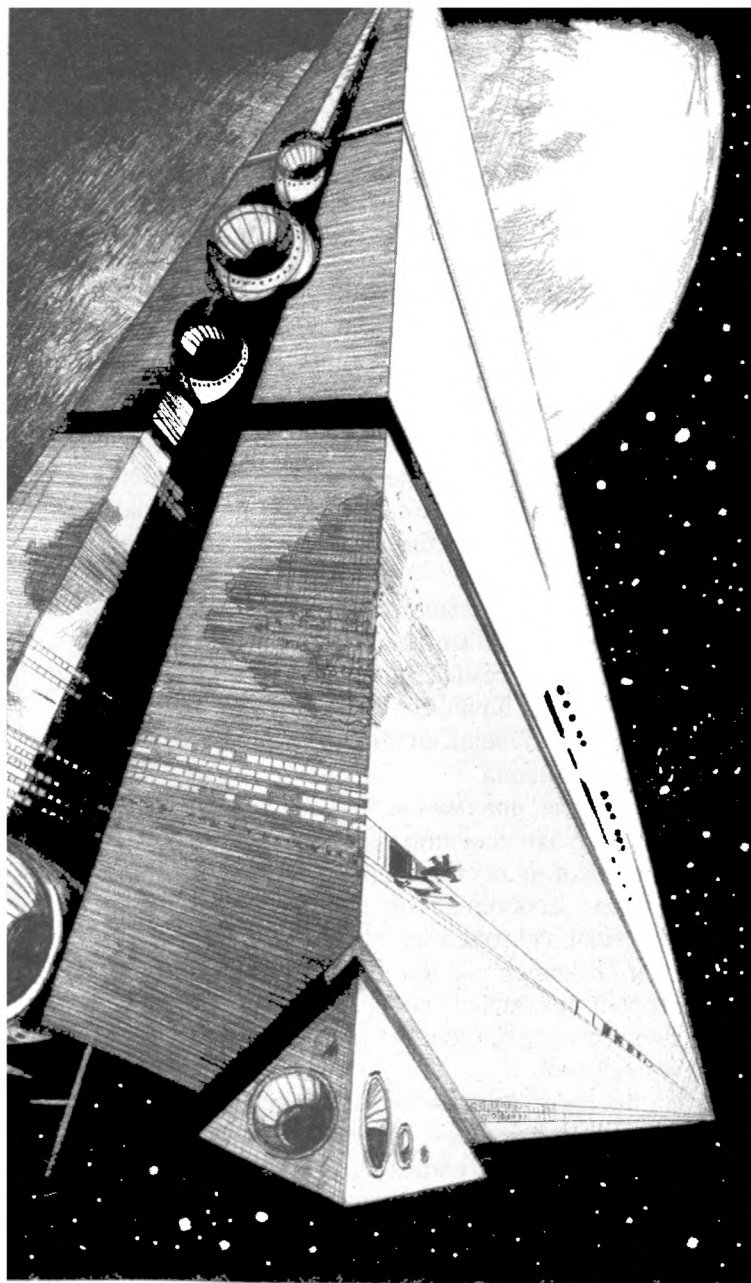
— И ты, забыв про все, бросился скупать недвижимость на Деметре?

— Ну, во-первых, я сначала поинтересовался, где ты. А когда Элвис уверил меня, что ты в полной безопасности, я решил что это и к лучшему. Ведь формально ты не имел права допустить, чтобы мы тянули с отправкой гиперграммы. А так все получилось замечательно. Я стал владельцем половины Старого Города.

Повисла пауза. Джейсон поежился под моим взглядом. Ладно, прошлое не вернуть, а бизнесмена не переделать.

— А вы здорово спелись с Элвисом, — только и сказал я.

Затем выпил большую рюмку самой крепкой водки, которую только смог разыскать в батарее, заготовленной Джейсоном, и замолчал. Я сидел и, не вникая в подробности, слушал, как Джейсон взахлеб рассказывает о подставных конторах по торговле недвижимостью, о том, как он распускал ложные слухи, стравливал между собой конкурентов, и прочих головолом-

ных операциях. Я смотрел на него и думал, что мой приятель в конечном итоге получил свое приключение. Острое, опасное и интереснейшее приключение в своем финансовом мире, где он чувствовал себя как рыба в воде. Вернее уж сказать: как голодная акула в стае ленивой откормленной сельди.

— Эндри, ты же меня совсем не слушаешь,— вдруг произнес Джейсон.

— Извини, задумался. Так о чем ты говорил?

— Я сказал, что хочу сделать тебе небольшой свадебный подарок.

— Свадебный... что? Господи, только не это! Откуда тебе известно? Я ведь еще даже не сделал предложение невесте!

— Деметра — планета маленькая, Эндри. А отец Евлампий — человек мудрый и наблюдательный. Я вчера разговаривал с ним, когда искал тебя,— как бы оправдываясь, объяснил Джейсон.

Я усталился на небольшой, красочно оформленный буклет, лежавший передо мной на столе. Свадебное путешествие на Эльдорадо, самый дорогой и престижный курорт в Галактике! Путевка в рай для двоих.

— Эй, ты так и будешь сидеть? — оторвал меня от созерцания голос Джейсона.

А в самом деле, подумал я, что следует делать человеку, который только что успешно закончил одно из самых сложных расследований за свою карьеру, спас население целой планеты, а сам освободился из рабства? Да еще собирается через пару дней жениться на лучшей девушке в мире?

Я поднял голову и увидел широко улыбающегося Джейсона, который протягивал мне полную рюмку.

— За счастливое окончание наших приключений на Деметре! — сказал он.

Я взял предложенную мне рюмку, церемонно чокнулся с Джейсоном и, не торопясь, со вкусом выпил. Закусил крошечным бутербродом со сложной, изобретенной лично Джейсоном начинкой и громко, от души рассмеялся.

*Август 2005 года
Израиль*

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	55
Глава 6	95
Глава 7	116
Глава 8	139
Глава 9	161
Глава 10	164
Глава 11	187
Глава 12	198
Глава 13	207
Глава 14	211
Глава 15	236
Глава 16	246
Глава 17	282
Глава 18	287
Глава 19	305
Глава 20	308
Глава 21	327
Глава 22	342

Литературно-художественное издание

Якубович Евгений

САНИТАРНЫЙ ИНСПЕКТОР

Редактор *С.П. Бондаренко*
Компьютерный дизайн *С.В. Шумилин*
Компьютерная верстка *В.А. Остренко*
Художник *А.Е. Дубовик*

Интернет-сайт автора — www.yakubovich.com

Подписано в печать 14.03.08. Формат 84x108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 3 000 экз. Заказ № 8234.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ООО «Издательство АСТ».
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96.
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Сталкер».
83114, Украина, г. Донецк, ул. Щорса, 108а

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству
предоставленных диапозитивов

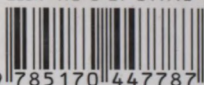
•

•

•

ISBN 978-5-17-044778-7

9 785170 447787

Для того чтобы спасти своего агента от неминуемого служебного расследования, начальник секретной службы отправляет его на отдаленную планету, где недавно произошло убийство двух детишек-инопланетян. Начальник считает командировку Эндри Каратаева отдыхом, но сотрудники Организации Объединенных Планет не дремлют...

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й